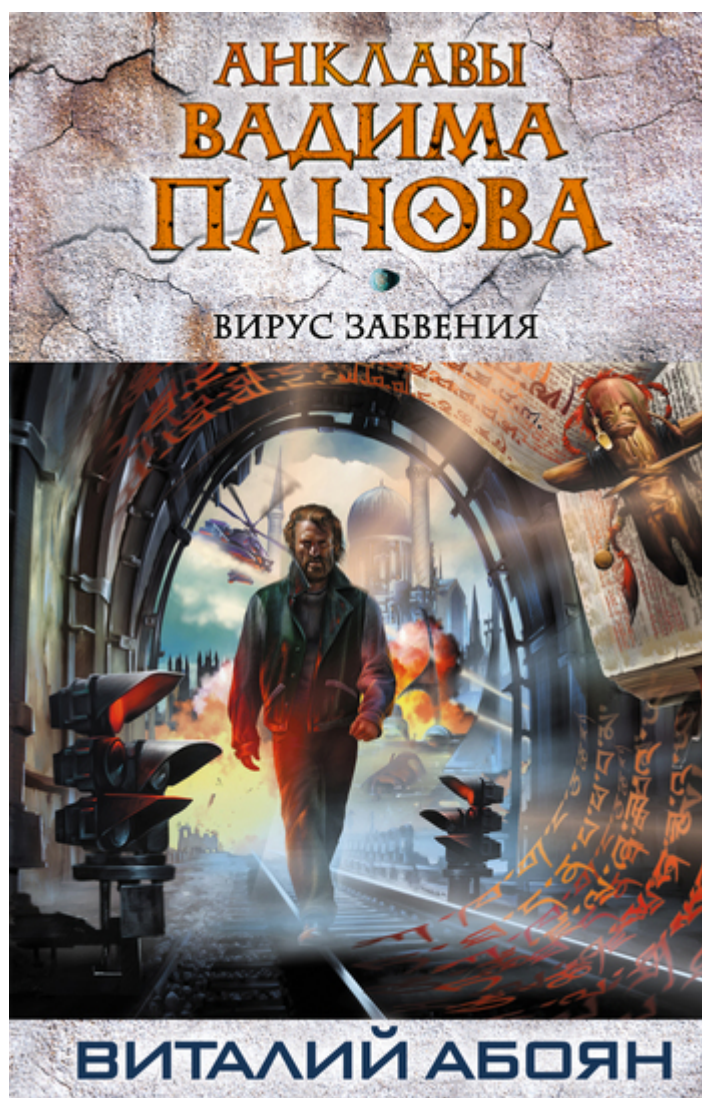

Виталий Эдуардович Абоян
Вирус забвения

Анклавы –

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465185
«Вирус забвения»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52656-7

Аннотация

Из прошлой жизни ему досталось лишь имя Лохлан Флетт и умение ловко орудовать ножом, а больше он не знал о себе ничего. Он нашел ее на Пустыре – в развалинах Храма Истинной Эволюции, неподалеку от тела убитого им уродца храмовников. Он рассчитывал на что-нибудь более ценное, но в сейфе из титанпласта оказалась лишь книга – фолиант в черной коже с текстом на непонятном языке. Но бесполезная находка открыла истинные причины кровавой вакханалии, воцарившейся на улицах Анклава Эдинбург, а Лохлану Флетту «посчастливилось» принять в беспорядках самое непосредственное участие. Впрочем, кого удивишь кровью в мире, разваливающимся на куски после Катастрофы? Только не Флетта. Он всегда готов ввязаться в драку, даже если это мятеж, поднятый Шотландцем Бойдом против некогда всемогущей Службы Безопасности Анклавов. И таинственные заклинания из черной книги тоже сослужили Лохлану Флетту свою службу. Вот только, кто знает:

хорошую или дурную?

Виталий Абоян Вирус забвения

Лишь почитая богов и
Храмы побежденных,
Спасутся победители.

Эсхил. Агамемнон

Люди забывают по необходимости, а не по желанию.
Мэтью Арнольдс

* * *

Комната чистая. Хорошо освещенная, даже слишком – яркий свет режет глаза. Электричество? Наверняка. Сколько сейчас времени? Лохлан машинально повел глазами вниз и влево, забыв, что «балалайка» уже давно не включалась и часы на наноэкране не отображаются. Но не в этот раз – светящиеся цифры тут же выплывают из небытия, сообщая хозяину наноэкрана одну из точек отсчета. Теперь хотя бы понятно, «когда», но все так же остается неведомым ответ на вопрос «где?». Рядом с цифрами времени уверенно застыла пиктограмма, оповещающая о том, что обнаружен сигнал сети. Что это за чудное место такое с электрическим светом – а ведь и светит ровно, не прыгает, словно мотылек над свечой в предсмертной судороге, – и работающей сетью?

Лохлан повертел головой, стараясь рассмотреть как можно больше из того, что его окружало. Стулья, стол, какие-то планшеты – все предметы проступали сквозь пелену яркого света, источник которого обнаружился прямо перед лицом. Обычная настольная лампа, только плафон почему-то повернут так, чтобы светить Лохлану в глаза.

Голова кружится и плохо соображает. Кажется, что после хорошей попойки, но память не отзывается – судя по всему, выпить здесь никто не предлагал.

Лохлан дернул рукой, намереваясь закрыть лицо ладонью, но предплечье вдруг наткнулось на твердое и холодное. Так и есть – на запястье правой руки надет «браслет» наручников. С другой стороны он пристегнут к подлокотнику кресла, в котором сидит Лохлан. Взгляд в сторону – одними глазами – левая рука тоже фиксирована.

– Вроде бы очнулся, – послышался голос из-за пелены света.

– Ты с дозой не ошибся? – спросил другой.

Оба говорящих – мужчины, но Лохлану никого не видно, они прячутся в полумраке.

– Нет, все нормально. Сейчас немного очухается, и можешь начинать.

Странно, с кем они разговаривают? Лохлан помотал головой, надеясь добиться от нее более связных мыслей, но достиг лишь приступа головокружения и тошноты.

– Я... х...р...то... – попытка начать разговор не увенчалась успехом. Во рту пересохло, язык прилип к небу и, казалось, распух, сделавшись ленивым и неповоротливым. – Пи-и-ить, – одними губами прошепестел Лохлан.

– Нормально все, – уверенно заявил тот, что предлагал начинать.

– Как ваше имя? – Второй голос говорил тихо и даже как-то устало.

Лохлану это показалось странным – он ожидал крика.

– Лохлан Флетт, – услышал он собственный голос еще до того, как понял, что вообще что-то сказал. Очень знакомое ощущение, вот только откуда?

Свет, бьющий в глаза, исчез так стремительно, что Лохлан на мгновение успел испугаться, что лишился зрения. Что-то с ним было не так, чувства обострились, будто

кто-то неведомый оголил все нервные окончания. И страшно хотелось пить. Невыносимо – наверное, так в аду черти мучают грешников.

– Что?.. – начал один из мужчин, сидевших за столом, но Лохлан не дал ему договорить.

– Пить!

Глаза начали привыкать к царившему в комнате полумраку. Мужчин было двое, и голосов – тоже, никто не наблюдал за беседой, все участвовали. Один крупный, с коротким ежиком волос соломенного цвета и в слегка блестящем костюме, усиленно тер массивный подбородок потной ладонью. На его лице написана высшая степень недовольства и нетерпения, он спешит и, похоже, не верит в успех. Знать бы еще – в успех чего.

Второй – полная противоположность первому: маленький, худой до болезненности, с тщательно уложенными темными (возможно, черными – в полумраке не разобрать) волосами, падающими на лоб, в черной рубашке с расстегнутым воротником. Его глаза неотрывно следили за Лохланом, за все время, что Флетт смотрел на него, темноволосый ни разу не моргнул, руки, подпирающие острый подбородок, оставались неподвижными. Он олицетворял собой интерес и внимание, ему, в отличие от напарника, как будто спешить было некуда.

– Дай ему воды, – несколько раз дернувшись, но так и не оторвав задницу от стула, сказал светловолосый здоровяк. – Пусть уже расскажет побыстрей и...

– Подожди, – так же тихо ответил темноволосый. Голос этого человека, казалось, начисто лишен эмоций. Черные, словно стволы «дыроделов», глаза продолжали держать на мушке Лохлана.

Что же так пить-то хочется? Сколько он уже здесь – по ощущениям, так пару дней маковой росинки во рту не держал, никак не меньше.

– Что вы делали на площади, перед Замком? – Казалось, что темноволосый не разговор ведет, а просто читает с глазных наноэкранов список вопросов, написанный кем-то другим.

Лохлан не успел подумать над ответом. Еще до того как в голове появились мысли и хоть какие-то связные воспоминания насчет площади, он услышал собственный голос, говорящий твердо и уверенно. Слова получались грубыми и резкими, но это, понял Лохлан, из-за того, что горло совсем пересохло.

– Просматривал сообщения.

– Какого рода сообщение вас интересовало? – Между полученным ответом и следующим вопросом не было даже секундной паузы.

– О покупке.

О какой покупке? Что он такое говорит? Лохлану стало не по себе. Возможно, если бы не так сильно хотелось пить, он смог бы оценить ситуацию, а так... Нет, пить хотелось просто невыносимо. Лохлан сглотнул, стараясь произвести это действие максимально шумно, чтобы разжалобить своих мучителей, но ничего не вышло – во рту не было ни капли слюны, и пересохшее горло лишь беззвучно дернулось, добавив неприятных ощущений.

– Вы покупали что-то?

– Продавал.

Покупал, продавал... Никакой разницы, сейчас Лохлан продал бы что угодно, лишь бы ему дали глоток воды.

– Что вы продавали?

– Книгу.

– Какую книгу?

Хороший вопрос. Что за книга могла у него быть? Лохлан вообще сомневался, что может иметь хоть малейшую причастность к торговле книгами. Но ведь он так сказал темноволосому, он сам сказал, что продавал книгу. Что, черт возьми, он такое мелет?

– Дай ему воды, – сказал темноволосый блондину.

Тот нетерпеливо вскочил, сделал пару шагов куда-то направо, в полумрак, полностью исчезнув из поля зрения Лохлана. Оттуда послышались звуки льющейся воды. Флетт весь обратился в слух, предвкушая, как в его растрескавшееся, словно пересушенная суховеем земля, горло польется то, что издает чарующие звуки.

– Как выглядела книга? – послышался голос, очень знакомый голос, Лохлан слышал его совсем недавно, но никак не мог вспомнить где. Он уже спрашивал про книгу.

– Небольшая, в черной матовой обложке...

Так и есть, этот голос говорил о воде, он приказал принести воду ему, Лохлану, а теперь Лохлан слышал, как какой-то монстр огромными жадными глотками пьет его воду. Ногти вонзились в подлокотники кресла, металлические браслеты впилась в кожу на запястьях. Какое это негодяй имел право выпить его воду, ведь голос обещал питье Лохлану?!

– Вы обещали воду мне! – выкрикнул Лохлан. – Пускай он отдаст ее!

– Как выглядела книга? – повторил вопрос голос. Флетт повернулся на звук и встретился глазами с худощавым темноволосым человеком. Да, это он, тот, что все время задавал вопросы, словно читал их с наноэкрана. Но в этот раз взгляд черных глаз изменился, в прищуре появилось недовольство, а в голосе нотки раздражения, вытеснившие безразличие и монотонность.

– Какая книга? – Лохлан искренне не понимал, что хочет от него этот человек, обещавший воду. Он искренне желал оказаться полезным, но о книге ничего не знал.

Темноволосый плотно сжал губы, глубоко вдохнул, будто намереваясь надуться, как рыба-еж, и резким движением повернул плафон лампы, снова направив свет в глаза Лохлану. Тот непроизвольно зажмурился, окончательно потеряв нить разговора.

– Я сказал дать воду ему, а не самому пить ее! – проорал знакомый голос из-за пелены яркого света.

Из ниоткуда появился пластиковый стаканчик, уткнувшись Лохлану в нос. Большие половины воды выплеснулось на лицо. Лохлан жадно облизнулся, а потом, поняв, что стакан убирать не будут, потянул зубами на себя мягкий пластиковый край и одним большим глотком втянул в себя содержимое.

– Что вы делали на площади? – Свет, бьющий в глаза, исчез, вместо него появилось узкое, худое лицо, обрамленное жиденькими темными волосами, и потный светловолосый здоровяк с бегающими глазками, остервенело трущий огромной ладонью квадратный подбородок.

– На какой площади? – спросил кто-то. Голос показался незнакомым, но Лохлан быстро понял, что говорил он сам.

– Что вы делали на площади возле Замка?

– Просматривал сообщения.

Да, он вспомнил. Теперь, когда пить уже хотелось не так сильно, Лохлан начал припоминать что-то о книге. Ведь именно о ней спрашивал этот темноволосый тип. Когда спрашивал? А впрочем, не важно. Книга действительно была. Но что Лохлан мог о ней рассказать? Этим, что прятались за ярким светом своей лампы, было видней – Лохлан уже начал догадываться, что происходит.

Он посмотрел вниз, на локтевой сгиб правой руки: там, на бледной и не очень чистой коже четко виднелась маленькая красная точка от укола. Ему ввели «открывалку», химию, сыворотку правды – называй как угодно, суть не изменится. Отвечая на вопросы, можно не думать, попытки что-либо утаить – бесполезны, мозг выдаст все, что хранится в памяти, развертывая логическую последовательность, соответствующую набору заданных вопросов. Теперь понятно, почему темноволосый смотрел так, будто читал с наноэкрана, – он и на самом деле читал. Тщательно разработанный психологами список, который должен вывести дознавателей на верный путь. Скорее всего этот темноволосый и был психологом. А потный, значит, дознаватель. А может, и нет. Похоже, у светловолосого опыта работы с «открывалкой» немного, вот и потеет – волнуется.

– Небольшая, в черной матовой обложке без надписей, – послушно отвечал на вопрос темноволосого Лохлан. Что самое интересное, для него рассказ о таинственной книге, которой интересовались эти совсем непростые господа, тоже был новостью – ни о какой книге он ничего не помнил. Но сомнений быть не могло, раз рассказывал, значит, знал, – бумажная.

Темноволосый изменил своей привычке не мигая смотреть прямо в глаза Лохлану, и повернул голову, бросив недоуменный взгляд на здоровяка.

– Кто автор этой книги? – Темноволосый немного запинался.

И глаза его выглядели как-то иначе, чем до того, – он перестал читать, это был экспромт. И, надо сказать, не самый удачный.

– Не знаю, – честно ответил Лохлан и почувствовал, как логическая цепочка, выстроенная в его голове серией «правильных» вопросов, начинает медленно, но неотвратимо рушиться: он снова не понимал, о какой книге идет речь. А ведь придется понять, эти господа так просто от него не отстанут.

Нет, Лохлан особенно не рвался уйти отсюда. Тем более, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что отсюда у него только один путь – на небеса. Или в небытие. Это кто чему большие верит. Но пока ему здесь даже отчасти нравилось. Нет, Лохлан не был извращенцем – разбитый рот (как били, он не помнил, но били, судя по всему, не так давно, потому что губы еще не очень хорошо слушались), пристегнутые наручниками руки, какая-то химическая дрянь в крови, которая выворачивала мозги наизнанку, – ничего из вышеприведенного списка не доставляло Лохлану удовольствия. Но здесь было тепло, здесь было электричество, и это означало только одно – в этом месте можно жить намного лучше, чем он жил раньше.

А вопрос его дальнейшего будущего... Лохлан во многом был человеком несведущим, но совершенно точно знал одно: если ты кому-то нужен, если можешь принести пользу, убивать тебя не будут. Так что ничего не остается, как попытаться понять самому, о какой книге идет речь. Куда она делась. И как сделать так, чтобы эти господа искали ее как можно дольше, не переставая остро нуждаться в услугах Лохлана.

Но чтобы понять, что привело к такому финалу, нужно вспомнить, с чего все начиналось. Уроки истории, так сказать...

Глава первая

Две недели назад

1

Провал открылся сам собой – подошва ботинка соскользнула в подмокнувшей грязи и, скатившись с невысокого пригорка, провалилась в небольшую, сантиметров сорок в диаметре, нору. Первым делом Лохлан так и подумал, что дыру в земле вырыла какая-нибудь опасная шерстистая тварь, одна из тех, что, по слухам, водились на Пустыре в изобилии. Но, резко ухнув в вязкую липкую грязь до колена, нога уперлась во что-то твердое, по всем признакам похожее на бетон.

Нож, измазанный в быстро подсыхающей крови, Лохлан Флетт аккуратно вытер об одежду убитого. Станный тип. Лохлан следил за ним несколько часов, выжидая, когда подвернется удачный момент, а человек сам решил все проблемы. Несчастный пробирался какими-то трущобами, вокруг была такая гниль, что Лохлан уже задумывался, не бросить ли это дело. Но когда вдруг из чахлах кустов показалась Гарри Лодер Роуд, которую тот тип уверенно пересек, даже не глянув по сторонам, стало ясно, что он просто нарывается на неприятности.

Этот район Эдинбурга пользовался дурной славой давно, еще до всех событий, превративших мир в большую помойку. Оно и не мудрено – за Гарри Лодер Роуд, точнее, за невысокой и теперь давно не стриженной полосой плотного колючего кустарника на той

стороне широкой улицы, начиналась территория корпорации Мутабор. Место, которое люди в здравом уме обходили стороной.

После того как Мутабор разгромили тритоны Сорок Два, а сами храмовники куда-то исчезли, территория опустела, но здесь не рисковали селиться даже самые опустившиеся бродяги. Поговаривали, что до сих пор в развалинах лабораторий храмовников сохранились какие-то страшные мутагены, превращающие людей в совершенно неопишущим монстров. Лохлан, как и многие, не верил в эти рассказы, но на Пустырь не ходил. Если бы кто-нибудь спросил, боится ли он появляться там, Лохлан с уверенностью ответил бы, что нет. Просто у него на земле исчезнувших храмовников не было никаких дел. Равно как не нашлось бы дел на той стороне Гарри Лодер Роуд и у остальных жителей Анклава.

А вот сегодня дела появились – его подопечный, ни секунды не сомневаясь, рванул на Пустырь.

Этот клиент не понравился Лохлану с самого начала. Невысокий, весь какой-то нескладный, в грязном темно-сером плаще, в который он кутался, как новорожденный в пеленки. Он вел себя подозрительно и даже вызывающе. Дважды подходил к Лохлану в булочной «У Креппи», заглядывал в лицо, как будто даже пытался заговорить. Только Лохлану совершенно не было нужды, чтобы кто-нибудь потом вспомнил, что видел их вместе. Порядка в Эдинбурге не было давно, но следить за ним пытались все кому не лень. И у кого все еще имелись патроны. Так что совершенно не стоило в сложившейся ситуации привлекать к себе внимание.

Тип в грязном плаще купил небольшую булку, свежую, с отрубями, расплатившись наличными. Повертел, с интересом рассматривая ее, будто видел хлеб впервые, но есть не стал, спрятал под плащом.

То, что это тот самый клиент, Лохлан понял, как только увидел его. Слишком уж необычный вид, ошибиться сложно. И место заказчик указал именно это – в переулке возле булочной «У Креппи». Лохлан ведь в лавку не за булками пошел. И листок на месте, там так и сказано, черным по белому, отпечатано на качественной белой бумаге. Понятно, заказчик – человек не бедный, у него проблем с бумагой, надо думать, нет. Вот непонятно только, чем ему перешел дорогу этот пришибленный. С булкой под плащом.

Лохлан засунул руку в карман куртки и сжал листок. Отсыревшая бумага была холодной и немного осклизлой. Странно, что размокла. Лохлан вытащил смятый листок – обычное вторсырье, какой-то обрывок с корявыми надписями, выведенными от руки. Повертел его так и этак. Нет, этот почерк Лохлану не разобрать. Написано на полях вокруг черной, немного размазанной рамки, внутри рамки – неопознаваемый фрагмент чего-то, скорее всего какой-то фотографии. Судя по аляповатости остатков картинки – реклама. Нет, это совсем не тот листок. Или?.. Конечно! Зачем заказчику подставляться? Лист со специальным нанопокрытием, которое благополучно растворилось, оставив в кармане Лохлана обрывок старой рекламы. Умно. А почерк знакомый, только вот все равно ни одного слова прочесть не удавалось.

Как бы то ни было, а – прости, брат, – ничего личного. Такая работа. Видать, здорово насолил кому-то бедолага, что этот кто-то расщедрился на кругленькую сумму за то, что могло произойти с подобным типом в любой момент и без чьего-то целенаправленного участия. В Эдинбурге, особенно в районе, по которому Лохлану пришлось идти за этим ненормальным, и в былые-то годы за здорово живешь можно было получить нож под ребро, а теперь... Теперь и нож портить не стали бы, так, арматурой по голове – и тело в море. Незачем экологию портить, и так мертвечиной чуть не в каждой подворотне воняет.

Лохлан спрятал нож и, выдернув ногу из внезапно образовавшегося провала, подошел к убитому. Тело лежало, неуклюже перекинувшись через высокий бордюр, уткнувшись лицом в рыхлую, раскисшую от влаги землю большого газона. Бывшего газона – одному богу известно, что здесь росло у храмовников, но сейчас из разворошенной подошвами ботинок земли торчали только космы перепутавшейся пожелтевшей травы и мощные сухие стебли чего-то высокого.

Лохлан толкнул ногой тело – убитый оказался неожиданно легким. Он и сразу показался Лохлану невысоким и худым, но то, что он увидел под открывшимися полами плаща, было почти крайней степенью истощения. Скорченными костистыми пальцами убитый сжимал дыру на животе, чуть левее солнечного сплетения. Рухнул, как подкошенный, хватило одного удара – сомневаться не приходится, острое, немного загнутое вверх лезвие ножа Лохлана без усилий распоролло аорту.

Убийца перевел взгляд на лицо жертвы и невольно отшатнулся. Рот приоткрыт, на тонкой нижней губе капля слюны, смешавшейся с грязью, медленно стекает по подбородку. Лицо такое же худое, но глаза... Огромные глазные яблоки, казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц, едва удерживаемые полуприкрытыми, уже посиневшими веками. Голова убитого странной угловатой формы, как будто надутая изнутри. Особенно это заметно в области лба, на висках. словно вдруг раздувшийся мозг норовил вырваться наружу через все возможные отверстия в черепе. Лохлан шумно сглотнул, подавляя приступ тошноты, и, перевернув ногой труп лицом вниз, шагнул назад. С такой рожей только на пустырь Мутабор и дорога. На храмовника этот тип не особенно похож, хотя что-то от Истинной Эволюции в нем однозначно есть. А когда он был живой – ведь он же заглядывал в лицо своему будущему убийце в булочной, словно поздороваться хотел, – эти несуразности с лицом как-то не бросались в глаза.

Впереди, ближе к заливу, здания на Пустыре сохранились лучше. На востоке из размытых туманной дымкой серых бетонных развалин какого-то довольно внушительных размеров строения тонкой трепещущей струйкой в низкое свинцовое небо поднимался черный дым. Не иначе там кто-то жил. Поговаривали, что жить здесь могут только мутанты.

Не спуская глаз с черного, размытого расстоянием столба, Лохлан шагнул назад. Боль пронзила голеностопный сустав, Флетт взмахнул руками, потеряв равновесие, и плюхнулся на задницу в лужу грязи. Штаны были безнадежно испорчены. Но это лучше, чем сломать ногу – несмотря на боль в лодыжке, кости и связки, судя по всему, остались целы. А штаны обсохнут, ничего страшного.

Нога снова провалилась в ту самую нору. Нет, здесь определенно что-то было. И только теперь Флетт догадался, что тощий с выпученными глазами шел именно сюда. Что там, в этой норе?

Лохлан осторожно освободил ступню и заглянул в образовавшуюся дыру. Сверху – утопанная грязь, какой-то мусор, осколки бетона и кирпича: судя по бетонному монолиту сбоку, раньше это место располагалось внутри здания, у самой стены. До того, как тритоны Сорок Два разгромили территорию Мутабор, камня на камне не оставив от приграничных форпостов.

Аккуратно разгребая осколки и грязь, Лохлан добрался до того, что скрывалось под ними. В небольшом углублении в бетонном основании здания стоял металлический ящик, с полметра длиной. Стенки ящика сильно поцарапаны, но на темной поверхности ни одной вмятины. Лохлан провел рукой по шершавому боку сейфа – титапласт. Прочная штука, такую не взломаешь запросто, как какую-нибудь китайскую консервную банку. Он потер прочную броню ладонью, счищая налипшую грязь, открылось клеймо. Так и есть – сделано в Баварском султанате.

Лохлан засунул руки по бокам сейфа, ухватился за какие-то выступы – наверное, петли и ручка задвижки – и потянул на себя. В спине тихонько хрустнуло и больно закололо, но сейф не сдвинулся ни на сантиметр. Даже не шелохнулся. Наверняка «пристрелен» к бетонному полу, а то и вообще – к толстой арматуре внутри его.

Точно, этот тощий шел к сейфу, не просто же так он забрался на Пустырь. И в этом месте он вряд ли оказался случайно: шел по Пустырю уверенно, словно по кварталу, в котором прожил всю жизнь. Лохлан вспомнил странное и страшное лицо убитого – может, здесь он и жил, кто его знает?

Удивительно, что такую ценную вещь, как сейф, что бы у него внутри ни лежало, до сих пор не утащили сталкеры, которые отваживались копаться на Пустыре. Сейчас они

почти не бывают здесь – все, что осталось от храмовников, давно извлекли из-под обломков. А раньше, особенно после землетрясения, многие надеялись найти на пепелище территории Мутабор что-нибудь полезное для жизни. Что-то находили, что-то удавалось продать на рынке, по слухам, некоторые вещи даже покупали корпорации. Но в основном сталкеры откапывали совершенно бесполезный или просто непонятный для обычного человека хлам. Но вот сейф... Странно, очень странно...

Лохлан посмотрел по сторонам – если вдруг сегодня сюда принесет кого-нибудь из этих сумасшедших охотников за тайнами Храма Истинной Эволюции, делиться с ними ценной находкой он совершенно не собирался, – и принялся откапывать сейф с той стороны, где предполагал найти дверцу. Сторону Лохлан определил правильно, и уже через полчаса к дверце титапластового сейфа можно было подступиться и даже открыть ее. При условии, что знаешь код.

Конечно, глупо было надеяться, что сейф оставили открытым. Кодовый замок – еще не самый худший вариант. Вот сканер отпечатков пальцев или какой-нибудь ДНК-замок – говорят, у храмовников такого добра было в изобилии – это взломать нереально. Только код тоже... Откуда у Лохлана могут быть мощности, чтобы взломать код сейфа, сделанного баварскими специалистами?

На панели вместо цифр или букв какие-то непонятные значки. Ясное дело – храмовники сами были не люди, и код у них тоже колдовскими знаками написан.

Лохлан аккуратно провел указательным пальцем по странным символам. Таких он никогда раньше не видел, но палец решил поспорить – ощущение очень знакомое. Откуда только? Лохлан, как ни напрягался, вспомнить не мог, чтобы ему где-то попадались похожие знаки.

Мягкие, едва ощутимые нажатия заставили проснуться маленькую цифровую машинку, упрятанную в недрах баварской титапластовой крепости. Каждый значок, к которому прикасался палец Лохлана, вспыхивал ярким алым огнем, словно уголь, раззадоренный невидимым ветром. Три символа, пять. После седьмого внутри сейфа тихо щелкнуло металлом о металл, и дверца приоткрылась.

Невероятно, он подобрал последовательность знаков в шифре! Лохлан отдернул руку и с удивлением посмотрел на собственные пальцы. Эти заскорузлые, ободренные грязные персты с обгрызенными и обломанными ногтями сотворили чудо? Нет, чудес не бывает. Есть случайность, теория вероятности. У каждого события во вселенной имеется своя вероятность. Пусть маленькая, но кто сказал, что этот единственный из миллионов шанс не мог выпасть сегодня?

Дверца открылась без единого скрипа, легко, словно перышко, – баварское производство. Стенки у сейфа толстые, сантиметров по пятнадцать, если не больше. Такие любой катаклизм выдержат.

Внутри было пусто. Чистые полки, два отделения, без единого намека на сказочные богатства, которые уже успела нарисовать фантазия Лохлана. Лишь небольшой твердый прямоугольник лежал точно по центру верхней полки.

Предмет не выглядел опасным, он казался знакомым, но пока Лохлан не мог вспомнить, что это такое. На ощупь прямоугольник оказался немного шершавым, толщиной в пару дюймов и неожиданно легким – не металл и не камень. И не пластик. Вытащив вещь наружу, в неверный свет сумерек, быстро тонущих в липком холодном тумане, Флетт присмотрелся: черная гладкая поверхность сверху и снизу и светлый, немного ребристый торец.

Внезапно нижняя часть прямоугольника выскользнула, и торец распался на целую кипу листов, разошедшихся веером. Лохлан вспомнил мгновенно – это была книга. Старинная, бумажная. Лет пятьдесят назад такими еще пользовались. Но теперь – откуда подобная архаика? Или храмовники не желали читать даже с экрана коммуникатора? Ведь «балалайками» они не пользовались принципиально.

На черной как смоль обложке не было никаких надписей. Ни нормальных, обычными

человеческими буквами, ни таинственных, выполненных символами наподобие тех, что открывали дверцу сейфа. Лохлан полистал страницы. Текст набран латиницей, но как-то странно. Флетт остановил взгляд на словах, с которых начиналась первая открытая наугад страница. «Quand ris uvb ain tasec miem plus stonion pergut...» Бессмыслица какая-то. На каком это языке? Лохлан медленно перечитал слова, но ни в одном из них так и не нашел смысла. Разве что знакомый «plus» выбивался из общего ряда абракадабры. А дальше? Лохлан открыл книгу на первой странице. Напрягая зрение в стремительно сгущающемся мраке подступающей ночи, он вчитывался в непонятные строки, безрезультатно пытаясь найти в странных словах тайный смысл.

Когда он решил бросить это неблагоприятное занятие, небо совсем потемнело. Вечером особенно ощущалось то, что мир переменялся. Слишком велика была разница между тем, бурлящим, светящимся всеми цветами неоновых радуг миром Анклавов и этим – темным и мрачным, словно позабытое Средневековье. И здесь, на Пустыре, эта разница была еще более заметна: если в Эдинбурге все-таки имелись хоть какие-то островки света, то тут, на пепелище храма Истинной Эволюции, тьма царила первозданная. Первобытная тут была тьма, пугающая бездной опасностей, притаившихся в невидимых закоулках опустившейся на развалины ночи. Здесь сразу ощущалось, что человек – животное дневное. Откуда-то из давно позабытых уголков сознания выползали страхи, давно утраченные современным homo sapiens, страхи добычи, за века владения планетой возмнившей себя хищником.

Лохлан торопливо спрятал книгу во внутренний карман куртки, засыпал яму, на дне которой стоял открытый им сейф. Секунду подумал и, сбивая пальцы об острые осколки бетона, освободил оставшуюся открытой дверцу, чтобы захлопнуть – пускай следующий, кому посчастливится найти этот сейф, помучается, прежде чем узнать, что здесь уже побывал Лохлан. Все, теперь вроде никаких следов не осталось. Только труп, кучкой грязного тряпья лежащий в нескольких метрах отсюда. Но это ничего – все знали, что на Пустырь забредают только выжившие из ума бродяги, а этот «красавчик» без всяких натяжек тянул именно на такого. Так что никого особо не удивит, что подобный тип закончил свои дни на помойке, оставшейся от храмовников.

Книгу обязательно нужно спрятать, не стоит таскать ее с собой.

По Гарри Лодер Роуд неспешно брели двое. Оба пьяные вдрызг. Лохлану, перемахнувшему через разросшуюся живую изгородь бывших владений Мутабор, прятаться смысла не было – его все равно уже заметили. Флетт замер, потянувшись к ножу, совсем недавно упокоившему странного человека на Пустыре, но остановился: послышались голоса.

– Твою мать! – выкрикнул один из прохожих. – Смотри, мутанты из храмовничьего логова лезут!

Голос бродяги срывался на визг, было ясно как день, что он напуган до крайности.

– Где, где? – послышался второй голос.

– Вон, там, у ограды. Стоит, пялится. Бежим!

Послышались быстро удаляющиеся шаги. Второй бродяга постоял несколько секунд, бросил вслед товарищу что-то вроде «пить меньше надо» и припустил следом. Лохлан довольно улыбнулся. Нож не понадобился. К счастью – убивать сегодня Флетт больше никого не хотел.

Лучшим местом, где можно спрятать книгу, вне всякого сомнения, была территория Мутабор, Пустырь. Но возвращаться туда Лохлан не желал ни под каким предлогом. Так что придется искать схрон в цивилизованных местах.

Он опустил глаза и обнаружил в правой руке отсыревший листок, который обычно лежал в кармане куртки. И зачем он достал этот клочок? Взгляд упал на надписи, выведенные корявыми рукописными буквами.

стекло, мутноватое виски... Город, раскинувшийся за треснувшим витринным окном кафе, тоже выглядел мутноватым. Впрочем, он таким был и без виски.

– Вот, – Элиот тыкал грязным пальцем в сторону окна, – вот это и есть современный мир. Тут у нас, говорят, не самый худший вариант.

– Все восстановят, – не прекращая созерцание самогона под названием виски, сказал Лохлан.

Элиот усмехнулся. Посмотрел на приятеля внимательным взглядом, словно видел его впервые, и рассмеялся в голос.

– Ты что, до сих пор не понял, что мир откинул копыта? – не переставая хихикать, спросил он. – Никто не будет ничего восстанавливать. Нечего восстанавливать, реанимация не поможет, труп уже начал разлагаться. Оглянись: на что похож нынешний Эдинбург? Это все останки, брат, недоеденная падальщиками мироздания плоть. Вот это мясо, – он постучал пальцем по исцарапанной столешнице пластикового стола, – сгниет быстро, но кости еще останутся. Может, даже, хех, окаменеют. Станут пугать... да нет – пугаться-то уже будет некому.

Лохлан оторвался от своего занятия, перевел взгляд на смеющегося Элиота – ничего смешного в словах приятеля он не видел – и залпом выпил дерущее горло пойло. Внутри потеплело. Только виски и греет. Туманный Альбион и на самом деле был туманным, а теперь еще добавился пепел, прилетевший из раскуроченной вулканами Исландии. Только раньше это так не бросалось в глаза, когда даже в самом дрянном захолустье работало центральное отопление. Теперь здесь, на окраине, можно согреться только у костра. Да и то – костер тоже был редкостью: деревьев и до Катастрофы почти не было, так что жгли все, что удавалось найти, в основном вытащенный из развалин совсем уж бесполезный хлам.

Прав Элиот, сто раз прав. Мир мертв. Человек в клинической смерти еще какое-то время живет, может быть, даже думает. Но это лишь отсрочка: мозг думает, кишки дергаются, пытаюсь освободить организм от дерьма, а сердце уже остановилось, оно больше не способно поддерживать жизнь.

Надо же, придумал – «падальщики мироздания». Раньше Лохлан за Элиотом такого не замечал. Хотя когда оно было, это раньше?

– Анклав-то стоит, – зачем-то сказал Лохлан. Ему не хотелось спорить, просто делать все равно было нечего. Отчего не послушать пустой треп Элиота?

– Боже, Лохлан! Да ты в окно посмотри, на улицу выйди, – Элиот поймал своего конька: о судьбах мира он мог говорить часами.

С Элиотом Каннингемом Лохлан познакомился пару недель назад. Или, может быть, немного больше – что-то последнее время память стала подводить. Этот полноватый, с копной спутанных светлых волос англичанин лет сорока пяти был завсегдатаем паба «Приют друида». Вроде бы именно здесь Лохлан и встретил его впервые.

Северные окраины Эдинбурга никогда не считались респектабельным районом. Соседство с портом ни в одном городе удачным не было. Сегодня от порта мало что осталось – Северное море имело не тот масштаб, чтобы породить волну, способную стереть Анклав с лица Земли, а залив Ферт-оф-Форт почти свел на нет невысокий водяной вал. Но хоть и небольшое цунами аккуратно вылизало все портовые и прибрежные районы. Если выйти на улицу и пройти два-три квартала на север, можно легко обнаружить границу, где волна потеряла свою разрушительную мощь и лишь легко прокатилась, затопив первые этажи зданий. Район, изобилующий всевозможными борделями и развлечениями – как законными, так и весьма сомнительными, – был разрушен почти полностью. Но на укладе жизни здешних мест это почти не сказалось – шлюх в развалинах, оставшихся там, без труда можно найти и сегодня.

Зона старых построек обрывалась резко, будто отрезанная острым ножом. Слишком заметна была разница между построенным до Катастрофы, и тем, что соорудили на территории, разрушенной цунами, нынешние бедняки. Большая часть портовой территории Анклава Эдинбург, издавна известная как Лейт, представляла собой покосившиеся старые

дома и выстроенные из хлама, оставшегося после отката цунами, лачуги. Только южная ее часть, примыкающая к Даун Тауну, сохранилась в почти первозданном виде.

Вообще-то понятие богатства ныне стало смазанным и не совсем понятным. Лохлан представил картину – сидит верхолаз на горе Корковаду у обломков статуи Иисуса, смотрит на облизанные морем и разломанные землетрясением скалы, которые когда-то были Анклавом Рио, и упивается собственным богатством. Теперь богатство у того, у кого есть ресурсы. Нефть – в первую очередь. Но и самое простое, то, что, казалось, завоевано навсегда и дается почти даром: еда, вода, электричество.

Фабрики, производящие синтетическую еду, без электричества встали. Все встало без электричества – нефти мало, практически вся техника на электричестве работает. Точнее – работала.

– Ньюингтон на месте, – таким же безразличным тоном проронил Лохлан, кивнув в сторону маячившей из-за невысокой крыши близлежащего дома «Иглы». Разумеется, прежний лоск небоскреба давно утратил, оброс какими-то платформами и пропеллерами, некоторые стекла разбиты. Это все Лохлан знал. Но отсюда «Игла» выглядела почти такой же, как пару лет назад, до того, как мир здорово встряхнуло.

– Там даже электричество кое-где есть, – противореча собственной точке зрения, уныло напомнил Элиот.

Да, в Даун Тауне электричество было. В ограниченном количестве, конечно, не везде и не всегда, но было. Окраины власти тоже иногда баловали подключениями. Лохлан подозревал, что делают это они специально, чтобы держать граждан Анклава в курсе событий – каждый раз, когда включалась сеть, информационные каналы вещали однотипную пропаганду с призывами и обещаниями.

В целом в Лейте положение было еще не самым худшим: с востока бывшая территория Мутабор, где почти никого не осталось, с юга – спокойный и респектабельный Даун Таун, на севере плескалось море. Только раскинувшийся на западе Punkground представлял какую-то опасность. Однако жителям Punkground, никогда не отличавшимся излишней учтивостью, куда выгоднее было совершать набеги на близлежащие территории Британского халифата, изобилующие полями и, соответственно, основной ценностью нынешнего мира – едой.

Нельзя сказать, чтобы деньги превратились в ничто. В Ньюингтоне или в Thunderhall они по-прежнему ценились. Да и Лохлан, живя в Лейте, не отказывался от случавшихся заработков, не особо разбирая, что приходится делать. Вот как, например, вчера.

Лохлан резким движением сунул руку в карман куртки – листок с обрывком рекламы все так же лежал там. Заказ он выполнил, а вот денег не видать. И как их забрать? Да и у кого? Лохлан почувствовал, как неприятный холодок пробежал между лопатками снизу вверх, оставив неприятное ощущение жара на лице. Он не помнил, о чем говорилось в контракте. Помнил только, что взял лист с «Callboard», что там значились какие-то координаты. А если честно – он и этого не помнил, просто понимал, что должно быть именно так. Лохлан аккуратно развернул скомканный листок – промокший обрывок с непонятными записями от руки на полях. Попытка прочесть, что там написано, опять ни к чему не привела – эти каракули перевести на нормальный человеческий язык Лохлан был не в силах.

– Что это там у тебя? – заинтересовался Элиот. Толстяк уже давно допил свое виски и был не прочь выпить еще, но, судя по всему, финансы не позволяли. Чем зарабатывал на жизнь Каннингем, Лохлан не знал, да и не было ему это интересно. Точно так же он не планировал рассказывать о собственных занятиях.

– Так, ничего, – ответил Лохлан и прикрыл измятую бумагу ладонью. Потом решил, что скрывать здесь все равно нечего, и показал листок Элиоту. – Ты можешь прочесть, что здесь написано?

Каннингем повертел рекламу, всматриваясь в полустертые надписи. Губы его шевелились, шепча что-то совершенно неразборчивое, он щурил глаза, отодвигался назад, рассматривая листок взглядом заправского художника. Потом Элиот вернул волглый лист

Лохлану.

– Флетт, зачем ты собираешь мусор? – На лице Каннингема легко читалось отвращение. Интересно, кем он был в прошлой жизни: вел себя Элиот вполне гармонично для Лейтовского антуража, но Лохлан замечал признаки того, что его приятель явно привык совсем к другому уровню комфорта.

– Это не... – а собственно, не рассказывать же ему о заказе.

Но как получить оплату? Лохлан никак не мог вспомнить, какие условия и места назывались в контракте. Тексту полагалось быть непрямым, только указания имени или внешности и место передачи денег. Или о чем там говорилось? Лохлан с силой сжал виски и потряс головой, словно надеясь, что это поможет вернуть провалившиеся в небытие воспоминания. Важные, черт возьми, воспоминания. Выходит, зря он того беднягу зарезал, за просто так бедолага сгинул.

Или не все так плохо? Наверняка стоило сходить на «Callboard», возможно, на этой бумажке ничего и не было написано об оплате. Так иногда делают – вторую часть контракта публикуют отдельно, чтобы не светиться. Риск, что тебя обманут, конечно, есть, но на самом деле мало кто кидает наемников – сегодня ты заказал, завтра тебя заказали.

Лохлан посмотрел на свое призрачное отражение в небольшом окошке паба. Темно-рыжие спутанные волосы, не очень длинная, но уже начавшая виться борода еще более яркого рыжего оттенка, лицо не очень чистое, глаза красные, не выпавшиеся, – в общем-то, нормальная внешность для мужчины средних лет. Но что-то в этой картинке Флетту не нравилось. Только он сам не мог понять что.

– Ты на «Callboard» сегодня ходил? – вдруг поинтересовался Элиот.

С чего бы это он? Или Лохлан что-то ему рассказывал? Флетт снова потер виски, но никаких воспоминаний об этом деле не возникло. Только вчерашний убиенный – страшный он был какой-то.

Нет, надо что-то делать с головой – Лохлан все чаще ловил себя на мысли, что не может вспомнить какие-нибудь события, происходившие буквально вчера. В основном это не особенно мешало, но бывали случаи... Как сегодня, например. Если он не вспомнит, что было в контракте, то не видать ему оплаты, как своих ушей. И чувствовать себя заказчик может вполне спокойно – Лохлан все равно не сможет найти того, о ком ничего не помнил.

– Нет, не ходил еще.

– Пойдешь?

Элиот что-то стремительно рисовал пальцем, формируя неровные линии из пролившихся на стол капель виски. Его лицо было опущено вниз, а глаза, пытливые и какие-то недобрые, исподлобья смотрели на Лохлана.

– Пойду.

– Ну так пойдем, – пропыхтел Каннингем, поднимаясь.

Сзади раздался голос бармена, предлагающий убратся, если больше ничего не собираются заказывать. Лохлан запоздало понял, что обращается тот к ним. Потому Элиот и засуетился.

Флетт порылся в кармане брюк, вытащил несколько скомканных бумажных евродинов и, бросив их на оставленные Элиотом деньги, поспешил следом за ним.

– Тебе зачем на «Callboard»? – спросил Лохлан, когда они вышли из паба.

Погода стояла омерзительная – уже третий или четвертый день кряду в воздухе висел крупный туман, проникающий во все щели в одежде, от него не было спасения. Спустя полчаса пребывания на улице одежда промокала насквозь, вплоть до белья. И туман этот был какой-то липкий, словно состоял не из воды, а из киселя или клея. Лохлан вспомнил, что частицы тумана имеют обыкновение накапливать в себе всяческую дрянь, тут же в памяти всплыли сведения о количестве атомных электростанций на территории Британского халифата, давших течь. Ненужная, в сущности, информация, лишняя и даже отвлекающая. Все равно ведь ничего с этими изотопами сделать, кроме как вдыхать, медленно убивая организм, Лохлан не мог. Но о радиации он помнил, а о вчерашней сделке – нет. Странно. И

самое странное, что Флетт не мог сказать, когда это с ним началось, когда память начала подводить.

– Работу искать, – Каннингем посмотрел на Лохлана с удивлением. Он вытащил руку из кармана – показался намотанный на ладонь красный шнурок, на конце которого что-то болталось. Элиот машинально погладил это, потом сбросил шнурок с пальцев и спрятал в карман.

Ну да, странный вопрос. Что же еще делать на «Callboard»? Разумеется, искать работу.

В какой-то мере спонтанно возникший «Callboard» заменял привычную сеть. Электричества не было – «балалайки» не фурычили. Точнее, сами чипы функционировали, но подключаться им было не к чему: сеть если где и работала, то в подавляющем большинстве мест вход в нее был открыт только для своих. Безы пытались уберечь информационные системы от перегрузки и, главное, от несанкционированного вторжения. Та сеть, что осталась в нынешнем умирающем мире, недоодеженном «падальщиками мироздания», как сказал Элиот, была слишком слабой и неустойчивой, чтобы позволить тритонам разрушать ее основы. Сеть работала в Даун Тауне, частично в Thunderhall и Университете, но пускали в нее только зарегистрированных пользователей, получивших допуск СБА – Службы Безопасности Анклава. Сеть, так же, как весь мир, теперь напоминала смертельно раненного коня, которого, вместо того чтобы добить и избавить от мучений, пытались перевязать и смазать йодом, тревожа переломанные кости и срывая успешную запечась на ранах кровь.

А «Callboard» – «Доска объявлений» – по сути, был именно тем, чем назывался. Территорию выбрали нейтральную и доступную всем. Во всяком случае, пока доступную – площадь перед Замок, самое сердце Анклава, практически у подножия «Солнечной иглы», штаб-квартиры Эдинбургского отделения СБА. Правда, недостаток энергообеспечения заставил безов перебраться на нижние этажи полуторакилометровой башни, а все основные службы перенести в Замок, закрыв его для посетителей. Как бы то ни было, такой статьи дохода Анклава, как «туризм», больше не существовало.

Лохлан мучительно вспоминал, что же он сам хотел сделать на «Callboard». Посмотреть, нет ли продолжения вчерашнего контракта – это он помнил. Но отчего-то это дело не казалось столь уже важным. Что-то еще он должен узнать на Доске объявлений.

С Лейт-стрит – широкой и прямой улицы – открывался отличный вид на Даун Таун. После Катастрофы мобили не ездили, и можно было идти прямо по проезжей части, не взбираясь на пешеходные уровни. Над головой серым, размытым туманом пятном маячил потолок второго уровня. Налево от бетонной ленты, нависая над колонной адмирала Нельсона, отвешивался спуск на основную магистраль Университета. Выше шел третий уровень, с которого раньше можно было попасть в некоторые из высотных зданий Даун Тауна, а теперь часть этих воздушных дорог рухнула сама по себе, другие, с разрешения властей, разрушили хозяева высоток. Оно и понятно – систем контроля посетителей больше не существовало, выше пятнадцатого, максимум – двадцатого этажа никто не поднимался, и дороги третьего уровня стали отличной лазейкой для грабителей и просто бродяг, устраивавших на опустевших уровнях небоскребов целые поселения. Лохлан вспомнил, как в прошлом году один из корпоративных центров дымился несколько дней, пока пожарным, наконец, не удалось локализовать огонь, выпущенный на свободу новыми обитателями высотки. После того случая власти и разрешили разрушить высотные трассы.

Сзади, почти потерявшись в тумане, осталась рухнувшая опора, упустившая северную часть второго и третьего уровней вниз. В самом Лейте большая часть Лейт-стрит имела только один уровень, да и тот был засыпан осколками разрушенной верхней дороги.

Справа, на Роуз, возвышался, быстро исчезая в низких тучах, «Великан» – самый большой отель Анклава, а прямо по курсу Лейт-стрит ныряла под основание «Солнечной иглы». Вход в подземелья СБА был закрыт: метрах в ста от «Иглы» широкую улицу перегораживали массивные бетонные блоки, по сторонам от которых в бронированных донжонах сидели безы. Из широких бойниц, позволяющих повернуть оружие в любую

сторону, торчали толстые стволы «ревунов».

На входе в Даун Таун предстояло пройти проверку – два унылых беза пропускали небольшую очередь через сканер. Наноскоп сегодня был выключен – то ли экономят, то ли очередные проблемы с сетью. Лохлан и Элиот послушно подставили затылки и закатали рукава, безы молча, без лишних движений, просканировали «балалайки» с «таблетками» и открыли проход. Двое бродяг опасности для СБА и корпоративных территорий не представляли.

– Перемещения ограничены, – сообщил один из безов, – только периметр Замка.

Оба послушно кивнули.

Мир вертится по воле верхолазов – так думали сами верхолазы, пока планета не вздрогнула. В Эдинбурге они думают так и сейчас. Даун Таун, Университет и Thunderhall охраняются со всей возможной тщательностью. Отследить каждого, входящего на корпоративные территории, теперь стало невозможно – во-первых, сеть работала не везде даже в местах обитания верхолазов, а во-вторых – пускали в нее не всех. Сеть тоже стала одной из корпоративных территорий. Так что о том, чтобы проследить за подозрительным типом по откликам его «балалайки» и по информации, снятой с уличных камер наблюдения, не могло быть и речи – мощностей у машинистов СБА заметно поубавилось. И уверенности в себе – тоже.

О прогулке по корпоративным территориям можно забыть. И раньше свобода передвижений в Анклаве была лишь фикцией, умело состряпанной видимостью, а теперь никто не пытался поддерживать даже видимость. Это раздражало. Нет, это вызывало понимание, никуда не денешься, по-другому теперь обеспечить хотя бы подобие безопасности было невозможно, но все равно раздражало.

Перед «Великаном» тянулся длинный ряд старых домов, накрытых многоуровневыми развязками. На первом этаже одного из них, немного покосившись и, разумеется, никакого неона, висела вывеска, возвещающая, что здесь располагается лавка «Книги от Брукхайма». Конечно же, книжной лавки, которую правильней было бы назвать антикварной, здесь давно не было – в большую часть старых зданий в Даун Тауне переселились из небоскребов те или иные конторы, входящие в структуру управления Анклавом. Да и кому сейчас могло прийти в голову отправиться за книгами?

Вот оно! Лохлан вспомнил, все вспомнил – и что было вчера, и что он хотел сделать на «Callboard». Книга! Та маленькая бумажная книга с напечатанными буквами, что складывались в непонятные слова. Он спрятал ее в Лейте, недалеко от Пустыря, где и нашел. Сейчас он даже мог вспомнить место, но память стала слишком ненадежной, чтобы доверять ей, – Лохлан собирался оставить на Доске объявлений сообщение о продаже книги. А потом нужно пополнить записи на полях того потрепанного листка, что лежал у него в правом кармане куртки. Чтобы не забыть.

Эпоха «балалаек» и незарегистрированных коммуникаторов осталась в прошлом. Жаль – электронная система была удобнее и надежнее. Теперь порыв ветра или какой-нибудь нерадивый пацан запросто могли сорвать оставленное сообщение, поэтому приходилось дублировать одно и то же несколько раз. Можно воспользоваться услугами платных дилеров, которые размещали объявления на электронных планшетах. Лохлан не знал, где они заряжают свои гаджеты, да и это не было ему интересно – все равно услуги информационных дилеров слишком дороги для него.

На «Callboard», как обычно, толпилось много народу. Даже ночью здесь были люди – площадь прилегала к Замку, в котором теперь разместился местный отряд СБА, и, несмотря на экономию, «Callboard» освещался тусклым светом ламп.

– Ты куда? – спросил Элиот, когда впереди показался подъем, ведущий к Центральной площади.

– Пойду осмотрюсь, – уклончиво ответил Лохлан.

«Callboard» порождает собственные правила – интересоваться причиной посещения Доски объявлений считалось дурным тоном, а попытка следить за действиями другого – как

минимум личным оскорблением, как максимум – поводом для применения оружия. Безы охраняли «Callboard», делали вид, что охраняли, но никогда не защищали тех, кто нарушил право на приватность сообщения. На самом деле безы, Лохлан был в этом уверен, сами по большей части вынюхивали и присматривались – безопасность Анклава превыше всего. Безопасность верхолазов и СБА.

– Ладно, тогда до встречи в «Приюте друида», – Каннингем махнул рукой на прощание и исчез в толпе, которая становилась плотнее с каждым шагом к изогнутой дугой по периметру площади «Доске объявлений».

– До встречи.

У входа на площадь стояло несколько навесов, под которыми разместились те, кто зарабатывал на информационном бизнесе. Системные администраторы нынешней сети – аренда письменных принадлежностей, для более «состоятельных» – распечатка объявлений, электронные планшеты, некоторые даже имели что-то вроде собственной сети с общей базой данных на несколько точек. Все, что могло стодиться в столь странном способе обмена информацией, искать нужные сообщения и предлагать свои услуги.

Лохлан думал, в каком виде лучше оставить объявление. Рукописный вариант надежней – никто посторонний не прочтет его, когда будет набирать и распечатывать на компьютере. Но, с другой стороны, автора можно вычислить по почерку.

Немного поразмыслив, Флетт пришел к выводу, что написанное от руки объявление все же предпочтительнее: оно меньше бросается в глаза, поскольку рукописные каракули сложнее прочесть, чем четкий, распечатанный на принтере текст. Да и поиски по почерку требуют траты ценной электроэнергии, компьютеров и времени, поэтому абы что проверять не будут.

Лохлан купил чистый лист и взял в аренду маркер, прикрепленный к металлической стойке навеса довольно толстой цепочкой. Цепочка тянула и мешала писать, но без нее хозяин канцелярских принадлежностей давно бы уже лишился своего инвентаря.

Немного подумав, Флетт аккуратно вывел на листе: «Продается книга. Бумажная. С Пустыря». Собственно, большего о книге он сообщить и не мог. Ничего, этого вполне достаточно, тот, кого может заинтересовать эта вещь, поймет, о чем идет речь. Далее Лохлан приписал длинный список, состоявший из букв и цифр – секции Доски объявлений, на которые покупателям нужно вывешивать свои предложения. Он намеренно указал несколько секций в разных концах «Доски», чтобы его сложнее было выследить.

Лохлан аккуратно разорвал лист на несколько небольших клочков и повторил текст на каждом из них. Потом спрятал листки в карман, вернул маркер хозяину и отправился к той части «Callboard», где размещалось все, что можно отнести к рубрике «Продаю».

Протискиваясь между людьми, Лохлан думал о том, что перед глазами мелькнуло что-то знакомое. Он видел такое совсем недавно и пытался вспомнить, что это. И тут его осенило – почерк! Его собственный почерк.

Тот текст, что был написан корявыми прыгающими буквами на полях влажного листка, который до сих пор лежал в кармане куртки, был написан им самим. Лохлан остановился, тут же получив тираду ругательств от воткнувшегося в него мужчины, и достал оба объявления. Чистое и четкое, которое он написал только что, и измятое, посеревшее, с начавшими расплзаться по влажной бумаге надписями – вчерашнее. Да, одна из надписей на полях определенно была написана его почерком. «bul godmo nut meequil six sabas», – значилось там. Или что-то очень похожее – Флетт не был уверен в правильности прочтения некоторых букв. Странная, не имеющая никакого смысла фраза. Когда он ее написал, и что бы это могло означать? Лохлан не знал. Он вспомнил, что нечто похожее было в той книге, которую он намеревался продать. Которая лежала...

Да, именно лежала, была надежно спрятана. Эта исковерканная фраза совершенно точно указывала на место расположения тайника. Вот только вспомнит ли он, что это означает, через пару дней? Скорее всего – да. Странные шутки играла с ним память – он плохо помнил о том, что всего сутки назад нашел какую-то книгу, но совершенно точно мог

назвать номер страницы, строку и место в строке, где была напечатана эта фраза в самой книге. Именно эти цифры и складывались в код, словно перстом указывающий на место, где хранился фолиант.

Лохлан прикрепил к «Доске» листки с объявлением, оставив один себе – чтобы не забыть о книге. Теперь предстояло просмотреть ту часть, где предлагалась работа. Специфическая работа, которую привык выполнять Лохлан.

3

Али Арчер усиленно тер виски, на которых с каждым днем прибавлялось седины, инеем разбавлявшей черные как смоль волосы. Хотелось хоть как-то разогнать сонливость. С шести утра на ногах, а перспектив разгрести сегодняшнюю кучу пока не видно. Стимуляторы имелись в запасе, но это на особый случай – по поводу простой житейской усталости тратить ценные препараты не полагалось. Только никакого просвета в этой житейской усталости не видно. Работы с каждым днем все больше, а результата... Какой может быть результат в разваливающемся на куски мире? Все равно что пытаться укрепить с помощью гвоздей приближающийся к экватору айсберг.

Аналитический отдел СБА. Трудлюбивые муравьи повседневности. Они тут всегда такие были – пыхтели в офисе, не поднимая головы, а слава доставалась оперативникам, обезвредившим особо опасных и устрашающе вооруженных типов, перехватившим крупную партию или вытащившим кого-нибудь из лап похитителей. Много бы они понавытаскивали без аналитического отдела. Даже в какую сторону направить свои «дыроделы», не знали бы.

Нет, Али не жаловался, ему нравилась его работа. Он был настоящим гением системного анализа. Ну, может быть, не гением, но как минимум – талантом. Одна беда – после всемирной катастрофы работы не стало меньше, но выполнять ее теперь не в пример сложнее. Арчеру не нравилось то, чему приходится отдавать девять десятых рабочего времени: разгребанию принесенных уличными осведомителями записок, описаний, объявлений, догадок и прочей сложно алгоритмизируемой информации. Он – мозг, разум, способный находить взаимосвязи и связывать совершенно разрозненные факты воедино. А приходилось часами разбирать какие-то грязные обрывки, вручную сравнивать факты, выбирать похожие почерки и сканировать все, что казалось подозрительным. На системный анализ времени почти не оставалось. Что тогда от него хочет руководство?! В таких условиях совершенно невозможно работать!

Сегодняшних данных с уличных камер хватило только на то, чтобы вычислить пацана, стащившего колбасу с витрины уважаемого супермаркета в Даун Тауне. Ложный след, промашки всегда случаются.

А вот в бумагах есть нечто поинтересней: «Продается книга. Бумажная. С Пустыря». Книга храмовников? Как-то сомнительно – никто никогда не видел ни одной книги, выпущенной Храмом Истинной Эволюции. Ни электронной, ни бумажной. Но, в любом случае, бумажная книга сама по себе ценность. Тем более если она на самом деле с Пустыря – коль скоро ее читали храмовники, значит, в ней есть что-то... необычное.

Но какое это может иметь отношение к безопасности Анклава? А какое отношение эта книга имеет к благосостоянию самого Али?

Арчер выглянул в окно. Офис аналитического отдела переселили с семьдесят шестого этажа на четвертый. Наверху теперь жизни нет, только ветер гуляет по опустевшим коридорам, да монтажники время от времени налаживают очередной ветряк. Сейчас с них толку – полное безветрие, туман висит над Анклавом, как приклеенный. И все в этом мерзком исландском пепле. Арчер несколько раз был наверху – ходили забирать оборудование. Каждый раз собирались, словно в поход в Альпы. Выше пятидесятого этажа было холодно: многие стекла лопнули во время толчков, а за торчащими в рамках осколками чинно мелькали лопасти ветряков. В офисах царил беспорядок, и все было покрыто темной, почти черной пылью. Али опасался, что кроме пепла здесь есть и радиоактивная пыль с юга.

Скорее всего так оно и было, но о средствах защиты никто не беспокоился.

Насосы работают еле-еле, и то непостоянно. Добрую сотню лет казавшиеся частью ландшафта небоскребы в одночасье превратились в настоящее издевательство над воздвигнувшими их людьми – попробуйте добраться на двухсотый этаж без лифта. И даже если вы вдруг окажетесь чемпионом в беге по бесконечной пожарной лестнице – что вы станете делать в офисе на том самом двухсотом, когда припрет сгонять в туалет? Без воды, которая туда, на двухсотый, без насосов ну никак не поднимется? Вот то-то и оно.

Когда трясло весь мир, в Эдинбурге толчки были несильные, четыре-пять баллов, не больше. Легкое землетрясенье. Ага – особенно на семьдесят шестом, который раскачивало, как травинку во время урагана. Арчер представил, каково было парням из административной верхушки, что обитали на двухсотом. Хотя какое ему дело до тех парней?

Дело ему было прежде всего до себя самого. Анклав умирал, и весь остальной мир – тоже. Арчер это мог оценить с достаточной степенью достоверности – просмотр мировых новостей в Даун Тауне не был такой уж проблемой, особенно если ты работаешь в СБА и имеешь полную аккредитацию на доступ в сеть Анклава.

Если честно пытаешься бороться с преступностью, лучший вариант, когда знаешь, что эта самая преступность предпримет в следующий момент. Системный анализ в этом очень помогал. Еще лучше помогали личные связи – Али получал регулярную дань от одной банды в Punkground, делая им поблажки. Начальник отдела был в доле и сам наверняка с кем-то там тоже делился. Так что преступность была под контролем – начальство закрывало глаза на побочные доходы сотрудников, которых само не могло обеспечить всем необходимым. А прирученный бандит лучше бандита дикого, он не станет лезть на рожон, ему совершенно не хочется потерять покровителей из «Иглы». Так что – каждый крутился, как мог. И Арчер не был исключением. Особенно если учесть, что дома его ждала Лейла – его девочка, маленькое беззащитное создание, которой приходилось каждый день оставаться одной с глубоко больной теткой и парализованным отцом Али.

Али вертел в руке объявление, снятое кем-то с «Доски объявлений». Может ли эта книга оказаться полезной? Бизнесу, который работал под прикрытием аналитика, это никак пригодиться не могло. Но не стоит ли заняться чем-то новым? Эмир соседней Шотландии, возможно, дорого бы дал за этот фолиант. Отчего бы не расширить, так сказать, ассортимент поставляемой в эмират продукции?

Одна беда – самостоятельно с этим не справиться, как минимум осведомители уже в курсе, и вся поступающая информация подлежит регистрации. Конечно, в неразберихе возросшей на несколько порядков бумажной канцелярии пропускались десятки документов, и порой довольно важных. Но где гарантия?

И потом, о покупке книги речи не идет – продавец однозначно запросит очень высокую цену. Здесь нужен более тонкий подход.

Вздохнув, Арчер отложил объявление о продаже в сторону – вполне можно подумать до завтра. Все-таки основная цель аналитического отдела – это предотвращение общественных беспорядков в Анклаве, попросту говоря – бунтов.

В кармане зазвонил коммуникатор. Незарегистрированный. Говорят, на черном рынке их можно купить и сейчас. Али не интересовался, но по всем признакам цены на подобный товар должны были сильно упасть – в условиях почти полного отсутствия сети это все равно что предлагать африканским туземцам шубы из натурального меха. У Арчера игрушка осталась с прежних времен. Тогда у него долго не хватало духу им воспользоваться. А сейчас... Сейчас просто не было другого выхода. Али улыбнулся, вспомнив Лейлу – свою десятилетнюю красавицу. Она должна пережить этот кошмар, она обязательно его переживет.

– Слушаю, – сухо сказал он, включив коммуникатор.

– У нас все готово, – так же без приветствия прозвучал оттуда голос. Видео тот, кто звонил, не включил. Это было сделано не столько из соображений конфиденциальности, сколько из экономии и так ограниченного трафика сети – чем больше данных передается,

тем скорее соединение привлечет внимание.

– Хорошо, запускайте.

– Но мы не можем!

Арчер скривился. Ему надоело ныть и постоянные требования, которые все чаще предъявлял этот проходимец. Он получил протекцию СБА, он получил на блюдецке своих пытающихся поднять нос конкурентов, он получил ресурсы. Что еще ему нужно?

– Что еще?

– Нас отрезали, мы не можем работать без электричества.

Арчер вздохнул. Ну где он им, скажите на милость, возьмет электричество?

– Хорошо, – ответил он, – я что-нибудь придумаю. Что по моему вопросу?

– Все нормально, – заверил Арчера собеседник. – Никто пасть не открывает.

– До связи, – сказал Арчер и дал отбой.

Нормально у них все! А вот системный анализ говорит, что не так уж и нормально. Обстановка в Punkground напряженная. Хотя она там всегда была напряженной.

По сведениям, поступавшим от осведомителей, установившееся относительное равновесие в Punkground грозило скоро закончиться. Уже второй год жители района, привыкшие к нищете, справлялись самостоятельно, совершая набеги на быстро выросшие в Британском халифате вокруг Анклава фермы. Окрестные фермеры, не готовые к стычкам с хорошо организованными бандами Punkground, были вынуждены уступить. Тех бандитов, что не знали меры – убивали фермеров и уничтожали их хозяйства, – давно поставили на место свои же. Место это, как правило, располагалось на дне Ферт-оф-Форта. В СБА тщательно следили за сохранением status quo, да и далеко не все бандиты были дураками.

Так было год назад. Но сейчас ситуация начала меняться: фермеры, измученные данью, которой обложила их эдинбургская «крыша», вели себя по-разному. Те, кто был послабее, бросали хозяйства и уходили в глубь халифата на поиски лучшей жизни. На их место приходили другие. Нормальный естественный отбор, не лучшим образом отражавшийся на ситуации в Анклаве, – фермеры сбивались в стаи и вытесняли банды со своих территорий.

Пока в Punkground относительно спокойно. Но все ближе время, когда придется решать вопрос с продовольствием, или бунта в самом беспокойном районе Эдинбурга не избежать.

Punkground всегда был неподконтрольной территорией Анклава. Даже до катастрофы на Станции безы без лишней надобности не заглядывали туда. Однако отсутствие контроля делало Punkground наиболее привлекательным районом для преступного бизнеса. Но обилие нечистой на руку публики и не самый интеллектуально развитый контингент привели к тому, что на этой территории не было ни одной реально сильной и влиятельной банды – власть как таковая никому не принадлежала. А это само по себе было неудобно: безвластие – первая причина беспорядков.

Но во всем есть свои плюсы – и в отсутствие сильной власти в Punkground, и в службе в СБА. К Арчеру стекалось много самой разнообразной информации, ему было, из чего выбирать. И он сделал ставку на одну молодую банду, проявлявшую интерес, как показалось аналитику, к более разумной политике. Прежде всего его подопечным хватило ума не ввязываться в совершенно бесперспективную сегодня торговлю «синдином».

«Синдин», как и остальные синтетические наркотики, традиционно продолжал считаться элитным направлением преступного бизнеса. Но сегодня «синдин» не пользовался особым спросом – сеть настолько фрагментирована, что тритонам просто физически нечего ломать, а простые наркоманы в большинстве своем превратились в нежизнеспособное отребье, их могло вынести только относительно благополучное общество, каким были Анклавы и крупные государства до аварии на Станции. Да и цена на наркотики взлетела выше всяких мыслимых пределов – слишком накладным стало их производство.

Али видел перспективы. Неплохие дивиденды приносил и бизнес, в котором аналитик подвизался еще до Катастрофы. В этом аспекте смущали только китайцы, прочно занявшие место предыдущей «крыши». Но сеть, хотя и не расширялась последнее время, была тем местом, куда стоило вкладывать. Арчер знал точно: машинисты, занявшие два из оставшихся

рабочих этажей «Солнечной иглы», работали круглосуточно, основание готовилось солидное, вопрос больше был за начальством, которое никак не решалось дать команду на запуск. А «синдин», с легкой руки Сорок Два, стал неотъемлемой частью сети. Но эти перспективы были ох как далеки, а жизнь продолжалась, она не хотела притормозить, подождав, когда наступит светлое завтра.

Все головорезы из банды со странным названием Джи45 были молодыми и наглыми. Самому старшему едва исполнилось двадцать пять, и Али, с высоты своих тридцати четырех лет и опыта аналитической работы, смотрел на них с легкой усмешкой и превосходством. Это не нравилось главарю Джи45, он повизгивал и распускал перья, как петушок-подросток перед спокойным и полным уверенности в себе матерым петухом. Этот Халиль, хоть и выглядел дурачком, прекрасно понимал, к чему клонит тощий тип, показавший пару распечаток и подробно объяснивший, как это сложить и чем подобное сложение грозит для Джи45. И еще он вполне догадывался, откуда этот тощий тип прибыл.

Конечно, личный визит в Punkground был авантюрой – Али могли пристрелить или зарезать в два счета, никто бы и не взглянул на жетон СБА. Но он рискнул и выиграл. Во всяком случае, пока все шло по его плану.

Для того чтобы стать хозяином банды, оказалось вполне достаточно всего лишь не складывать два и два, тем самым оставив банду Джи45 в живых в полном составе. Конечно, ребятам пришлось бросить ту ерунду, на которой они едва не попались, но в итоге теперь все довольны. Арчер никогда не шел наобум, он проверил все, что имелось в его архивах на Джи45, и пришел к выводу, что у ее главаря хватит мозгов не лезть на рожон.

Бизнес, которым предложил заниматься Али, был затратен, опасен, но прибылен. В грузовой порт, в его условно восстановленную часть, которая располагалась на границе между Punkground и Лейтом, иногда приходили танкеры с нефтью. Порт охранялся силами СБА, хорошо охранялся – дорожке нефти сейчас, наверное, ничего не было. Но в этом проекте имелось слишком много дыр, чтобы туда не мог попасть никто посторонний. Тем более если знать, где расположен черный ход, а где в заборе отходит доска.

Контроль сети за отгрузкой нефти велся, но постоянные сбои путали карты лучше, чем с этим могли бы справиться тритоны. Охрана – такие же люди, как сам Али, со своими проблемами и интересами. Кроме того, они были «свои». В общем, брешь в охране Арчер нашел довольно быстро, за пару недель. Система отгрузки нефти вообще не выдерживала никакой критики – по сути, ее спешно собрали из того, что подвернулось под руку, когда стало ясно, что без поставок нефти Анклав долго не протянет. Почти все портовое оборудование снесло пронесшимся по северному морю цунами, и даже Ферт-оф-Форт не смог спасти порт от разрушения.

В итоге общими усилиями система отгрузки приобрела дополнительную трубу, по которой часть нефти можно было отливать «налево» (Али подозревал, что подобная труба далеко не одна). Создать рукотворный «сбой» в сети было делом не самой сложной на сегодня техники.

На территории Джи45 организовали небольшой перегонный завод – топливо не самого высшего качества, но цену братва просила вполне конкурентоспособную. Но вот с электричеством была проблема. Включить ветку, хотя бы на время, идущую в тот район Punkground, возможно, но для этого требовались веские причины, придумать которые у Али как раз и не получалось.

Цистерна, под завязку заполненная черным золотом, хоть и спрятанная под землей, была слишком явной уликой. Тянуть нельзя, не один Арчер здесь умный, охотников быть в доле или просто выслужиться перед начальством найдется вдоволь. А с электричеством не получалось никак.

Был один вариант. Временный. Али снова включил незарегистрированный коммуникатор и набрал знакомый номер «балалайки». Ничего страшного, шифрования «в один конец» вполне достаточно.

– Это Стрелок, – представился он.

– Привет, Стрелок, – поздоровался с ним мужской голос. – У нас все прошло по плану.

– Я в курсе.

Машинист, сидевший двумя этажами ниже, не был знаком с Арчером лично. Он получал свою долю, и этого достаточно.

– Нам нужно электроснабжение, – кратко обрисовал ситуацию Али.

– Район?

– Грантон. – Скверно, очень скверно. Теперь игрок по имени Молли знает, где спрятано подпольное производство. Но другого выхода не было.

– Линия?

Разумеется, подключить питание на отдельно взятой линии проще, чем на целый район. Но раскрывать карты до такой степени Арчер не собирался – при подобной информированности подрядчиков поиски базы Джи45 сведутся к прочесыванию пары десятков кварталов.

– Какая линия? – Али сделал вид, что ему неизвестна система распределения энергии.

В ответ тихий смехок. Ну конечно, Молли сомневается, не того полета птица его подельник Стрелок, чтобы не понимать, о какой линии идет разговор. Арчер молчал.

– Значит, Грантон, – медленно, растягивая слова, констатировал Молли. – Один и три от предыдущей посылки.

Это была цена. Высокая, почти нереальная. Только отступить Арчеру теперь некуда, и Молли это прекрасно понимает.

– Идет, – Али постарался придать голосу уверенность.

Повисла тишина. Арчер знал, чем занят машинист. Догадывался – ищет дыру в программном обеспечении, чтобы состряпать сбой, не вызывающий подозрений. У них там все ходы на неделю вперед расписаны.

– Через две недели, среда, в два тридцать четыре после полудня. Подсчет расхода, поиск утечки, перезагрузка системы... у вас будет время до семи вечера. В лучшем случае – до полвосьмого. И не забудь о посылке.

Молли был готов дать информацию до оплаты – Арчер у него на крючке: в любой момент законопослушный и преданный делу СБА машинист мог «раскрыть» незаконную сделку. Али, возможно, в этом случае ничего не грозило, но бизнесу пришел бы конец. Нет никакой гарантии, что, получив деньги, Молли не сделает то же самое. Но риск, как известно, дело благородное.

Арчер оторвал от уха коммуникатор, подключил вторую линию и перевел деньги со своего счета из прошлой жизни. К счастью, не все офшорные зоны упокоились на дне океана – Арчеру повезло с выбором банка.

– Сделано, – сообщил он подельнику.

– Вижу, – ответил Молли и дал отбой.

Необходимости проверять счет не было – Арчер знал сумму наизусть. Еще осталось, но, черт возьми, очень мало! Скоро должна пройти поставка для эмира, но ведь это сущие крохи. И еще эти узкоглазые. Этого никак не хватит, он рассчитывал совсем на другую сумму. Кроме того, необходимо отстегнуть «процент» руководству. Отчетность липовая, готова давно. Но не стоит раздражать начальство – сумма тоже немаленькая.

Значит, все-таки книгой придется поинтересоваться. Вариант достаточно надежный, не требующий особых вложений. Если, конечно, продавец на самом деле так прост, как можно предположить из имеющихся данных. И не стоит забывать, что сама книга может оказаться пустышкой. Но если нет – он, Али Арчер, найдет способ ее пристроить с наибольшей выгодой.

Деньги значили в этой жизни все меньше. Грязная бумага, бездушные биты информации, замершие в сохранившихся носителях, – мифы старого мира. Тот ад, в который стремительно погружался мир в течение последнего года, расставил все по своим местам. Жизнь – вот главная ценность. Только далеко не все это поняли до сих пор. Что ж, есть еще время воспользоваться непонятливостью отдельных индивидов. А потом отправиться туда...

Арчер точно не знал, куда теперь можно отправиться. Но он был аналитиком, он работал в СБА, он умел сложить два и два. То, что выход из преисподней, получившей имя Земля, есть, он знал наверняка.

Али спрятал незарегистрированный коммуникатор и с «балалайки» позвонил коллеге. В следующем разговоре он не планировал говорить ничего криминального.

– Бэрд, у меня есть интересная информация, – сказал Арчер, не здороваясь. – Не хочешь зайти?

4

Юго-западная территория Эдинбурга, имеющая треугольную форму, упиралась вершиной в Даун Таун, а основанием лежала на мощной бетонной стене, окольцовывающей Анклав, и носила имя официальное Оксганс. Более известен этот район был под названием Скотланд-Ярд. Правда, к штаб-квартире Британского отделения Европола территория не имела ни малейшего отношения. Нетрудно догадаться, что подобное прозвище Оксганс получил из-за этнической группы, составляющей большинство жителей района. То есть – шотландцев. Как ни странно, но сами шотландцы предпочитали называть территорию Оксганс – именем, которое носил когда-то давно, в бытность столицей Шотландии, район старого Эдинбурга.

Скотланд-Ярд никогда не был территорией респектабельной, но это смотря с чем сравнивать – Punkground не зря носил не самое лицеприятное название, да и Лейт был местом куда более беспокойным.

В качестве главного офиса Бойд использовал старый торговый центр «Роял Скотс» – большое подковообразное здание, восемь этажей вверх и четыре под землю. По периметру, под широким стеклянным потолком, террасами спускающимся сверху вниз, до Катастрофы располагались сотни разнокалиберных бутиков и магазинчиков. По внешнему периметру – подороже, по внутреннему – более дешевые. Внутри, в центре подковы, все этажи занимала большая прямоугольная площадка, что-то вроде сцены, на которой в былые годы проводились разнообразные концерты и шоу. По сторонам от развлекательного комплекса тянулись этажи лишенных окон супермаркетов, рассчитанных на широкие слои населения. В целом здесь, в трехстах метрах от границы Анклава, размещать бутики, торгующие элитными брендами, никогда не было рентабельным бизнесом, в «Роял Скотс» приходили люди простые, в большинстве своем – жители Скотланд-Ярда.

Сегодня торговый центр утратил красоту и блеск. Не из-за устаревшего дизайна, просто слишком много стекол было разбито, а те, что остались, давно никто не мыл. На верхних этажах здания, лишенного электроснабжения, гулял промозглый ветер, медленно уничтожая то, что осталось от разграбленных полок и торговых залов. На первом и подземных этажах и сегодня велась торговля, но это уже скорее напоминало средневековый рынок, чем современный торговый центр. Хотя современный – как раз напоминало, но это не могло иметь ничего общего с торговым центром исчезнувшего год назад мира.

На нижних этажах жили люди. У некоторых из них были свои квартиры, но в Скотланд-Ярде большинство жилых домов насчитывали до тридцати этажей, а в условиях отсутствия простых и привычных благ цивилизации, которые, казалось, давно стали вещью само собой разумеющейся – электричества и водопровода, – жить выше десятого этажа было совершенно невозможно. Все сопутствующие удовольствия подобного общежития присутствовали в полной мере – грязь, вонь, ругань, воровство.

Но все равно, «Роял Скотс» считался местом надежным. Из-за Бойда.

Аласдер МакДональд предпочитал более громкое имя, которое носили представители самого могущественного и уважаемого клана старинной Шотландии – Бойд. Он неоднократно упоминал, что и сам имеет прямое отношение к лордам Килмарнока, но так ли это было на самом деле, никто не знал. Тем более что большинство из его окружения и слова-то такого – «Килмарнок» – никогда раньше не слышали. Но Бойда – или, как его еще

называли, Шотландца – в Скотланд-Ярде знали все, а при упоминании Аласдера МакДональда многие пожали бы плечами.

Бывшая концертная площадка – пространство тридцать на сорок и тридцать пять метров вверх, увенчанное стеклянным сводом, – была заставлена оборудованием, столами, какими-то лежанками и обычной домашней утварью. Части стекол в крыше не хватало, но дыры аккуратно закрыли пластиковыми заплатками. На возвышающейся с южной стороны площадки сцене, тоже заставленной какими-то тюками, досками и черт знает еще чем, растянутый в деревянной раме, висел немного поблекший тартан¹ древнего шотландского клана. Бойд выбирался отсюда редко, здесь он жил и работал. Сзади, за сценой, то и дело гремел дизель, поглощая драгоценную солярку. Агрегат запускали, когда Бойду требовалось электричество, а такое случалось часто. Средств не жалели – деньги, как известно, липнут к деньгам.

Сегодняшний день не был исключением.

– Давай, Лиса, родная, давай! – орал Бойд в ухо задумчивому существу довольно субтильного телосложения.

Вид парочка имела карикатурный: огромный, словно медведь, с густой копной светлых, торчащих во все стороны волос, Бойд мял мясистыми красными ладонями тощие плечи бритого наголо создания, с пробивающейся рыжей щетиной, остроносого, большеглазого и совершенно непохожего на шотландца. Несмотря на объятия, назвать действия Бойда сексуальными или интимными никак было нельзя.

О том, что перед Шотландцем сидела девушка, предположить было можно только по хрупкому телосложению, во всем остальном Лиса имела вид универсальный – бритая наголо голова, мешковатые темные брюки, большие темно-коричневые ботинки и куртка со множеством карманов, в материале которой опытный глаз легко распознал бы кевлайкру.

К «балалайке» Лисы тянулся тонкий проводок психопривода. Лысая голова девушки ритмично вздрагивала в такт движениям рук Бойда, но лицо оставалось бесстрастным, а глаза внимательно следили за происходящим на экране открытого «раллера». Лиса «давала», она была в мире Цифры, все остальное в данный момент ее не интересовало.

– Ну, ну? – Бойду не терпелось, он спешил.

Операция готова, люди на местах, каждый знает, что делать. Осталось последнее слово, которое должна сказать Лиса – поддержка в сети должна стать главным козырем.

Современный мир утратил былую зависимость от сети, «балалайки» сделались не более чем сувенирами, торчащими в затылках, анахронизмом, подобным наручным часам швейцарского производства – для того чтобы узнать точное время, всего полтора года назад эти побрякушки были не нужны совершенно. «Балалайки» не работали, сеть вещалась только на корпоративных территориях, которые безы защищали, словно последний оплот устоев своего мира. Да так, в сущности, и было – только синтетическая пища, производящаяся на двух продолжающих работать заводах в Thunderhall, позволяла верхолазам и СБА диктовать свои условия. Если и эти фабрики остановятся, Анклав вымрет в течение нескольких месяцев.

Обычные люди не понимали всех хитросплетений и интриг, которые вели политики. Они понимали простые вещи – бесплатный пакет трижды в неделю и пригодная для питья вода за доступные, чисто символические деньги. Конечно, смутьянов, считающих, что их безбожно обижают, намеренно остановив процесс на остальных пищевых фабриках, тоже хватало. Но для подобных экстремистов, неспособных объединить людей, боящихся потерять последнее, у безов пуль все еще хватало.

Бойд дураком не был. Он прекрасно понимал, что бунт – это не метод. Он видел выход только в одном направлении – объединение Анклава с окружающими его территориями

¹ **Тартан** – орнамент, состоящий из пересекающихся горизонтальных и вертикальных цветных полос, символизирует определенный шотландский клан или же район, где проживает большинство его представителей. Также тартаном называют шерстяную ткань с соответствующим рисунком.

Британского халифата. И этот проект казался тем более состоятельным, если принять во внимание, что вокруг жили преимущественно шотландцы. Настоящие шотландцы – не те, что ходят в мечеть в Глазго, топча древние земли клана Бойд.

Природа в этих краях довольно суровая, но там была земля. Почти пустая, та, о которой в Анклавах давно забыли, – не участок для строительства нового небоскреба, а место, где можно засеять зерно и посадить деревья, где можно пасти скот. Фабрики синтетической пищи ушли в прошлое.

Во всяком случае, на ближайшие годы, пока не удастся восстановить нормальное электроснабжение – восемь из сорока шести атомных станций, расположенных на территории Британского халифата, взорвались, превратив юг острова в радиоактивную пустыню, непригодную для жизни. Более двадцати из оставшихся, в основном на севере эмирата Шотландия, были настолько повреждены цунами, пришедшим после вулканической катастрофы в Исландии, что о скором их запуске не могло быть и речи. Эту информацию верхолазы предпочитали не сообщать жителям Анклава, ее выудила из сети Лиса.

А пищевая фабрика не может довольствоваться включением время от времени – исходное сырье, биомасса, из которой потом лепили все, что пожелаешь, щедро снабжая безвкусную серую пасту ароматизаторами и усилителями вкуса, быстро портилась. Даже непродолжительная пауза в производственном процессе требовала запуска пищевого фабрикатора с нуля. С полгода назад у Бойда была идея попытаться возобновить работу одной из пищевых фабрик в Скотланд-Ярде – до сих пор желудок сжимался в болезненном спазме при одном воспоминании об экскурсии туда: такой вони Бойд не ощущал никогда в жизни.

– Есть, файл открыт, – сообщила Лиса, и на лице девушки появилось бледное подобие улыбки.

– Что там? – Бойд подался вперед, почти уткнувшись носом в экран «раллера», но бегущие по темной поверхности столбцы белых цифр ему ни о чем не говорили. Основной поток информации транслировался прямо на «балалайку» Лисы.

– Пока не знаю. Но это уже большой прорыв – я внутри, и меня не видят.

Бойд отодвинулся от «раллера» и вообще – отошел от Лисы на пару шагов. Лицо его сделалось мрачным.

– Мне не нужно, чтобы тебя никто не видел. Мне нужно, чтобы я видел, что у них внутри, – сухо сообщил Шотландец. Он был недоволен. – И мне нужно, – Бойд сделал акцент на слове «мне», – чтобы сетью управляла ты. Хотя бы в течение тридцати минут.

– Пока это невозможно. Дай мне время, Бойд. Правильный взлом не делается за полдня!

Шотландец схватил какую-то утварь с соседнего стола и с силой швырнул ее на пол. В стороны полетели осколки.

– Ты мне это говоришь уже второй месяц! – заорал он.

Лиса сидела как ни в чем не бывало. Она привыкла к взбалмошному характеру Шотландца и знала, что ее, Лису, Бойд ни за что не променяет на целую дивизию уличных головорезов, которые время от времени теребили безов. Лиса была машинисткой, хорошей машинисткой, а не тритоном, годным лишь на одноразовый лихой налет, – Бойд это знал.

– Что с данными Сквирела? – спросил Бойд.

Лиса поморщилась, не отводя взгляда от экрана «раллера».

– Совсем ничего?

– Я пытаюсь использовать то, что он приносит, – объяснила ломщица, – но пока точно могу сказать только одну вещь – в СБА ему активно вешают лапшу на уши.

– Он же не может лезть...

– Я понимаю, – Лиса улыбнулась. – Ты спросил, я ответила, так?

– Так, – проворчал Шотландец. – Работай!

Тонкие пальцы Лисы быстро застучали по клавиатуре «раллера», которая издавала характерный звук – словно крабы жрали тушу издохшего кита. В «рабочем кабинете» Бойда

было тихо, если не считать тархтения дизеля, приглушенные звуки которого доносились через тонкую перегородку за сценой. Бойд настолько привык к этому гулу, что перестал его замечать.

Идея была хороша. Надо признать, она не принадлежала Бойду, но из этого могло многое получиться. Могло выйти и самое главное – Бойд не желал довольствоваться кусками, он хотел все.

Еще задолго до катастрофы на Станции Бойд сумел превратить свою банду, промышлявшую мелкой торговлей «синдином» и «крышеванием» бизнесменов мелкой и средней руки, в настоящий преступный клан. Правда, сам Шотландец свою деятельность преступной не считал. Подумаешь, его люди собирали дань с каждого, кто решил обзавестись бизнесом на территории Скотланд-Ярда. Чем, скажите на милость, лучше безы с их официальной оплатой охранных услуг? Бойд никогда не наглед, называя торговцам цену, а охрану его головорезы обеспечивали не хуже, чем СБА. Во многом – лучше: Шотландец никогда не разводил руками, если его ребята в чем-то не успевали. Все его «подопечные» были отомщены, а родственникам всегда выплачивалась компенсация. Так что платившие Бойду знали, за что отдают кровно заработанное.

Шотландец был сильным лидером и безжалостным бандитом – когда клан окреп, конкуренты по преступному бизнесу не смели показать носа без его разрешения. Но, вопреки представлениям многих обывателей, Бойд не был тупым мордоворотом. Точнее, мордоворотом он как раз был – природа наградила Аласдера МакДональда недюжинной силой и крепким телосложением, – но и умом он обижен не был. Великолепный стратег и бесстрашный воин – Бойд быстро стал негласным хозяином южных окраин Эдинбурга. О Шотландце Бойде слышали везде, уже несколько лет многие кланы Анклава прислушивались к его мнению и на рожон не лезли.

Бойд был реальной силой, и в СБА с ним тоже считались. Тем более сейчас, когда относительное спокойствие в Скотланд-Ярде держалось исключительно на авторитете Шотландца. Бойд заботился о своих людях, и ему верили. За ним готовы были пойти. И он был готов вести людей. С некоторых пор он четко уяснил, чего хочет от жизни, и видел свой путь как на ладони.

Но отправляться на верную гибель самому и вести на бойню своих людей Бойд не собирался. Он прекрасно понимал, что власть СБА – лишь вопрос доверия верхолазов, фактически владеющих Анклавом. СБА представляла собой реальную силу – «дыроделов» и «ревунов» у безов было все еще предостаточно. И патронов к ним – тоже.

Но путь оружия сегодня вел в тупик: Эдинбург всегда был и оставался самым продвинутым в научном отношении Анклавом, именно сюда много лет стекалась основная элита научного мира, так повелось еще со дня принятия «Положения об Анклавах». Эдинбург был колыбелью Анклавов, первой ласточкой, вызвавшей цепную реакцию по всему миру.

Ученые, работающие в Университете и в Thunderhall, искали альтернативные источники энергии. Пока все, что им удалось – это снижение энергозатрат и усовершенствование технологии ветряков, белесой техногенной порослью облепивших большинство небоскребов Анклава.

Этого было мало, но в Британском халифате, сильно пострадавшем от радиоактивного заражения южных территорий и цунами, обрушившегося на северное и западное побережья, надежды не было никакой. Европейский Исламский Союз передал официальные бразды правления в халифате лояльной к Эль-Парижу администрации Шеффилда. На деле, в условиях резкой ограниченности в коммуникациях и жесточайшего транспортного коллапса, власть Шеффилда была номинальной, и, по сути, каждый выживал как мог.

Эдинбург, сохранивший бо́льшую часть своих производственных мощностей, был единственной надеждой близлежащих городов Британского халифата на снабжение медикаментами и техникой, работающей на углеводородном топливе, да и сами поставки углеводородов были невозможны без эдинбургских нефтеперерабатывающих заводов –

дорого, но в условиях жесткой ограниченности электроэнергии незаменимо. Ради этого британцам приходилось делиться энергией – собственных электростанций Анклав не имел.

Таким образом, круг замыкался – основой существования Эдинбурга, как и прежде, оставались технологии. Тот, кто контролировал лаборатории и производства Thunderhall, тот владел всем Анклавом. И это наглядно продемонстрировали верхолазы директору Эдинбургского филиала СБА, когда часть производств была оккупирована вооруженными безами, – управление производствами оказалось заблокированным, и запустить процесс никто из персонала не смог. Допросы с пристрастием и применением химии не помогли: даже высшее руководство предприятий не знало, что происходит. А все было просто: верхолазы решили подстраховаться, и Морти Мортенсу, нынешнему хозяину «Солнечной иглы», популярно объяснили, что готовы сотрудничать, но на взаимовыгодных условиях – безы занимаются охраной, верхолазы решают, как жить дальше. Стороны договорились, и уже вечером производства снова заработали: коды доступа были введены доверенными лицами верхолазов. Где и как – до сих пор оставалось загадкой.

Инцидент замяли, широкой огласки события того дня не получили. Всем было выгодно сохранять устоявшийся status quo. Но Лисе удалось выудить информацию из сети. Отрывочные факты, но Бойд умел читать между строк.

Так вот, план Бойда был прост. Проста и очевидна была идея, но ее исполнение требовало невероятной виртуозности Лисы и слаженных действий всей команды. С командой все было в порядке – практически в каждом районе Анклава у Шотландца имелись преданные люди, каждый знал, что нужно делать, когда дадут указание. Но указания все не поступали – основные действия должны произойти в виртуальном мире, люди на местах – лишь «руки» сети, не более.

Бойд все продумал и просчитал. С подсказки одного умника, который внезапно куда-то исчез пару недель назад. Ему нужен был доступ в сеть Анклава, хотя бы на полчаса, а Лисе никак не удавалось его получить. Даже несмотря на данные, которые таскал от машинистов СБА Сквирел. Его удалось протолкнуть на наладку новой сети, которую затеяли в Анклаве безы.

Лиса утверждала, что в сегодняшнем обрубке, оставшемся от былой мощи сети, связывавшей самые отдаленные уголки земного шара, дыр хоть отбавляй. Только ломиться в явную, словно для того и созданную дыру означало мгновенный ответ безов. А прямого вооруженного столкновения с СБА, несмотря на всю мощь клана, Бойд не выдержал бы. И еще, нужно точно рассчитать время – факт, что после того, как новая сеть Мортенса начнет работу в полную силу, придется забыть об относительно простом взломе, был понятен даже далекому от мира цифры Бойду.

Лицо Лисы на мгновение сморщилось в недовольную гримасу, она легонько подергала проводок психопривода, пальцы нервно постучали по клавиатуре «раллера», после чего ломщица отключилась от сети и закрыла компьютер.

– Что? – с заранее умершей надеждой спросил Бойд.

Лиса мгновение помолчала, рассматривая царапины на крышке «раллера», потом подняла глаза и спокойным тоном ответила:

– Так невозможно работать. Я не могу ничего сделать, когда сеть постоянно виснет и сбоит.

Бойд с недовольной миной на лице отвернулся.

– Так сделай, чтобы не сбило. Ты же у нас компьютерный гений.

Лиса глазами показала на стеклянную крышу. Там были установлены антенны, которые сделала сама машинистка. Вся сложная конструкция питалась от дизеля, но мощности катастрофически не хватало.

– Мы слишком далеко, – сказала Лиса. – Ближайшая нормальная точка в Даун Тауне, а с нашим сигналом туда можно достать только при попутном ветре. Судя по всему, ветер теперь сменил направление.

– При чем здесь ветер?

– Это образное выражение, – объяснила ломщица. – Мне нужно нормальное подключение. С этим оборудованием можно сломать только коды доступа в сеть общего пользования. Я тебе загружу в «балалайку» – можешь сходить в Ньюингтон и посмотреть новости. Пока безы не проведут смену действующих паролей. А ничего более серьезного я из этой штуки не выжму.

Бойд недовольно покачал головой.

– Будет тебе подключение, работаем в этом направлении, – пообещал он.

Лиса пожала плечами.

– Тогда зови – я всегда готова, – сказала она, положив «раллер» в широкий карман куртки, и отключила дизель. Внезапно в пустом помещении повисла гулкая тишина. – Здесь все готово, осталось только загрузить это в сеть.

И снова все упиралось в технологии. Людям нечего жрать, а вопрос власти по-прежнему решала сеть и электричество. Даже если Бойд организует бесперебойное снабжение Анклава зерном и мясом, он станет всего лишь ведущим поставщиком. И то скорее всего ненадолго – охотников урвать кусок чужого бизнеса, держащих в руках технологии, хватало с избытком.

Был во всей этой затее один ненадежный момент – человек, предложивший идею Бойду. Нет, подробный план Шотландец разработал сам, обо всех тонкостях в курсе только Лиса – Бойд был не в силах оценить потенциал и возможности сетевого взлома. Но идею поступить именно таким образом дал совсем другой человек. Бойд был склонен ему доверять – парень этот шотландец до мозга костей. Но он исчез две недели назад, и пока никому не удавалось его найти. Если о намерениях Бойда известно СБА... Тогда клан уже проиграл.

Бойд поднял свою «балалайку» со стола, где ее оставила Лиса, и вставил в гнездо. А может быть, и на самом деле стоит прогуляться в Даун Таун, послушать новости, посмотреть на достопримечательности Анклава?

До блокпоста на Морнингсайд роуд доехали быстро – старый добрый внедорожник «Ауди Дромедер», укомплектованный мощным дизельным двигателем, не имел ни одного шанса застрять в пробке: пожалуй, сегодня автомобиль Бойда был единственным транспортным средством на широкой четырехполосной дороге. Много пафоса? Вне всякого сомнения. Но не ехать же хозяину Скотланд-Ярда на велосипеде.

На границе Ньюингтона, у блокпоста внедорожник все же пришлось оставить – даже для главаря клана скидок не делалось, передвижение по Даун Тауну разрешалось только пешком. Еще один повод с досадой плюнуть в придорожную пыль – верхолазы катались по корпоративным территориям на своих авто, ни у кого не спрашивая разрешения. Хотя, напомнил себе Бойд, на то они и верхолазы.

Проверку «балалайки» тоже пришлось пройти. Безы на блокпосте прекрасно знали, кто такой Бойд. Шотландец был на них не в обиде – офицеры выполняли свою работу. Он послушно приподнял гриву соломенно-желтых волос, подождал тихого «Можете проходить» и оказался на той стороне бетонного заграждения, присоединившись к первому из телохранителей, который уже прошел досмотр. Если бы безы применяли стационарный наноскоп, скорее всего обнаружили бы временные коды доступа, которые загрузила в «балалайку» Лиса. Скорее всего сделали бы вид, что не заметили, но сообщили бы об этом в «Иглу». Но наноскоп включали редко – слишком много драгоценного электричества потребляла эта штука.

Как только «балалайка» Бойда подключилась к сети, пришло сообщение. В нем – длинный номер незарегистрированного коммуникатора. Сообщение прислали недавно, иначе Лиса сообщила бы о нем. Шотландец достал свой коммуникатор и перезвонил.

Голос узнал не сразу – мужчина, похоже, звонил из Punkground.

– Ты просил сообщить, если появится возможность подключиться? – спросил голос. Да, это именно тот, о ком Бойд подумал. Точно из Punkground.

– Да.

– В среду через две недели, с четверти третьего и часов до семи в нашем районе вроде

как профилактика будет, – сообщил мужчина и дал отбой.

– Отлично, – ответил Шотландец отключившемуся коммуникатору и повторил, уже опустив руку: – Отлично.

Похоже, Лиса получит то, что ей нужно. Час откровения близился.

Ну что ж – теперь вполне можно прогуляться, неизвестно, когда такая возможность появится еще раз.

5

Лохлан привык спать в любой обстановке. Он не помнил: эта способность была у него всегда или появилась после Катастрофы, когда большинство жителей Анклава вынуждены были сильно изменить образ жизни.

В просторном ангаре, бывшем складе какой-то транспортной корпорации, места было достаточно. Но и желающих получить ночлег под крышей – тоже хватало. Оборудовать спонтанно возникшую ночлежку никто не собирался. Толстый, сантиметров пятнадцать, слой мусора, пожухлой травы, листьев и обрывков чьей-то одежды – вот и вся постель, которую можно здесь получить. Порядок несложный – если нашел пустое место, можешь его занять. Конечно, если не найдется какой-нибудь умник, который припоздает и окажется посильнее тебя. Тогда придется уступить и спать на улице.

Лохлан поднялся в пять. На улице темно, все тело ныло, голова – чумная. Непонятно, спал или нет. Каждое утро казалось, что этот кошмар не закончится никогда – очень хотелось нормально выспаться, принять душ и поесть нормальной горячей еды. Несколько минут перед самым пробуждением Флетт ясно помнил, что все это было в его жизни раньше, что у него был нормальный дом и нормальная человеческая жизнь. Но все это было словно бы в каком-то ином мире. Даже не в параллельном – этот мир явно располагался в перпендикулярной плоскости к тому, что человек привык называть нормой.

Но стоило открыть глаза, и морок воспоминаний улетучивался, как эфир на ветру. Когда Лохлан, выйдя в промозглую прохладу осеннего утра, окончательно проснулся, в памяти остался только тот мир, что уродливой помойкой медленно проступал сквозь постепенно исчезающий холодный туман.

В восемь на Лейт-стрит начинали выдавать еду. Нужно успеть. Там ждать никто не будет – опоздал, значит, остался голодным.

На широкую улицу, северная часть которой превратилась в свалку бетона, оставшегося от рухнувшего второго уровня дороги, и разнообразного мусора, принесенного волной из моря, со всех сторон стекались люди. Все спешили, каждый хотел быть первым.

Местами возникали стычки. Пока не из-за еды, просто что-то не поделили. Наверняка назад вернутся не все – убийства в Лейте были делом обычным. Лохлан сам не видел, но ходили слухи, что местами убивали и ради мяса – человечина ничем не хуже любого другого. От этих мыслей Лохлана передернуло.

У блокпоста стояли два грузовика. Массивные мобили безы поставили так, чтобы загородить проход в Даун Таун – латинской буквой V, уперев задние бамперы друг в друга. На пешеходной части дороги мялись вооруженные безы, стволы «ревунов» направлены в собирающуюся толпу. Разумеется, если толпа рванется вперед, никакие блокпосты, никакие «ревуны» ее не удержат. Но каждый понимал, что пуля может достаться именно ему, поэтому пока попыток прорвать заграждения никто не предпринимал. Да и какой в этом смысл? Лохлан, рассматривая напирающую на бетонный забор толпу, подумал, что смысл определенно есть. Но в следующий момент удивился, потеряв нить размышлений.

Толпа гудела и медленно шевелилась. Получившие сегодняшний паек старались как можно быстрее уйти. Некоторые начинали есть сразу, откусывая ломти от сероватого брикета, пока пробирались сквозь людскую массу.

Справа послышался вопль отчаяния – у кого-то отобрали паек. Оставшийся без пропитания продолжал кричать. Зря, все равно никто не поможет, все ждут своей очереди.

Здесь каждый сам за себя. Остался жив – радуйся и уноси ноги.

Пробиться к выдаче Лохлану удалось на удивление быстро, не прошло и часа. У безов еще оставалось достаточно пайков, второй мобиль еще не распаковали.

– Имя? – спросил мужчина, выдающий еду.

В руках он держал сканер, которым уже прошелся по затылку Лохлана, и планшет, куда стекались данные со сканера – безы пытались изобразить хотя бы видимость порядка: паек выдавали только после сканирования «балалайки», чтобы исключить выдачу двух пайков в одни особо наглые руки. Справа и слева от выдающего в кузове стояли два беза в форме. Оба с «дрелями» на изготовку. Лохлан заметил, что предохранители на оружии у обоих сняты.

Флетт открыл рот и понял, что мысли, роящиеся в голове, никак не хотят складываться в звуки его имени. Нет, он не то чтобы забыл, как его зовут, но произнести свое имя вслух у него не получалось.

– Имя?! – более требовательно выкрикнул без. Было видно, что весь этот процесс его сильно раздражает. Охранники, как по команде, подняли «дрели».

Лохлан еще раз попытался произнести слова, но язык будто прилип к небу, а горло свело спазмом и изо рта вылетело лишь невнятное карканье.

– Лохлан Флетт его имя, – послышался голос сзади. Знакомый голос, Лохлан его вроде бы раньше слышал.

– «Синдин»? – резко спросил без и отодвинул сверток от протянутых рук Лохлана. Паек давали всем без разбора, но раздающего еду беза никто не проверял, так что ему решать, дать еду или отказать. Сегодняшнему не нравились наркоманы. А может, когда-то ему насолили тритоны.

– Нет, – сказал все тот же голос, – он не «минус». Контуженый.

Без сделал пометки в планшете и, не глядя, отдал сверток Лохлану. Флетт, быстро спрятав еду под курткой, обернулся. Перед ним стоял Элиот. Ну конечно же, он знал этот голос! Повезло, мог остаться без пайка.

– Опять свое имя забыл? – поинтересовался Элиот.

– Опять? – не понял Лохлан.

«Лохлан Флетт», – повторил он на всякий случай про себя. Вроде бы получается. Но он и раньше помнил, как его зовут, только почему-то не мог сказать. Или не помнил?

– А я смотрю, ты стоишь, на беза вылупился, и крикаешь что-то. Думаю, помочь надо человеку. – Элиот тоже получил свой паек и, не глядя сбросив чью-то руку, как бы невзначай вцепившуюся в его еду, пошел в сторону блокпоста, толкая перед собой ничего не понимающего Лохлана. – Ты сегодня на «Callboard» пойдешь?

На «Callboard»? Зачем ему надо туда идти? Лохлан начал припоминать, что действительно нужно сходить к «Доске объявлений», но для чего, не знал. Найти новый заказ?

Каждый вечер, в темноте и духоте ночлежки (если, конечно, удавалось занять место), Лохлан пытался понять, для чего он убивает людей. Выбирает жертву, преследует ее и убивает. По утрам, после посещения «Callboard», он был уверен, что у него есть заказ, что он выполняет нехитрую работу киллера. Но вечером, после наступления темноты, почему-то в этом возникали сомнения: где в таком случае деньги, выплаченные за совершенные им убийства, где сами заказы, и почему он помнит только факт убийства? К утру все подробности исчезали из памяти, оставались лишь обрывки совершенного накануне и уверенность, что нужно продолжать это занятие.

Но вчера, кроме убийства, было что-то еще. Нужно вспомнить. Именно с этим связана необходимость идти на «Callboard», а не с поиском нового заказа.

– Элиот, вчера на «Callboard» что-нибудь интересное было? – спросил Лохлан. Возможно, Каннингем что-то подскажет.

– Нет. Ерунда всякая. А ты по той записке что-то нашел?

Ага! Записка! Точно – в правом кармане куртки лежал клочок бумаги. Лохлан достал

его и посмотрел – обрывок фотографии и непонятная надпись от руки. Это памятка о книге, но при чем здесь «Доска объявлений»? Книгу он нашел на Пустыре, а в Даун Таун ходил... В кармане лежал еще один листок. «Продается книга. Бумажная. С Пустыря», – было написано на уже успевшем отсыреть листке.

Точно, как он мог забыть?! Он же собирался продать книгу, выставить ее на торги. На «Callboard» нужно проверить, нет ли сообщений от покупателей.

Блокпост открыли только к обеду. Все это время Лохлан с Элиотом просидели на бетонном парапете витрины какой-то лавки, жуя куски сероватой однородной массы, сегодня имеющей вкус чего-то жареного. Элиот с Лохланом сообща пришли к выводу, что больше всего вкус похож на картошку. Внешний вид у пайка всегда был одинаков – серый, резиновой плотности брикет. В новостях, каждый раз, когда включалась сеть, не забывали напоминать, что неприглядность бесплатной синтетической пищи связана со строжайшей экономией. Большинство понимало – лучше жрать серую кашу, чем подохнуть от голода.

Как ни странно, толстое стекло витрины растрескалось, но уцелело. Видно было, что его целенаправленно пытались разбить – паутинки трещин разбегались от нескольких «эпицентров» ударов. Поперек проема витрины вкривь и вкось было наварено несколько толстых арматурных штырей. Их происхождение не вызывало сомнений – подобного добра было полно четырьмя кварталами в сторону залива, где второй уровень Лейт-стрит лежал на земле.

Названия лавки не сохранилось – теперь здесь жили. Об этом красноречиво говорили несколько похожих на гнезда лежанок на полу, грязь и запах нечистот, доносившийся из открытой двери. Теперь в Анклаве все районы были похожи на грязные окраины.

На ступеньках, ведущих к двери, сидел мужик с «дыроделом» в руке. Мужик курил что-то подозрительного вида и недобро посматривал на примостившихся рядом. Смердело от него не хуже, чем из лавки. Дверь, бывшая когда-то стеклянной, теперь состояла в основном из металлического каркаса с наваренной поверх остатков стекла такой же, как перед витриной, арматуры. С обратной стороны были видны несколько мощных, покрывшихся ржавчиной засовов.

– Давно тут живешь? – стараясь выглядеть как можно добродушной, спросил Элиот.

– А тебе какое дело? – выдохнув едким перегаром, бросил мужик.

Лохлан закашлялся, Элиот едва заметно поморщил нос и поинтересовался:

– Курево где берешь?

Мужик явно не был настроен на разговоры. Определить, сколько ему лет, было сложно – во-первых, всего полтора года назад это место являлось вполне респектабельным районом и те, кто здесь жил, активно пользовались услугами хороших пластиков; а во-вторых, за грязью и спутанной порослью на лице мужика мало что вообще было понятно.

– Сам делаю, – снизошел до ответа мужик.

Люди всегда охотней идут на контакт, когда появляется возможность чем-то похвастаться. Потом оценят, стоит ли рассказывать о своих достижениях чужакам, но первая реакция всегда располагает к незнакомцам. Элиот, похоже, нащупал слабое место этого человека, а Лохлан задумался, откуда ему известны такие подробности психологии.

– У-у! – восхищенно промычал Каннингем. – Из чего?

Мужик посмотрел на него исподлобья, пробурчал что-то под нос – мол, расскажи вам все, – и, сплюнув в пыль, протянул засмоктанную самокрутку собеседнику.

– На, затянись. Качественное сырье. Сам траву выбирал, хорошо пробирает.

Элиот принял дымящийся окурок, повертел, рассматривая не то тлеющий уголек, не то надписи, оставшиеся на газете, из которой была сделана самокрутка, и осторожно затянулся. Лохлана чуть не стошнило от такого зрелища – у мужика вид был не самый здоровый, неизвестно, какую от него заразу можно подхватить. Каннингем на пару секунд задержал дыхание, замер, закрыв глаза, и шумно выдохнул струю дурно пахнущего дыма. Потом сплюнул, точно копируя манеру плевать мужика с «дыроделом», и часто закивал.

– То, что надо, – сказал Каннингем. Он немного осип от зловонного дыма, но воткнул

огарок в рот и сделал еще одну затяжку.

Производитель сигарет довольно осклабился.

– С семьей тут живешь? – спросил Элиот.

Мужик немного погрузнел.

– Да, – все же ответил он спустя несколько секунд. – Это мой магазин, – он показал на витрину свободной рукой. «Дыродел» не опустил, заметил Лохлан. – Был. Теперь живу здесь: в квартире на восемнадцатом этаже жить вообще невозможно. Оно и здесь... Но хоть мотаться туда-сюда не нужно. И убратся здесь худо-бедно можно. А на восемнадцатом теперь настоящая помойка.

– Весь мир помойка теперь, – сказал Элиот.

– Гниющие останки, недоеденная падальщиками мироздания плоть, – добавил Лохлан, и понял, что слышал эту фразу вчера от Каннингема. Или это было не вчера?

– Вот-вот, – согласился Элиот. – Безы не донимают?

Мужик покачал грязной головой и вытащил из внутреннего кармана измятого пальто еще три сигареты. Одну предложил Лохлану, но тот отказался. Элиот предложенное ему взял, но закуривать не стал, сославшись, что лучше оставит «про запас». Тогда мужик отдал ему и ту самокрутку, что предназначалась Лохлану, а сам закурил.

– Нет, не трогают. Наоборот – СБА создает хотя бы видимость безопасности: поблизости от блокпоста многие опасаются очень уж шуметь.

– Но бывает? – Лохлан кивком указал на «дыродел».

– Бывает, – сказал мужик и вздохнул.

Было ясно, что на душе у него наболело, но он все никак не решался выложить подробности незнакомцам. Да и зачем, в сущности. Что они с Элиотом могли решить, чем могли помочь этому человеку?

– Когда это началось, ну, после того, как вода ушла и трясоти перестало, – все-таки начал мужчина. Он то и дело нервно затягивался, глаза его были опущены, – я на Площадь пошел, узнать, что да как.

Он помялся несколько секунд. Махнул рукой – мол, чего уж там, – и продолжил:

– Думал, это все временно. Думал, оцепят район, эвакуацию объявят, восстанавливать будут. Я же не знал, что так, – он обвел окрестности стволом «дыродела», Лохлан непроизвольно пригнулся, – везде.

– Да, брат, – согласился Каннингем, – никто не думал.

Но мужик на его слова не обратил внимания. Он начал изливать душу, и теперь ему нужно было продолжить.

– Жена тут осталась и сын. И продавец, – он зло посмотрел на огонек догоревшей почти до пальцев самокрутки, будто в нем крылись все грехи мира, и резко плюнул на дорогу, – гнида.

Элиот и Лохлан молчали. Собственно, и так было ясно, чем закончилось это дело. Если не вдаваться в частности. Но хозяина лавки было уж не остановить.

– Здесь беспорядки начались – мародерам, что на затопленной территории копошились, мало показалось. Ломиться стали, продавец оглушил сына и впустил их внутрь. Скоты!

Руки мужчины сильно дрожали, он дважды промахнулся окурком мимо рта, потом выбросил его. Сейчас отобрать у него «дыродел» было простой задачей, он почти не держал оружие. «Если он и дальше будет так откровенничать с незнакомцами, – подумал Лохлан, – то долго не протянет в своей лавке».

– Они убили ее. Тут все в крови было. Сыну повезло, его за мертвого приняли. Ур-роды – из-за шмоток паршивых! И главное – зачем они им, куда теперь такое наденешь?! – На лице хозяина лавки застыло удивление.

Он переживал свое горе заново, раз за разом прокручивая в памяти события того дня. Он жил одним днем, в тот момент его жизнь остановилась. Наверное, только чудом оставшийся в живых сын удерживал его на этой земле.

– А с кем живешь? – спросил Элиот. Было ясно, что для двух человек в магазине

слишком много «спальных мест». Да и вряд ли хозяин спал здесь, в торговом зале, наверняка в глубине у него был кабинет.

– С сыном. И тестя сюда забрал – ему повезло, во время землетрясения в Даун Таун по делам вышел. А теща на рынок за рыбой пошла...

От рынка не осталось даже следов. Метров пятьсот от берега волной слизало полностью. Дальше – многие строения требовали капитального ремонта, но большинство домов устояло. А рыбный рынок располагался у самого порта, в том месте и бетонного основания не осталось.

– А тут, – мужик показал на благоухающую нору, бывшую когда-то торговым залом небольшого магазинчика, – знакомые живут. И еще – кого они привели. Люди помогать друг другу должны, – как-то обреченно добавил он.

Пока сидели, Лохлан сжевал больше половины пайка – двухдневная норма. Деньги появятся, если повезет, можно будет купить рыбы на берегу. Рыбаки ходили в море редко – судов после цунами не стало, а оставшиеся моторы, те, что еще возможно починить, работали на батареях Ллейтона. Да и рыба, если верить знающим людям, была радиоактивной.

На объявление Лохлана никто не ответил. Не то книга никому не интересна, не то заинтересованные раздумывали, какую цену предложить. И чем расплачиваться – бумажные деньги пока еще имели вес, но с каждым днем их брали все неохотней. Дополнительный паек стал куда более ценной вещью в нынешнем мире.

Возвращаясь с Площади, Лохлан снова зашел к Джейкобу – так звали хозяина той лавки. Они с Элиотом еще долго говорили с ним, но разговор показался Лохлану незаконченным.

Джейкоб все так же сидел на ступеньках, «дыродел» все так же лежал в его правой руке. Возможно, после тех событий он вообще не выпускает оружие из рук.

Мужчина увидел Лохлана и приветливо кивнул. Флетт остановился, тогда Джейкоб жестом пригласил его сесть рядом.

– Тебе есть, где жить? – спросил он гостя.

– Это не проблема, – ответил Лохлан. Он пришел узнать другое. – Что с продавцом?

Флетт каждый день видел подобное на улицах Лейта, сейчас, спустя почти полтора года после Катастрофы, стало спокойней. Но все равно, увидеть, как из-за какой-нибудь совершеннейшей мелочи, а то и вовсе просто так, убивают, было не очень сложно. Убийцей мог стать каждый. Безы не вмешивались в дела окраин – жители этих мест и раньше не особенно платили СБА, а сейчас платить было нечем. Но рассказ бывшего торговца, полный сдерживаемой ярости, почему-то взял Лохлана за живое.

– Продавцом? – не понял его мужчина.

– Тем продавцом, который впустил мародеров?

Мужик поджал губы и отвернулся. Он старательно делал вид, что рассматривает опору второго уровня Лейт-стрит, но подбородок его дрожал.

– Что с ним стало? – не унимался Лохлан.

– Исчез, тварь, – не оборачиваясь, тихо сказал бывший торговец. – Если б я эту гниду где-нибудь встретил... Да вот, сижу тут.

Мужчина показал на свои ноги. Туфли сильно растоптаны и местами порваны. Даже в обуви видно, что с его ногами что-то не так. Лохлан прищурился, пытаясь понять, какая в них кроется проблема, но бывший хозяин лавки объяснил сам:

– Артрит. Раньше такую болезнь за пару недель вылечили бы. Недешево, но – куда деваться. А сейчас... За деньги здоровье не купишь.

Лохлан понял, что это его следующий заказ. Он предпочитал не встречаться с заказчиком лично, но раз уж так случилось...

– У вас есть данные того продавца?

Торговец пристально посмотрел в глаза гостя и, не отводя взгляда, кивнул.

– Давайте, – будничным тоном проронил Лохлан.

– Сколько я буду должен? – поинтересовался Джейкоб. В его голосе проступили интонации старого торговца.

– Сочтемся, – Лохлан улыбнулся. В данном случае называть стоимость не хотелось. Джейкоб – честный человек, он способен оценить предоставленную ему услугу.

Хозяин лавки сходил внутрь – зайдя в торговый зал, он извинился и запер дверь на замок – и принес небольшой компьютер. Не «раллер», но что-то похожее. В прошлом мире такая игрушка, наверное, здорово стоила. Аккумулятор компьютера заряжен, почти полностью. Откуда такое богатство?

Джейкоб открыл файл, в котором была сведена вся информация о его небольшом бизнесе. Там же значились сведения продавца: номер «балалайки», данные удостоверений личности, адрес, давно ставший историей, и фотография. С картинки улыбался чернокожий парень лет двадцати пяти – широкой открытой улыбкой. Внизу, почему-то нестандартным шрифтом (скорее всего Джейкоб скопировал надпись из какого-то другого документа), значился длинный ряд цифр – код «таблетки», идентификационного чипа, не завязанного на сети. Такие гаджеты из-за проблем с тритонами СБА ввела незадолго до Катастрофы.

Лохлан внимательно прочел все, что было написано в ячейке, потом взял из рук торговца изгрызенный карандаш и написал на затертом листке, лежавшем в правом кармане куртки, *«cepsi jir let probden ulm mul loplal talen»*. О том, что значат эти странные слова, Лохлан даже не пытался задуматься, его действия были совершенно автоматическими.

Джейкоб, внимательно наблюдавший за странными действиями Лохлана, подождал, пока тот спрячет скомканный листок, и добавил:

– Он еще рукой все время вот так делал.

Он показал, как будто что-то закручивал.

Вечер выдался холодным – морозы в Эдинбурге бывали нечасто, особенно осенью, но сегодня оказался как раз один их таких редких дней. Лохлан не пошел к ангару. Ему хотелось побыть на свежем воздухе.

Он сидел на пустом берегу, совсем недалеко от нехотя облизывающего песок холодного прибоя. Сзади, на пустынном берегу, то тут, то там виднелся разнокалиберный мусор – чем дальше от воды, тем плотнее становилось покрывало из останков человеческого мира. Прямо за спиной из песка возвышалась бетонная коряга с торчащим из нее ржавым остатком парашюта, что всего полтора года назад отделял улицы Лейта от пляжа, – все, что осталось от некогда красивой набережной.

Очень хотелось спать, но Флетт специально пришел сюда – морозный бриз бодрил, помогая оставаться на плаву. Именно так: на плаву – Лохлан словно бы плавал в океане бессмысленности и забвения. Сейчас он помнил все, что случилось за весь день. Сейчас он понимал, что с его памятью происходит что-то очень плохое. И он знал, что стоит ему заснуть, как воспоминания станут исчезать одно за другим, чтобы к утру развеяться как дым, не оставив места даже удивлению от того, что вчерашний день исчез.

Лохлан пытался понять, кто те люди, которых он убивал. И зачем он это делал. Теория о том, что это его работа, достаточно состоятельна – Лохлан проверил тайник, который нашел, прочитав одну из строчек на исписанном помятом обрывке старой рекламы: там лежала книга и довольно большое количество денег. Но что-то внутри подсказывало, что это не так. Нет, он был уверен, что поступает правильно, что он пресекает какой-то странный заговор, искореняет зло, сошедшее на землю, но он не понимал главного – зачем?

А впрочем, какое это имеет значение? Пока размышлял, Лохлан построил из песка башню, похожую на донжон замка, а песчаные замки, возведенные в полосе прибоя, имеют обыкновение очень быстро исчезать – завтра этот вопрос его беспокоить не будет.

* * *

Слепящая белизна, застывая все вокруг, снова исчезла. Перед глазами плясали темные пятна, сквозь них неохотно проступали очертания какой-то комнаты. За темным

плафоном лампы, свет которой слепил Лохлана мгновение назад, угадывался силуэт человека. Невысокого и худого.

– Покупатель оставил координаты? – спросил худой.

Он подался вперед всем корпусом, и Лохлан увидел его лицо: узкое, с острым носом, черные с редкой проседью волосы небрежной прядью падали на лоб. Лохлан уже видел его раньше. Где? И эта внешность почему-то ассоциировалась у Флетта с книгой.

– Нет, – ответил Лохлан. Ответил машинально, словно что-то внутри головы подсказывало ответы.

– Каким образом вы получили деньги?

В голове Лохлана мучительно закололо, в глазах заплясали разноцветные искры. Он не понял, что произошло, но спустя мгновение из памяти, словно водопад, полились совершенно разрозненные воспоминания обо всем, что могло быть связано с деньгами и цифрами. Лохлан сморщился и потряс головой, стараясь отогнать наваждение. Но поток цифр внутри головы не иссякал.

– Каким образом вы получили деньги? – повторил вопрос худой.

– Перечислением, – пробормотал Лохлан.

Ему трудно было говорить, язык стал какой-то чужой и отказывался правильно двигаться. За этим «перечислением» ничего не стояло – куда перечислили, что перечислили, сколько? Ничего этого Лохлан не знал. Возможно, во всплывшем из небытия потоке цифр и был какой-то смысл, может быть, сумма или номер счета, но Флетт даже примерно не мог сообразить, который из этих тысяч номеров нужен худому.

– Вы получили подтверждение перевода?

Лохлан на секунду задумался о сути вопроса. Потом понял, о чем спрашивают, и удивился его бессмысленности – сеть не работала; даже в Даун Тауне, где вещание велось, у него не было права доступа. Откуда же тогда могло прийти подтверждение?

– Нет, – за все время допроса Лохлан дал первый осмысленный ответ.

Как же эта «сыворотка правды» туманит мозги. Мысли путались и смешивались, Лохлан не мог сосредоточиться ни на одной из них. Стоило задуматься о сути задаваемых вопросов, как тут же всплывало такое количество подробностей с похожим содержанием, пришедших совершенно из других воспоминаний, что Лохлан вообще переставал понимать, о чем спросили. И все сильнее начинала болеть голова.

– Номер счета, на который переведена сумма?

Вот вынь тебе да положи номер счета! Разумеется, Лохлан его не помнил. Особенно если учесть, что он не помнил о наличии какого бы то ни было счета вообще. «Балалайку» они, надо думать, проверили, там – пусто. Но допрос с «открывалкой» – это не обычный допрос, тут на память особо надеяться не надо, тут главное – правильные вопросы задавать. Если глаза хотя бы раз видели этот номер, мозг его выдаст сам, без привлечения сознания. Флетт в очередной раз задумался над тем, откуда ему столько известно об особенностях «сыворотки правды», ожидая услышать собственный голос, диктующий длинный ряд цифр номера счета. Но голосовые связки расслабились, и лишь тишина была ответом дознавателю. Он на самом деле не знал номера? Но как тогда он собирался получить деньги? Или в этот раз облажался дознаватель, нарушив нужную последовательность вопросов?

– Куда осуществлялся банковский перевод? – Худой решил попробовать зайти с другого бока.

Вообще его манера вести допрос несколько изменилась за последние полчаса. Или времени прошло больше? Лохлан на мгновение задумался о прошедшем времени и получил за это новый приступ головной боли – нечего терзать себя вопросами, на которые слишком много ответов, «сыворотка правды» этого не прощает, перегружая мозг подробностями. Не важно, сколько времени минуло, важно, что черноволосый начал сбиваться и говорить не так ровно, как в начале, урывками. Это могло означать только одно – у него закончился список заранее подготовленных вопросов, а полученные сведения не смогли удовлетворить

его любопытства. И чем больше он сбивается в своих вопросах, тем менее точные ответы получит.

Лохлану, в сущности, было наплевать на удовлетворенность черноволосого дознавателя, но проблема в том, что он и сам не мог вспомнить то, о чем его спрашивали. А, судя по ответам, сведения вполне могли пригодиться в дальнейшей жизни. Если на нее у Лохлана еще оставались шансы.

– На счет, – речевой аппарат Лохлана выдал ответ, удовлетворивший как дознавателя, так и его самого.

– Каков номер этого счета? – медленно, четко выговаривая слова, чтобы не перепутать порядок, произнес дознаватель.

И снова тишина. Нет, Лохлан и в самом деле не знал этого.

Черноволосый обреченно вздохнул и посмотрел куда-то в сторону. Тут же из полумрака слева прилетело и обрушилось на скулу Лохлана что-то твердое и тяжелое. Потом послышался второй голос, и Флетт неожиданно вспомнил, что дознавателей было двое – этот, худой с черными волосами, и здоровяк с потными руками.

– Перестаньте душить, Флетт, – послышался голос черноволосого. Он понял, что сбился с программы допроса и, видимо, решил просто расслабиться. – Вы же взрослый человек, профессор Университета. Для чего вам понадобилось ломать эту комедию?

Профессор Университета? Это какой-то новый способ вести допрос под химией, что ли? Хотя откуда Лохлану могут быть известны старые способы?

Но мысль, путающаяся в болоте отрывочных воспоминаний, вытащенных из глубин подсознания «сывороткой правды», продолжала развиваться. Возможно, оттуда и известно – профессора люди образованные. А если он и в самом деле профессор? Ведь самостоятельно Лохлан не мог вспомнить даже вчерашние события, так, может, он не помнит и своего профессорского прошлого? Или эта каша в голове – результат воздействия на сознание «открывалки»?

Поток мыслей, становящихся более связными, прервала яркая вспышка света. На мгновение Лохлан потерял ориентацию, а затем начал различать смутные тени, шевелящиеся за пляшущими перед глазами пятнами. И цифры – целая лавина ничего не значащих цифр, взявшихся будто бы из ниоткуда, проступала из небытия. Лохлан ничего не понимал, но где-то внутри зрела уверенность, что цифры имеют значение. И самое важное – это порядок их расположения.

Перед внутренним взором промелькнул ряд небольших серых контейнеров. Цилиндрической формы, немного поблескивающих, судя по всему, пластиковых. На каждом – номер и цветовая маркировка. Контейнеры лежали в среднего размера титанпластовом кейсе.

– Каков номер счета, на который переведены деньги? – послышался голос, показавшийся смутно знакомым.

Не отвлекаясь от раздумий, Лохлан выдал длинный код, состоящий, казалось бы, из бескончаемого ряда цифр. Когда он назвал последнюю в ряду цифру, Флетт вспомнил, что это – номер его счета по оплате коммунальных услуг. Это было единственное вырванное из контекста воспоминание – ни про коммунальные услуги, ни про то, когда, где и зачем он их оплачивал, Лохлан ничего не знал.

Но что это был за ряд контейнеров? Тоже с цифрами. Может, в кейсе с контейнерами лежали деньги, о которых хочет узнать тот темноволосый мужчина?

Как бы то ни было, учитывая саднящее от удара лицо, пристегнутые наручниками к подлокотникам кресла руки и не самую приветливую обстановку, возражать этим людям не стоило. Стоило как можно скорее вспомнить то, что они хотели услышать. Да и самому понять, что вообще происходит, тоже было бы неплохо.

Лохлан сконцентрировался на круге света, падающего из-под опущенного плафона лампы, стоящей на столе перед черноволосым, и попытался выловить в ползущих из подсознания обрывках воспоминаний хоть какой-нибудь смысл.

Глава вторая *Два месяца назад*

1

Вид из Замка был так себе. Раньше, когда в Эдинбурге не было ни одного небоскреба, отсюда был виден весь город. Теперь же большую часть панорамы закрывали массивные тела башен, пыльными и местами растрескавшимися стеклянными громадами исчезающие за высоким оконным сводом. Между небоскребами виднелись северные, прилежащие к Даун Тауну районы территории Sway.

Разве мог Морти Мортенс, нынешний директор эдинбургского филиала СБА, предположить, что древний оплот безумных шотландцев, отправлявшихся бить англов всякий раз после славной попойки, станет заменой такой современной и функциональной «Солнечной игле»? В который уже раз он задавал сам себе этот вопрос и, в который же раз, отвечал на него утвердительно. Мог. Именно поэтому и приказал за несколько месяцев до запуска Станции снабдить Замок – туристическую достопримечательность Анклава – всеми современными системами безопасности. Одна беда – больше половины этих систем теперь не работала.

«Солнечная игла» казалась неприступной крепостью. Каждое перекрытие, каждая декоративная панель в штаб-квартире эдинбургской СБА была снабжена датчиками, трансляторами, камерами и эффекторами – от инфракрасных ослепляющих мигалок до автоматических пушек, способных пробить танковую броню. И во что превратилась цитадель полуторакилометровой высоты? В полуторакилометровой высоты свалку бесполезных механизмов: в условиях ограниченных поставок электроэнергии Британским халифатом они не могли запустить и десяти процентов оборудования «Иглы».

– Какие у нас перспективы? – спросил Мортенс, отойдя от окна. Стекла пуленепробиваемые, их заменили уже после переезда.

– Мы работаем над вопросом, – ответил президент Эдинбургского Университета.

Сейчас на него была вся надежда. На его верное руководство и гениальные головы ученых Анклава. На работу Университета не жалели ни денег, ни электричества. Ученые ни в чем не нуждались, но и спрашивали с них строго – работа велась практически без выходных, о безопасности проводимых экспериментов беспокоились в последнюю очередь. На первом месте стояла эффективность. Хотя некоторых стремящихся приложить руку ко всем экспериментам даже приходилось останавливать – заменить их светлые головы было нечем.

И все же ничего принципиально нового ученые предложить не могли. Во всяком случае – пока. Мортенс надеялся, что – пока. До сих пор все их достижения заключались в обновленной версии ветряков, которых с каждым днем становилось все больше на верхних этажах небоскребов, и разработке дизелей, пригодных для эксплуатации на базе бесполезных теперь мобильных. Менталитет в первую очередь им надо поменять – микрочипы размером с булавочную головку сейчас приладить было некуда, а многие годы светлые головы ученых работали только в этом направлении.

– Когда я увижу результаты, Мейер? – Мортенс оперся кулаками на стол и нависал над суетливым ректором, словно скала. Стального оттенка серые глаза, светлые с проседью, сильно поредевшие на макушке короткие волосы, серый костюм с иголочки – всем своим видом, включая выражение лица, директор СБА напоминал каменное изваяние. Не только внешне, но и манерами.

– Мы делаем все возможное, – ответил Мейер. – К сожалению, гении, способные изобрести очередную Новую Энергию, не рождаются каждый день.

– Но где-то же они есть! Не можете обучить собственных гениев, найдите в других

местах. Транспорт я вас обеспечу.

Из противоположного конца длинного зала для переговоров послышался сдержанный кашель. Там в большом кожаном кресле сидел Пер-Андерс Койман, «главный верхолаз» Анклава. После смерти Фадеева он занял вакантное первое место в сообществе владельцев корпораций.

– Мы обеспечим, – поправился Мортенс, услышав кряхтение верхолаза.

Унизительная ситуация. У него связаны руки, без согласования с Койманом или кем-то другим, кого Пер-Андерс придет на очередное совещание, Мортенс шагу не смел ступить. Нет, он прекрасно понимал, что СБА всегда существовала на деньги верхолазов и для верхолазов. Но раньше, до Катастрофы, директор филиала мог распоряжаться средствами по своему усмотрению. Перед ним ставили задачу и ждали ее решения, а как ее решать, Мортенс вполне мог определить самостоятельно.

Деньги верхолазы платили и сейчас. Только теперь деньги стали никому не нужной информацией, записанной на носителях уцелевших банков, или бумагой, которой спустя еще полгода-год можно будет смело топить печь. Потому что стоять эта бумага ровным счетом ничего не будет, а топить нечем уже сейчас.

– Какие у вас планы? – Вопрос адресовался Мейеру.

– У нас готовые проекты по модернизации зданий. Мистер Койман...

– Очень интересные проекты, поинтересуйтесь, Морти, – встрял Пер-Андерс.

Голос брюзгливый. Он, видите ли, недоволен отсутствием подвижек в отношениях с Британским халифатом. Хорошо, хоть сегодня не явился Ли Сянь – вместе с Койманом они составляли дуэт, от игры которого у Мортенса возникало острое желание застрелиться. А что Мортенс мог противопоставить давлению официального Шеффилда? Университет обещал технологии, тот же Койман – строительную технику и медикаменты, а поставки постоянно срываются, оговоренные сроки не соблюдаются. И бандитизм... Но это, что уж там, проблема как раз юрисдикции СБА.

– Я ознакомился с ними, – стараясь убрать язвительность из голоса, сказал директор. – Проекты замечательные... в своем роде, – последние слова он пробормотал себе под нос: он ждал совсем других «замечательных проектов», весь Анклав их ждал, а получили «автоматизированную систему регулирования энергоресурса зданий» или что-то типа того. Курам на смех. – Но они требуют значительного финансирования. И снабжения. А пищевых фабрик всего две. Вы же, Пер-Андерс, обещали, что третью фабрику введут в эксплуатацию в августе, в крайнем случае – сентябре?

Койман и ухом не повел. Свои обещания он умел забывать начисто, не обращал он внимания и на напоминания о них. Но никогда не упускал шанса напомнить СБА, за чей счет безы получают ежедневный паек, электроснабжение в жилых районах хотя бы по часам и вообще – существуют.

Ситуация с Британским халифатом складывалась не самым лучшим образом – если бы геополитического соседа можно было поменять, Мортенс с радостью это сделал бы. Арабская привычка вечно юлить и торговаться в сочетании с английской расчетливостью и прагматизмом доводили его до белого каления во время переговоров. После каждой встречи с эмиром Шотландии, который до сих пор никак не мог определиться, сколько точно гигаватт он может выделить Эдинбургу и что за это попросить, Мортенс как минимум на день выбывал из строя, мучаясь повышенным давлением. Что уж говорить про поездки в Шеффилд.

– Как бы то ни было, – продолжил Мортенс, обращаясь к Мейеру: не на Коймана же, в конце концов, спускать собак, – это все несерьезно. Нам нужно Большое Решение, понимаете? Большое с большой буквы «Б»!

– Но модернизация энергетической системы зданий позволит высоткам перейти на полностью автономное существование! – возмутился Мейер. – Или вам нравится ютиться в этом неотапливаемом каменном мешке?

Президент Университета демонстративно поежился. В Замке и в самом деле было

прохладно. Нет, он, конечно, прав – автономное в энергетическом плане существование небоскребов – это тоже большое дело. Как минимум можно будет восстановить хотя бы часть жилого сектора, а это снимало проблему нехватки территорий. Но это не то, что Эдинбург мог предложить миру – с ветряками большинство государств справятся сами. Анклав не мог существовать без новых технологий, это основа его жизни. В Анклаве, по сути, ничего другого нет – только технологии и средства их материализации, то есть – производство.

Технологии у Университета были. Отличные и современные. Но они не удовлетворяли новым потребностям – сегодня не нужен невероятно сложный робот, способный самостоятельно отстроить склад из пластиковых панелей, потому что в большом дефиците были и пластиковые панели, и электроэнергия, с помощью которой этот робот работал. Нужно что-то принципиально иное. Что – вот этого Мортенс не знал, да и не его это забота. А Мейер который месяц разводил руками и рассказывал о ветряках.

Секреты, хранившиеся в сети Тринадцатого полигона «Науком», – вот что требуется сегодня Эдинбургу. Вот в каком направлении нужно в первую очередь работать умникам, разбирающимся в сетях.

– На сегодня у нас еще один вопрос, который необходимо обсудить, – решил сменить тему директор. – Филгорн, прошу.

Из-за длинного массивного стола, за которым принимались многие важные политические решения на протяжении нескольких сотен лет, поднялся полноватый мужчина с глубокой залысиной и короткими, стриженными ежиком волосами вокруг нее. Филгорну было немного за пятьдесят, но, несмотря на излишний вес, выглядел он моложе.

Шеф машинистов поправил задравшийся пиджак и начал:

– Дело в том, коллеги, – на последнем слове Койман, сидевший в диаметрально противоположном конце длинного зала, отчетливо хмыкнул. Филгорн запнулся и стал неистово трепать левой рукой полу пиджака.

– Продолжайте, – отвернувшись к окну, сказал ему Мортенс. Он не хотел, чтобы участники совещания видели его недовольную мину: ему до чертиков надоело наблюдать, как его сотрудники – ЕГО! – то и дело заглядывают в рот Койману. Хмыканье Пер-Андерса значило для них больше, чем официальное распоряжение непосредственного начальника. Никакой субординации! Заглядывать или не заглядывать Койману в рот – его, Мортенса, дело! Уж от Филгорна не ожидал. Хотя машинист – известный рохля.

– Д-да, – заикаясь, согласился Филгорн. – В общем, у нас наметились некоторые проблемы.

Мортенс, разумеется, уже был в курсе этих неприятностей. Можно сказать, он узнал о них раньше самого Филгорна. По ряду причин. Но Койман был не в курсе. Это Мортенс понял по его вдруг взлетевшим вверх бровям. Ну, хоть чем-то его можно удивить, а то совсем, бедолага, скис. Неинтересно ему на совещании.

– Дело в том, что имеющиеся у нас мощности не позволяют наладить полное покрытие территории Анклава сетью. Маршрутизаторы перегружены, мы резко ограничены в использовании даже имеющегося оборудования из-за энергетического коллапса. Программное ядро нашей сети имеет множество дыр, устранить которые просто невозможно. Необходима полная замена, переход на совершенно иную основу – р-вирус Сорок Два надежно поселился в сети, и противоядие от него так и не создано.

Мортенс вздохнул. Недовольно вздохнул – никто из присутствующих не понял, о чем толкует Филгорн. Чертовы машинисты. Ну неужели нельзя разговаривать на нормальном человеческом языке?!

– Проще, пожалуйста, Дэвид. Мы... – начал директор, но не успел.

Кто бы мог сомневаться – встрял с предложениями Койман:

– Послушайте, Филгорн, что вы нам предлагаете? Сменить серверы, устранить р-вирус или заняться этими вашими маршрутизаторами? Вам не кажется, что это как раз ваша задача?

Пер-Андерс резко повернулся к Мортенсу. Аж привстал.

– Морти, ты меня удивляешь! Я не думал...

Директор закатил глаза, вздохнул и ударил кулаком по столу. Нет, сделал он это, конечно, мысленно. На самом деле Мортенс улыбнулся, стараясь изобразить максимум радушия, приветственно развел руки, словно собирался заключить разозленного Пер-Андерса в объятия и, не прислушиваясь к тому, о чем не думал Койман, громко и настойчиво пояснил:

– Дэвид хотел сказать, что сеть в том виде, в каком мы привыкли ее видеть, больше не существует. Восстановить ее не удастся даже с достаточным уровнем инвестиций.

В зале повисла тишина. Недобрая и гнетущая.

– Но появилась альтернатива.

Вздохов не было, но Мортенс мгновенно почувствовал изменение характера тишины. В ней появилось облегчение.

Директор выдержал паузу и через «балалайку» включил черный коммуникатор во всю стену, висящий между экспонатами коллекции древнего оружия.

«Новая сеть! Возможно ли такое?» – вещал с экрана мужчина. Артист не выглядел слишком броско: обычная, без особой укладки прическа, опрятная, но совершенно обыденная одежда. Его вид изо всех сил кричал зрителю: «Я такой же, как вы! У вас может быть то же, что и у меня!»

«Возможно! Новая политика корпорации «Науком» даст возможность каждому пользоваться сетью уже сегодня. Космическая программа «Науком», рассчитанная на три года, позволит покрыть трансляцией всю территорию планеты, а с новой «балалайкой», – на фоне стремительно разворачивалась картина «покрытия планеты», а в руках мужчины появился индивидуальный чип сетевого подключения с мелкой, но отчетливой и очень заметной надписью «Науком» белыми буквами по черному корпусу, – вы можете выходить в сеть, абсолютно не опасаясь взлома ваших счетов. С новыми технологиями «Науком» ваша личная жизнь будет в полной безопасности!»

– Я это уже видел, – голосом, полным неприязни, произнес Койман.

– Разумеется, – согласился Мортенс, реклама на экране застыла, поставленная на паузу, – мы все смотрим новости и иногда попадаем на рекламу.

Мортенс не стал уточнять, что рекламу «балалаек» от «Науком» показывают почти исключительно во время сериалов самого разного содержания. Реклама рассчитана на массового пользователя, а не на верхолазов. Но раз Койман это уже видел... Морти улыбнулся, незаметно, только кончиками губ.

Собственно, то, чего Мортенс добивался, он получил. Теперь осталось нанести решающий удар. А потом на арену снова можно выпускать Дэвида.

– Я лишь хотел напомнить вам, господа, об этой технологии, – Мортенс сделал небольшую паузу. – Несколько дней назад мы получили предложение от москвичей о подключении Эдинбурга к сети нового формата. Все работы «Науком» готов произвести бесплатно, в том числе – они берут на себя открытие центра по продаже гаджетов, работающих в новом формате. Старый формат все их устройства также поддерживает.

Верхолазы молчали, в недоумении глядя друг на друга. Почему представители «Наукома» не связались с Койманом? Мортенс не знал. Возможно, в Москве, где безраздельно правил Мертвый, СБА считали основным игроком на поле Анклавов. И они, черт возьми, были правы!

– И вы считаете это выходом?! – взревел Пер-Андерс. От глубины возмущения он даже перешел с Мортенсом на «вы», что с ним случилось впервые.

– Нам нужна сеть, – спокойно ответил директор. – Наша задача – обеспечить максимальную безопасность корпоративных территорий и создать наиболее благоприятные условия для развития бизнеса в Анклаве. Без тотального контроля хотя бы на корпоративных территориях мы этого обеспечить не сможем. Спокойные дни в Анклаве на исходе, думаю, все это прекрасно понимают. А вы не можете предложить нам ни технического, ни

программного решения. Университет бездействует, потребляя треть всей поставляемой нам электроэнергии. Дэвид ведь доходчиво – как мог – объяснил, что проблему не устранить простой загрузкой нового антивируса. Сеть слишком погрязла в отбросах, принесенных туда тритонами. Ее не удастся вылечить, тем более в нынешнем плачевном состоянии.

– Но продаваться «Наукому»!.. Это же чистой воды самоубийство! Я не могу позволить, чтобы москвичи рылись в нашей сети!

Вот оно! Замечательно! Расчет сработал верно. Теперь время выпускать Дэвида. Только бы он больше так не мямлил.

– Дэвид, обрисуйте перспективы.

Филгорн снова поднялся. Мортенс с удовольствием отметил, что Дэвид больше не дергает пиджак. Он поднял руки и начал говорить, активно помогая себе жестикуляцией. Эту речь они с директором репетировали трижды.

– Нами разработано новое программное обеспечение, которое позволит проводить проверку соответствия индивидуальных чипов подключения ежедневно и сменить управляющий сетевой протокол.

Стройную речь главного машиниста Анклава прервал, конечно же, Койман:

– Объясните человеческим языком, что все эти смены протоколов позволят нам получить.

Филгорн на секунду запнулся и сморщил губы – говорить о сети «человеческим языком» он не любил.

– В общем, модернизация сети собственными силами позволит полностью интегрировать в нее все структуры Анклава. Плюс мы получаем тотальный контроль над всеми операциями и гарантированную защиту от вторжений извне. Во всяком случае, на какое-то время.

– А связь с общей, планетарной сетью? – Это был Мейер.

– Подключение возможно, однако все сообщения должны будут пройти через конвертер СБА. Как вы понимаете, это не позволит кому попало воспользоваться ценной информацией, хранящейся на наших серверах.

– Но ведь это подрыв устоев Анклавов, – сказал Койман. Тон верхолаза не был возмущенным, скорее задумчивым. – Анклавы всегда были свободной зоной, никакой цензуры...

– Именно поэтому вы, Пер-Андерс, обращались в СБА с просьбами разузнать... – договорить Мортенсу Койман не дал.

– Я понимаю, сегодня другого выхода нет. Насколько велики наши плюсы?

Интересно, он на самом деле не понимает или просто хочет услышать мнение СБА?

– Мы имеем контроль собственных территорий, – Филгорн начал загибать пальцы, – постепенно восстановим контроль над большей частью сделок на территории Анклава, как это было раньше. В конце концов, мы получим нормальные коммуникации и возможность пользоваться данными со всего мира.

– Вы считаете, мир станет делиться с нами? – с легкой усмешкой на губах спросил Пер-Андерс.

– Р-вирус никто не отменял. Мы сделаем неуязвимой нашу сеть, но остальные – те, кто еще не успел перейти на формат, пропагандируемый «Наукомом», останутся с прежними проблемами, – объяснил Мортенс.

В зале для совещаний повисла тишина. Было только слышно, как Койман стучит ложечкой о край чашки с кофе.

Мортенс едва заметно кивнул Филгорну – нужно продолжать.

– Мы подготовили проект и начали внедрение. – На коммуникаторе появилась сложная схема, похожая на лабиринт тонких разноцветных линий, вписанных в карту Анклава. Дэвид управлял картинкой со своей «балалайки». – Здесь вы видите зоны покрытия уже установленного оборудования. Все маршрутизаторы автономны и требуют лишь периодического подключения к электричеству.

– Вы хорошо подготовились. Похвально, Морти, – Койман почти улыбался. Мортенс легко кивнул с излишней, немного карикатурной учтивостью. Он надеялся, что его вложения окупятся. Еще он надеялся, что Койман не станет спрашивать, почему в разработке проекта не принимали участия специалисты из его «МегаСофта».

Картинка на коммуникаторе сменилась. Карта осталась прежней, но цвет и расположение линий стали другими.

– Этот проект – существующая на сегодня система покрывает все корпоративные территории, часть Лейта и территории Sway. На очереди Муслим, Оксганс и Punkground. Когда мы полностью замкнем периметр, к нашему вещанию смогут подключаться окрестные фермеры.

Койман согласно кивал.

– Морти, ты наверняка оставил фермерам привилегию бесплатной загрузки обновлений для «балалаек»? – спросил он. – А что скажет на это наш дорогой эмир? Я уж не говорю о ребятах из Шеффилда.

– Шеффилд далеко. А с эмиром мы как-нибудь договоримся. Особенно, если, – короткий взгляд в сторону Мейера, – мы сможем поделиться с ним полезными технологиями. Эмир очень заинтересован в генетических исследованиях. Устойчивость к радиации – основная тема. «Рабы недолговечны», – так он сказал. И потом, мы не планируем аннексировать часть эмирата Шотландия – свободный выбор свободных людей. Законы шариата нарушать мы тем более не планируем.

По этому направлению промашек быть не должно: люди настолько привыкли к повседневному подключению, что его отсутствие превращало их почти в инвалидов. Мортенс был уверен, что за возможность пользоваться полноценной сетью фермеры с готовностью пойдут на сотрудничество и снижение оптовых цен.

– Что вам нужно для реализации проекта? – спросил Койман. – Специалисты «МегаСофт» с радостью помогут.

Вот и началось. Ну что ж, для специалистов «МегаСофт» тоже найдется фронт работ. Вдали от главной цели проекта.

– Будем только рады, – улыбнулся Мортенс. – Но хотелось бы поговорить об инвестициях.

– У вас есть смета?

Вот это уже деловой подход. Мортенс кивнул Дэвиду, и смета появилась на экране. Кто-то из верхолазов хмыкнул.

– С материальным обеспечением мы вполне справимся, – сказал Оле Ульссон, владелец корпорации, которая сегодня являлась основным производителем дизелей. – Но энергетические затраты... Где мы возьмем такой ресурс?

Справятся они! Конечно, справятся, особенно если учесть, что почти половину работ технический отдел СБА уже выполнил. А ресурс – сегодня был только один путь его обеспечить.

– Необходимо уменьшить потребление электроэнергии на корпоративных территориях, не занятых непосредственно в производстве.

Это был удар для верхолазов – фактически Мортенс предлагал обрезать электричество в их домах. А также в нескольких развлекательных центрах, на улицах элитных, наглухо заблокированных бедами районов восточного Даун Тауна.

– Я не случайно показал рекламный ролик «Наукома», – сказал директор. – Нам необходимо спешить: если «Науком» внедрит свои технологии в Британском халифате раньше, чем успеем мы, план не сработает. Пока и в Глазго, и в Шеффилде согласны с моим мнением относительно «новых технологий» москвичей, *пока* они лояльны к нам и, может быть, даже будут участвовать в нашем проекте. В будущем. Но бесплатный сыр манит, даже если он в мышеловке.

– Мы все понимаем, – сказал Койман, перебив открывшего было рот Ульссона. – Продолжайте подключение точек. Соответствующее финансирование вы получите. И своих

программистов я к вам тоже пришлю.

2

Сегодня Бойд надел свой килт – настоящий, с красно-желто-зеленым тартаном лордов Килмарнока. На коленях Шотландца лежал парадный спорран¹ из натуральной кожи, украшенный частью волчьего хвоста, оттяпанного от живого волка, не какая-нибудь синтетика. В этой одежде он чувствовал себя уверенней и, как ему казалось, заставлял врагов трепетать, а друзей восхищаться. Лохлан не разделял подобного оптимизма Шотландца на предмет влияния на окружающих клетчатой юбки и массивных кривых ног, поросших рыжеватой шерстью, что торчали из-под нее. Но что-то притягивающее внимание и заставляющее по-иному смотреть на Бойда в этой одежде определенно было.

Ланг Ши на фоне Шотландца смотрелся тускло, если не сказать – убого. Невысокого роста, субтильный, с короткими, стриженными почти под ноль волосами, китаец был одет в измятую серую куртку неизвестного происхождения с высоким воротником, брюки цвета хаки и обут в жуткого вида, растоптанные туфли, которым скорее бы подошло название тапочки. Лидер сегодняшних Триад, заправлявших на лояльной к СБА территории Sway, старался выглядеть неброско и вообще – всеми силами соответствовал наступившей эпохе. Он сидел в кресле и расслабленно потягивал чай, предложенный хозяином. Настоящий, китайский, оставшийся из прошлой жизни.

Справа от Ланг Ши расположился грузный мужчина, который внимательно слушал каждое слово, сказанное на переговорах. От чая он отказался.

Машиниста, которого привел с собой китаец, оставили за дверью, в небольшом помещении, бывшем до Катастрофы офисом приема рекламаций. На колени, облаченные в тщательно выглаженные черные костюмные брюки, молодой машинист тут же поставил «раллер». Тонкий проводок психопривода он сразу подключил к «балалайке» и закрыл глаза, откинувшись в большом кожаном кресле. На фоне субтильного китайца черное директорское кресло, взятое из мебельного отдела, казалось огромным. Указательный палец правой руки китайца выписывал стремительные пируэты на полированной поверхности столика, который стоял сбоку от него. Машинист Ланг Ши обеспечивал прикрытие в сети. Так объяснил высокий гость.

За «прикрытием» следила Лиса, которая вообще не показывалась на переговорах, оставшись в рабочем кабинете Шотландца, то есть – на бывшей концертной площадке в центре здания.

А Лохлан, занявший позицию в отдалении, за спиной Бойда, оценивал общую обстановку. Он сидел, сцепив пальцы и поставив на них подбородок. Со стороны могло показаться, что ему совершенно неинтересно, о чем здесь говорят. Но Лохлан понимал, что Ланг Ши – не тот, кто в подобную уловку может поверить. Просто ему было удобно так сидеть. «Балалайки» всех четверых переговорщиков по старой традиции лежали на полированном столе в центре зала.

– То есть вы не хотите распространять свое влияние на территории Британского халифата, располагающиеся к югу от вас? – не то спросил, не то констатировал Бойд.

Китаец поерзал в кресле, усаживаясь поудобней, радушно улыбнулся и ответил:

– Разумеется, мы рассматривали такой вариант. Однако сегодняшнее положение не самое выгодное для масштабных действий. У нас не те силы.

– Но нынешнее положение дает нам массу возможностей. Вы не находите, что ими стоит воспользоваться? – гнул свою линию Бойд.

Ланг Ши смиренно кивал и улыбался. Было ясно, что от него ничего не добиться –

¹ **Спорран** – поясная сумка-кошель, чаще всего кожаная, носимая на поясе, на ремне килта или на отдельном узком ремешке или цепочке. Исторически использовалась для хранения всяких мелких вещей или в качестве кошелька, поскольку у килта или большого пледа отсутствуют карманы.

Триады умывают руки и лезть поперек СБА не собираются. Ни открыто, ни опосредованно. Sway был единственной некорпоративной территорией Эдинбурга, практически полностью подконтрольной безам. СБА старалась: через Sway протянулась основная магистраль, ведущая в Глазго. Там же, за границами заселенной зоны, располагался транспортный узел Роберта Стейна – почти бездействующий сейчас, но остающийся важным стратегическим объектом и будущим Анклава. И, кроме того, именно на территории Sway находилась тщательно охраняемая безами распределительная подстанция, от которой в Даун Таун и Thunderhall поставлялась почти половина всей электроэнергии.

Бойд не призывал Ланг Ши к захвату подстанции. Было ясно, что с безами китаец старается дружить. Но вопрос, который не был задан, но который обсуждался здесь, стоял во невмешательстве Триады в попытке клана отстаивать свои интересы в Sway.

Китайцы ушли. В сотый раз были оговорены и разделены сферы влияния, выданы заверения во взаимном уважении и поддержке. Но главного так и не удалось достигнуть: Ланг Ши ясно дал понять, что будет защищать все, что находится на его территории, наравне с безами.

– Что ты думаешь? – спросил Бойд у Лохлана.

Флетт опустил руки и легонько пожал плечами:

– По-моему, ты теряешь с ними время.

– Я это понимаю, – согласился Бойд, – но слишком уж лакомый кусок этот их Sway.

Лохлан улыбнулся.

– Не ты один это понимаешь, – сказал он. – Мортенс тоже не дурак: в Sway безы дежурят постоянно.

– Это не корпоративная территория, – возразил Бойд. Хотя он прекрасно знал расклад сил, от спора удержаться не мог.

– Но тебя туда не пустят. Ни тебя, ни твоих ставленников. Ты же понимаешь, у них...

– Ты не прав, – перебил Лохлана Шотландец. Его лицо приобрело серьезность. – У них есть меры воздействия, есть информация. Но СБА уже не та мощная структура, которую было не пошатнуть всем кланам, вместе взятым. Теперь это всего-то несколько сотен ребят, прячущихся на нижних этажах «Иглы». И сеть у них полна дыр.

Лохлан, прикусив ноготь большого пальца, внимательно смотрел на Бойда. В его умную профессорскую голову пришла какая-то мысль. Шотландец уставился на своего аналитика – профессора социопсихологии, почему-то решившего оставить место на кафедре, квартиру в кампусе Университета – корпоративной территории, на которой имелось частичное электроснабжение и работала сеть – и перешедшего на сторону Бойда. Сам Флетт вроде бы знал, почему поступил именно так – ему не нравились государства, не нравились и Анклавы, а Бойд, сильный и расчетливый лидер, стремился изменить устои мира, которые давно уже стали для него обузой, а не спасением. Но Шотландец привык все подвергать сомнению.

– Бойд! – Лохлан выставил вперед указательный палец, глаза его горели: мысль сформировалась, теперь он был готов высказать ее. – А ты никогда не думал о том, чтобы занять место СБА?

Шотландец на мгновение замер, не понимая, о чем говорит этот рыжий парень с докторской степенью за плечами. Заменить СБА? Но как это может быть? Безы были всегда, они «держали» Анклав. У каждого клана своя территория, каждый «крышует» свой район. Но СБА – это гигант, наделенный властью, полномочиями и, в конце концов, реальной силой. Занять место СБА – это все равно что капле мечтать о том, чтобы вытеснить из его ложа океан.

– О чем ты говоришь?! – недоуменно произнес Бойд, но он уже успел осознать то, что предлагал Лохлан.

– Что такое СБА? – Флетт любил задавать вопросы, наводя собеседника на нужные мысли. Скорее всего эта привычка выработалась в работе со студентами.

– Служба Безопасности Анклавов, – машинально ответил Бойд. – Но ты же не хочешь

сказать, что отобрать власть у безов реально?

– Подожди. В каких Анклавах ты бывал?

– Во Франкфурте, в Цюрихе, в Марселе, – Бойд не понимал, чего хочет от него Лохлан.

Флетт помотал головой – Бойд сказал что-то не то.

– Я имею в виду – в каких Анклавах ты бывал после Катастрофы?

– Ни в каких, – удивился Бойд.

За эти полтора года он лишь однажды ездил в Глазго. Агломерация, бывшая самой крупной после столичного Ланданабада, сегодня произвела на Бойда гнетущее впечатление: нищета, разруха, глубокий упадок. И смерть – везде и во всех проявлениях.

– В том-то и дело, – удовлетворенно кивнул Лохлан. – СБА больше нет. То, чем управляет господин Мортенс, Службой Безопасности Анклавов, по сути, уже не является. Это просто мощная группировка, ничем не лучше твоей. Да, ей в наследство досталась техническая база бывшей СБА. Но наследство это сильно потрепано.

– У них банально больше оружия, – возразил Бойд.

– А люди?

– Наш клан насчитывает около двухсот человек.

– А ты думаешь, сколько безов? Сейчас, когда они не выходят за пределы корпоративных территорий, когда в двухсотэтажной «Игле» еле-еле функционируют только семь этажей? Ты думаешь, безы настолько уплотнились? – Лохлан сам усмехнулся своей шутке.

«Странно, – подумал Бойд, – а ведь он никогда не придавал этому значения. Нет, дело, конечно, не ограничивалось одной «Иглой», СБА отхватила себе изрядное количество старинных построек Даун Тауна, в которых можно смело гадить в сортирах, не опасаясь за отключенный в подвале насос, способный засосать даже слона, буде таковой попадет в канализацию. Но весь центр Даун Тауна – Ньюингтон – не шел ни в какое сравнение с огромным, километровой высоты небоскребом. При таких объемах штат им пришлось уменьшить вдвое, если не втрое.

А ведь это реальный шанс – не только уменьшившаяся численность безов, недовольные и обиженные, оставленные без сытного пайка, брошенные умирать – уволенные безы: вот реальная сила, которая пойдет за ним».

– Ты имеешь большое влияние не только в Скотланд-Ярде, – напомнил Лохлан. – Но главное, что нужно понять: власть безов сегодня – это миф. Верхолазы платят им, как уличные торговцы или фермеры платят тебе. Ни больше ни меньше.

Бойд усмехнулся. Понятно, что верхолазы платили куда больше, чем Бойд мог себе представить.

– Власть вообще штука эфемерная, – продолжал Лохлан. – Часто кому-то подчиняются лишь потому, что привыкли подчиняться именно этому лидеру. Бандитами становятся зачастую те, кто знает, что в их родном районе все становятся бандитами. Подражание соседям, привычкам и воззрениям предыдущих поколений – вещь очень сильная. Ее трудно перебороть. Это тоже своего рода Традиция. Верхолазы привыкли, что их охраняет СБА, поэтому они платят Мортенсу, не сильно задумываясь, что Мортенс давно уже не работает в СБА.

– Ты предлагаешь убедить верхолазов, что я для них лучше Мортенса? – спросил Бойд. Вопрос был задан с сарказмом, но в голосе Шотландца уже слышались решительные нотки: идея ему понравилась.

– Ты считаешь, это невозможно?

Бойд задумался. Надолго. Он несколько раз прошелся из одного конца пустого зала, бывшего некогда торговым павильоном центра бытовой техники, в другой и остановился у нарисованной на бетонной стене карты Эдинбурга.

Внезапно открылась дверь. Бойд и Лохлан вздрогнули от неожиданности. В открывшемся проеме показалась лысая голова Лисы.

Машинистка вошла, плотно закрыв за собой дверь, и утвердительно кивнула Бойду.

– Безам? – спросил Шотландец.

– Им, родимым, – подтвердила Лиса. – Я не поняла, где у него микрофон. Возможно, сигнал транслировался напрямую с барабанных перепонок того толстого парня, что сидел тут с Ланг Ши. Тонкая работа, сейчас за такую операцию ни один пластик не возьмется.

– В распоряжении безов Университет, – напомнил Бойд. – И потом – этот парень не вчера родился. Что ушло в эфир?

– Все.

Шотландец кивнул. Собственно, на такой исход он и рассчитывал – теперь не придется распространять слухи, этим займется Ланг Ши.

– Хорошо.

Безы узнают то, что им и положено знать: Бойд все так же представляет реальную силу, он активен и хочет расширяться, но на рожон не лезет. И в Sway его действий безы теперь не ждут.

– Теперь безы знают, что ты оставишь южные окраины в покое, что с того? – поинтересовалась Лиса.

– Раньше это не имело большого значения, – как-то мрачно заявил Бойд. – Теперь они уверены, что за пределы Оксганса я не полезу. Это хорошо. А ты, Лохлан, прав: убедить верхолазов, что мы лучше СБА, вполне по силам. А, Лиса, что скажешь?

Ломщица, не слышавшая предыдущего разговора, недоуменно посмотрела на Шотландца, но все равно решительно кивнула.

3

Тони пряталась в высокой траве на пригорке уже шестой час подряд. Всматриваться в колышущееся над горизонтом жаркое марево, поднимающееся в небо от дорожного полотна, ей давно надоело. Сухие серо-желтые стебли высокой травы назойливо щекотали левую щеку. Было жарко – непривычно жарко для этих мест.

Насколько Тони знала, в этих краях в сентябре обычно погода теплом не баловала. Но не в этом году. На юге, на пляжах Марселя, где она любила отдыхать после выполненных заказов, такая погода была в порядке вещей. Но здесь не Марсель. Далеко не Марсель. В Эдинбурге море совсем другое – никакой тебе лазури, только темная вода, по большей части укутанная белыми бурунами. Даже летом, в редкие периоды сильной жары, желания искупаться начинающая цвести акватория Ферт-оф-Форта не вызывала. Вот Марсель – это то, что надо... То, что *было* надо, теперь никакого Марселя, говорят, не существует.

За воспоминаниями о море Тони едва не пропустила то, что ждала – из-за невысокого пригорка показался несущийся метрах в пятнадцати впереди основной колонны джип сопровождения. Им займутся другие.

Работать теперь приходилось самостоятельно. Никакого прикрытия из сети, как в старые добрые времена. И кой черт принес ее на эти галеры? Особенно если вспомнить, какой заказ ей пришлось выполнить за пару дней до того, как земная кора задержалась в эпилептическом припадке. Тони была dd, заказы поступали самые разные. Но вот уехать отсюда она теперь не могла – должок оставался. И отдать его, судя по всему, придется.

Тони стремительным движением прижала приклад винтовки к плечу, от неожиданности действий едва не упустив ее. Все-таки жара – погода для отдыха на море, а не для работы. Разморило и расслабило. Пот заливал глаза и не давал выхватить из хаоса мельтешащей травы цель. Тони моргнула несколько раз и увидела грузовой мобиль, а палец легонько дернул курок.

Свою винтовку dd знала наизусть. От основания приклада до кончика ствола. Каждую царапину на ее титанопластовой поверхности. Она ежедневно смазывала и перебирала оружие, хотя пользоваться им приходилось не так уж часто. Отличная винтовка, сейчас такую не достать – СВУ-14МА производства «Наукома».

Мобиль взвизгнул покрывками и дернулся вправо. Потом, сбросив на короткое

мгновение скорость, выровнялся. Понятно – абы что здесь не гоняют, сработала система подкачки шин. И никакой это на самом деле не мобиль – в горячих недрах стандартного «Вольво Титан» стоял вовсе не стандартный четырехкатушечный электродвигжок, а мощный дизель, рокот которого был хорошо слышен еще с минуту назад. Просто Тони его прозевала.

Но теперь она пришла в себя. Жара больше не мешала, Тони слилась с винтовкой в единое целое, они были словно любовники, в пылу страсти отдававшие друг другу. Тони очень любила оружие. Она любила стрелять.

Джип, проскочивший вперед, дал очередь по кустам, но скорости не сбавил. Правильно действуют, шельмецы: если остановятся – секунды их жизни сочтены. Собственно, они сочтены в любом случае, но так парни протянут немного дольше. Может, на полминуты, может, даже на целую. Они же не виноваты, никто не виноват. Просто так сложилось. Ничего личного.

Следом за первым грузовиком на перегоне между двумя маленькими озерцами, в прибрежных зарослях одного из которых и сидела Тони, появился второй. По нестройному рычанию моторов понятно, что сейчас появится и третий. А за ним еще один джип. Или сегодня джипов будет больше?

Тони вернула в перекрестие прицела борт первого грузовика. Колесо – выстрел, дверь, батареи Ллейтона, контакты... Нет, нет. Тони чертыхнулась про себя и вернулась назад – не было у этого «Титана» никаких батарей Ллейтона, вместо контейнера для аккумуляторов под брюхом грузовика висел большой, с бочку размером бак, наверняка только наполовину заполненный дизельным топливом. Остальное он успел сжечь по дороге с севера.

Вон там, сразу перед баком, еле видна за крылом тонкая металлическая трубка. Выстрел, еще один. Первая пуля срикошетила, чиркнув по белому крылу грузовика, но вторая попала точно – топливная трубка лопнула, и на дорогу полилась драгоценная солярка. Тони поморщилась бы от досады, что пришлось потратить лишнюю пулю, но была вынуждена замереть, удерживая в прицеле зону обстрела. Выстрел в черноту крыши – «Титан» резко прыгает вправо, колесо выворачивается, на мгновение приоткрывая внимательному взгляду снайпера дублирующую систему подачи топлива, – выстрел, очередная порция солярки пачкает асфальт.

Компьютер грузовика, и так до предела напряженный необходимостью управляться с непривычным ему двигателем внутреннего сгорания, наверное, сейчас совсем с ума сходит, пытаясь понять, куда делось топливо. Подкачать колесо он, конечно, может, но делать это со все возрастающим количеством отверстий в крышке заметно сложнее, чем с обычным проколом. Еще несколько метров, и инерция закончится, грузовик встанет мертвой тушей. Это проверенный факт – технологи на заводе в Эдинбурге не додумались оставить хотя бы одну резервную катушку и пакет батарей Ллейтона. Скорее всего в следующий раз такой номер не пройдет – не совсем же они дураки, наверняка исправят конструктивный недостаток. Но это в другом караване. До него еще дожить надо.

Массивный «Титан», жуя перекосившуюся крышку, съехал на левую полосу, почти полностью перегородив длинным прицепом полотно дороги, ограниченной в этом месте стальными отбойниками. Скорость стремительно падала, все медленней и медленней грузовик полз к металлическому заграждению. Тони выпустила еще несколько пуль по колесам, стараясь поставить огромную тушу фуры в нужное положение. Все, стоп. Следующие два «Титана», как по команде, остановились, им не протиснуться в оставшийся между огромным прицепом и заграждением проход.

И в этот момент из-под поверженного «Титана» вырвался сноп желтого пламени.

Вообще-то солярку не так уж легко поджечь. Тем более пулей. В грузовике не то замкнуло что-то, не то парам вылившегося на асфальт топлива хватило температуры разогретой, словно печь, выхлопной трубы, но очаг быстро увеличивался, норовя перекинуться на закрытую фуру. Это в планы не входило – груз должен остаться целым, иначе – для чего все затевалось?

Джип сопровождения уже никуда не ехал. Безы развернули машину, поставив ее

поперек, и стреляли сразу из двух «ревунов» во все, что считали подозрительным. Скоро вокруг места, где они остановились, образовалась заметная брешь в окружающей дорожку лесополосе.

Водитель грузовика остался цел. Он вывалился из охваченной пламенем двери и быстро ковылял по направлению к джипу. Тони следила за его променадом через оптический прицел. Стрелять? Нормальный вроде мужик.

Водитель на мгновение замер – едва заметно. Но этого было достаточно, чтобы опытный глаз dd учуял неладное. Палец придавил кончик курка. Осталось лишь нежно погладить металл спускового крючка, и тяжелая пуля понесет смерть этому человеку.

Предчувствия не обманули Тони: мужик резко вскинул руку, намереваясь ткнуть пальцем в направлении снайпера. Заметил, значит. Ну, тогда извини – СВУ коротко кашлянула, и водитель упал, так и не успев вытянуть палец.

Значит, надо менять дислокацию. Засиделась она здесь – черт, как неудобно, когда за твоей спиной нет машиниста, который все видит и может просчитать развитие ситуации на несколько шагов вперед, пока ты стреляешь, а потом бежишь. Хотя на самом деле с момента первого выстрела прошло не более двадцати секунд. Тони давно заметила – когда она стреляла, время не значило для нее ничего. Оно текло с такой скоростью, какой требовала ситуация в каждый момент.

Тони закинула винтовку на плечо и быстро поскакала вниз, туда, где еще весной было небольшое озерцо. Сейчас вода почти полностью пересохла, в зарослях высокой травы и камыша оставалась только густая черная грязь, глубиной выше пояса. Стараясь не провалиться в топь, dd осторожно, раздвигая стволом винтовки камыши, выбралась на насыпь с другой стороны. В этой точке она была почти напротив джипа.

Безы уже перестали палить из всех стволов. Двое, облаченные в легкую броню бойцов, пригибаясь, ковыляли в стороны от дороги. Один из них пер почти точно на Тони.

Дd знала все слабые места и «аранчи», и «пингвина» наперечет. Одна беда – их было немного, а без двигался слишком быстро. Профессионал.

Сердце Тони бешено билось в груди. Группа захвата, казалось, запаздывает. Так и грузовик весь сгорит, не успеют сбить пламя. Но главная проблема касалась лично Тони – несущийся прямо на нее без. Хорошо защищенный и вооруженный до зубов, а главное, готовый к атаке. Странно, что он до сих пор не заметил...

Заметил. Замер и вскинул руки, в каждой по «дрели». Разумом Тони понимала, что прошла пара секунд с тех пор, как она заметила безов, бегущих от джипа. Но разум сейчас был далеко, сейчас голова dd работала, как «раллер», полный жужжащих, словно рой пчел, «поплавков».

Неожиданно для себя Тони обнаружила, что смотрит на беза через окуляр прицела. Боец двигался слишком быстро, чтобы можно было послать пулю точно в сочленение защиты груди и рукава – там тонкая ткань кевлара, с такого расстояния усиленные пули СВУ Тони прошивают ее с легкостью. Но теперь без застыл, целясь в снайпера. Дуэль, длящаяся доли секунд – кто быстрее, чей выстрел точнее найдет цель?

Тони почувствовала, что палец, лежащий на спусковом крючке, уперся в теплый металл. Пятнистое хаки «саранчи» беза мелькнуло за перекрестием прицела и уступило место ярко-голубому.

Наверное, у беза стоял стрельбовый комплекс. Тепловизор стоял точно – глазами он вряд ли заметил бы Тони, прячущуюся за плотной стеной камыша. Но dd оказалась быстрее, тем более что стрельбовый комплекс в ее «балалайке» вряд ли сильно уступал программе СБА. Только сейчас, опустив винтовку и скрывшись за холмом, она поняла, как сильно испугалась. Сердце стучало в висках, дыхание сбивалось. Очень хотелось жить. Наверное, именно поэтому руки не дрожали – сегодня еще придется стрелять.

Так и есть – у дальнего джипа нерешительно мялась тройка безов. Тоже в «саранче». Нерешительность – главный враг бойца. Ни один из них не успел даже заметить, что работает снайпер. Тони положила их тремя короткими выстрелами с интервалом меньше

секунды.

Сверху, со стороны дороги, слышались нервный отрывистый кашель автоматов, ответный визг дрелей, два раза ухнуло – ребята не церемонились, к наукомовской ракетнице было еще достаточно снарядов. Буквально на пару секунд в отдалении слева загрохотали «ревуны» и тут же смолкли – перекричать ракеты им не под силу. Шурша сухими стеблями, в лужу грязи, бывшую озерцом, улетело дымящееся колесо джипа. Тони едва успела увернуться.

Все кончено. Наверху слышались одиночные выстрелы – добивали раненых. Больше ей здесь делать нечего. Тони поставила винтовку на предохранитель и, стараясь избегать открытого пространства – мало ли какие у безов остались возможности: спутники, поди, крутятся на своих орбитах, им-то землетрясения нипочем, – пошла домой.

4

Грандиозность планов Бойда потрясала. Не бросая прежние дела, он развил такую бурную деятельность, воплощая в жизнь сложную многоуровневую комбинацию, что из-под подошв его ботинок разве что дым не шел. Лохлан любил такого Бойда и боялся одновременно. Он был уверен, что схожие чувства к Шотландцу испытывают многие – оказаться в такой момент у него на пути без ущерба для здоровья не получилось бы. Но посмотреть, что из этого выйдет, очень хотелось.

Лохлан жил в двух кварталах от «Роял Скотс», в старом двухэтажном особняке. В доме постоянно было полно людей – особняк принадлежал Бойду, и использовали его как перевалочную базу. Сегодня было спокойно – Шотландец отправил людей договариваться, искать подходы, завоевывать новые территории.

Сам Бойд теперь редко бывал в «Роял Скотс», постоянные разъезды и непрекращающиеся деловые встречи стали нормой жизни. Но мало кто знал, что он делает конкретно. Большинство считало, что Шотландец решил разделаться со всеми, кто не желал ложиться под его клан. Отчасти это было правдой – но лишь отчасти. Всю правду знали всего несколько человек. И Флетт был одним из них.

Личным пространством Лохлана в этом доме были только две комнаты на втором этаже. Та, что выходила в общий холл, считалась чем-то вроде гостиной и рабочего кабинета. Дальнюю комнату, в которой во время сильных дождей постоянно текла крыша, Флетт использовал в качестве спальни – там было относительно тихо и иногда удавалось выспаться.

На полу в стенном шкафу лежал небольшой титапластовый кейс. На нем обычно навалено разнообразное барахло, но сейчас кейс вытаснен из-под горы вещей и открыт.

«Балалайка» в кармане – Лохлан всегда вынимал ее перед тем, как достать кейс. Он не знал, зачем, но был уверен, что поступает правильно.

Внутри кейса было устроено несколько небольших закрытых ячеек с номерами. На каждой наклеена бумажная лента, на которой от руки выведены слова, написанные латиницей. Лохлан внимательно перечитал все надписи. Набор букв, не имеющий никакого смысла. Он сам написал их, в этом он был уверен – собственный почерк Лохлан узнал легко. Но ни смысла этих надписей, ни того, как и когда написал их, Флетт не помнил. Однако сделал он это, вероятно, неспроста: всякий раз, когда он читал эти бессмысленные строчки, внутри зарождалось четкое понимание того, какую из ячеек нужно открыть.

Сегодня подходили две – с номером два и третья. Но Лохлан сомневался, настал ли момент. Он, помешкав несколько секунд, открыл ячейку, подписанную короткой фразой: *«ihnins vespen rea»*.

Флетт неоднократно задумывался над тем, откуда у него этот кейс, что означают странные слова и, самое главное, почему их прочтение подсказывает его подсознанию, что нужно делать. Но ответа не находил. Понятное дело, что все это какое-то значение имело, но, что самое интересное, неизвестность не вызывала ни малейшего удивления. Лохлан

воспринимал этот странный обряд, который время от времени производил с содержимым кейса, как нечто само собой разумеющееся. И более того, он совершенно не помнил о том, как и когда использовал кейс в прошлый раз.

Пальцы поймали небольшой серый цилиндр, помеченный белой двойкой. Сегодня – этот.

Лохлан убрал кейс и спустился вниз. В доме никого не было, кроме Лисы. Девушка сидела в гостиной на диване с открытым «раллером» на коленях и что-то набирала на клавиатуре. Проводок психопривода тянулся к «балалайке», но, судя по ритмичным подергиваниям головы, в данный момент Лиса просто слушала музыку.

– Колдуешь? – спросил Лохлан, войдя в комнату. Цилиндр с двойкой лежал в кармане пиджака.

Лиса, похоже, держала весь дом под контролем. Возможно, даже окрестности. Лохлан знал, что на лестнице, в коридоре и при входе в гостиную стояли камеры, и машинистка явно была в курсе о приближении Флетта. Она не вздрогнула и не удивилась его появлению, даже не перестала качать головой в такт неслышной Лохлану музыки и глаз от экрана не оторвала.

– Творю, управляю миром посредством Цифры, – ответила Лиса.

– Как успехи?

– Переменные.

– Что нового в мире?

Лиса сделала неопределенный жест рукой, как бы показывая на воздух. Ну да, действительно, Лохлан мог и сам посмотреть новости – локальная сеть, созданная ломщицей, пускала всех. Одна беда – «балалайка» в кармане.

Лохлан включил большой коммуникатор, висящий на стене. Лиса не обратила внимания на эту странность. А может быть, ей было все равно – она сама не видела иного общения с миром, чем посредством «балалайки» и «раллера», в ее представлении остальные люди – не нейкисты – были инвалидами. Машинистка верила, что Цифра сделает людей свободными, позволит воспарить над миром, растворившись в двоичном коде. Возможно. Лохлан не разделял ее веры, но возражать не имело смысла. Пока, во всяком случае, людям приходилось барахтаться в собственном дерьме, стараясь удержаться на вдруг решившей размяться планете. Слишком уж человек отдал ей все.

Лохлан поискал новости. Первым попался европейский новостной канал. Скорее всего – баварский: диктор говорил на немецком. Коммуникатор попытался включить автоматический перевод. Лохлан прекрасно понимал немецкий, а вынужденная двухсекундная задержка раздражала, поэтому он тут же дал отбой. Вручную.

Рассказывали о тяжелом положении в Швейцарском конфедерате, о продолжающейся эвакуации людей из приграничного с Францией кантона Женева, где уровень радиации превышал все возможные пределы и день ото дня продолжал расти. Близ Оиона, на территории взорвавшейся АЭС, радиационный фон был столь высок, что выяснить причину роста уровня радиации не удалось – спутник давал лишь общую картину, а посланные в зону аварии роботы вышли из строя спустя несколько минут из-за электромагнитных наводок.

Корпорация «Науком», по сообщениям европейского агентства новостей, заканчивала монтаж опорных башен с ретрансляторами в Эль-Париже. Скоро столица Европейского Исламского Союза должна перейти на новый формат вещания – более безопасный, более быстрый и менее энергоемкий. По заверениям службы радиочастотного контроля Баварского султаната и лично ведущего новостей, частотный диапазон устройств, предоставляемых в бессрочную аренду корпорацией «Науком», полностью соответствует европейским нормативам и стандартам. Однако администрация султана выражает озабоченность необходимостью...

Озабоченность они выражают! Лохлан усмехнулся – правильно выражают, чувствуют бесплатный сыр, но подвоха не находят. Человек настолько привык к обману, что не может поверить в жест доброй воли. Ни за что – взять что-то просто так можно, лишь имея уверенность в том, что дающего тоже можно обмануть. Никто не верил, что дать можно

даром. А Эль-Париж скорее всего просто купили.

– Москвичи набирают обороты, – не отвлекаясь от работы, заметила Лиса.

– Их сеть столь хороша?

Лохлан вообще плохо разбирался в сетевых технологиях, а в отличиях одной от другой не понимал ничего.

Лиса улыбнулась. Слегка, только кончиками губ.

– Она совершенна. В ней есть что-то демоническое.

Лохлану было странно слышать подобные слова от нее. Демоны и компьютеры – для правовежного нейкиста вещи несовместные. Мир Цифры – строгие алгоритмы, красота математической точности. Места богам и демонам не было в учении Поэтессы. Флетт неплохо разбирался в этих тонкостях – в силу своей университетской специальности он знал многое, имеющее отношение к поведению социума. Традиции и разнообразные течения, одним из которых был нейкизм, занимали в мотивации коллективной психологии одно из главных мест.

– Она притягательно страшна? – Лохлан улыбнулся.

– Она притягательно логична. Она притягательно проста. И не менее притягательно жизнеспособна.

Лохлан опустил руку в карман, пальцы нащупали лежащий там цилиндр. Маленький упругий кусок пластика, на него нужно всего лишь легко надавить.

– В «Наукома» работают гении, – Флетт сам не понял: спрашивал он или утверждал.

– В «Наукоме» работают люди. Просто они слишком долго скрывали от мира то, что значилось в их перспективных разработках. И потом, не забывая – у них есть Новая энергия.

– Которой они не хотят делиться, – добавил Лохлан.

– В точку. Кто знает, чего хотят москвичи? Тебе не кажется, что они вообще слишком много хотят?

Лохлан легонько сжал податливую поверхность серого цилиндра. Но не до конца, лишь обозначил действие.

– Ты знаешь, – начал Флетт, – людям свойственно пребывать во власти собственных стереотипов. Мы привыкли, что в государствах правят правительства, всевозможные султаны и президенты, в Анклавах – СБА, в традициях – шейхи, ламы, папы. Мы наделяем властью образ, мы поклоняемся ему, мы можем ругать и быть недовольными, но мы априори подчиняемся тому, что имеет соответствующее название. Пустой конфетной обертке.

– Сильные лидеры всегда добиваются своего.

– Сильные лидеры всегда заворачивают в ту самую конфетную обертку нужных им людей. А если свободного фантика не подворачивается под руку, они делают новый. Пока то, чем они управляют, не назовут словом, имеющим сакральный смысл для остальных, власть этого сильного лидера – мыльный пузырь.

– Но при чем здесь «Науком»? – Лиса заинтересовалась разговором и оторвалась от «раллера». На экране ее компьютера застыли строчки машинных кодов – сакральный язык нейкистов.

– С помощью яркой обертки легко манипулировать людьми – красивый фантик притягателен. Верхолазов мало, они обычные люди – ну, с физиологической точки зрения. Какой-нибудь не самый больной бродяга запросто дал бы в челюсть тому же Койману. Если бы не одно «но» – яркая обертка под названием СБА, отвлекающая его внимание. А внутри ее ничего нет, реальная власть у верхолазов, они повелевают миром. Но у них, похоже, появился конкурент – «Науком». Со своими совершенно новыми обертками – бесплатная сеть, чудесная Новая энергия. Не удивлюсь, если полигон № 13 скрывает еще пару десятков сказочных технологий, которые москвичи не забудут преподнести миру должным образом. И в должный момент.

Внезапно Лиса снова обратила свой взор к «раллеру», руки ее запорхали над клавишами, пальцы стремительно набирали команды. Спустя несколько секунд машинистка остановилась, повернув «раллер» экраном к Лохлану. Там отображалась главная страница

сайта центрального отделения Европола, базирующаяся в сети Эль-Парижа.

– Вот сеть «Науком», – объяснила Лиса. – Никаких паролей и кодов. Но войти невозможно. Сеть сканирует каждого, определяя его уровень доступа. Никакие поддельные «балалайки», никакие вирусы не помогут – я проверяла, алгоритм, пропускающий внутрь своих, работает настолько четко и быстро, что создается впечатление, будто на каждом узле их сети стоит как минимум сотня «поплавков». Но это не так – «поплавки» очень прожорливы, а сеть «Науком» экономична до безобразия. Я не могу это сломать. Ни с «синдином», ни с «поплавком». Возможно, кто-то из Великих смог бы, но...

Теперь Лохлан понял, что демонического видела в наукомовской сети Лиса. Для нее это была Цифра, поработанная и обманутая, шаг назад от забрезжившей на горизонте эпохи Цифры.

Флетт отпустил пластиковые бока цилиндра. *«Ihnins vespen rea»*. Сегодня номер два не понадобится.

– Пока в Эдинбурге работает старая сеть, у Бойда есть шанс. Если сюда придет «Науком», наши шансы сравняются с нулем.

5

Мортенс вертел в руке хрустальный стакан, на дне которого темнели остатки виски. Пракаш призывным жестом приподнял стоящую на столе бутылку, но директор отрицательно мотнул головой. Мортенс пил мало.

– Сколько ты еще сможешь держать Анклав? – спросил директор.

Джабраил Пракаш – невысокий худой индус, неизменно облаченный в серо-стальной, плотно сидящий на нем костюм-тройку – был не просто начальником отдела внутренней безопасности СБА Эдинбурга. Он был одним из трех человек, посвященных во все тонкости плана, который Мортенс вознамерился претворить в жизнь во что бы то ни стало. Тому, кто не знал его, могло показаться, что этот маленький, можно даже сказать, хлипкий человечек не представляет никакой опасности. Его расслабленная поза, безвольно опущенные руки... Силу, таившуюся внутри, выдавали только глаза – черные, смотрящие жестким, словно пронзающим насквозь, взглядом.

Вторым был Дэвид Филгорн, с которым Мортенс только что разыграл отрепетированное заранее шоу – на совещаниях в основном приходилось метать бисер перед свиньями. Среди владельцев корпораций Анклава было немало абсолютно ничего не соображающих в бизнесе сынков удачливых и деловых отцов. Эти рассуждали подобно сброду на улицах, они не видели перспектив, а с радостью хватались за возможность получить сиюминутную выгоду. Если бы не нынешнее бедственное положение, на них можно было бы не обращать внимания – рано или поздно тигры, вроде Коймана, сожрали бы их корпорации. Но сейчас подобные ошибки могли очень плачевно закончиться. Поэтому убедить, что сеть «Науком» несет в себе угрозу, нужно было всех.

– Не знаю, Мортимер, – покачивая головой, ответил Пракаш. – Не знаю. К хорошему привыкают быстро. И тогда нужно лучшее. А мы пока не можем дать людям ничего нового. Тот нищенский паек, которым мы обеспечиваем их сегодня, уже никого не восхищает. Люди готовы честно отрабатывать свой хлеб, работы полно, но с хлебом подвижек нет.

– Койман божится, что через пару месяцев они с Ульссоном закончат монтаж нового танкера – эмиру придется увеличить нашу квоту электричества, ему некуда будет деваться. Тогда откроется еще одна пищевая фабрика.

Мортенс задумчиво кусал костяшку указательного пальца правой руки. Он нервничал – было от чего. Но во взгляде все та же каменная стена, которую пока не удалось пробить никому.

– По сведениям аналитиков, – сказал он, разглядывая красноватый след от собственных зубов на пальце, – число грабежей на всех территориях увеличилось. Растет недовольство властью. Люди на грани. Я тебе честно скажу, Джабраил, я боюсь. Если этот сброд с окраин

попрет на наши блокпосты, мы не выдержим. А он обязательно попрет. Рано или поздно.

– Прижми их к ногтю. Вопросы безопасности полностью во власти СБА, – сказал Пракаш.

Он был прав. Верхолазы платили СБА. Сегодня они платили лично Мортенсу. И их особо не беспокоило, какими путями директор обеспечит стабильную обстановку и защиту корпоративных территорий. В конце концов, другого кандидата на этот пост они всегда найдут. Такого, кто не станет колебаться. Но...

– У нас связаны руки, – возразил Мортенс. – Сеть практически не работает. Даже те остатки, что функционируют сегодня, подвергаются постоянным атакам. Мы не можем уследить даже за тем, что происходит на корпоративных территориях. Окраины – вообще живут своей жизнью. Эмир Шотландии постоянно прощупывает почву о ситуации у нас – он не оставляет надежду ввести Эдинбург в состав своего эмирата. Хитрая крыса! Они свое получили, с них взятки гладки, а очередной караван с продовольствием не добрался до Анклава.

– Почти в каждом клане на окраинах есть наши люди. Или – люди наших людей, – возразил начальник внутренней безопасности. – Мы имеем относительный контроль над окраинами.

– Но не над территориями халифата. Кто нападает на караваны?

– Кто угодно. Рассказать некому – никто не вернулся. Проследить всю территорию эмирата мы просто не в состоянии. У меня есть свои методы, но они не всегда приносят плоды на чужой территории.

– И внутри Анклава: не переоценивай свои силы, Джабраил. Люди наших людей – это очень расплывчатое понятие. Мы не можем проследить за ними, нам приходится строить из себя великих психологов и верить всем на слово.

– Или не верить.

– Или так. Но не забывай, что каждый ведет свою игру. У каждого свои планы на жизнь.

Пракаш усмехнулся:

– Чего это ты сегодня решил вспомнить о прописных истинах? В конце концов, аналитический отдел занимает целый этаж в «Солнечной игле». И, скажу тебе, ребята едят свой хлеб не зря.

Мортенс, глядя куда-то в сторону, покачал головой.

– Мне постоянно кажется, что мы недооцениваем то, что происходит сейчас в Анклаве. Держи их, Джабраил, держи. Любой ценой, осталось всего ничего, нам нужно дотянуть.

Верхолазы заперлись в своих отлично охраняемых силами СБА районах. Они думают, что все вопросы можно решить силой или деньгами. Можно, но не в ситуации, когда терять уже нечего. А именно такая ситуация сегодня и складывается в Анклаве. Только верхолазам об этом лучше не знать.

Когда мир рухнул – в самом прямом смысле, – после короткого ужаса и депрессии в Эдинбурге царил некоторая эйфория. Конечно – большинство Анклавов пострадало намного сильнее Эдинбурга, от Рио, к примеру, по сводкам, вообще ничего не осталось. Даже мусора – только голые, словно облизанные скалы. Морти помнил эту картинку, снятую со спутника, которую неоднократно показывали в новостях год назад.

Эдинбургу повезло – разрушения можно назвать незначительными, радиоактивный фон, несмотря на целую серию аварий на АЭС в Британском халифате, оставался на относительно невысоком уровне. Но эйфория быстро закончилась – вместе с запасами продовольствия. Тогда началась первая волна беспорядков.

Толпы голодных ублюдков, решивших, что хуже уже не будет, вышли на улицы. За пару дней люди превратились в толпу, которая перла с окраин в центр, желая вытрясти душу из верхолазов и пожить как богачи.

Тогда Мортенс сказал, что стрелять не имеет смысла. Конечно, безы оборонялись, отступая в глубь корпоративных территорий, но масштабных боев СБА не вела. Койман

тогда согласился, и это, как считал Мортенс, спасло ситуацию.

Сценарий отработали старый как мир. Верхолазы выжали все, что могли, из своих владений – с тех пор каждому жителю Анклава полагался бесплатный паек трижды в неделю. Людей попросту купили. Где-то все-таки пришлось пострелять – заводилы и провокаторы не везде поняли бесперспективность своих действий, а где-то – Мортенс был в этом уверен – действовали люди извне. Скорее всего посланцы милейшего и миролюбивейшего эмира Шотландии.

Спокойствие, воцарившееся на улицах Анклава после введения бесплатных пайков, разумеется, было мнимым. Не было никакого спокойствия, просто еду большей части населения взять больше негде, но пока голодных смертей почти не случалось, власть удавалось удерживать.

Мортенс быстро понял, что без сети он никак не может контролировать Анклав. Безы не знали, что происходит в соседнем с блокпостом переулке, что уж говорить об окраинах, в которых спокойствия не было и до Катастрофы.

Но выход был найден. В глубинах истории: сеть, «балалайки», СБА – эти вещи существовали не всегда. Мортенсу удалось довольно быстро наладить нечто вроде сетевого маркетинга на территории всего Анклава. Правда, пришлось пожертвовать чистотой кадров, позволив части сотрудников СБА участвовать в организации преступных сообществ. Проследить за сделками теперь было невозможно, все тайное оставалось тайным. Но круговая порука, устроенная директором, работала неплохо. Бандиты носили дань безам, прикрывающим их, безы – начальству. Все работало как надо.

Деньги и услуги интересовали людей всегда. Денег много не бывает, способ борьбы со взяточничеством и воровством во все времена только один – поймать вора с поличным и отрубить ему руку: хоть в прямом, хоть в переносном смысле. Никакие повышения зарплат действия не имели.

Но Мортенсу деньги не были нужны, он и так неплохо себя чувствовал, пока верхолазы считали, что он справляется со своими обязанностями. Мортенсу была нужна информация, и он ее получал. Вместе с деньгами начальники отделов требовали от подчиненных отчетности о планах их группировок. Люди часто ввали, это понятно, но современные аналитические методы позволяли без большого труда проследить общие тенденции даже в море лжи.

Пока удавалось вовремя выявлять назревающие проблемы и устранять их. Разными способами. Но с каждым днем эти способы работали все хуже. Экономика Анклава постепенно росла. Но слишком уж медленно, намного медленней, чем того требовала ситуация.

– Ты слышал о предложении Мертвого? – спросил Мортенс у Пракаша.

Вместе с предложением о подключении к сети представители «Наукома» принесли еще одну вест. Еще одно предложение, которое слишком походило на требование. Очень заманчивое. И столь же, как и их сеть, неоднозначное.

– Ты веришь в эти рассказы? – Пракаш всегда слыл человеком прагматичным. Он никогда не верил в то, что не мог пощупать собственными руками.

– Какие у нас основания сомневаться? Ведь для чего-то они затеяли эту опасную игру на Станции.

– Я думаю, игру на Станции они затеяли, чтобы заграбастать Новую энергию в свои руки. Чтобы повелевать миром. Именно это они и делают – сначала сеть, потом выселение. Через полгода придумают что-нибудь еще. Они пытаются показать, что это все – жесты доброй воли, помощь ослабевшим Анклавам. Но это не так. Если мы согласимся на их подачки раз, потом другой, то в один прекрасный момент можем обнаружить, что от нас уже ничего не зависит.

– То есть ты бы не ввязывался в это дело?

Представители «Наукома», прибывшие два дня назад на самолете из Москвы, рассказали Мортенсу о новых мирах. Они передали предложение Мертвого – двери в один из этих миров были открыты для всех желающих. Москвичи даже брались помочь с

транспортом. Единственное требование, которое они выдвигали – организация на территории Анклава лагеря, где можно было бы производить отбор желающих.

Колонизация новых миров – занятие непростое и до конца никому не понятное. Поэтому всех подряд сейчас взять они просто не в состоянии. Слишком много требуется еще сделать, слишком много работы на самой Станции.

На прямой вопрос Мортенса, можно ли вернуться назад, переговорщик ответил уклончиво: «Можно, но обратную транспортировку мы не обеспечиваем». То есть это был билет в один конец.

– Если мы согласимся, на Эдинбурге можно поставить крест. Не сегодня, может – и не завтра. Но рано или поздно Анклав исчезнет. Анклав – это люди. Мы с тобой, в конце концов.

Мортенс кивнул. Все это он прекрасно понимал. Понимал, зачем науковцам нужен лагерь – первыми в другой мир отправятся самые активные, самые умные, самые сильные. Глупо отправлять на колонизацию неудачников, неспособных выбраться из замкнутого круга житейских проблем. Тогда возникал резонный вопрос – кто останется в Анклаве спустя год, два, пять после начала эмиграции? Те самые неудачники. Только они. Тот сброд, который никуда не возьмут – балласт никому не нужен.

– Если москвичи решат воздействовать на нас методами более сильными, чем уговоры и предложения, мы не выдержим давления, – заметил Мортенс.

– Полагаю, не начнут, – сказал Пракаш. Индус разбирался в подобных вопросах хорошо. – Подобную политику они проводят по всему миру. Многие соглашаются. Если Мертвый снова станет потрясать кулаками, авантюра «Наукома» грозит провалиться – власти других Анклавов согласятся с их предложениями, но будут делать все по своему усмотрению. Они не станут слушать москвичей, понимая, что им не просто предлагают помощь, а навязывают ее.

– Ты думаешь, они этого сейчас не понимают? Только мы с тобой такие умные?

– Понимают. Не все, конечно. Но строить предположения, как мы с тобой сейчас, и знать наверняка – это совершенно разные вещи.

На «балалайку» Мортенса пришло сообщение. Оно вызвало удивление – на один из незарегистрированных коммуникаторов, что хранились в запертом ящике стола директора эдинбургского филиала СБА, пришел вызов. Странно, кто бы это мог быть? В сообщении не говорилось о том, откуда звонок – все правильно, сообщения «балалайки» можно прочесть, поэтому только информация о звонке.

– Извини, у меня вызов, – сказал Мортенс собеседнику.

Мортенс открыл ящик, приложив к потайному сенсору большой палец левой руки. Внутри лежали четыре незарегистрированных коммуникатора, экран одного из них светился. На нем отображались входящие данные, открывшиеся после дешифрования.

По спине директора СБА пробежал холодок. Он вспомнил старую поговорку, которую считал изобретением безвольных слабаков, что по всем счетам рано или поздно приходится платить. Не может быть, этого звонка Мортенс никак не ожидал.

Он резко захлопнул ящик, так и не прикоснувшись к требующему ответа коммуникатору. Не разговаривать же с тем, кто звонил, в чьем-то присутствии, в самом деле. Даже если это Джабраил. Да и разговаривать большого желания Мортенс не испытывал.

– Ничего важного, – бодро резюмировал Мортенс.

6

В этот раз Бойд отправился к фермерам лично. Дело не терпело отлагательств – так он сказал. И взял с собой Лохлана.

Вообще последние дни Шотландец был сам не свой, постоянно ворчал и выражал недовольство. Лохланом – в том числе.

Флетт уже несколько раз слышал высказывания Бойда в свой адрес, что непонятно,

зачем его, Лохлана, содержат в клане.

У Бойда что-то не получалось, что-то не клеилось в его планах. На самом деле Лохлан обычно принимал самое непосредственное участие в жизни клана, неоднократно отправляясь на переговоры с другими бандами, советовал Бойду, оценивал ситуацию с позиции науки. Сегодня его знания социопсихологии могли пригодиться как никогда – в мире все значительно упростилось, система регулирования жизни в обществе стала примитивной, скатившись почти на первобытный уровень. Деньги все еще имели цену, но с каждым днем эта цена падала, причем настолько стремительно, что не исключено – скоро экономика перейдет к чему-то вроде древнего натурального хозяйства.

Лохлан, имея внушительный багаж знаний в области истории и настоящего, а также особенностей формирования различных течений в человеческом обществе, мог легко предвидеть, к чему приведет тот или иной ход. И Бойд этим умело и с удовольствием пользовался.

Но сейчас он был не в настроении и решил, что Лохлану не помешает нюхнуть порохового дыма и вспомнить цвет крови. Сегодня, к счастью, – чужой.

– А то засиделся ты, о жизни рассуждаешь, а жизни-то и не нюхал, – ворчал Бойд, забираясь в свой «Ауди Дромадер».

Вероятно, Лохлан что-то упустил. Посоветовал Бойду что-то, что не имело успеха или, скорее всего, принесло отрицательный результат. Ничего страшного, промахи у всех бывают.

Кортеж из четырех черных внедорожников быстро добрался до развязки, выведшей их на шоссе, уходящее на территорию Британского халифата. Блокпост проехали не притормаживая – все безы в Скотланд-Ярде получали от Бойда щедрую дань. На самом деле это решало только вопрос скорости перемещения: и Лохлан, и Бойд прекрасно понимали, что информация о том, что представители клана регулярно навешиваются на земли халифата, секретом ни для кого не являлась.

Ехали недолго, не больше получаса. По обе стороны шоссе до самого горизонта простирались поля начавшей желтеть пшеницы. Людей видно не было, но Лохлан знал, что это обман: каждое поле тщательно охранялось. По-другому нельзя – времена цифровых технологий в этих краях ушли в прошлое, здесь правил бал странный и дикий порядок. Порядок силы и технологического превосходства. Землей владел тот, кто оказался сильнее, наглее и у кого осталось технологий хотя бы на одно устройство больше, чем у соседа.

Вскоре машины свернули на грунтовую дорогу, поднимая тучу желтой пыли. На невысоком холме показался довольно большой и ухоженный дом. По степени укрепленности, да и по архитектурному решению, этому поместью больше подошло бы название «замок». Все возвращалось к далекому прошлому – падать проще и быстрее, чем карабкаться вверх.

Внедорожники клана остановились у высокой ограды. Сверху, в закрытых каменных башнях, из узких щелевидных бойниц торчали стволы «ревунов». У ворот – высоких и мощных, укрепленных титапластом, – стояли двое мужчин, вооруженных «дрелями». Встречающие взирали на «гостей» недобро.

Лохлан, осмотрев укрепления, начал сомневаться в правильности расчета Бойда. Их в четырех машинах вместе с водителями было девятнадцать человек. Сколько в доме, Лохлан не знал, но размеры поместья наводили на мысль, что за высоким забором их ждет больше двух десятков бойцов.

Бойд выбрался из машины первым. Бобби, личный телохранитель Шотландца – здоровенный парень, на голову выше самого Бойда, – не успел, он только открыл дверь, когда его подопечный уже решительно шел к двум вооруженным людям.

– Где Эванс?! – перекивая ветер, прорычал Бойд.

– Дома, – ответил один из встречающих.

Бойду здесь явно не были рады. Лохлан был убежден, что не зря.

– Открой ворота! – гаркнул Бойд, направившись к дверям.

Бобби неотступно шел следом за Шотландцем. Правая рука телохранителя лежала на поясе, готовая в любой момент выхватить «дыродел» или «дрель», которые торчали у него под одетой навывпуск рубашкой. Остальные члены клана тоже заняли позиции вокруг ворот.

– Лохлан, – позвал Бойд, – иди сюда.

Флетт нехотя выбрался из казавшегося таким безопасным внедорожника. Подставиться под пули желания не было, но у Бойда сегодня был совершенно иной настрой. Он желал видеть Лохлана рядом с собой.

– С чего ты взял, что Эванс хочет тебя видеть?! – крикнул тот мужчина, который говорил с Шотландцем.

Бойд стоял лицом к воротам и на обращение охранника даже не обернулся. Только пробурчал под нос:

– А с чего ты взял, что меня интересует, кого хочет видеть Эванс, а кого нет?

В этот момент и начался ад. Лохлан был не готов к столь резкой смене декораций. Наверху, прямо над их головами, прогремели два взрыва, один за другим, почти одновременно. Охранники вскинули «дрели», но даже не успели надавить на курки – несколько очередей, выпущенные головорезами Бойда, наделали в них столько дырок, что не помогли и бронежилеты. Два окровавленных тела, с виду похожих на свежую отбивную, с глухим стуком упали на землю. Лохлан подумал, что меньше десяти секунд назад один из них разговаривал с Бойдом, и его затошнило. Он наклонился, намереваясь освободить желудок от съеденного пару часов назад завтрака, но Шотландец потянул его за собой, уводя в сторону от двери. К прочному титапласту, окруженный несколькими бойцами, подскочил машинист, один из нескольких, работающих на клан, – Лиса осталась дома, рисковать ее очень ценной головой Бойд не собирался – подключил «раллер» к кодовому замку и начал взлом.

«То есть головой девчонки он рисковать не хочет, – подумал Лохлан, – а аналитик ему, значит, ни к чему!» Внутри закипало возмущение и обида. Тошнить тут же перестало, но захотелось врезать по квадратной физиономии белобрысого Бойда.

– Не стой как столб, зацепят! – бросил ему Бойд. В голосе Шотландца явно читалась насмешка.

– Да пошел ты! – крикнул в ответ Лохлан, вырвав из мощного захвата руку.

Очень хотелось по-детски все бросить и уйти, совсем уйти, пусть сам разбирается со своими переговорами, стратегией и политикой клана. Но останавливали два момента – во-первых, уйти сейчас можно было только в поле, прямо под пули охраны фермерского замка; а во-вторых, Лохлану, несмотря на страх и обиду, было действительно интересно, чем закончится это дело и для чего Бойд взял его сегодня с собой.

Дверь тихо пискнула – Лохлан скорее почувствовал вибрацию воздуха, чем услышал звук в какофонии криков и выстрелов, – но не открылась. Бойцы и машинист, что стояли там, бросились врассыпную. И тут же в титапласт полетел реактивный снаряд из гранатомета. Внутри, по всей видимости, был еще и обычный засов. Но взрыва ракеты он не выдержал: дверь целиком провалилась внутрь.

В еще дымящийся проем проскочило несколько бойцов, следом Бойд толкнул ничего не понимающего и немного оглохшего Лохлана и вошел сам.

Сколько времени длился штурм, Лохлан сказать не смог бы. Наверное, недолго, минут пять, самое большее – семь. Но Флетт предпочел бы неделю копать траншеи, чем еще раз пережить подобные минуты. Когда затихло, он украдкой на всякий случай проверил штаны – одежда была сухая и спереди и сзади.

Из дома вывели мужчину лет шестидесяти. Невысокого, но широкого в плечах и мощного, словно медведь. На скулах хозяина дома играли желваки – всем было件нятно, что ничего хорошего его не ждет.

– Ну, здравствуй, Эванс, – сказал Бойд. Именно сказал, не поздоровался.

Эванс бросил короткий взгляд из-под густых бровей вверх и снова уставился на Бойда. Лохлан поразился реакции Шотландца. И его прозорливости – спустя мгновение где-то

вдалеке раздался выстрел, и чуть дальше того места, где стоял Бойд, в каменную стену дома ударила пуля. Судя по траектории, стреляли издалека.

Бойцы мгновенно кинулись врассыпную, укрывшись за дверьми и углами здания, тот, что держал Эванса, стал сзади него, используя пленника в качестве живого щита. Но стрелок оказался хорош – следующая пуля его все же достала. Боец коротко всхлипнул и рухнул на спину, завалив за собой и Эванса. Верхняя часть головы бойца была раздроблена, из затылка толчками выплескивалась темная кровь.

Лохлан почувствовал, что тошнота снова начинает подкатывать к горлу. И вокруг сразу стало как-то темно, будто внезапно опустились сумерки. Флетт от дурноты помотал головой и понял, что потемнело у него в глазах.

– Ты смотри, смотри, – сказал ему Бойд, – как бывает. И запоминай. Тогда и анализировать будешь, учитывая реальность.

– Зачем ты меня сюда притащил? – глотая набежавшую слюну, спросил Лохлан.

– Засиделся ты, размяться пора.

За воротами взревел двигатель одного из внедорожников – двое бойцов уехали на поиски снайпера. А хозяин поместья вскочил на ноги и активно замахал руками, видимо, подавая знаки стрелку. За что и получил прикладом по затылку.

Снайпера привезли минут через десять. Стрелок оказался женщиной, довольно молодой, явно не старше тридцати. Высокая, с хорошей фигуркой, отметил про себя Лохлан, удивившись прозаичности возникших в этом бардаке мыслей. У женщины были светлые, спутавшиеся от крови и грязи волосы. Под правым глазом у нее наливался огромный синяк, из разбитого носа сочилась кровь.

Только когда снайпершу привели на подворье, бойцы расслабились и вышли из укрытий.

– Как зовут? – поинтересовался Бойд, делая вид, что с интересом разглядывает черную винтовку. На вороненом металле виднелась четкая вытравленная серебристым надпись «Произведено «Науком».

Но на самом деле он не отводил глаз от девицы, явно пуская по ее поводу слюни – Лохлан знал, что означает этот сальный блеск в глазах Бойда.

– Тони, – не разжимая зубов, промычала снайперша.

– Хорошо стреляешь, Тони. – Бойд поднял на женщину тяжелый взгляд. Снайперша непроизвольно съезжилась. – Молодец.

Эванса привели в чувство. Тот стал еще мрачней. Его тусклый, полный ненависти взгляд вспыхнул, только когда из дома привели двоих парней – сыновей хозяина. Эванс сразу начал что-то причитать, но, увидев полное безразличие к нему Шотландца, затих и снова помрачнел.

Бойд о чем-то разговаривал с Тони, снайпершей. Лохлан не слышал их разговора – Бойд отвел ее в сторонку. Молодая женщина была серьезна и периодически кивала, бросая взгляды на людей из окружения Эванса.

Лохлан забился в какой-то угол. Хотелось спрятаться, уйти, исчезнуть. Размялся, нечего сказать! Флетт смотрел на отвратительное действо, он испытывал отвращение, глубокое и искреннее. Но он понимал, что видит сейчас то, о чем думал, когда составлял для Бойда прогнозы. Да что там Бойд – примерно это он имел в виду, когда вел научную работу. Теоретик! Книжный червь! Представлять легко – все происходящее в социуме казалось ему логичным и правильным. Он обладал знанием, на основе которого мог предугадывать грядущие события, изменения интересов и поведения групп людей. Для этого совершенно не важна личность Бойда, Лисы, этой вот Тони или его, Лохлана. Существовали условия, в которых наиболее вероятным было то или иное поведение толпы. Массовые тенденции, тренды. Ничего более.

Но здесь все графики и тренды превращались в живых людей. В наглых, беспринципных, беспощадных, но – живых. И истекающих кровью, когда в них стреляли.

– Ты прекрасно знаешь, Эванс, почему я решил навестить тебя, – сказал Бойд, закончив

разговор со снайпершей и вернувшись к стоящему на коленях хозяину поместья.

Голова Эванса мелко задрожала, слышались всхлипывания.

– Не тронь мальчиков, Бойд. Делай со мной, что хочешь, а их не тронь, – прошептал фермер.

– Ты зачем напал на караван? – игнорируя слова Эванса, задал вопрос Шотландец.

Фермер окинул всех своих, что защищали поместье, недобрым взглядом. Ясно, что выдал кто-то из них, но кто – Эванс не знал. Если б знал, наверное, перегрыз бы сейчас предателю глотку, по-звериному, зубами.

– Я все верну, Шотландец, – смиренно произнес он.

– Не сомневаюсь, – ответил Бойд. Но добавил, лишив фермера всяческой надежды, – что вернул бы. Ты назвал меня Шотландцем, Эванс, но кто тебе дал такое право?

Фермер поднял голову и, не моргая, смотрел Бойду прямо в глаза. Его взгляд был полон ненависти и презрения. Но Бойду этот театр, похоже, был безразличен.

– Ты, тот, в чьих жилах течет шотландская кровь, подставил под удар своих братьев. Ты ведь знаешь, что восемь из десяти фермеров в округе – шотландцы. Ты знаешь, как поступят безы, когда выяснят, в каком районе было совершено нападение на караван. Ты в курсе, как поступит эмир, когда ему расскажут безы. И ты называешь меня Шотландцем. Не погань своим языком наш народ!

Да, Бойд был по-своему прав. Безы не стали бы разбираться, кто прав, кто виноват – слишком хлопотно и накладно. Куда проще устроить показательное уничтожение всех, кто *мог бы*, заодно восполнив потери из фермерских закромов. Эмир вмешиваться не станет – своими силами эмират справиться с бандитизмом на дорогах не мог. Или не хотел. Но законы шариата старик чтит свято: лишиться руки – это самое простое, что ждало попавших в облаву фермеров.

– Ты не понял, Эванс, – мягко проговорил Бойд. Он подошел к стоящему на коленях фермеру и нежно гладил его по седым волосам. – Ты умрешь не потому, что уничтожил караван безов. Нет, это я могу тебе простить. Но ты забылся, Эванс. Ты позволяешь себе рассказывать всем в округе, что Бойд тебе не указ, что ты сам решаешь что, как и когда тебе делать. Ведь так, Эванс?

Пальцы фермера сжали пучки травы, пробивающиеся из трещин в бетонном покрытии двора, но он промолчал.

– Многие совершают ошибки, всем хочется решать самому за себя, – продолжал свою проповедь Бойд. – Это нормальное человеческое желание. Только не у всех получается жить таким образом. И это замечательно. Ведь так, Лохлан?

Флетт, не ожидавший, что от него здесь чего-то ждут, вздрогнул, пытаясь понять, чего хочет Бойд.

– Я правильно говорю? – повторил Шотландец.

Лохлан собрался с мыслями, стараясь вспомнить, о чем толковал Бойд. Нет, он, конечно, был прав. Людям нужны поводыри, иначе они начинают бесцельно топтаться на месте, словно выводок слепых котят. Но никакой роли не играет, кто станет тем поводырем – социум все равно будет развиваться по определенным законам и то, что должно случиться, рано или поздно произойдет.

– Да, – без особого энтузиазма согласился Лохлан.

– Вот видишь, – снова обратился к Эвансу Бойд, – он знает, что говорит. Он по этой части профессор. Человек может совершить проступок, может ошибиться – ненамеренно или сознательно. Но когда он начинает уговаривать соседей свернуть с правильной дороги, он уже не просто ошибается. Он сам роет себе могилу.

– Только ма... – вырвался из груди Эванса не то крик, не то стон, но закончить фразу он не успел: Бойд резко дернул его за волосы, уперев колено в спину. Шейные позвонки противно хрустнули, глаза фермера замерли, словно у выключенного робота, и мертвое уже тело рухнуло плашмя на бетон.

Бойд пошел к выходу, небрежно дав бойцам знак рукой. Трупы обоих сыновей фермера

с перерезанными глотками упали, обильно пачкая пыль двора красным.

– Земля отходит Грегу аль-Саберу, – не оборачиваясь, сообщил Бойд.

В воротах Шотландец остановился на секунду, выхватил взглядом из толпы пленников, держащих руки за головами, женщину по имени Тони и поманил ее к себе. Когда та, не опуская рук, подошла, Бойд сграбастал ее за шиворот и затолкал в машину, не забыв шлепнуть по округлостям, мило выпиравшим у снайперши сзади. Среди бойцов Шотландца слышались смешки, а кто-то сказал: «Смотри, чтобы эта девка не отстрелила тебе яйца». Флетту подобное веселье показалось нездоровым.

Лохлан, понимая, что сегодня вряд ли уснет, не дожидаясь приглашений, пошел следом за предводителем клана.

– Чему было посвящено шоу? – спросил Лохлан, когда «Дромадер» Бойда отъехал от поместья метров на триста.

Он старался говорить ровно и спокойно, но понимал, что голос все равно предательски дрожит.

– Обычные бандитские разборки. Не бери в голову, – махнул рукой Бойд. Он выполнил то, что задумал, теперь это дело его больше не интересовало.

– Я спрашиваю о своем здесь присутствии, – пояснил Лохлан, хотя Шотландец и так все прекрасно понимал. Просто не хотел говорить.

Бойд делал вид, что с интересом рассматривает окрестности. За окном тянулись все те же поля, в центре каждого был небольшой холмик. Там внутри наверняка прятался сторож с «ревуном» или «смерчем».

– Ты обещал рассказать мне, как должно все пройти, если мы начнем то, что задумали, – не поворачивая головы, сказал Бойд.

– Да, – ответил Лохлан. Он не понимал, к чему клонит Шотландец.

Предводитель клана наконец соизволил повернуться к собеседнику. Его лицо выражало крайнюю серьезность.

– Я хочу, чтобы ты, когда будешь оценивать ситуацию, помнил то, что только что увидел.

– Я... – начал Лохлан и осекся.

Он ожидал от Бойда чего угодно, только не заботы о жителях Анклава. Лохлан привык видеть главаря преступной организации решительным, бесстрашным, умным, наконец. Но никак не заботливым и жалостливым. Преступность плохо уживалась с умением думать о ближнем. Но Бойд оказался более дальновидным и... человечным, чем о нем думал Лохлан. Возможно, это лишь расчет – кто знает? Бойд был неплохим политиком, он умело пользовался не только кнутом, но и раздавал в нужное время пряники. Но в этот раз, Лохлан был уверен в этом, Бойд на самом деле переживал о людях.

– Конечно, – ответил Флетт, – подобный урок я вряд ли забуду.

И про себя добавил: «И всякий раз, разрабатывая новую схему для Бойда, буду снова и снова видеть, как хлещет кровь из распоротого горла двадцатилетнего пацана».

7

В этот раз безы прислали гонца. Видимо, дело было серьезным, иначе – с чего бы такая честь?

Бойд уже не первый раз встречался с официальными властями, но в нынешнюю резиденцию СБА, в Замок, его пригласили впервые.

Он не знал, чего хотят безы, не знал, чего ждать от сегодняшней встречи. Он даже не был уверен, что вернется назад – приглашение вполне могло оказаться ловушкой. Хотя причин переживать не находилось – Бойд точно знал, что ничем перед СБА не провинился. Скорее наоборот: многое из того, чем занимался клан, было на руку Мортенсу.

Могли ли безы обратить внимание на его приготовления? Наверное, могли. Бойд несколько раз просил Лохлана просчитать вероятность того, что их действия привлекут

внимание безов, что в СБА догадаются. Но рыжий профессор раз за разом убеждал его, что вероятность существует, но она не превышает двух-трех процентов. Два шанса из ста. Немного, когда ставишь деньги в казино. Но когда на кону твое дело, твоя жизнь – жизни многих людей, которые поверили тебе, подобный размах кажется непозволительно большим.

Два шанса из ста. Это в случае, если крысы, прислуживающие безам, поймут, куда нужно смотреть, а их аналитики окажутся достаточно умными – если верить Лохлану, то слишком, просто нереально умными. Существовал еще один вариант – сто шансов из ста. Об этом думать не хотелось, но...

О конкретной цели готовящейся операции знали только три человека: сам Бойд, Лиса и Лохлан Флетт.

Лиса – смышленная девчонка. Она не шотландка, родилась в Британском халифате. Как попала она в Эдинбург, Бойд точно не знал. Какие-то подонки убили ее семью, а ей самой удалось сбежать. Но каким образом она пробралась в Анклав и что делала там на протяжении нескольких лет, рассказывать она не любила. Она ломщица, занималась сетью.

Два с половиной года назад люди Бойда поймали юную нахалку на попытке взлома файлов черной бухгалтерии клана Бойда. Да что там – попытке. Она разворотила сервер клана в пух и прах, камня на камне, можно сказать, не оставила. Благо хватило ума не сливать информацию. Отделалась переломом обеих рук – парни при захвате перестарались – и разбитым носом. Зато приобрела ни много ни мало – статус главного машиниста клана. Теперь черной бухгалтерией Лиса могла наслаждаться когда и сколько ей захочется.

Могла ли она слить информацию теперь?

Бойд заметил, что качает головой в такт своим мыслям. Бобби тупо пялился на то, как босс безумствует, беседуя сам с собой. Шотландец наорал на телохранителя и выгнал его в коридор.

Нервничает. Чертова неуверенность! Как некстати это приглашение именно сейчас. Осталась самая малость, все ведь удавалось!

Так могла ли Лиса предать?

У девчонки была какая-то тайна. Она чего-то хотела, что-то ей нужно, но Лиса никогда и никому не рассказывала об этом. Бойд даже спрашивал прямо, еще в те времена, когда рыжая бестия спала с ним в одной кровати. Да, девчонка была слишком молода и в чем-то неказиста, но в ней что-то было, что-то такое... В общем, Шотландец на нее «запал», сразу, как только увидел. Еще до того, как ей успели вылечить руки. И хотя пыл страсти предводителя клана быстро угас, Лиса все равно оставалась для него близким человеком. Близким по духу.

Нет, она не могла быть агентом безов. Откуда тогда тайна? Понятно, агент – это уже тайна. Но раз уж Бойд это заметил... Нет, столь непрофессионально люди СБА работать не могли. Но могли быть иные причины.

Вдруг она не простила унижения, той обиды, нанесенной ребятами Шотландца, когда они взяли ее с поличным? Сломанных рук, в конце концов? Ведь вот он – шанс отыграться. То, что задумал Бойд, не подпольная торговля «синдином», за такие мелочи безы могли замести в любой момент, если бы захотели.

И потом – Бойд почти никогда не интересовался отношением метелок к себе. Сам он относился к женскому полу, как к необходимому и весьма приятному развлечению. Кто-то из «метелок» проявлял чудеса постельных умений, с кем-то было просто интересно, большую часть из них Шотландец вообще забывал к утру. Но с Лисой все было по-другому, с ней... В общем, похоже на то, что Лиса все еще не ровно к нему дышала, а он этого не замечал. Точнее – не обращал внимания. Короче – Лиса была женщиной.

Лохлан. Профессор Эдинбургского Университета, социопсихолог. Прекрасно разбирается в том, как добиться чего-то от толпы, много лучше самого Бойда. В Анклаве, с его территориями и пестротой населения, это умение очень ценно. Правда, в реальной жизни разбирается плохо, с личными контактами у профессора всегда была напряженка.

С детства Бойд, тогда его еще называли Аласдер или чаще – Алли, – хорошо

разбирался в людях. Он всегда знал, кого лучше обходить стороной, кому можно смело дать по мозгам, а кому сунуть на лапу. Не гнушался он и подставить своих конкурентов, когда того требовала ситуация. Именно это качество, как он считал, помогло ему стать тем, кем он стал. Умение ладить с людьми, а вовсе не сила, как считали окружающие.

Но Лохлан, хоть и был теоретиком чистой воды, мог запросто рассказать, какой результат Бойд получит от той или иной операции. И что самое удивительное, его прогнозы сбывались. Почти всегда.

Бойд неоднократно задавал себе вопрос: что привело преуспевающего профессора, жителя благоустроенной корпоративной территории в его логово. Интерес, поиск лучшей жизни? Вряд ли. Что-то другое. Сам Флетт утверждал, что ему близки идеи Шотландца, что ему интересен сам Бойд – как личность, как политик.

Рыжий появился в тот день, когда Бойд серьезно задумался о том, чтобы распустить свой клан. Да что уж там – позорно сбежать, оставив людей. Тогда он пытался убедить себя, что ребята не пропадут, что прибьются к другим кланам, к Эрику Полголовы, например. Но сам он в это не верил. Именно тогда он и познакомился с Лохланом – в какой-то забегаловке в Даун Тауне. Бойд выпил лишнего, нажрался, как свинья, если уж называть вещи своими именами. Бобби он выставил на улицу. Телохранитель мерз снаружи и с тревогой на лице вглядывался в полумрак паба через мутноватое стекло окна.

Лохлан подсел к нему сам, завел разговор. О чем-то отвлеченном, о судьбах мира. Профессор любил эту тему. Бойд послушал и выложил все, что на душе наболело. Не про бизнес, конечно, просто мысли, идеи – светлые, как казалось самому Бойду, но не находящие отклика в душах людей. Лохлану идеи понравились, они подружились...

В дверь постучали.

– Кто там? – недовольно проворчал Бойд.

Это был Лохлан. Легок на помине. Бойд посмотрел на него, потом достал из кармана монетку и подбросил. Короткий взгляд – орел – и убрал в карман. Он не загадывал. Орел всегда означал, что дело выгорит.

– Я ходил в Punkground и в Муслим, – сказал Лохлан. – Сделал выкладки. Как ты рекомендовал – вспоминая того фермера.

Бойд улыбнулся. Привычка. Это все равно что дышать – когда шутят, ты улыбаешься, даже если не смешно.

– Данные...

– Я знаю, – оборвал его Бойд.

На самом деле он, конечно, не знал. И по выражению лица рыжего догадаться не мог – то ли от нервозности подводило умение понимать людей, то ли у Лохлана рожа и впрямь ничего не выражала. Сейчас Бойд не хотел ничего знать. Он с удовольствием забыл бы все, в курсе чего был, но сделать это невозможно – только смерть приносит забвение, только в смерти можно найти блаженство ничего не ведать.

– Да, и еще: Лиса говорила о программе «Науком». Москвичи предлагают свои услуги всему свету даром. Если они создадут сеть в Эдинбурге раньше, чем мы...

– Расскажешь, когда вернусь, – резюмировал Бойд и жестом дал Лохлану понять, что хочет побыть один. Флетт понимающе кивнул, вытащил из кармана руку и, сжав ладонь в кулак, потряс им перед лицом Бойда, как бы говоря: «Держись!»

К Замку Шотландец отправился на велосипеде. Сначала доехали на автомобиле до большого котлована на месте так и не начавшегося строительства очередного небоскреба между Колдер и Ланарк роуд – там всегда было немногочленно, – затем пересели на менее броский сегодня в Анклаве транспорт. Бойд хотел сохранить инкогнито, не хватало, чтобы среди кланов поползли слухи, что Шотландец прислуживает безам. Ситуация стандартная – все сотрудничают с властями, но все делают вид, что не знают этого.

Бойда встретил невысокий человек, который представился как Чарльз Окито. Внешность он имел под стать имени – с прямыми черными волосами, глаза немного раскосые, на лице не сходящая, будто с детства приклеенная улыбка. Должность Бойду ни о

чем не сказала – заместитель Мортенса по каким-то там вопросам и всевозможным связям. Учитывая стоимость его костюма, которую Бойд без труда оценил как очень высокую, этот самый заместитель был не самым последним человеком в СБА.

Дел у безов, похоже, было немного: Бойда вдруг одолел непонятный кашель, и Окито предложил промочить горло. Около получаса пили в кабинете виски – настоящий скотч, – болтали по старинной английской традиции о всякой ерунде и погоде. Потом Окито, как бы невзначай, поинтересовался состоянием дел за границами Анклава.

– Я живу в Эдинбурге, – уклончиво ответил Бойд, – дела Британского халифата меня не касаются.

– Разумеется, делами халифата занимается лично уважаемый халиф Али аль-Мамун IV, – улыбнулся Окито. – Я спрашивал вас об отношении окраин Анклава с окрестностями. Вы же не станете отрицать, что таковые отношения имеют место?

Бойд гадал, чего хочет Мортенс. Не Окито – тот лишь говорящая кукла. Прекратить все неофициальные отношения с фермерами? Или просто взять их под свой контроль? И самое главное – как он этот контроль собирался осуществлять?

Какой тактики лучше придерживаться – защита или нападение? Сложность беседы с Окито для Бойда состояла в том, что он не мог понять, чего от него хотят. Мортенс наверняка именно этого и добивался. Жаль, здесь нет Лохлана – рыжий профессор быстро разобрался бы во всех течениях и прогнозах.

Ясно одно – в СБА подозревают Бойда в причастности к нападению на караван.

– Там, где Служба Безопасности не в состоянии обеспечить даже собственной безопасности, простым гражданам приходится защищаться самим, – сказал Бойд.

– И вы им в этом помогаете? – С лица узкоглазого не сходила улыбка.

– Я такой же простой гражданин Анклава, как все, кто живет рядом со мной, – Бойд надеялся, что Окито уяснил, что разговаривать с заместителем в роли хозяина Скотланд-Ярда он не намерен.

В конце концов, спецназ на территорию они сейчас все равно не введут – не тот случай. И в спокойные времена безы сто раз подумали бы, прежде чем начинать активные действия. Сегодня организованная война двух кланов в любой территории фактически взорвет весь Анклав – ресурсов и площадей не хватает, и любовь к соседям, не таким, как ты, от этого не становится крепче.

На самом деле СБА сегодня была таким же кланом, как клан Бойда. Немного более вооруженный, немного более оснащенный, с привычкой повелевать и привычкой людей им подчиняться. Но в реальности об управлении Анклавом силами СБА сегодня не шло речи. Прав Лохлан – вся сила Мортенса держится только на «крыше». Верхолазы – вот кто является настоящей властью.

Бойд усмехнулся, ему вспомнилась теория Лохлана, что у всех есть свои хозяева. Даже у верхолазов. Только простые смертные не в курсе, кто это. Не в курсе могут быть и сами верхолазы, но это не меняет того факта, что, возможно, они исполняют чью-то волю, считая ее своей.

– СБА всегда прислушивается к мнению граждан Анклава, – сообщил Окито.

«И поступает так, как сказали верхолазы», – подумал Бойд. В целом это правильный подход – с «крышей» спорить себе дороже.

– У нас к вам деловое предложение, – Окито перешел на серьезный тон, улыбка исчезла с его приплюснутого лица. – Мы хотели бы...

– Вы делаете предложения подобного рода всем гражданам Анклава? – резко поинтересовался Бойд и закашлялся. Острая боль в горле, появившаяся, когда он перешагнул порог Замка, несмотря на выпитое виски, не проходила.

Вот теперь он окончательно решил напомнить СБА, что Скотланд-Ярд и даже отчасти Punkground – это его территория. У безов были Даун Таун, Университет и Thunderhall. Хашим Сули заправлял в Муслиме. А то, что Лянг Ши сливал информацию СБА и смотрел в рот Мортенсу, – это его личные проблемы. Наверное, китаец, не ощущая сильную руку

«большого брата» у себя на заливке, почти исчезнувшую после того, как связь с Народной Республикой стала делом проблематичным, чувствовал себя неуютно.

– Не забываетесь, МакДональд, – выражение лица заместителя Мортенса окончательно изменилось, на нем не осталось и следа прошлой слащавости.

– Называйте меня Бойд.

Пустые угрозы – если был хотя бы малейший шанс, что Бойда за какую-нибудь дерзость могли убить или упечь в казематы, к нему не обращались бы с «предложением». Которое, судя по началу беседы, больше походило на просьбу.

Окито замер. Он несколько раз открыл и закрыл рот, но так и не вымолвил ни слова. Он не знал, чем продолжить. Бойд решил помочь.

– Если вы *пригласили меня* сюда, чтобы сделать *мне* деловое предложение, – объяснил Бойд, он старался говорить очень мягко и вежливо, – то хорошо бы *мне* выслушать это предложение от руководителя... клана. А не от его никому не известного, извините, заместителя.

– СБА – не клан, – прошипел Окито. Он в общем-то не был возмущен. Заместитель явно просил чьего-то совета, связавшись с ним посредством «балалайки».

Дверь, которая располагалась сзади и слева от Бойда, открылась. Послышался стук шагов, но Шотландец не оборачивался.

– Бойд, перестаньте валять дурака. – Голос директора эдинбургского филиала СБА Шотландец узнал без труда.

Он довольно улыбнулся – его предположения полностью оправдывались: положение Мортенса оказалось весьма затруднительным, и он не погнушался лично прибыть для беседы с обычным бандитом. Как думали о Шотландце в СБА.

Бойд встал, учтиво склонив голову, и максимально вежливо поздоровался, борясь с подступившим к горлу кашлем. Мортенс даже удосужился пожать протянутую руку.

– В Анклаве большие проблемы, – без вступлений начал Мортенс, – и сейчас совершенно не время выяснять отношения. Мы все здесь в большом затруднении. Электричества нет, сети нет, еды не хватает... И караваны эмира постоянно подвергаются нападениям.

Бойд закашлялся.

– Вам нужна медицинская помощь? – поинтересовался Мортенс.

– Спасибо, не нужно. Сейчас пройдет, – Бойд на самом деле почувствовал, что боль в горле исчезла столь же внезапно, как и появилась. Странно, что это с ним?

Все-таки они подозревают его клан. Зря.

– Виновные в позавчерашнем захвате наказаны, – коротко сообщил Бойд. – Жители Скотланд-Ярда тоже голодают, но их надежды не всегда оправдываются. Безопасность страдает.

Мортенс на секунду замер. Нет, разумеется, спасибо он не скажет.

– Наше предложение к этому не имеет отношения, – сменил тему директор. – Мы все прекрасно понимаем, что одной из центральных проблем нынешнего мира является отсутствие нормального сообщения. Сеть не работает, а то, что работает, – жалкие обрывки, которые больше мешают.

«То-то вы продолжаете эти обрывки содержать и никого в них не пускаете». Бойд едва заметно улыбнулся.

– У нас готов проект создания новой сети, которая охватит весь Анклав и соединит его с остальным миром. Но нам нужна ваша помощь.

«Мортенс правильно мыслит, – подумал Бойд. – Сеть – это контроль, а контроль – это власть. И что прикажете делать с его предложением?» Бойд мало понимал в сети, Лиса намного лучше смогла бы оценить перспективу этого предложения. А каким оно будет, уже и так понятно.

– Нам необходимо провести работы по монтажу оборудования, потом провести наладку, поддержка жителей территории нам не помешает. Вы же понимаете, что

невозможно спокойно работать, когда...

«Так и сказал бы – мои люди боятся сунуть нос в Скотланд-Ярд».

– В чем заключается ваше предложение? – спросил Бойд. Пока что он услышал только то, чего хотелось бы Мортенсу, но не увидел и намека на собственные интересы.

– Вы обеспечиваете порядок в Скотланд-Ярде, мы делаем для вас сеть.

«Интересно, он и правда думает, что кто-то поверит в байку о том, что сеть безы делают для граждан Анклава? Нет, какая-нибудь Нэнси Кэдиган, которая больше всего страдает от того, что не может поговорить со своей подругой, живущей, например, во Франкфурте, конечно, поверит. Только Бойду это зачем говорить?»

И еще один интересный момент – о Punkground Мортенс ничего не сказал. Безы надеются сладить с тамошним сбродом самостоятельно? Очень интересно, Лохлану будет над чем поразмышлять».

Шотландец не стал ничего отвечать. Тишина в данной ситуации была лучшим ответом.

– Сеть и рабочие места, – после короткой паузы добавил Мортенс. Похоже, у СБА дела обстоят даже хуже, чем предполагал Бойд. – Хорошо оплачиваемые рабочие места: рабочие будут наняты из жителей территории.

«Это уже лучше, но... Пока Мортенс готов делиться, стоило урвать кусок покрупней». Бойд вспомнил рассказ Лохлана о сети «Науком». «Что хотел сказать рыжий? В любом случае, сильно артачиться не стоит – москвичи вроде бы предлагают свои услуги вовсе бесплатно.

Разумеется, озвучивать тот факт, что Бойду простят многое в его бизнесе, никто не станет. В данном случае это и так понятно. Но бизнес клана страдает не только из-за попыток СБА что-то ограничить. Но и от простых житейских проблем...»

– И электроснабжение территории, – добавил к списку Бойд.

Мортенс скривил губы. Делать такие поблажки он не планировал.

– Мы рассмотрим этот вопрос после начала работ, – ответил директор.

– Вы можете начать работы без моего участия?

Конечно, это был удар ниже пояса. Но о fairplay здесь речи не велось.

Мортенс был мрачнее тучи. Он все понимал, но все равно покачал головой. Скорее всего он и в самом деле не мог с этим ничего поделать.

– Возможно, частичное подключение по очень ограниченному графику. И только – возможно.

– Когда вы хотите начать работы?

– Сегодня вечером, – Мортенс усмехнулся. – Понимаю, вы за пять минут не справитесь. Но хотелось бы начать не позднее следующей недели.

– Я дам знать, – сказал Бойд, поднимаясь. Никто не пытался препятствовать его уходу – ни словом, ни действием. – Завтра я пришлю моих специалистов ознакомиться с проектом.

Ответом послужило некое удивление директора. «Сеть «Науком», – напомнил себе Бойд, но решимости на его лице не убавилось.

– Мы договаривались о рабочих местах. Помните?

* * *

Серый полумрак, темные стены, мягкая обивка кресел, жесткие браслеты наручников на запястьях. Впереди – конус света, за ним – неясные силуэты. Короткий взгляд влево – часы на месте, время показывают исправно. Только толку от этого немного: сколько было, когда он смотрел на часы предыдущий раз, неизвестно. Нет точки отсчета, нет ничего, только вереницы цифр и букв, которые ни за что не желают складываться во что-нибудь осмысленное.

– Как называлась книга?

Голос усталый, исполненный какой-то странной обреченности. Откуда он?

Лохлан с усилием разлепил отяжелевшие веки. Конус света и серая комната тут же

вернулись. Там, в полумраке, сидят двое мужчин, они дознаватели. Они хотят узнать что-то о книге.

Лохлан сбился и начал вспоминать заново. Один из дознавателей что-то спросил. Интересно, что? Вопросы Лохлан не помнил, но в ответ перед внутренним взором возникало черное ничто. Глубокий черный цвет. Лохлан точно знал, что это ответ именно на тот таинственный вопрос, заданный темноволосым. Кто такой этот темноволосый? Ах, да – один из дознавателей. Они хотят знать о книге.

– Как называлась книга?

Какая ему разница? Никак она не называлась. Но как выразить словами черную бездну, что формировалась в ответ внутри ничего не понимающего мозга Лохлана?

– Дай я его... – послышался другой голос.

За конусом яркого света началась непонятная возня, потом темноволосый сказал:

– Перестань. Мы так совсем вывернем ему мозги, – и обратился к Лохлану: – У книги было название?

Ну, наконец-то! Придумал правильный вопрос.

– Нет, – пробормотал Лохлан.

Черт, голова гудит, но внезапно Флетт понял – ему самому стало интересно, что это за книга. И чего, черт возьми, от него хотят эти двое?! Кто они? СБА? Скорее всего. Если бы только не проблемы с памятью – он абсолютно не помнил, каким образом оказался в этом месте.

– О чем эта книга?

Опять неправильный вопрос. Лохлан не знал, что именно в нем неправильно, но точно был уверен, что этот вопрос просто не имеет смысла. Он с силой помотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение, все глубже погружающее его сознание в пучину беспомощности. Что же происходит?

Нужно попытаться вспомнить. Если этот остроносый тип с черными волосами перестанет допытывать своими вопросами, может быть, что-нибудь и получится. Вот – как выглядит дознаватель, Лохлан уже вспомнил. Теперь дальше.

Они хотят что-то узнать о книге. Книгу Лохлан нашел и хотел продать. Нашел на Пустыре. Там он...

Неясные сполохи в памяти и картинка с каким-то уродцем на переднем плане. И кровь. Ярко-красная на блестящем в багрянце закатного солнца металле. Лезвие. Нож. Его нож!

Да, это он, Лохлан, убил того типа! И нож – теперь Лохлан помнил точно – он потерял. Возможно, эти двое... Хотя какое им дело до какого-то уродливого карлика? Смутил один момент – Флетт не знал, кем был карлик и зачем убил его. А неизвестность, ни для кого не секрет, пугает.

Но книга?..

Мысли прервал голос темноволосого:

– Вы читали эту книгу?

Ах, книга! Вот оно что! Лохлан силился вспомнить, читал ли ее. Открывал – это точно. На самом деле он не помнил, но странно было бы, если бы он нашел книгу и даже не заглянул в нее.

– Мы зря теряем время! – второй голос. Дрожит. Дознаватель с потными руками явно нервничает.

Ага, значит, и про второго дознавателя память тоже прорезалась.

Так что там с книгой? Было в ней что-то интересное?

– Перестань, ты его сбиваешь, – это темноволосый. Он верит в «открывалку».

Да, вот что дурманит мозги – «сыворотка правды». И в глазах резь именно из-за нее. Так всегда бывает. Откуда это знание?

Лохлан дернул рукой, намереваясь потереть воспаленные глаза, но твердый браслет наручника впился в запястье. Темноволосый что-то говорил по этому поводу. Называл как-то Лохлана.

Профессор! Точно, Лохлан на самом деле профессор. Тогда, разумеется, он вполне мог знать и о «сыворотке».

– Химия скоро закончит действие, и он уже вообще ничего не скажет, – снова тот, с потными руками. Да он не просто нервничает, он перепуган до колик в животе, до... потных рук. – Ты же видишь: он самый настоящий «минус». У него мозги на последнем издыхании уже.

Что еще за минус? Про минус Лохлан не знал. Или не помнил. Но внутри была странная, какая-то неуверенная уверенность, что именно не знал.

– Какой он тебе «минус»? Он же профессор.

– Вспомни, где мы его взяли.

– Нет даже следов «синдина», я проверял.

– Значит, перетерпел. Тогда мозги точно погорят – «минусы» без «синдина» уже не восстанавливаются. Это все знают. Оставь его – толку с этой книги?

Лохлану стало весело. Не то чтобы смешно, просто разговор этих двоих его забавлял. С «минусами» немного прояснилось, «минус» – это почти то же самое, что «тритон». Про тритонов Лохлан знал. Но не помнил.

Так что там с книгой? Флетт никак не мог восстановить в трещающей по швам памяти образ фолианта. Только бездонная чернота и шелест бумажных страниц вставали перед внутренним взором.

– Что внутри книги? – не веря в себя, простонал темноволосый.

Дознатель, видимо, совсем уже отчаялся поймать утерянную нить допроса под химией. А зря – если бы он знал, насколько правильный вопрос сейчас задал.

Черная, как смоль, кожаная обложка подсознания Лохлана будто бы получила валидный код доступа. Только это у той самой книги была черная кожаная обложка. Совершенно гладкая и однотонная, никаких барельефов, ни букв, ни иероглифов, ни рун. Тому, кто знает, лишние слова не нужны. Названия нет, потому что называть нечего.

Теперь Лохлан понял, почему вопрос «О чем эта книга?» – порождает абсолютную пустоту. В ней не было никакого смысла, не было содержания или сюжета. Книга ни о чем не рассказывала, она была самодостаточным инструментом, чистой мыслью.

Что было внутри? Листы, бумага. Страницы немного желтоватые, словно в старинных фолиантах из бумаги, которую еще делали из древесины. Хотя скорее всего они именно такими и были.

Каждая страница сверху донизу заполнена текстом. Буква к букве, черные, маленькие. Много букв, много страниц.

Лохлан не читал книгу, только пролистал ее. Страницу за страницей. Когда его пальцы перевернули последний лист, на котором буквы тоже занимали все пространство, кроме узких полей, солнце уже исчезло за маячившими в дымке небоскребами Даун Тауна. Он листал слишком долго, он видел всю книгу – с первой до последней страницы. Видел, но не читал.

Стоит ли об этом говорить? Лохлан был уверен, что дознавателям эту информацию знать не стоит. Он не ведал, откуда эта уверенность, но она не терпела никаких компромиссов: людям из СБА знать о содержимом книги не нужно!

Перед взором вставали буквы. Одна за другой, начало с красной строки: «Avva marda avva, siar...».

Только сейчас, бормоча непонятные слова, начисто лишенные смысла, Лохлан понял, что волен решать, что говорить дознавателям, а что – нет. И это само по себе вызывало удивление: разве он не находится под действием «сыворотки правды»? Разве его мозг не выдает ответы на правильно поставленные вопросы сам по себе, как поисковая программа, загруженная в «балалайку», не замораживаясь с процессом осознания информации?

«...ресрон nisbuen halp yer riger...»

Бессмыслица из черной книги лилась в сознание откуда-то извне, в памяти этого не было. Лохлан был в этом убежден.

«...ver vuesuc sol gi droit...»

Пересохишие губы двигались, повинаясь магии странных слов, рождая звуки.

Вокруг что-то происходило. Оба дознавателя повернулись лицом к Лохлану, глаза их расширились, на лице застыла смесь интереса и полного непонимания.

«...hermon franbur usb da ghisep...»

Лохлан не сразу понял, зачем к нему подошел блондин с потными руками. По какому-то наитию, всплывшему из исчезнувших воспоминаний, Флетт дернулся, ожидая удара в нос или челюсть. Но здоровяк, вытерев руки о штанины, явил на свет чип-карту и освободил руки Лохлана.

«...vaildea fuen fex, hemder trop ti ar biarsem...»

Лохлан пошевелил руками. Запястья ныли, и пальцы слушались плохо, но кости были целы. Он поднялся из кресла – ноги страшно затекли и двигались с трудом – и сделал несколько шагов вперед. Ненавистный сноп света, который источала лампа, стоявшая перед ввалившим в полный ступор темноволосым, исчез из поля зрения, и глаза начали различать детали обстановки. Дверь справа, в двух шагах за спиной заскукавшего дознавателя. Лохлан не стал присматриваться, но ему показалось, что из угла рта бежит тонкая струйка слюны. На вешалке, торчавшей у самой двери, обнаружилась куртка Флетта.

«...pesil plecon nagir veks...»

В коридоре было светло и тихо. Куда теперь? Лохлан не знал ни планировки здания, ни того, в каком, собственно, здании он находится.

«...gul rileer, gul diasa...»

Кто-то подхватил его под руку. Лохлан повернул голову, не переставая бормотать странные слова. Вернее, не слова – звуки.

Какой-то мужчина. Посмотрел на Лохлана с интересом, но в глазах – крошечная тьма и пустота. Он не думает, понял Флетт, его ведут странные слова из черной книги. Его ведет сам Лохлан, его воля, которая вышла из-под контроля и живет своей собственной жизнью.

Некоторое время они бродили по длинным, запутанным коридорам, спускались по лестницам, много раз поворачивали. За временем Лохлан не следил, время исчезло, была только черная книга и слова, которые ничего не значили, но которые продолжали появляться из небытия, наполняя голову странным зудом, заставляющим действовать.

Выход возник неожиданно – за очередным поворотом. Там стояли двое безов в форме, похожие на каменные изваяния. Лохлан, не успев даже подумать, потянулся к затылку и вытащил «балалайку». Чип он положил в коробочку, куда клали вещи, подлежащие визуальному контролю. Через наноскоп «балалайка» не прошла.

«...cam bal isgo, quelfe vio, wornul duel, calur ex».

На улице было холодно, и ярко светило солнце. Где-то позади блистала тысячью его отражений исчезающая в далекой синеве неба «Солнечная игла».

Глава третья

Сейчас

1

Наваждение исчезло, как ноздреватый снег, залежавшийся до начала апреля, под жаркими лучами по-настоящему весеннего солнца. Лохлан всматривался в редкие надписи на домах, стараясь понять, где он. Попыток вспомнить, как оказался в этом месте, он предпринимать даже не пытался.

Судя по архитектуре и чистоте вокруг, он в Даун Тауне. Лохлан помнил, как шел на «Callboard». Помнил...

Нет, дальше он ничего не помнил. Только Элиота, который как-то быстро попрощался и исчез в толпе, сползающей к «Доске объявлений».

«Callboard» находился в Даун Тауне. На огороженной периметром общественной территории перед Замком. В районе, в котором очутился Лохлан, мелькали знакомые названия – Поттерроу, Николсон, Форрест роуд. Над головой переплетались вторые и третьи уровни дорог и пешеходных зон. Иногда в просвете между огромными небоскребами, где, как правило, ютились древние церквушки, виднелся не столь далекий Замок.

Лохлан не мог с уверенностью вспомнить расположение улиц, названия которых ему удалось отыскать. В мире, где много десятилетий работала сеть и «балалайки» услужливо подсказывали любую топографическую информацию, о такой вещи, как вывески с названиями улиц или номерами домов, давно забыли. Остались они только на исторических памятниках, в угоду приезжающим в Анклав туристам.

Здесь, в Ньюингтоне, сеть работала, но «балалайка» Лохлана, которую он, несмотря на отсутствие связи, не вынимал из затылка, почему-то оказалась в кармане. Флетт здраво рассудил, что вытащил ее не просто так. Если он не помнит, когда и зачем сделал это, то не факт, что опасность, заставившая поступить подобным образом, уже миновала.

Он был в закрытой зоне Даун Тауна. На тщательно охраняемой бегами территории.

На улице было немногочленно, но совсем не пусто. Это Лохлан заметил только что, до сего момента ему казалось, что он скитается от небоскреба к небоскребу в совершенном одиночестве. Среди прохожих он дважды видел безов в форме, но, к счастью, на него не обратили внимания.

Лохлан не мог понять, как он преодолел заграждения и блокпосты. Как он оказался в закрытой зоне. Из глубин памяти то и дело появлялись какие-то отрывочные сведения, но мозаика складываться не желала. Он был уверен, что это очень важная информация, что ее необходимо вспомнить, но поделаться ничем не мог – все, что он знал, все, происходящее с ним, исчезало, вытесняемое новыми впечатлениями. Стоило увидеть вокруг что-то, привлекавшее внимание, как из памяти исчезало какое-нибудь событие, произошедшее всего несколько минут назад. Он существовал в одном моменте.

Но, на удивление, это не очень мешало. Лохлан заметил, что в голове как будто что-то изменилось, появилась какая-то легкость. Мысли текли свободно, факты складывались так быстро, что Флетт зачастую не успевал даже осознать их. Решения возникали словно бы из ниоткуда, уже в готовом виде.

Единственное, что всплывало из черной дыры исчезнувшей памяти, была книга. В абсолютно черной кожаной обложке. Бумажная. Что в ней, Лохлан не знал. Он вообще не помнил об этой книге больше ни одного факта. Но уверенность, что найти книгу – сейчас самое важное, не проходила.

Где ее искать? Лохлану стало смешно – как можно найти то, о чем не помнишь и вообще не знаешь, что оно собой представляет. Он попытался восстановить в памяти хоть какие-нибудь вехи, перебирая короткие отрывки событий, что сами собой всплывали из небытия. Яркий свет, вопросы, объявление о продаже, «Callboard», тощий карлик с выпученными мертвыми глазами, Элиот Каннингем, красное, снова яркий свет... Нет, смысла в этих образах Лохлан не находил. Даже порядок, в каком происходили эти события, оставался для него загадкой. Кто такой этот карлик и почему у него мертвые, остекленевшие глаза? Как он связан с Элиотом, и почему глаза Лохлана болят так сильно, что свет солнца, такой редкий поздней осенью, не в радость? Только красный цвет отчего-то казался чем-то важным. Глупость какая-то.

Значит, сейчас поздняя осень. Лохлан обрадовался – первое настоящее воспоминание.

Мимо мелькали каменные стены старинных зданий и сверкающие отражением солнца стеклянные панели сверхсовременных небоскребов. Внезапно Лохлан остановился перед одним из них. Стеклянная стена уносилась ввысь, теряясь где-то далеко в небе. Но не высота здания привлекла его внимание – отражение: в зеркальном с синеватым отливом стекле Лохлан увидел себя.

Лохматые, давно не чесанные и не мытые волосы темно-рыжего цвета, спутанная столь же рыжая борода, карие радужки глаз, обрамленные красной воспаленной сетью сосудов, разбитая, с подсохшей кровью на довольно большой рваной ране нижняя губа. На нем синтетическая куртка темно-зеленого цвета, с пятнами въевшейся грязи на груди и локтях, разорванная в нескольких местах; темные брюки, грязные до такой степени, что определить их цвет невозможно. На ногах – тяжелые, сильно исцарапанные ботинки. Лохлан не мог с уверенностью сказать, как он должен выглядеть – по этому поводу память не говорила ничего: не было удивления и неузнавания собственного отражения, но и знакомым лицо в стеклянной стене небоскреба не казалось, – но не отпускало ощущение, что с ним что-то не то. Флетт осторожно потрогал лицо. Пальцы уткнулись в густую поросль на щеках, разбитая губа болела.

– Ты что здесь делаешь? – послышался голос.

Лохлан обернулся. Справа, от широких ступеней, ведущих ко входу в сверкающий небоскреб, быстро приближался без. Здоровенный, в форме, рука нервно поглаживает рукоятку «дыродела», торчащую из расстегнутой кобуры.

– Уже ухожу, – ответил Лохлан и быстро пошел прочь.

– Ты как сюда вообще попал?! – донеслось вслед.

Охранник не стал его преследовать. Но это ничего не значит – он запросто мог связаться со своим руководством через «балалайку» и сообщить о подозрительном типе, слоняющемся по корпоративной территории. Скорее всего так и сделал.

– Сам хотел бы узнать, – пробормотал под нос Лохлан.

Он наконец понял, где находится. Прямо, в нескольких кварталах на восток, начинались жилые районы Ньюингтона – место, в котором обитали каперы высшего звена и некоторые верхолазы. Где жила большая часть хозяев жизни, например, Пер-Андерс Койман, никто не знал – считалось, что их виллы располагаются не то на территории Университета, не то на окраинах Thunderhall. Скорее всего ни то, ни другое не соответствовало истине. В любом случае, прямо идти не стоило. Там точно делать нечего, особенно такому бродяге, как Лохлан.

Дальше, за жилой зоной, или если взять еще немного влево, начиналась территория Университета. Неизвестно, что сейчас охраняют лучше – мирный сон верхолазов или спокойную работу высоколбых гениев. На самом деле это было правильно – именно на том, что производили ученые, на технологиях, держался весь мир Анклавов.

При мыслях об Университете в прохудившейся памяти что-то затрепетало, как тонкая паутина на ветру, но тут же исчезло, не оставив следа.

Еще левее, уже почти в северном направлении, в сторону залива Ферт-оф-Форт, начинался Пустырь. Брошенная хозяевами территория Храма Истинной Эволюции. Район до сих пор не был заселен, несмотря на нехватку места. О Пустыре ходили дурные слухи, этого места опасались.

Нужно выбираться из корпоративной территории. Лучше в обитаемые места, например – в Лейт. Ведь Лохлан жил в Лейте? Уверенности не было. Может, и не в Лейте, возможно, в Скотланд-Ярде или в Punkground.

Внезапно Лохлан услышал выстрел. Один, потом еще. Где-то далеко загрохотало – звук «ревуна» не узнать было сложно.

Что-то определенно происходило. Выстрелы еще раз подтвердили правильность решения Лохлана – нужно выбираться с корпоративной территории. Причем делать это следует немедленно. Если безы решат, что он нарушил периметр, то откроют огонь без предупреждения. А решат они так однозначно – его физиономия наверняка уже загружена в базу данных СБА охранником из того небоскреба.

Но как выйти за пределы периметра? Какая разница, откуда он идет, все равно придется пройти через блокпост. И слишком далеко – Лохлан сейчас находился поблизости от университетских построек, две высокие башни уже были видны. Чтобы попасть из этих мест в Лейт, придется пересечь почти весь Даун Таун. Даже до Пустыря ненамного ближе –

путь до бывшей зоны Мутабор лежал через длинный рукав, относящийся к Даун Тауну, вклинившийся между Университетом и владениями храмовников.

Иного пути не было. Только назад, к Замку и «Callboard». Возможно, в том месте и удастся пройти незамеченным, особенно если там какая-то заварушка. Схлопотать пулю, правда, тоже высока вероятность, но отсидеться в Даун Тауне никак не получится.

Всю дорогу до Замка Лохлан всматривался в улицу перед собой, пытаясь вовремя заметить серую форму безов и ныряя в подворотни всякий раз, когда он видел хоть что-то серое.

До Замка Лохлану добраться удалось.

Здесь творилось что-то невообразимое. Первым порывом было развернуться и броситься бежать, не оглядываясь. Там не просто стреляли, там, на блокпостах вокруг Замка и дальше, у «Иглы», шла настоящая война.

Чего требовали люди, собравшиеся у ограждения, толком понять было невозможно. Впрочем, и так ясно – хотят, чтобы их пропустили. Кто-то сам не знает – зачем, кто-то имеет четкую цель нагнать столько, сколько сможет унести, у кого-то чешутся руки убивать. Мужчина лет сорока, который стоял на сложенной из разнообразного хлама баррикаде и что-то истошно орал, размахивая руками, наверняка хотел занять место безов, ему нужна была власть. И в данный момент ему абсолютно все равно, над кем властвовать: он добился власти над обезумевшей аморфной массой толпы, он упивался этой властью, а люди, сгрудившиеся у подножия баррикады, смотрели на него как на бога и были готовы идти, куда он скажет.

Песня провокатора оказалась недолгой – звука выстрела не было, просто мужчина в последний раз вскинул руки вверх, замер, словно кто-то нажал на паузу, и на белом фоне его рубашки начало расплываться отчетливое красное пятно. Спустя еще несколько секунд бездыханное тело недавнего властителя скатилось к ногам верных подданных. Людская толпа у баррикады взвыла на три тона выше и, подобно волне, совершила выпад в сторону укрепленного тяжелыми армейскими грузовиками блокпоста. С бетонной вышки загрохотали «ревуны», волна, теряя окровавленные части себя, откатилась назад. На несколько мгновений стало немного тише.

Как же, черт возьми, отсюда выбраться? И главное – куда?

– Эй, мужик, – послышался чей-то голос.

Лохлан завертел головой, пытаясь найти позвавшего его. На этой стороне периметра не было никого, только безы, засевшие в укрепленном КПП, и стрелки на вышке. Лохлан не сразу понял, что звал его один из стрелков.

– Да ты, ты. Чего головой вертишь? Ты что, «минус», что ли?

Лохлан затряс головой. Отчего-то ему казалось, что быть «минусом» плохо.

Стрелок вздохнул и крикнул, обращаясь к тем, что сидели внизу:

– Уберите этого идиота! Что он делает внутри периметра?

Высунувшийся из бетонной будки без вскинул «дрель», целясь в Лохлана. Флетт зажмурил глаза, ожидая, когда горячая струя несущихся на сверхзвуковой скорости пуль прошьет его. Но боли не было. Или уже все позади, он уже никогда ничего не почувствует? Но каким тогда образом он продолжает думать, если умер?

Сомнения разрешил уже знакомый голос стрелка с вышки:

– Допросите его! Может, где-то периметр прорвали.

Лохлан решил не открывать глаз. Сквозь гул толпы, требующей всего и сразу, слух едва улавливал шуршание тяжелых подошв беза об асфальт. Похоже, боец был облачен в «саранчу». Зачем...

Мысли оборвались резко. Будто кто свет погасил. Тяжелый приклад «дрели», прилетевший в макушку, выключил сознание Лохлана, погрузив его в кромешную тьму.

2

Лиса потянула белый пластиковый поршень, выбирая прозрачное, как слеза,

содержимое ампулы. Все, без остатка. Оставлять нельзя – слишком ценное зелье, слишком нужное. Короткий укол иглы машинистка едва почувствовала, а через несколько секунд мир как будто немного сдвинулся, словно расслоились пласты реальности. В голове зазвучал ритм, который становился все быстрее и быстрее, еще немного – и он перейдет в сплошное жужжание. Жужжание «поплавка», работающего изо всех сил внутри головы.

«Синдин» разгонял мозги до предела, «синдин» делал Лису подобной богу. А сегодня богам придется обратить внимание на людей – сегодня будет жарковато.

В сети Анклава Лиса изучила все, что только смогла. Бойд здраво рассудил, что самой Лисе появляться на работах по наладке сети в Скотланд-Ярде не стоит – отказаться от участия людей Шотландца в проекте Мортенс не мог, но его ставленников ограничивали во всем, в чем только могли, не переходя к открытой конфронтации. И за всеми пристально следили. Если бы Лиса хоть раз подключалась к сети из административного доступа, она вряд ли смогла хотя бы добраться незамеченной до Punkground. О том, чтобы провести взлом, вообще и речи не было бы.

Но мозолил безам глаза Сквирел – немолодой уже машинист, испокон века занимавшийся чисткой бойдовской бухгалтерии. Сквирел звезд с неба не хватал, но это было и на руку – меньше вызывал подозрений. По новой сети, задуманной Мортенсом, он собирал и фиксировал все, до чего мог дотянуться. Лез во все дырки и делал умное лицо, усиленно изображая из себя инициативного дурака – в общем, вызывал бурю возмущения. За собственным негодованием поставленные следить за человеком Бойда машинисты СБА иногда забывали собственно о контроле.

Лиса опустила взгляд на руки. Кончики пальцев дрожали. Скорость еще недостаточна. Еще не пришло время активных действий, но Лиса чувствовала – скорости не хватит. Она потянулась к кармашку сумки, из которой несколько минут назад доставала черный «раллер», и вытащила еще одну ампулу. Третью на сегодня. Большая доза, слишком большая. Но – какой выход?

Выхода не было. Стекло глухо хрустнуло, и воздух наполнился резким дурманящим ароматом, знакомым каждому ломщику. «Слезы Его». Зелье, которое насилует мозг и медленно, незаметно убивает. Жить вообще вредно, жизнь неизбежно имеет летальный исход. Какая разница – раньше или позже? Главное – хорошо повеселиться в процессе!

Миллилитр прозрачной, немного тягучей жидкости исчез в стальной игле шприца. Лиса была готова. Теперь дело за всей командой.

Сигналы автономных точек приходили один за другим. Лиса точно знала, что нужно делать, сценарий написан больше месяца назад, и отступать от созданной ею же самой партитуры нельзя ни на шаг. Сначала – нельзя. Когда она будет стоять перед дверью – сомневаться не приходилось: наглухо закрытой, но не замурованной, – тогда можно начинать импровизировать. Тогда пути назад уже не будет. Но сейчас все должно соответствовать.

Четыре территории, неподвластные безам (если, конечно, считать Sway, что держал старина Ланг Ши, свободной зоной), и Даун Таун. Сигналов будет столько, что безам придется сильно напрячься, чтобы успеть хотя бы к половине из них. Есть теория вероятности, она говорит, что вероятность не засветиться на первом этапе у Лисы очень высокая. Но, к сожалению, не стопроцентная – это надо признать.

Скотланд-Ярд, Punkground, часть Sway уже появились. Лиса держала все эти автономные точки. Пока их нельзя отпускать на свободу, сначала ребята должны закончить работу. И самое главное – напоследок.

Вертолетов Бойду было очень жаль. Два почти новых и один – рухлядь, выпущенный какой-то индийской конторой лет, наверное, сорок назад. На этого монстра страшно было смотреть, но Эверсмит – механик – заверил, что и он полетит. Нужна-то лишь одна машина, остальные летели просто для шума – отвлекающий маневр.

На подступах к Даун Тауну было беспокойно. Очень беспокойно, несколько часов назад в СБА стянули все силы к Замку, так что на свободных территориях опасаться безов не

стоило. Их там попросту не было. А над самим Замком можно рассчитывать на эффект внезапности.

Но этих вертолетов в любом случае Бойд больше не увидит.

Древнеиндийский монстр, коптя драгоценной соляжкой, нехотя поднялся и, заложив вираж, исчез за ближайшими высотками. Его цель – жилые районы Даун Тауна. Его собьют первым. Машину повел Кривой Джонни, он вызвался сам, добровольцем. Лиса обещала приглядеть за «вертушками», но надежды на спасение у пилотов все равно оставалось немного.

Второй, сверкающий блистером кабины, Si-64L, легко и почти бесшумно взмыл в небо и унесся в направлении Ньюингтона. Третья машина сейчас разводила пары на Пустыре – кто бы знал, каких усилий стоило доставить туда вертолет незамеченным. Именно этот вертолет и должен достичь цели. Во что бы то ни стало, без его игрушек Лисе придется тяжело. И почти никакой вероятности остаться незамеченной.

Бойд скрестил пальцы, чтобы все получилось, и пошел надевать парадный килт клана.

«Вам пришло сообщение», – обычная служебная фраза, которую в былые годы любая «балалайка» выдавала несколько раз на дню. После Катастрофы сообщений стало меньше, но все же эта фраза оставалась самой популярной в наборе, зашитом в каждый индивидуальный чип подключения к сети. Джарред Ливанов, ходивший на работу в «Солнечную иглу» уже не первый десяток лет, привычно просканировал закрытое сообщение антивирусом, потом открыл его. Привычка профессионального машиниста: не знаешь отправителя лично, просканируй файл.

Желтый конвертик перед взором дрогнул и картинно открылся. Дата, отправитель, служебные данные. Все. Больше ничего не было.

Пустое сообщение, сбой в сети. На всякий случай Джарред еще раз проверил конверт антивирусом – ни малейшего подозрения. Машинист пожал плечами и переключил свое внимание на данные, приходящие с только что запущенных узлов сети. Все работало штатно.

«Вам пришло сообщение». Еще один желтый конвертик высветился на глазном нанозкране, призывно моргая, желая быть открытым. Антивирус – чисто. Открыть. Тот же эффект: пусто. Только...

Только, наверное, старым он стал. Первый раз Джарред не заметил – перед тем, как раскрыться, конвертик моргнул, исчез на одно короткое мгновение. Джарред уже начал сомневаться – скорее всего он видел это и в первый раз, но счел каким-то программным сбоем еще не отлаженной как положено сети. Но два одинаковых сбоя подряд?

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение»...

– Молли, – обратился он к сидящему рядом грузному типу с потной лысиной, к которой от стоящего на столе «раллера» тянулся проводок психопривода, – нас атакуют.

Голос Джарреда был совершенно спокоен. Атака – это движение, это нормальная жизнь нормального машиниста.

– Обычный спам, – констатировал Молли. Он двигал пальцем по столу вверх-вниз, явно просматривая список последних системных событий.

Система, присланная им ребятами Мейера, работала хорошо. Но она была новой, не до конца изученной, и багов, как в любой новой программе, в ней тоже хватало.

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение».

«Вам пришло сообщение»...

Конвертиков стало так много, что они мешали воспринимать окружающее. Джарред приказал им исчезнуть, но на месте пропавших тут же выстроилась новая партия спама.

– Нас атакуют, Молли, – все так же спокойно повторил Джарред. – Посмотри, откуда ведется рассылка, я отключаюсь. Нужно почистить «балалайку».

– Из...

Палец толстого Молли выписывал круги на гладкой столешнице. Он подался вперед всем телом, сощутив глаза, как будто информация, которую он читал, отображалась не на глазном нанозкране, а на стене перед ним.

– Ч-черт! – заикаясь, пробормотал Молли.

– Что?

– Punkground, линия 23, – сказал толстяк.

Джарред заметил, что под мышками у соседа медленно, но очень заметно расплываются темные пятна. Еще Ливанов отчетливо осознал, что дело плохо, и достал из ящика стола ампулу с «синдином».

– Нет, – подал голос Молли, – двадцать первая.

Он мотнул головой, словно ему что-то привиделось, и поправился еще раз:

– Шестнадцатая.

Джарред нажал клавишу на своем «раллере», снова подключившись к административному доступу. Посмотрев пару секунд на открывшуюся ему картину, Ливанов повернулся к толстяку, кивнул и вскрыл ампулу.

– Твою мать! – простонал Молли.

Мобиль безов, завывая сиреной, остановился в паре кварталов от паба «Клеши». Двое укутанных в кевлар бойцов резво побежали к ближайшему строению – немного покосившемуся двухэтажному зданию с четким следом от нахлынувшей полтора года назад волны на уровне окон первого этажа. Самым часто употребляемым словом в их сбивчивом разговоре было «прикрой». Они опасались за свои задницы, но бесплатную жратву, электроснабжение и работающий сортир, что предоставляли их семьям верхолазы, приходилось отрабатывать.

Лиса наблюдала за этой картиной через работающую сейчас камеру, висевшую на столбе, собравшем пучки безвозвратно мертвых оптоволоконных линий старой сети. Отлично, все идет по плану. Уголки губ машиниста медленно поползли вверх, пытаясь изобразить улыбку, но обилие «синдина» в крови сделало мышцы ленивыми и непослушными. Только пальцы, не прекращающие дрожать, продолжали нести вахту. Им не привыкать, они с клавиатурой «раллера» – одно целое.

– Все как надо, – сообщил Краб.

Краб был старым ломщиком, он отошел от дел задолго до того, как на арене появился Сорок Два. До того, как Пророк возвестил о приходе эпохи Цифры, подарив миру возможность погрузиться в Цифру так глубоко, как до этого могли только Великие. Но вскоре выяснилось, что Сорок Два немного поторопился с объявлением – эпоха Цифры, помаячив прямо перед глазами, снова унеслась в заоблачные дали. Так считал Краб.

Лиса не была с ним согласна, но делить им нечего – оба чтили заветы Поэтессы, и сейчас Краб взялся приближать эпоху методами, которые считал доступными для себя: он предоставил убежище Лисе и помогал ей в работе. Не стоил упоминания тот факт, что паб «Клеши», совладельцем которого являлся Краб, давно работал под «крышей» Бойда – старый ломщик рисковал за идею, а не по обязанности или из страха.

– Я вижу, – тихо и медленно произнесла Лиса.

Краб кивнул и отодвинулся в сторону, прильнув к своему монитору. Лиса работала, она почти слилась с Цифрой, и отвлекать ее не стоило.

В «раллер» Лисы приходило все больше отзывов, все больше данных пропускал ее мозг

через себя. Сознание, погруженное в Цифру, обрабатывало целые сонмы нулей и единиц, складывая их в правильную картину, выбирая единственно верное решение. Внешний мир замедлился, почти остановился, тело не слушалось, нос и щеки онемели, словно их натерли снегом. Но внутри, в Цифре, мозг Лисы работал на пределе возможного, выжимая из клубка ловушек, количество которых прибывало, все возможное. Тяжело, очень тяжело. Очень хочется добавить «синдина», но нельзя, доза предельная, большую сознание может не выдержать и отключиться. А этого допустить никак нельзя – вся операция сейчас зависит от ее перегруженного «синдином» мозга.

Нужно еще немного потерпеть, совсем немного. Лиса уже видела вертолет, пересекающий узкий рукав территории Даун Тауна, вклинивающийся между Пустырем и Университетом. Впереди отлично была видна цель – сверкающая в лучах полуденного солнца «Солнечная игла».

Безы полностью оправдали расчеты Лисы. Первая ракета взмыла в воздух через двадцать секунд после того, как вертолет Кривого Джонни пересек ответвление второго уровня Морнингсайд роуд, которое вело в спальный район. Лиса видела ракету, она скорее всего могла перехватить управление и увести ее в сторону. Но сделать это сейчас означало выдать собственное подключение, открыться: плавающий код, посылающий нескончаемый шум машинистам Мортенса, завис как раз на исходной точке подключения – в «раллере» Лисы. Случайность, стоившая Джонни жизни. Обломки сыгравшего свою роль вертолета упали на полянке парка Морнингсайд.

– Прощай, Джонни, – сказал Вернон Махамадди, не сводя глаз с появившейся в просвете между «Великаном» и близлежащим корпоративным небоскребом черного столба «Солнечной иглы».

В наушниках, которые Вернон надевать не стал, ворчал недовольный голос диспетчера, в «балалайку» приходили запрос за запросом. Махамадди игнорировал все сигналы, исходящие с земли. Он был уверен – его вертолет так быстро сбивать не станут: машина летела слишком низко, осколки, несущиеся на большой скорости, могут сильно навредить корпоративным зданиям. Они до последнего будут пытаться достать его через сеть.

Через десять секунд «балалайку» Вернона начали ломать. Лиса научила, как это понять, загрузила в чип соответствующие программы. Хитрая ломщица рассказала, что делать – Махамадди отдал команду на включение гаджетов, собранных собственноручно Лисой. Если верить бритоголовой... Собственно, поводов ей не верить не было.

До «Иглы» пятьдесят метров. Палец лег на гашетку, сообщение Лисе – машинистка перехватила управление маленькими ракетами, – красную кнопку внутрь. Все, ракеты ушли. Они найдут дыры и щели, которых теперь достаточно во всех небоскребах, многие окна разбиты. Эти ракеты доставят внутрь «Иглы» цифровые игрушки Лисы.

Настало время изобразить воздушный балет. Двадцать метров, десять, семь. Подлетать к зданию ближе уже очень рискованно – можно зацепить винтом стену. Короткая очередь в зеркальное стекло, окно водопадом переливающихся в лучах солнца искр осыпается вниз. Теперь повернуться бортом к зданию...

Вернон едва успевает, услышав сообщение Лисы: «Давай!» Он влетел на бетонный пол какого-то технологического коридора «Иглы», больно ударившись коленом и распоров о торчащий в раме осколок руку. Сзади грохнуло так, что слух тут же отключился, и пахнуло жаром – безы не выдержали и сбили его Si. Мир праху его.

Теперь дело за Лисой. Действуй, девчонка!

А девчонка уже действовала вовсю. Это Вернон заметил, он видел, как разлетаются в разные стороны две ракеты, выпущенные во второй Si, шедший с юга для прикрытия.

Мгновение боли и откровения. Поток данных врывается в разогнанный мозг Лисы, грозя снести все на своем пути. «Доступ открыт» – мечта каждого ломщика, ужас любого машиниста. Вся сеть Анклава была перед ней как на ладони.

Особых иллюзий насчет достоверности сведений, добытых Сквирелом, Лиса и не питала. То, что она сейчас видела, не было даже похоже на ту конфигурацию, что нарисовал

Сквирел со слов безов. Лиса не ошиблась, когда решила не вводить полученную картину в план атаки.

Они отбивались. Еще как отбивались – Лиса до самого конца не была уверена, выдержит ли натиск информации.

– «Синдин», – прошипела она пересохшим горлом. Эти звуки были пределом ее возможностей в реальном мире. Все силы сейчас в мире Цифры.

Краб молча, отточенными движениями вскрыл ампулу, набрал наркотик в шприц и, поймав в захват дрожащую руку ломщицы, ввел иглу в вену.

Где-то далеко, как будто в иной вселенной, к горлу Лисы подкатила тошнота, в паху стало нестерпимо жарко, а руки, наоборот, – онемели окончательно. Но сейчас важна только Цифра – мир точности и отчетливых ощущений. Она, черт возьми, взяла этот Анклав за яйца! Теперь умельцы Мортенса могут стараться как угодно: от них больше ничего не зависело.

То, что Лиса искала, было прямо перед ней. Длинный ряд цифр, управляющий этим миром – производствами Анклава Эдинбург. И только Лиса сейчас была способна его изменить.

Начали!

3

В кабинете директора эдинбургской СБА постоянно кто-то находился помимо хозяина. Визитеры менялись – приходили на доклад, прибегали за распоряжениями и нехотя тянулись получить по шее. Мортенс не спал вторые сутки. Он пытался найти выход из сложившейся ситуации, но пока видел в перспективе только тупик. Рано, слишком рано все началось, он рассчитывал еще как минимум на три-четыре месяца. Ну, на два в худшем случае.

Аналитики разводили руками и клялись, что никаких предпосылок к буйству, что творилось сейчас на улицах Анклава, не было. Немного бузили в Punkground, исламисты Муслима, усиленные прибывшими в Анклав нелегальными мигрантами из Британского халифата, выражали не слишком сдержанное недовольство – обычные каждодневные проблемы, ничего нового. На вопрос, кто начал всю эту кутерьму, ответа не было. Подозрения имелись, но какой от них толк?

Волнения начались в Sway. Быстро задушенные людьми Ланг Ши, они перекинулись в вечно беспокойный Punkground. Потом вяло зашевелились Скотланд-Ярд и Муслим. А после – как обычно: полыхнуло сразу и во всех местах.

Мортенс был уверен, что тот, кто организовал все это, рано или поздно объявится сам. С приготовленными заранее требованиями. Иначе – зачем вообще все затевалось? Но нужно было найти зачинщика раньше. Кровь из носа нужно, иначе верхолазы не простят ему эту ошибку.

«У нас проблемы», – пришло сообщение от Филгорна.

– Сам знаю, – злобно проворчал Мортенс. У этих-то что?

Фредрик Минин, начальник отдела по связям с общественностью, удивленно вскинул брови.

– Идите, Фредрик, – сказал ему Мортенс, – обещайте им, что хотите, но они должны поверить, что дружить с СБА намного выгодней, чем ссориться. Намного!

«Зайди ко мне», – сбросил он сообщение Дэвиду.

Филгорн явился буквально через пару минут. Как будто с утра сидел в приемной и ждал вызова. Глаза у Дэвида были красные и слезились – наверное, тоже не спал ночь, – остатки волос разлохматились, нимбом обрамляя раскрасневшуюся потную лысину. Вид начальник вотчины машинистов имел угрюмый, если не сказать – трагический.

В коммуникаторе, висящем на стене, включился звук. Начался очередной выпуск новостей. В кадре стояла разухабистого вида девица в распахнутой ярко-красной куртке и, отчаянно жестикулируя, с напором вещала:

«Люди, собравшиеся на Драммонд, требуют увеличить размер пайка и сделать его выдачу ежедневной. Власти, которые не могут обеспечить работой больше половины населения Анклава, как заявляют представители общественного комитета территории Punkground, обязаны подумать о собственной компетентности и служебном соответствии.

Вы видите – за моей спиной – сколько людей сейчас собралось здесь, у блокпоста СБА. Пока люди настроены относительно миролюбиво, но кто знает...»

Изображение дернулось, потом и вовсе завалилось набок, по экрану пошли помехи. Голос расхристанной репортерши продолжал прорезаться сквозь гул и рокот надвигающейся толпы:

«...пошли на бетонные ограждения. Многие принесли с собой подручные средства, преимущественно трубы и арматурные стержни. На вышках блокпоста нетрудно заметить... а, нет, минутку...»

Изображение снова вздрогнуло и перевернулось, почти полностью выровнявшись. В центре кадра возник серый бетонный блокпост, четко выделявшийся на фоне ярко-голубого неба. В дрожащей руке репортерши камера дергалась, и картинка прыгала, поэтому рассмотреть черные стволы «ревунов», торчавшие из амбразур, было невозможно.

«...безы выставили против безоружной толпы тяжелое автоматическое оружие. Неужели они станут стрелять в ни в чем неповинных людей?! Неужели гуманные...»

Мортенс отключил коммуникатор. Очень хотелось плюнуть в экран, но жаль портить монитор. Он жестом пригласил Дэвида присесть и связался с только что ушедшим Мининым.

– Фредрик, я вас умоляю, уберите эту дуру с экрана, – тихим голосом с явными замогильными интонациями, не сулящими начальнику отдела по связям с общественностью ничего хорошего, прошипел Мортенс.

Директор замер на несколько секунд, прислушиваясь к ответу Минина, а потом резко заорал, заставив вздрогнуть опустившегося в кресло Филгорна:

– С любого канала! И сделайте так, чтобы на какой угодно канал попадали только те новости, с содержанием которых вы, лично вы, Фредрик, ознакомились заранее. Все!

Мортенс шумно выдохнул и, переведя взгляд на Филгорна, легонько улыбнулся. Сжать зубы он еще успеет – Дэвид обещал проблемы.

– У тебя что?

Филгорн развел руками. Он открыл рот, чтобы начать доклад, но Мортенс жестом остановил его – на вызов ответил Джабраил Пракаш.

– Джабраил, присмотри... – выражение лица директора изменилось слишком стремительно, чтобы не догадаться, что Пракаш ответил не так, как должен был. – Я догадываюсь, что ты занят! Если что, смею напомнить, твоя голова полетит в ту же сторону, что и моя! Так вот: присмотри за Мининым... Нет, не знаю – не то ушами хлопает, не то не решил, на чьей он стороне. Но твое участие не помешает.

Мортенс глазами показал машинисту, что можно продолжать.

– Нас атакуют. У нас массированная спам-атака. Входящих данных столько, что мы пока не можем найти их источник. Они прут отовсюду, даже с корпоративных территорий. Наверняка за этим стоит целая команда ломщиков, но локализовать хотя бы одно подключение пока не удастся.

– Скажи, Дэвид, – Мортенс вернулся к замогильному шепоту, улыбка исчезла, – для чего ты все это мне рассказываешь? Твоя задача справляться с проблемами в сети, а не сообщать о них директору! И потом, и ты и Мейер обещали, что новая сеть станет неуязвимой для внешних атак. Что происходит, Дэвид? Или твоя голова...

– Да, я слышал, – пробурчал Филгорн. Как и Пракаш, он был в курсе.

Глаза Филгорна бегали из стороны в сторону, как будто главный машинист «Иглы» пытался найти запасный выход на случай, если Мортенс решит перейти к рукоприкладству. Он зачем-то вытер тыльной стороной ладони губы, размазал выступившие на лысине капли

пота и, ударив кулаком по подлокотнику кресла, попытался объяснить:

– Это не случайная атака, Мортимер. Те, кто ломает сеть, знает устройство новой прошивки. Это не подлежит сомнению.

Понятно, что ничего случайного в Эдинбурге в последние пару дней не происходит. Мортенс замер, перебирая в голове варианты. Кто-то из своих? Они давно все продались тем, кто может им заплатить хоть что-то. Но в сфере «круговой поруки», организованной в силу отсутствия контроля со стороны сети, все было не до такой степени запущено. Нет, свои на такой глобальный акт не пошли бы, это исключено. Был ли еще кто-то?

– Все-таки Бойд! Скотина, это его рук дело, – пробормотал Мортенс.

– Возможно, – согласился Филгорн. – Даже, я бы сказал, вероятно. Мы скармливали его недоумку дезу, но этот Сквирел постоянно крутился среди наладчиков.

– Куда ты смотрел?!

– Я не могу накрыть грудью все дыры в Анклаве. И потом – сейчас уже не важно, кто и как слил исходные коды системы. Сейчас другие проблемы.

– Ну так решай их, Дэвид.

– Мои люди стараются, но мы можем не успеть. Единственный надежный вариант – отключить сеть. Полностью, всю. Хотя бы на несколько минут.

Мортенс обалдело уставился на Фолгорна: он даже не предполагал, что сеть можно отключить совсем.

– Технически мы готовы. Конечно, полную работоспособность удастся восстановить не раньше чем через неделю. Но с базовой загрузкой системы справимся за полчаса. Нужно только ваше распоряжение.

Мортенс думал, пытаясь представить масштабы урона, который принесет подобная акция. У него не хватало фантазии пририсовать полученной сумме достаточное количество нулей.

– Дэвид, ты с ума сошел? А наши планы, наше преимущество?

На «балалайку» Мортенса пришел вызов из «Иглы». Он, не глядя на данные абонента, смахнул пальцем значок вызова в «мусор».

Дэвид поджал губы и развел руками.

– Мы можем не успеть, – повторил он. – Если управление сетью перехватят хотя бы на несколько минут, я ни за что не ручаюсь.

– Так сделай, чтобы не перехватили! – заорал на него Мортенс.

– Сеть не готова, в ней еще слишком много дыр. И, смею вам напомнить, Мортимер, что чужаков в эти дыры впустили именно вы.

Мортенс открыл было рот, чтобы ответить, но поперхнулся. Ответить было нечего, именно он пошел на уступки Бойду, допустив к проекту его людей. За ними следили и сливали дезу за дезой, но кто знает, что они все-таки смогли узнать.

Но ведь не было иного варианта. Убрать Бойда и поставить на его место своего человека? Этот план сработал бы. На все сто. При одном условии – если бы можно было подождать еще хотя бы полгода. А за пару месяцев ни один ставленник не сумел бы достичь в Скотланд-Ярде того положения, которое имел Бойд. За Шотландцем шли люди. Бойд рискнул и... Нет, он не выиграл. Да и не выиграет, пусть и не надеется.

Снова пришел вызов из «Иглы». На этот раз с пометкой «срочно».

– Что у вас? – уже не ожидая услышать ничего хорошего, спросил Мортенс.

– В воздушное пространство корпоративной территории вторглись два вертолета.

Мортенс закатил глаза. Все, теперь это перестало быть похожим на обычный бунт тупых обывателей. Подобную версию директор не рассматривал с самого начала, она, по его мнению, была абсолютно несостоятельной. Он ждал этого – полномасштабной, тщательно продуманной попытки захватить власть в Анклаве. Дудки!

– Уничтожить, – сказал Мортенс.

– Жилые кварталы...

– Даже при угрозе разрушения гражданских построек, – отрезал директор.

Это был рискованный шаг, если пострадает кто-то из близких какого-нибудь верхолаза, ему не простят. Но преступники и рассчитывают на нерешительность и мягкость директора. Нет, не дождутся. Он будет действовать предельно жестко, а с верхолазами разберется потом.

– Два вертолета над Даун Тауном, – снова на связи «Игла».

– Откуда...

– У нас атака здания с воздуха. Нельзя исключить выброску десанта.

– Что у вас там происходит, мать вашу?! – заорал Мортенс и кивнул Филгорну.

Тот не понял, чего хочет директор, и пожал плечами. Мортенс совсем упустил из виду, что Дэвид не слышал всего разговора.

– С воздуха атакована «Игла», – объяснил директор. – Проследи лично, что там у них творится. Олухи!

– Все воздушные цели успешно поражены! – отрапортовали из «Иглы».

– Какие у нас данные по зданию? – спросил Филгорн, связавшись с Джарредом Ливановым через «балалайку».

– Пытаемся поймать точку подключения ломщиков, – несколько невпопад ответил машинист. – Они слишком хорошо подготовились – сигнал постоянно плавает, сбивает наши настройки.

Отвечал Джарред на автомате. Он переключал «раллер» на сервер здания, задействовал все, что еще работало в «Игле».

– Черт! – воскликнул машинист. – Извините. У нас гости на семьдесят шестом, семьдесят третьем, восемьдесят втором и шестьдесят шестом.

«Этого не может быть», – подумал Ливанов, рассматривая отчеты датчиков движения. Он переключился в режим видео. На экране замелькали размытые тени, ничего отчетливого. Возможно, это из-за малой ширины канала – процентов восемьдесят мощности «Солнечной иглы» сейчас отключены, – а может быть, результат вмешательства извне. Джарред склонялся ко второму варианту – слишком большой разброс этажей, захватчики просто не успели бы рассредоточиться так быстро. Да и сбитый вертолет, зависший около стены всего на несколько секунд, не мог вместить в себя больше двух-трех бойцов.

– По-моему, они нас дурачат, – высказал свое мнение машинист.

– Бросьте слежку за спам-атакой. Держите здание под контролем. Спецназ будет с вами на связи.

– Есть!

– И найдите, в конце концов, этих уродов! – проорал Филгорн и дал отбой.

– Молли, – обратился Джарред к соседу, – переключай контроль на здание.

Из полных отчаяния глаз толстяка разве что слезы не текли. Да что это с ним?!

– Ты понял?

Молли кивнул, а потом глаза его внезапно расширились.

– Как это, Джарред?

– Не знаю, – честно сказал Ливанов. – Вот и давай узнавать, каким образом они ломают нашу сеть изнутри.

Стопроцентное электроснабжение дали через четыре минуты. По распоряжению директора мощности были в кратчайшие сроки переведены со всех окрестных зданий на «Солнечную иглу». Несколько сотен предохранителей взорвались, тут же вырубив четыре этажа небоскреба полностью и несколько – частично. Этого следовало ожидать: больше года системы здания никто не проверял. Но и то, что включилось, жрало энергию, как кит планктон.

Включились лифты, взвыла винтами вентиляция, выплунув в помещения клубы скопившейся в коробах пыли, зажегся свет.

Две группы поднимались на лифтах. До шестидесятого этажа – неизвестно, что могли сделать с лифтовой шахтой захватчики. Еще две подняли вертолетами на крыши. Им предстоял долгий, в сотню этажей, спуск.

Здание ожило, но этого пока никто не заметил – снаружи все так же ярко светило солнце, в лучах которого вся мощь электрического света внутри «Солнечной иглы» меркла.

...Ибрагим выпустил очередь в коридор, вытянув руку из-за угла, и выпрыгнул в проход. Он лихорадочно водил «дрелью» из стороны в сторону, но видеоприцел, подключенный к «балалайке», не находил живых целей. Приняв данные Ибрагима, из-за угла вышли еще двое бойцов.

– Чисто, – сообщил командир группы руководству. – Двигаемся дальше.

Они прошли уже половину этажа, но не только самих захватчиков, но и следов их пребывания здесь обнаружить не удалось. Машинисты на связи постоянно, однако их указания больше путали, чем помогали. У высоколобых парней с «синдином» вместо крови было семь пятниц на неделе. Если верить им, то захватчики либо были духами, либо открыли секрет телепортации.

– Да нет здесь никого, – сказал Ибрагим.

– Следи за своим направлением, – посоветовал ему командир.

Никого не было ни в следующем коридоре, ни в офисах и залах. Здесь вообще никого не было. Ибрагим на всякий случай еще раз обвел комнату стволом – биодатчик «дрели» молчал – и присел на стол, заваленный какими-то проводами. Под кевларовыми штанами заскрипел песок. Жарко здесь. И душно очень – помещения не проветривались с самого дня Катастрофы, а сейчас еще и черной пыли нагнало из вентиляции.

Ибрагим стянул с лица маску и вытер пот со лба. Оружие он положил на стол.

Прямо перед ним было окно. Запыленное, но целое. Сквозь немного матовое из-за налипшей грязи стекло был виден весь север Анклава. На улицах Лейта и Punk-ground, словно гигантский разноцветный червяк, вяло шевелилась толпа. Если они прорвутся сюда, в Даун Таун, всем, кто работал в «Игле», достанется. Ибрагим давно для себя решил – если блокпосты не удержат позиции, он не станет защищать верхолазов. Обычная штатская одежда у него есть, достаточно просто смешаться с толпой. А дальше – будет видно.

– Семьдесят второй этаж, северный коридор, зона три, – пришло на «балалайку» сообщение машинистов, – замечено движение. Данные датчиков подтверждены видеонаблюдением.

Это как раз то место, где остановился Ибрагим. Машинисты уже несколько раз слали в эфир похожую информацию, и всякий раз там оказывалось пусто.

– Принято, – ответил Ибрагим и, продолжая рассматривать происходящее на улицах Анклава, потянулся за оружием.

Рука наткнулась на что-то мягкое.

– Привет, – сказал мужской голос.

Ибрагим повернулся, одновременно выдергивая из поясной кобуры «дыродел». На столе, положив левую руку на его, Ибрагима, «дрель» сидел мужчина. Биодатчик продолжал молчать, не чувствуя живую плоть прямо на мембране сенсора. А человек улыбался – это все, что мог бы сказать о нем Ибрагим, черты лица захватчика он рассмотреть не успел: выпущенная из «дыродела» с глушителем пуля вошла в голову Ибрагима точно между широко раскрытых в удивлении глаз...

– Вот. – Боец, нисколько не заботясь о сохранности мебели, бросил на стол небольшую металлическую иглу с жестким оперением в задней части.

– Что это? – спросил Филгорн.

– Не знаю. Думаю, это по вашей части, – объяснил спецназовец. – Нашли во внешнем помещении. Возле трупов одного из наших бойцов.

– То есть в здании кто-то есть? – не понял его главный машинист «Иглы».

– Если дыры в головах не образуются сами по себе, то – есть, – тон спецназовца не выдерживал никакой критики. Он был взвинчен и недоволен работой машинистов: потерять бойца в собственном здании, находящемся под контролем собственной сети, недопустимо.

– Спасибо, офицер, – пробормотал Филгорн, сделав вид, что не заметил тон бойца.

Дэвид взвесил иглу на ладони. Граммов пятьдесят, не больше. В известный набор

оборудования, который использовался в «Игле», подобные штуки не входили. Это мог принести кто-нибудь из работников семьдесят второго этажа, еще до Катастрофы, но верилось в такую версию слабо.

Дэвид просканировал гаджет. Четкий и довольно мощный сигнал, сложное многоуровневое кодирование – взломом шифрования такого сигнала можно заниматься до конца времен. Хотя, если так пойдет дальше, то конец этот наступит намного раньше, чем можно было предположить.

– Шеф, – это был Джарред. Он сидел в соседнем помещении, но обратился через «балалайку», чтобы не тратить лишнего времени, – по моим данным, в вашем кабинете попытка вторжения в сеть здания. Четвертый канал.

– Принято!

Черт! Сеть ломала эта иголка! Вот что это такое – миниатюрный автономный маршрутизатор, перенастраивающий сеть под свои нужды. Черт, черт, черт! Если на верхних этажах таких несколько десятков, а не исключено, что и сотен... Дьявол! А они запустили сеть здания на полную катушку. Сотня неавторизованных подключений, которые пропускают то, что хотят хозяева иголок. Но как нашли они дыру в защите?! Да и где эта самая дыра – начальник отдела машинистов, знавший о своей сети все, не смог придумать возможности для подобного подключения.

Те, кто сейчас ломает сеть Анклава, настоящие гении. Очень хотелось бы пообщаться с этими ребятами. После того, как с ним поговорят спецназовцы, конечно, с застегнутыми наручниками и вынудить из головы «балалайкой».

Ну что ж – придется пройти путь ломщиков с самого начала. Одна беда – времени почти не осталось.

Филгорн зарядил в автоматический иньектор ампулу, вытащил из затылка «балалайку», вставил в нее «поплавок». Потом закатал рукав и запустил «синдин» себе в вену.

Посмотрим, что ты представляешь собой в единственном истинном мире – в мире Цифры.

4

Сначала появились звуки. Крики, топот, стоны, плач и восторженный смех. Они прилетали откуда-то издалека, из другого мира. Просачивались сквозь дыры в мироздании, заползали сюда, стремясь разорвать больной мозг изнутри.

В голове болело и стучало. Будто что-то пыталось проклянуться из черепной коробки наружу, чтобы увидеть свет.

Наверное, в конце концов дыра образовалась, потому что Лохлан, разлепив склеенные чем-то липким веки, увидел бегущие мимо него ноги. Ног было много, и все спешили куда-то налево. Некоторые падали, тогда в поле зрения попадали и остальные части тела. Но падать здесь не стоило – те, кто бежал следом, не разбирая дороги, шли по рукам, головам, ребрам. Вокруг все было красным, все хрустело и хлюпало, и кровь лилась рекой. Снова красное – это то, что он искал? Маловероятно.

Лохлан, понимая, что ему тоже может достаться, попытался подняться, но перед глазами все поплыло и, не удержавшись, он рухнул обратно, больно ударившись о твердую землю. При ближайшем рассмотрении неприветливо встретившая его земля оказалась бетоном. Не топтались по Лохлану по одной простой причине – он лежал не в проходе, а в углу холодной, с голыми бетонными стенами, комнаты.

Кое-как приподнявшись на локте, Флетт тут же наткнулся на лежавшего на спине человека в бронежилете. Глаза бойца широко открыты, изо лба торчит ржавая металлическая арматура.

На самом деле крови оказалось не так много, как Лохлану показалось вначале. Просто его собственная голова была разбита справа в области макушки. Череп вроде бы цел, но рваная рана сильно кровоточила, заливая красным лицо и ухо.

Бетонная комната – это блокпост безов. А где сами безы? Лохлан перевел взгляд на того, с арматурой во лбу. Понятно, где.

Снаружи слышались выстрелы. Потом кто-то завизжал. Звуки стали заметно громче, Лохлан уже различал отдельные голоса и понимал слова, которые они говорили. На самом деле никто не говорил – все кричали.

Флетт поднялся, придерживаясь рукой за стену, и огляделся. У блокпоста было два входа. Или выхода? Впрочем, какая разница? Один справа – там валялись разбросанные, словно здесь прошелся великан, бетонные ограждения, каждое тонны три весом. Второй вход – широкий и ничем не огражденный, только сорванная с петель титапластовая дверь лежала сразу за проемом, – располагался слева. Именно туда все и бежали, давя друг друга в узком бетонном проходе.

Куда податься? Лохлан попытался припомнить события последних минут. Или уже прошли часы?

Он заблудился в Даун Тауне, потом нашел выход, пришел к блокпосту. Его хотели убить... Или нет – если бы хотели, то точно убили бы. Лохлан потрогал рану на голове и сразу вспомнил, что произошло. Но допроса он не помнил. Возможно, его и не было.

Вроде бы он решил выбираться из Даун Тауна. Похоже, сейчас самое время.

Снаружи снова слышались выстрелы. Сначала одиночные, из «дыродела», потом сплошной гул «ревунов»: прибыло подкрепление. Следом слуха Лохлана достигло злобное шипение, а спустя несколько секунд нос уловил едкий, кажущийся знакомым запах. Слезогонка! Вот что это такое. Прочь, прочь отсюда!

Лохлан осознал ситуацию уже снаружи, когда выбрался из блокпоста, протискиваясь в чихающей, но все равно упорно прущей на корпоративную территорию толпе. Скоро, максимум через минуту, люди сообразят, что с ничего не видящими, слезящимися глазами и спертым дыханием против «ревунов» со ржавыми арматурами нет никаких шансов, и рванутся обратно, в Лейт. Ведь Лохлан шел к Лейту? Если бы он не успел, его попросту затоптали бы, даже стена, около которой он лежал, не помогла бы.

Снаружи, метрах в тридцати от блокпоста, возвышалась огромная баррикада, сложенная из всего, что нашлось в окрестных кварталах. Среди мебели, камней и мусора явственно виднелись чьи-то руки, ноги, головы. Люди широким потоком перебирались через самодельное укрепление и бежали сюда, к бетонному забору. Но сзади уже до кого-то дошло – прямо за спиной Лохлана раздался истошный вопль: «Назад!», утонувший в общем гвалте несущейся вперед толпы.

Через высокие бетонные блоки медленно, словно в фантастическом фильме про иные миры, полз белесый туман слезогонки. Те, кто только что взобрался на баррикаду, увидели его. Еще они, наверное, видели, как пули «ревунов» оставляли в телах бегущих за кордоном безобразные кровавые дыры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большая часть взобравшихся волной, топча тех, кто еще только лез наверх, откатилась назад.

В голове стучало, как молоток о головку гвоздя, только одна мысль: нужно срочно уйти отсюда, убраться с дороги вошедших в раж бунтовщиков и несущихся из-за спины, со стороны Даун Тауна пуль. В подтверждение своих мыслей Лохлан увидел, как из тел нескольких бегущих на него людей с тихим звуком «чпок» вылетали целые куски мяса, догоняемые фонтанчиками темно-багровой крови. И только спустя еще секунду прямо за ним, как будто над самым ухом, по-настоящему взвыл несущий смерть «ревун».

Лохлан, не разбирая дороги, побежал. Не вперед, туда, где возвышалась баррикада, из-за которой продолжали выползать обезумевшие люди, тут же попадая под град пуль. Вбок, в какой-то переулочек.

Здесь тоже были люди. И везде, куда мог попасть взгляд, была кровь. Яркая, только что пролитая, темная, успевшая загустеть, засохшие бурые пятна. Двое мужчин с безумными улыбками на лицах куда-то тащили третьего. Тот вяло отбивался. С трепыхающегося тела на асфальт падали крупные капли крови. Всюду было красное, везде.

Лохлан бежал. Мимо собирающихся на битву с СБА людей, мимо дерущихся друг с

другом не на жизнь, а на смерть бродяг, не поделивших снятые с трупа ботинки, мимо матери, оплакивающего своего задавленного в толпе ребенка. Лохлан бежал, пытаясь найти выход. Он должен, обязан найти то, что может остановить этот хаос. То, что должно остановить.

Странные, совершенно безумные мысли. И никаких воспоминаний. Только красное то и дело всплывало из небытия, из глубокой черноты.

Непонятное чувство вины за происходящее давило на разум Лохлана. Это он виноват, это он недоглядел, он недоделал. Зачем он ввязался в авантюру, для чего пошел?

Лохлан резко остановился. Перед ним торчала утопленная в бетон стоящего за ней здания красная коробка, полтора метра высотой. Флетт не знал, что это такое, но оно было красным, именно того цвета, который он искал. Он был уверен – это именно то, что нужно.

Створки коробки были заперты. На облупившейся красной поверхности надпись белыми буквами: «Собственность корпорации «МегаСофт»». Полная ерунда – нет в Лейте никакой корпоративной собственности. Лохлан подергал створки сильнее, но они не поддавались. Что нужно сделать? Ведь приз находится внутри. Или нет?

Флетт закрыл глаза и сосредоточился на черноте, в которую погрузился. Мыслей, как процесса, не было. Ответ появился сам собой. Не воспоминание, именно ответ. Другой назвал бы его догадкой.

Дыра нашлась слева – под красной будкой была небольшая полость, скорее всего просел подмытый волной грунт. Вход в схрон был прикрыт куском бетона, но можно было и не закрывать его – кого заинтересует провал в асфальте?

Лохлан осмотрелся. Вокруг ни души. Куда все подевались?

В яме лежала небольшая металлическая коробка. Наглухо закрытая, будто запаянная. Крышка даже не пошевелилась, когда Лохлан попытался поддеть ее. На передней поверхности коробки он нашел маленький черный квадратик. На блестящей поверхности квадратика отчетливо виднелся отпечаток чьего-то пальца. Флетт вспомнил название этой штуки – сканер отпечатков пальцев.

Он приложил большой палец к сенсору. Внутри черного квадратика на мгновение вспыхнуло. И ничего не произошло. Здесь есть какой-то секрет, но его не вспомнить, даже и пытаться не стоит.

Лохлан подумал о «памяти тела». Может быть, это сработает? Главное, полностью отрешиться, не думать о пальцах.

Он зажмурился и попытался вспомнить, что он делал в Даун Тауне. Что же там произошло? Но из небытия всплывали только неоформленные образы какой-то черной книги.

Пальцы сами собой двигались, по очереди, словно выстукивая замысловатый ритм, опускались на сенсор сканера. Внутри коробки тихо стукнуло, и крышка приподнялась. Сработало.

Там лежал какой-то откровенный хлам. Скомканный листок бумаги, исписанный непонятными, наполовину расплзшимися под действием влаги словами. Небольшой серый цилиндр, мягкий на ощупь; к нему приклеен клочок белой бумаги со столь же непонятной, как на смятом листе, фразой. Небольшая, сантиметра четыре в высоту, страшная фигурка, вырезанная из дерева, на шнурке. Никакого смысла и никакой связи между этими вещами не было, если не предаваться мистическим настроениям – на каждой из них была своя красная отметина: красный квадрат на цилиндре; красная галочка, выведенная от руки, на исписанном желтоватом листке; красный шнурок, на котором висела фигурка.

Лохлан переложил вещи в карман. Больше в дыре ничего не было. Флетт повернулся и быстро пошел, не глядя куда. Похоже, это был самый верный способ найти нужное направление. На память надежды не было никакой.

Очень скоро людей стало больше, все куда-то спешили. Из подворотни впереди раздавались глухие звуки ударов и громкий крик. От этого крика пробирал мороз по коже. Люди шли по улице, все слышали крики несчастного, но никто даже не оборачивался – их

это не касалось. «Но ведь так нельзя, – подумал Лохлан. – Ведь там, в подворотне, может оказаться каждый, никто не застрахован. Или каждый сам за себя и другого выхода нет?»

Лохлан понял, что уже вторую минуту стоит у входа в проулок и смотрит, как трое черенков колотят беза. Откуда он здесь взялся, без брони, без оружия? Или оружие у него смогли отобрать? Скорее всего парня послали патрулировать территорию еще до начала беспорядков. Но где его напарник – даже на корпоративных территориях безы никогда не ходили поодиночке?

– Умри, сука! – истошно заорал один из черенков, избивавших беза.

Он на секунду оторвался от вяло ворочавшегося на земле человека, поискал глазами, схватил что-то, подвернувшееся под руку, и снова кинулся к безу. Размахнувшись изо всех сил, едва не завалившись назад, он опустил свое оружие. Раздался совершенно истошный вопль жертвы. Двое, что еще пинали распростертое тело, отошли и остановились в метре от беза, тяжело дыша.

То, что подобрал один из черенков, оказалось обломком тонкой металлической трубы, которой он пригвоздил свою жертву к размокшей от недавнего тумана земле, проткнув тело насквозь. Без, нанизанный на трубу, словно жук на иголку в коллекции энтомолога, скреб руками и ногами, как будто пытался вырваться, вытащить держащую его трубу, но только забрасывал себя комьями грязи. Это рефлекс, память тела. В глазах, смотрящих прямо на Лохлана, уже не читалось ни капли разума – это были глаза мертвого человека. Взгляд умирающего мира, недоеденного падальщиками мироздания.

– Зачем? – пробормотал Лохлан.

Он не смог бы объяснить, что имел в виду. Зачем черенки убили беза? И так понятно – он не такой, как эти парни, он из другого мира, который те самые падальщики мироздания старательно обходили стороной. До сегодняшнего дня. Зачем без посмотрел на него перед смертью? Станный вопрос – вряд ли умирающий думал, кого ему стоит увидеть напоследок. Вышло так, что в иной мир он унес с собой образ Лохлана. Или Флетт хотел знать, зачем умирает мир? Вот на этот вопрос, как ни странно, он знал ответ – чтобы родиться заново. Лишь полностью отформатировав диск, можно переустановить систему...

Мысли, ставшие вдруг легкими и какими-то очень правильными, прервал голос одного из черенков. Вроде того, что воткнул в спину беза трубу. Подонок, упиваясь собственной смелостью и безнаказанностью, желал новых свершений, новых подвигов.

– А тебе какое дело? – плюнув Лохлану под ноги, поинтересовался он. – Соглядатай Мортенса? А ну-ка, ребята, давайте пощупаем гада!

Остальные черенки оторвали замороженные взгляды от трупа в серой форме и повернулись к Лохлану. В их глазах читалось восхищение собственной крутостью и одновременно – откровенный животный страх.

Нужно уходить. Убегать, сверкая пятками, может быть, догонять не станут. Но ноги Лохлана стали ватными, подошвы ботинок будто приклеились к растрескавшемуся асфальту. Он смог только вытянуть вперед руку, которую все еще держал в кармане, пытаясь отгородиться от ощерившегося смертельным оскалом мира. Черенок, подошедший почти вплотную, среагировал на движение, ожидая удара. Но Лохлан не собирался бить. Он смотрел на ладонь, на пальцах которой запутался красный шнурок. Прямо перед глазами быстро качалась маленькая резная фигурка, раскрашенная яркими красками.

Черенок понял, что Лохлан не собирается сопротивляться, и осмелел окончательно. Он подошел вплотную, присмотрелся к болтающейся на шнурке фигурке и, обернувшись к подельникам, сказал:

– Он вудуист! – Прозвучало словно приговор.

Вот откуда эта фигурка! Наконец, Лохлан вспомнил. Точнее, ему напомнили – это амулет Католического Вуду, какой-то из духов Лоа. Но откуда эта вещь у него? Никаких воспоминаний о Католическом Вуду в голове не сохранилось. В памяти не осталось почти ничего о прошлой жизни.

Резкий, почти без замаха удар в живот заставил Лохлана согнуться пополам. Черенок

бил точно и профессионально. Скорее всего только что испутивший дух без был не первым в списке жертв ублюдка.

– Неграм не место в нашем Анклаве! – проорал ублюдок прямо в лицо Лохлану, заставив его поднять голову, дернув за подбородок.

В шее Флетта тихонько треснуло, и в голове помутилось. Подтянулись остальные черенки.

Лохлана били. Сильно и с намерением убить. Он ничего не сделал этим пацанам, он просто проходил мимо. Он встрял не в свое дело, помешал падальщикам мироздания доедать этот кусок мира.

Где-то недалеко скрипнула дверь. Ржавый металл давно не смазываемых петель. Лохлан не придал звуку значения, но скрип предвещал спасение.

«Дыродел» выстрелил трижды. Стрелял, конечно, пистолет не сам. Черную вороненую сталь держал в руках лохматый мужик, заросший темной с проседью бородой по самые глаза.

Лохлан вытер рукавом кровь, стекающую из носа, и посмотрел на своего спасителя. Тот как-то хитро улыбался и вроде бы даже подмигивал. Он знает Лохлана? Что-то знакомое было в его облике, но нет – Лохлан никогда не видел этого человека раньше. Во всяком случае, если и видел, то ничего об этом не помнил.

Мужчина, убедившись, что все трое нападавших не подают признаков жизни, опустил пистолет и неуклюже заковылял к лежащему на земле Лохлану. Только теперь Флетт заметил, что растоптанные ботинки лохматого мужика странно топорщатся в некоторых местах. Человек явно страдал от какой-то болезни.

– Спасибо, – пробормотал Лохлан, поднимаясь. Он должен был поблагодарить и сделал это, но спокойствия не было: спаситель вполне мог продолжить стрельбу, выбрав на этот раз мишенью его самого.

Болели ребра и разбитое лицо. Но никаких фатальных травм вроде бы не было.

– Ты сам сказал: сочтемся, – ответил мужчина.

Лохлан сел. Он не понимал, о чем говорит этот человек. Когда он с ним разговаривал? В чем сочтемся?

Рука сама собой опустилась в карман – пластиковый цилиндр и мятый клочок бумаги на месте, а разрисованной фигурки на шнурке не было. Где же она? Лохлан испытал что-то похожее на испуг, решив, что потерял фигурку. Чего он испугался, он же не знает, что это за вещь и откуда она? Или он просто боялся утратить последние вехи, связывающие его с забытой прошлой жизнью?

Лохлан поискал глазами. Амулет нашелся на земле, рядом с трупом черенка, заварившего эту кашу. Амулет Вуду. Лохлан встал на ноги и поднял фигурку. Теперь все на месте, осталось вспомнить, откуда она и для чего может пригодиться.

– Пойдем, – сказал лохматый спаситель и кивнул головой в сторону дороги, на которую выходил проулок. – Укроешься у меня, пока на улицах не успокоится.

Лохлан отрицательно покачал головой.

– Нет. Спасибо, у меня дела, – ответил он и добавил, удивившись уверенности, с которой произнес это: – Здесь само не успокоится.

– Ну, как знаешь, – мужчина тяжело поднялся, скривившись от боли, когда пришлось встать на обе ноги. – Я пойду, там моя лавка без присмотра осталась. Сам понимаешь...

Лохлану показалось, что в голосе спасителя проскользнули нотки сожаления и... вины, что ли? Понимания и вины за то, что ничто не успокаивается само, а он будет отсиживаться в своей лавке, трусливо заперев двери. Он будет ждать, пока другие решат за него. Решат, жить ему или умереть, в конечном итоге.

– Конечно, – кивнул Лохлан.

Мужчина не догадывался, что Лохлан совершенно не представляет, с кем разговаривает. А между тем он явно знал Флетта. Откуда же? Память отказывалась давать подсказки.

Лохлан вспомнил, что хотел достать что-то из кармана. Он так и не решил, что нужно, но пальцы в тот же момент уверенно схватили листок. Что там написано?

Лохлан развернул смятую бумагу. Это был обрывок какого-то плаката или рекламы. Нижняя часть рисунка или фотографии очень плохого качества, а вокруг, на полях – множество надписей, сделанных кем-то от руки.

«*cepsi jir let probden ulm mul loplal talen* », – прочел Лохлан одну из написанных на листке фраз. Бессмыслица, набор букв.

– Я найду его, – крикнул Флетт вдогонку мужчине.

Тот остановился, постоял несколько секунд, рассматривая свои изуродованные болезнью ноги, потом обернулся и сказал:

– Разумеется, ты же обещал.

Что Лохлан ему обещал? Что?! Как он сделает то, о чем ничего не помнит? Кого он найдет? Он ведь даже не сразу понял, что сказал что-то, слова родились сами собой, без участия сознания.

Лохлан с силой зажмурился, подспудно надеясь, что, когда откроет глаза, мир снова станет нормальным, а все, что происходит, окажется дурным сном, бредом воспаленного мозга. Мир остался прежним, ничего не изменилось, кроме того, что из-под грязной и запутанной бороды мужчины выглядывала по-настоящему радушная и добрая улыбка. «Это точно бред, – подумал Лохлан, – в этом мире нет места для подобных улыбок, здесь так не бывает».

На листке, который Лохлан продолжал держать в руке, надписей было еще много. Но только одну из них кто-то выделил жирной красной галочкой. «*ter ventoff, tre gon wollar* » – значилось в этом месте.

Лохлан ничего не понял. Смысла в этой фразе нет, он уверен в этом. Смысл и не нужен, нужно руководство к действию, а его разум Лохлана получил.

– Ну что ж, – сказал сам себе Флетт, не очень понимая, о чем он, – пускай вудуисты. Как бы то ни было, утраченное придется вернуть.

Теперь он знал, где искать. Пока еще не пришло понимание, что он искал, но оно придет, обязательно придет. Уверенность росла с каждой секундой.

Лохлан достал деревянного духа Лоа, одиноко болтавшегося на красном шнурке. Где-то я тебя, парень, видел раньше. Вот вспомнить бы где – дело пошло бы легче.

Толпа на границе Даун Тауна не уменьшалась. Напротив, создавалось впечатление, что людей здесь становилось больше. Следов недавней мясорубки, что устроили обе стороны, уже видно не было. Только на грязном, усыпанном мусором асфальте виднелись потемневшие и затоптанные пятна крови.

Безы носа не показывали из-за бетонных укрытий блокпоста. Демонстранты старались не высовываться за пределы широкой и массивной баррикады, которая, казалось, стала еще больше. Лишь несколько отморозков или умалишенных слонялись в отрезке улицы, ставшей нейтральной территорией, раздражая обе стороны. В толпе то тут, то там возникали спонтанные вспышки активности, но они быстро затухали, и снова становилось тихо. Все ждали – безы команды, толпа появления новых провокаторов.

Лохлана баррикады не интересовали. Он теперь знал, куда идти – в южную часть Punkground, в храм духа Легбы. В логово вудуистов. Не знал – зачем.

Католическое Вуду имело слабые позиции в Эдинбурге. Храм в Анклаве, разумеется, был, но ни собственной территории, как, например, Муслим у мусульман, ни покровительственного влияния, как это было у китайцев в Sway, у негров не было. Все очень скромно и тихо. Трудно сказать почему. То ли в Эдинбурге – издавна христианском городе – слишком многие подспудно испытывали неприязнь к новому течению, извратившему популярную в бывшей шотландской столице веру, то ли постарались конкуренты.

Чем дальше Лохлан уходил от границ Даун Тауна, тем тише и спокойней становилось на улицах. Но и в этих районах легко можно было понять, что в Анклаве не все хорошо – люди боялись выходить из своих убежищ, кто-то кого-то грабил, кто-то громил редкие и

полупустые магазины – потом все спишут на беспорядки, виноватых искать не будут.

Лохлан шел следом за двумя довольно крупными мужчинами. Они шагали бок о бок, явно точно зная, куда и для чего идут. Флетт не мог сказать, по каким признакам определил, но был уверен, что они – безы.

Сегодня голова у Лохлана работала как-то странно. Мысли текли стройно, словно поезда по рельсам, не смешивались и не конфликтовали друг с другом. Несмотря на то что память о событиях, хотя бы вчерашних, не появлялась, мозг ловил малейшие признаки, тонкие намеки и совсем уж какие-то мистические моменты, складывал это все и получал, словно бы из ниоткуда, четкую и логичную картину. Нет, Лохлан так и не понял, что делает и зачем, он продолжал оставаться в неведении. Но уверенность в правильности приходящих из подсознания решений и мотиваций не подлежала сомнению.

И еще – фразы, написанные латиницей на листке. Написанные им самим, это Лохлан смог понять без особых усилий. Они ничего не значили, это не был какой-нибудь тайный язык, просто – набор букв. Но каждая прочитанная фраза запускала в голове Лохлана неведомый механизм, который формировал готовые схемы действий, минуя какие бы то ни было мысли. Он ни о чем не раздумывал, когда сказал лохматому типу, который спас ему жизнь, что «найдет его». Никаких идей не появилось и после.

То же самое было с безами, одетыми в штатское и бодро шагающими в сторону Punkground. Лохлан просто знал, что это безы. Внутри ощущение, будто ему кто-то шепнул на ухо относительно тех двух парней.

– Думаешь, вырулят ситуацию? – спросил один из них.

– Откуда я знаю?! Я вообще не очень понимаю, что тут происходит. Наше дело – сам знаешь.

– Точно, – согласился напарник.

– Как тебе новый слух?

– Какой?

– Я слышал от ребят, с третьего...

– Ну?

– Говорят, что к нам прибыл Ник.

– Моратти?! В Эдинбург?!

Удивленный без остановился, неверящим взглядом уставившись на товарища.

– Что он тут забыл?

– Ну, это только слухи.

Лохлан, слышавший их, был удивлен не меньше. Кто такой Ник Моратти, Лохлан знал. Точнее – помнил. До Катастрофы он был президентом СБА. Но с тех пор мир сильно изменился. Не было никакого СБА, а здесь, в Эдинбурге, правил Мортенс. Наверняка в Москве оставался Мертвый – представить мир без Максимилиана Кауфмана у Лохлана не получалось. Флетт ничего не знал о судьбе остальных Анклавов и уж тем более – о директорах филиалов СБА.

«Интересно, – подумал он, – повлияет ли новость о Моратти на его собственные намерения? На те, что приходят сами собой?» Ответ пришел почти мгновенно. Над его значением можно думать веками – значения не было. Были только звуки, порожденные буквами.

Лохлан, не сбавляя шага, пробормотал под нос:

– *Vertur valex tess extur marda*.

Вытаскивать ворох никому не нужного мусора, лежащего в правом кармане куртки, не было необходимости – он и так понял, что это та самая фраза, написанная на стикере, приклеенном к пластиковому цилиндрику. Тому, что помечен красным квадратом.

ни с чем не сравнимое чувство, что выворачивало наизнанку от переизбытка эмоций, от нехватки границ и возможностей человеческих ощущений передать то, чего сейчас достигла девчонка по имени Альмас Хамидди, больше известная как Лиса.

Перед ней лежал весь Анклав. Не имело значения, что это был не настоящий Эдинбург, а его цифровой двойник. Если уж быть до конца честным – ни капли не похожий на то, что видел сейчас Бойд из окна своего «Ауди Дромадера». Но ни Бойд, ни Мортенс, ни кто другой не мог изменить то, что видел. Для них Эдинбург был просто Эдинбургом, клочком суши на изрядно потрепанной планете Земля. То, что привыкли видеть перед собой все живые существа, начиная с самых первых микробов и заканчивая людьми, взирающими на голубой шарик с орбиты.

Лисе теперь были подвластны совершенно иные материи. Все программы, все алгоритмы, все данные – все цифровое богатство лежало перед ней, как сокровища сорока разбойников перед Али-Бабой, умудрившимся подобрать код доступа к таинственной пещере. Сокровищ было много, это могло быть единственным описанием – человеческий мозг, даже разогнанный слишком высокой дозой «синдина» мозг Лисы, не в состоянии воспринять этот кладезь информации одновременно.

Сейчас Лиса могла все. Она видела потоки данных, несущиеся ото всех работающих видеокамер Анклава к серверу СБА. Достаточно мановения руки – или что там заменяло Лисе длань в виртуальном обличье, – чтобы перенаправить их. Или просто просмотреть все, что они в себе содержали.

Любая информация, любые коды – все секреты Анклава собраны здесь. И Лиса единственная и полновластная правительница этого мира.

Попытки свергнуть Лису с поста властелина цифровой вселенной предпринимались постоянно. Несколько десятков машинистов, работающих на СБА, искали подходы, пытались создать лазейки. Но все их попытки были тщетны – они не знали главного.

Лиса сидела здесь, в полупустом пабе в Punkground, ее «раллер» подключен к кабелю, тянущемуся от ближайшего столба. Это была одна из двух оптоволоконных линий, включившихся во время созданного чьей-то не самой честной рукой сбоя в раскладке электроснабжения Анклава. О том, что случится сбой, Бойд знал заранее – у него везде были свои люди, а уж в Punkground... А вот теперь Лиса даже знала, кто этот сбой устроил. Не знала она только причин, побудивших толстого, сильно потеющего машиниста, страшно суетящегося сейчас в «Игле» – сто процентов, боится выдать себя, – со странным для мужчины именем Молли. В голову к Молли Лиса залезть не могла, только в «балалайку».

Так вот – несмотря на воткнутый в «раллер» кабель, непосредственное физическое подключение к сети Анклава находилось внутри «Солнечной Иглы». Сквирел узнал главное – частоту и кодировку вещания нового, разработанного совместно спецами «МегаСофт» и машинистами Мортенса формата сетевого сигнала. Сквирел молодец – он знал, безы не знали, что он знал. Информация давно уже управляла миром, но никогда прежде это не проявлялось столь наглядно. Во всяком случае, для Лисы.

Ломщица четко знала свою задачу, помнила, что нужно Бойду. Она держала в руках все производства Анклава. Да вообще – она держала все. И всем могла управлять – ни один верхолаз сейчас не мог смыть дерьмо в унитазе с программным управлением без разрешения Лисы.

Самого Бойда она тоже отлично видела. И вела «Ауди Дромадер», несущийся по улицам Анклава, убирая с его пути все препятствия: безы на блокпостах по всем установкам обязаны подчиняться приказам, пришедшим на «балалайку». О том, что приказы липовые, их оповестить не успели – все команды теперь фильтровала тоже Лиса.

Это настоящее блаженство, это час слияния с Цифрой, то, о чем писала Поэтесса в «Числах праведности». Лиса была по-настоящему счастлива в последние двадцать минут. Жаль, но она совершенно не испытывала уверенности, что когда-нибудь еще удастся пережить нечто, подобное нынешнему экстазу.

Снаружи – в медленном и кажущемся теперь безнадежно архаичным и устаревшим

реальном мире – дела обстояли много хуже. Иногда приходилось переключать внимание на управляющий внешними командами «раллер». Пальцы, нажимающие на клавиши, слушались плохо. Совсем не слушались, если уж начистоту.

Руки сильно дрожали, перед глазами плавали черные пятна, мешая рассматривать информацию, которая отображалась на экране «раллера». В груди неприятно давило, словно на ребра положили каменную глыбу весом в тонну. Дышалось с трудом, но дышать лучше не хотелось.

Лиса знала, что это такое – симптомы передозировки «синдина». Если ей суждено остаться в живых после завершения сегодняшней операции, завтра ее тело будет содрогаться от боли. Но больше всего достанется голове – обманутый наркотиком мозг не прощает подобных экспериментов. Он будет требовать еще и еще, пока наслаждение, что дарует «синдин», не сожрет все рецепторы, пока мозг не перестанет отличать реальный мир от фантазий. Лиса знала, нельзя идти на поводу у «синдина», она видела много «минусов», переборщивших в свое время. Но уверенности, что сумеет устоять, не было. Удастся ли вообще выжить?

Лиса вернулась к подключению через «балалайку». Вопросы о жизни больше не донимали – жизнь существовала только здесь и сейчас. Все остальное было лишь жалким подобием, неизбежной дорогой, ведущей в настоящую сущность – в мир Цифры.

Ломщица заметила необычное движение в зоне транспортного узла. Сейчас любое движение, исходящее с каналов Роберта Стейна, само по себе было событием необычным. Самолет, запросивший посадку десять минут назад, на позывные не отвечал. Точнее, отвечал, но в каком-то своем, по всей видимости, заранее оговоренном со службами транспортного узла, шифровании. Полнейшая абракадабра загрузилась в оперативку, с которой управлялась Лиса. На расшифровку сигнала могло уйти полвека... только не в этот раз: «синдин» вытряхивал из мозгов все, что они успели накопить за двадцать два года жизни, заставлял совершать невозможное.

Лиса не поняла всего, что произошло в сообщении. Разбираться в сложном шифре дальше, используя большой массив данных, возможности не было – со Стейна ребята дали отбой, и пилоты затихли, полностью отключившись от сети, как только шасси самолета коснулись бетона взлетно-посадочной полосы. Ничего. Полученных данных вполне достаточно. Они наверняка заинтересуют Бойда.

...Никаких предварительных договоренностей не было. Бойд знал – его ждут. Если бы он не явился самостоятельно, они нашли бы способ пригласить со всем надлежащим уважением и знаками почтения. Не через сеть, разумеется. Сети они теперь боялись как огня.

У блокпоста толпилось много людей. На бетонной стене с узкими бойницами, почерневшей от копоти – видимо, блокпост забрасывали зажигательной смесью, – отчетливо выделялись светлые рытвины от пуль. Даже в воздухе, прошедшем сквозь фильтры вентиляционной системы «Дромадера», ощущался запах «слезогонки».

Машину Бойда бунтовщики пропустили, словно им кто-то отдал приказ. Здесь его тоже ждали. Вполне возможно, многие из этих людей не знали, кто находится внутри черного «Дромадера», но видели в нем спасителя.

Впервые в своей жизни Бойд испытывал неуверенность и страх. Не страх неудачи – неудач в его жизни было достаточно, к такой мелочи он давно привык. Любую неудачу можно пережить и в конце концов исправить. Нет, он боялся, что не справится, если все получится.

Для чего он затеял это все? Ради власти? Для чего она? Любому человеку на Земле, что бы он ни говорил, греет душу, когда появляется возможность повелевать другим человеком, когда он может ощутить свое превосходство, свое право решать за других. Не важно, над кем властвовать – над собственными детьми, женой, над младшими пацанами в школе. Чем больше власть, тем больше удовольствия. Бойд это прекрасно понимал. Но сотворил это все он совсем не ради власти.

Или это самообман, желание выглядеть лучше, быть праведником в собственных

глазах? У Бойда были планы. Еще сегодня утром они казались абсолютно правильными и жизнеспособными. Сейчас все больше сомнений появлялось в мыслях Шотландца.

– У меня сообщение от Лисы, – услышал Бойд голос Сквирела, который занимался информационным обеспечением проекта в отсутствие главной машинистки клана.

– Что там у нее? – В голосе Бойда проскользнули нотки обеспокоенности. Сейчас успех всего дела держался именно на Лисе. Если девчонка оплошает, никакие бунты вопроса не решат. И, что уж греха таить, Шотландец переживал за нее.

– Данные из транспортного узла.

– Из Стейна?

Что важного могло сейчас происходить в транспортном узле, который принимал в лучшем случае один самолет в месяц? «Суперсобаки» не ходили с самого момента Катастрофы – слишком много участков трассы повреждено даже на территории Британского халифата, а о путешествии за его пределы не стоило и мечтать: тоннель под Ла-Маншем больше не существовал. Неужели Анклавы решили прислать в Эдинбург подкрепление? По спине Бойда прошел неприятный холодок. Бред! И в лучшие годы такого не бывало.

– Да. Лиса сообщает, что в приземлившемся несколько минут назад джете прибыл сам Моратти.

Бойд поперхнулся от неожиданности.

– А он что здесь делает?

– Больше никакой информации. Борт оборвал соединение с сетью, – после трехсекундной паузы сказал Сквирел. Он был на связи с Лисой.

– Почему она не сообщила мне сама?!

Возмущение и злоба – лишь способ скрыть правду. От самого себя прежде всего: Бойд знал, что Лиса может не пережить сегодняшний взлом, но всем сердцем не желал этому верить. Если девочка молчит, значит, с ней что-то не так.

– Пока она может вещать только в цифровом виде. Как только ее программы загрузятся в сеть полностью, голосовой режим станет доступен.

– Хорошо. Следи за событиями.

Значит, здесь еще и Моратти. Этот фактор Бойд совершенно не принимал в расчет. Президент СБА никак не укладывался ни в представления самого Бойда о судьбе Анклава, ни в те прогнозы, что сделал, прежде чем исчезнуть, Лохлан Флетт.

Кстати, о Флетте...

– Куда нам дальше? – спросил водитель.

Ворота блокпоста – мощная титаплатовая плита, откатывающаяся в сторону электромотором – были закрыты. «Дромадер» остановился метрах в двадцати. Двигатель водитель глушить не стал.

«Тихо, стало слишком тихо», – заметил Бойд. На самом деле, вокруг внедорожника воцарилась какая-то неестественная тишина. Так тихо в этом месте не было и до беспорядков – через блокпост проходило много людей, идущих на «Callboard», здесь всегда было много безов. Сейчас с обеих сторон бетонной стены людей в десятки, если не в сотни, раз больше, чем обычно. Но было настолько тихо, что приглушенный рокот идеально настроенного дизеля черного внедорожника Шотландца разрывал замерший воздух, словно грохот многотонной ракеты на взлете. От того, кто сидел внутри черного автомобиля, ждали решения. Его, Бойда, ненавидели, боялись, любили. Большинство лично к нему были равнодушны. Но он был их надеждой.

«Может быть, несбыточной», – подумал Бойд.

Можно дать команду Лисе – весь Анклав сейчас под ее контролем, она без труда откроет ворота блокпоста. Лиса просила не задействовать ее в непосредственных внедрениях без особой надобности, это могло облегчить безам локализацию ломщицы. Но политика требует шоу. Только нужно ли это шоу именно сейчас?

Не исключено, что, когда «Дромадер» подъедет к воротам ближе, безы откроют их сами. Или...

– Мы здесь стоим, как мишень на стрельбище, – озвучил мрачные мысли Бойда массивный Бобби. Телохранитель нервно ерзал на переднем сиденье джипа.

– Пошли, – коротко сказал Шотландец и приоткрыл свою дверь.

– Куда?! – Голос Бобби сорвался на хрип. Он не решился кричать на шефа, но, судя по всему, ему очень хотелось.

Бойд улыбнулся. Как-то не пристало человеку, претендующему на пост главы Анклава, самому выбираться из машины.

– Дверь мне открой! – сказал он телохранителю.

Бобби замешкался. Всего на секунду – он не верил, что безы не станут стрелять. Но в следующий момент дернул ручку и, резко открыв дверцу, прыгнул на изрытый и загаженный асфальт. Телохранитель окинул окрестности стремительным взглядом. Даже изнутри машины Бойд прекрасно видел несколько стволов, торчащих из темных амбразур блокпоста, так что действия Бобби не имели смысла – простые рефлексy. Даже Тони, прикрывавшая выход Шотландца откуда-то сверху, вряд ли успела бы снять каждого, кто в него целился – слишком много было здесь безов.

Бойд неспешно, с достоинством выбрался из внедорожника. Второй телохранитель – Грег – обошел «Дромадер» и прикрывал спину.

Бойд расправил килт, немного отодвинул Бобби и Грега – два раза не умирать – и свободной походкой пошел к блокпосту. Шотландец старался выглядеть естественно, но получалось плохо. Одежда – красно-желто-зеленый килт и парадный спорран с седым волчьим хвостом – к естественности тоже располагали мало.

Возле пропускного пункта собралась толпа. Бойд бросил мимолетный взгляд на людей. Одно мгновение, отпечатавшееся на сетчатке. Или в самой душе?

Лица – разные и в то же время одинаковые. У всех разные выражения, у всех разные причины, приведшие их сюда. Но у всех одна, совершенно одинаковая надежда.

– Лиса, – позвал Бойд. Он разговаривал с ломщицей с помощью «балалайки», – дай знать безам, что мы не собираемся проходить досмотр. Пускай откроют для нас ворота.

– Уже, – ответила девушка.

Бойд посмотрел на телохранителя – по массивному лбу Бобби стекали крупные капли пота, глаза бешено вращались, стараясь охватить разом как можно больше пространства. Он ни за что не мог поверить, что опасности для его шефа нет. И он был совершенно прав.

Внутри блокпоста обозначилось какое-то движение. Наверное, Лиса передала безам пожелание Шотландца, и теперь они пытаются связаться с начальством. Когда Бойд подошел к воротам на расстояние пяти шагов, массивная плита послушно поехала влево...

...Лохлан свернул на Лейт-стрит. Туда было нужно. Как обычно, он не знал зачем. Только «*vertur valex tess extur marda*» отбойным молотком стучало в голове.

Пластиковый цилиндрик очень удобно укладывался между большим и указательным пальцем. Скорее всего именно для такого захвата он и был создан. Догадаться, что делать с ним дальше, несложно – для этого не нужно никаких магических фраз или заклинаний. Достаточно просто надавить на мягкие стенки цилиндра, и... И что, интересно, произойдет? Выскочит чертик? Или из контейнера вылетит смертоносный яд? Отчего-то Лохлан был уверен, что ни то, ни другое.

До блокпоста, через который люди обычно шли на «Callboard», было недалеко. Несколько минут неспешной ходьбы.

Людей здесь собралось не меньше, чем там, откуда пришел Лохлан. Здесь баррикады не было, но, судя по горе мусора, наваленного прямо посреди широкой Лейт-стрит, соорудить импровизированное укрепление местные бунтовщики тоже пытались.

Основная масса людей толпилась возле пропускного пункта, ведущего в открытую часть Даун Тауна. Раньше открытую – сейчас все корпоративные территории охранялись, подобно военным объектам.

Лохлан с трудом протиснулся сквозь становящуюся все плотней толпу. Там, перед титапластовыми воротами, что-то происходило. Наконец, Лохлану удалось разглядеть – трое

мужчин шли к начавшей открываться створке. Больше на подъездной дорожке, в начале которой стоял черный как смоль внедорожник «Ауди Дромадер», никого не было.

– Кто это? – спросил Лохлан. Он ни к кому конкретно не обращался, но ему ответила стоящая рядом женщина:

– Бойд. Шотландец. Из Скотланд-Ярда.

То, что один из идущих к воротам людей шотландец, было и так понятно – на нем был красно-зеленый килт. Лохлан не смог определить интонацию, с какой женщина произнесла имя этого человека: неприязнь, ненависть, благоговение или безразличие. Похоже, она сама не могла определиться, как к нему нужно относиться.

В образе здоровяка с соломенными волосами, того, что одет в килт, было что-то смутно знакомое. Но кроме ощущения знакомости, внутри головы Лохлана больше ничего не всплывало. Нет, он никак не мог вспомнить что-либо, связанное с этим человеком.

До идущей тройки было метров пять, не больше. Шотландец шел в центре, ровным, уверенным шагом. По сторонам от него двое облаченных в черные костюмы амбалов, постоянно озираются и дергают руками пуговицы дорожных пиджаков – вне всякого сомнения, под пиджаками у них «дыроделы», – скорее всего телохранители. Никто не пытается их остановить или помешать их маршу. Ни безы, ни собравшиеся бунтовщики. Все замерли в ожидании, все ждут, что этот самый Бойд, кем бы он ни был, решит проблему, и все уладится.

Лохлан подался вперед, стараясь рассмотреть шотландца в килте внимательней, и, оступившись, растянулся на асфальте, чуть не у самых ног одного из телохранителей. Под пиджаком у того действительно был «дыродел», черный глазок ствола которого тут же нацелился Лохлану в лоб.

Флетт поднял голову и встретился взглядом с мужчиной в юбке.

...Из толпы вырвался какой-то оборванец. Бобби среагировал мгновенно – спустя полсекунды «дыродел» телохранителя смотрел в направлении рыжей головы нарушителя. Бойд рефлекторно отправил через «балалайку» сообщение Тони: «Не стрелять!» Он взглянул в лицо бродяги и невольно вздрогнул. Это был Лохлан. Грязный, осунувшийся, обросший спутанной рыжей бородой. Но не узнать этот взгляд Бойд не мог.

– Лохлан?! – остановившись, произнес Шотландец.

Бобби, не сводя глаз со стоящего на коленях рыжего, спросил:

– Это профессор?

– Лохлан, что с тобой? – не веря собственным глазам, спросил Бойд.

Но тень сомнения все же имелась – человек, смотревший на него снизу вверх, прямо в глаза, не проявлял ни малейшего узнавания. Он смотрел так, будто видел Бойда впервые в жизни. Или это не Лохлан?

Рука бродяги потянулась из кармана, где он держал ее все это время. Бобби придавил курок.

– Нет, Бобби! – остановил его Шотландец.

Лохлан это или нет, сейчас разбираться времени не было. Но в любом случае, Бойд вполне мог заработать у людей еще пару очков в свою пользу. Он наклонился к рыжему и протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

Возможно, Бобби был прав, когда хотел выстрелить. Возможно, Бойд проиграл, когда принял идею Лохлана Флетта о возможности захватить власть в Анклаве. Рыжий бродяга, похожий на профессора, резко вскинул руку, как будто намереваясь опереться на ладонь Бойда, а потом между его пальцами показалось что-то меленькое и серое. Миниатюрный пульверизатор издал тихий пшик, и в воздухе повисло облачко мелкой, как туман, пыли, быстро развеиваясь легким ветерком. Шотландец и Бобби одновременно чихнули, вдохнув взвесь. Телохранитель дернул курок, но чихнул второй раз, рука дрогнула, и пуля лишь выбила кусок асфальта у колена бродяги. Второго выстрела не прозвучало – Тони то ли выполняла изначальное распоряжение Бойда, то ли заметила его жест, адресованный Бобби.

Собственно, ничего страшного не произошло. Бойд не упал, катаясь по земле в корчах,

у него ничего не болело. Он даже не чихал больше.

– Что ты сделал? – зло прошипел Бобби и схватил рыжего за запястье. Из пальцев выпал на асфальт небольшой серый цилиндр с красной квадратной наклейкой.

– Оставь его, – сказал Бойд.

Что бы ни распылил здесь этот лже-Лохлан, сейчас не имело значения. Бойд жив, он нормально себя чувствует и готов завершить то, что начал. А начинать политическую карьеру с публичного убийства совершенно не стоило – никто, кроме него и его телохранителей, не видел, что произошло. Но все видели, что Бобби стрелял. В безоружного, стоящего на коленях человека. И это благо, что он промахнулся.

– Пойдем! – скомандовал Бойд и, не дожидаясь Бобби и Грега, двинулся к открытым воротам.

Они вошли на корпоративную территорию. Без досмотра и проверки документов. Безы – на некоторых надета «саранча», на заднем плане виднелись даже два «пингвина» – ошетинились стволами. Лица у всех угрюмы и ничего, кроме лютой ненависти, не выражают. Это нормально – поводов для любви к Бойду у них не было.

– Шеф, не делайте резких движений, – сообщил через «балалайку» Бобби. – Безы взвинчены, могут выстрелить с перепуга.

– Им потом Мортенс выстрелит, – ответил Бойд.

– Нам от этого легче не будет.

– Они подогнали машину, – послышался голос Грега. Второй телохранитель тоже общался с Шотландцем через «балалайку».

– Вижу.

Автомобиль остановился метрах в двадцати, за всеми постройками блокпоста. Судя по марке присланного транспорта, Мортенс испугался всерьез. Или прислать за Бойдом роскошный «Мерседес Мао» распорядился не Мортенс? Если идея принадлежала кому-то из верхолазов, то победа, можно сказать, уже в кармане. Но расслабляться не стоило.

Дверь длинного черного лимузина открылась, и из салона выбрался давний знакомец – Чарльз Окито. Нет, о победе Бойд задумался рановато.

– Здравствуйте, Чарльз! – улыбнулся Шотландец.

В этот раз на лице Окито не было и следа того радушия, которое он изображал во время их предыдущей встречи несколько месяцев назад. Раскосые глаза заместителя Мортенса смотрели недобро, от чего прищур становился еще сильнее.

– Садитесь, Аласдер, – пропустив приветствие, сказал Окито. – Вас ждут в Замке.

– Я же просил вас называть меня Бойд, – заметил Шотландец.

Окито и ухом не повел. Он стоял у двери лимузина и ждал, пока Бойд наконец усядется. Бобби подождал, пока без сядет рядом с шефом, потом тоже забрался внутрь и занял место впереди, спиной к водителю. Грегу досталось переднее сиденье, рядом с шофером. По лицу заместителя директора СБА было ясно, что ему не нравится присутствие в машине телохранителей Бойда, но ничего говорить не стал.

За время короткой дороги он так и не произнес ни слова. Не отвечал на попытки Шотландца начать беседу о погоде или здоровье его шефа – Мортенса. Похоже, узкоглазый счел личным оскорблением тот факт, что его послали встречать Бойда.

В Замке, в зале, в который их привел недовольный Окито, собрались все. Многих Бойд видел впервые, некоторых вообще не знал. Большой длинный зал с окнами, выходящими в сторону Sway, был полон.

Мортенс – с красными воспаленными глазами, но, в отличие от своего заместителя, с широкой улыбкой на лице – стоял у дальней стены, скрестив руки на груди. Впрочем, глаза директора сохраняли обычное каменное выражение. В большом кожаном кресле, стоящем не у стола, а у стены справа от входа, сидел высокий пожилой мужчина. Его волосы были седыми, и весь он выглядел высохшим и костистым. Бойд знал этого человека – это был Пер-Андерс Койман, самый богатый верхолаз Эдинбурга, владеющий несколькими крупными корпорациями. Лицо Коймана не выражало ни неприязни, как у большинства собравшихся

здесь, ни фальшивого лучезарного радушия, как у Мортенса. Верхолаз скорее выглядел заинтересованным. Похоже, он не видел в Бойде особой угрозы для себя лично. Возможно, это и к лучшему – проще будет договориться.

Монотонный гул нескольких десятков голосов, царивший в зале до появления Бойда, мгновенно стих. Многие с интересом рассматривали человека, одетого в клетчатый килт.

Койман вытянул руку и жестом предложил Шотландцу занять место во главе стола, с противоположной стороны от места Мортенса, где тот продолжал стоять.

– Вы... – начал было директор СБА, но Койман перебил его, вообще не обратив на Мортенса внимания. Словно того и не было в зале:

– Мы готовы вас выслушать, – сказал верхолаз пронзительным скрипучим голосом. – Бойд? Я правильно произношу ваше имя?

– Да, господин Койман.

Шотландец вежливо кивнул верхолазу и занял предложенное место.

А ведь Лохлан был прав: Мортенс – пустое место, марионетка и ставленник верхолазов. Осталось выяснить, готов ли сам Бойд занять его место.

* * *

Перед глазами рваная дыра в сером асфальте. Рана от пули «дыродела», оставленная на асфальтово-бетонной коже Анклава. Сзади нарастает рокот людской толпы. Шум становится громче, Лохлана толкают, цепляя ногами и руками – толпа движется, люди куда-то идут.

В ушах до сих пор шумит – стреляли слишком близко. Но шум в голове – это мелочи. Лохлан совсем запутался в намеках и подозрениях, которые опутывали его, будто разросшийся плющ ствол древнего дуба. Он не помнил даже события сегодняшнего утра, а вояж через закрытую часть Даун Тауна превратился в смутную догадку, лишенную четкости. Лохлан ничего не помнил о собственном прошлом, но беда заключалась в том, что ему и не хотелось вспоминать. Ему было все равно.

Или не было?

Флетт понял, что настала пора собраться с мыслями. Сейчас он знал только один способ сделать это – те странные слова, что написаны на мятом листке, пробуждали воспоминания, засевишие глубоко в подсознании. Это было подобно гипнозу – он не осознавал эту память, но информация явно обрабатывалась где-то внутри, всплывая в сознании готовыми решениями или наитиями.

Так было до нынешнего момента, но, похоже, настало время разобраться в происходящем. Слишком много событий требовало своих магических фраз, которые просто не могли уместиться на маленьком затертом листке.

Центральное место в памяти прочно заняла какая-то книга. Черная, притягательная в своем аскетизме. Она была единственным воспоминанием, не исчезающим с течением времени.

Что это за книга?

Лохлан извлек содержимое кармана – листок с фразами и вудуистский амулет на красном шнурке. Опустевший пластиковый цилиндр остался на асфальте у блокпоста. Пока Флетт помнил о нем.

Итак, для чего нужны подобные амулеты? Лохлан был уверен, что не знает ответа на этот вопрос, но неожиданно понял, что все и так ясно – амулет олицетворял силу Традиции, он был частью своей Традиции, вместилищем бога в мире людей. Но ведь Лохлан не принадлежал к Католическому Вуду. Или он этого просто не помнит? Нет, принадлежность к Традиции – слишком важная вещь, чтобы забыть о ней. Для истинно верующего человека Традиция все равно что окружающий мир, а о мире и его устройстве Лохлан прекрасно помнил. Амнезия распространялась только на события.

Тогда каким образом амулет оказался у него?

В памяти всплывали отрывочные картинки толпы, какого-то мужчины и храма Иисуса Лоа в Новом Орлеане, который Лохлан видел однажды на экране коммуникатора.

Амулет – это часть Традиции. Адепты любой Традиции легко ориентируются в символах собственной веры. Это для Лохлана разукрашенная мордашка на веревке была простым сувениром, а для хунгана она являлась проводником или передатчиком, точнее любого радара, указывающим на местоположение вместилища одного из духов пантеона.

С помощью амулета за ним хотели проследить? Но деревянная фигурка сыграла со своими хозяевами злую шутку – амулет помог Лохлану вспомнить. Не все, даже ничего конкретного. Но слишком много раз этот амулет мелькал перед ним, слишком много фрагментов, за которые можно зацепиться. Обычный человек этого не заметил бы, а заметив – не придал бы значения. Но Лохлан...

А чем он необычен?

«Avva marda avva, ciar...».

Лохлан повторял слова, едва шевеля губами. Он не помнил ни одного из них, но знал все, от начала и до конца. И слова эти давали силу разуму. Даже из тех крупиц информации, которые удалось вырвать из рассыпающейся памяти, складывалась сложнейшая мозаика мира, объясняющая события прошлого и настоящего, дающая возможность заглянуть в будущее.

Слова из книги в черной кожаной обложке. Той, что Лохлан нашел на Пустыре. Книги храмовников.

Никаких сомнений в том, что книга оказалась на Пустыре не просто так. Книга принадлежала храмовникам, в ней были записаны какие-то сокровенные мистические тайны этих странных жрецов и гениальных ученых, творящих с живой плотью настоящие чудеса, к уровню которых даже близко не смогли подобраться такие гиганты, как «Фарма-1». И неспроста купили книгу у Лохлана представители другой Традиции. Обычным покупателям чудеса не нужны, в них никто не верит в повседневном мире.

Что еще было в той книге? Какие еще тайны Лохлан отдал вудуистам?

Книгу нужно вернуть, обязательно. Себе или храмовникам? Лохлан не знал ответа на этот вопрос. Пока – не знал. Но в том, что книга чрезвычайно ценна, он был уверен. Образ черного фолианта ни на секунду не покидал память Флетта.

Несколько человек в переулке сосредоточенно ломали запертую, усиленную наваренными кусками мощных металлических уголков, дверь.

– Эй, чего стоишь? Иди помоги! – звали Лохлана.

Флетт, не задумываясь, подошел. Он решил, где искать книгу в первую очередь. Пока мысли были очень смутные. Кроме храма духа Легбы, что в Rinkground, ничего не придумывалось. Но вряд ли вудуисты хранили книгу в храме. Да и если хранили – храм это их территория, там Лохлан все равно ничего не найдет. Требовалось другое решение.

– Давай, навались! – крихтя, крикнул тот, что звал Флетта.

Это был молодой парень, довольно сублильный, со всклокоченными потными волосами. Похоже, он был заводилой в этой компании. Лохлан присмотрелся – они ломали дверь какой-то лавки. Лохматый парень поддел полотно в районе замка мощным металлическим прут, и теперь вся компания, включая Лохлана, давила на свободный конец прута, стараясь вывернуть дверь из коробки.

– Что вы делаете? – спросил он у парня.

– Давай... помогай, – прокрихтел тот. – Получишь свою долю. Тут на всех хватит.

– Какую долю? – спросил Лохлан и бросил прут.

Согнувшийся от усилия нескольких человек металл спружинил, прут вывалился из щели, стукнув по ноге одного из взломщиков. Тот заверещал.

– Ты что?! – удивился парень.

Наверное, он собирался ударить Лохлана. Но Флетт его опередил. Он сам не ожидал от себя подобных действий: двумя точными ударами в пах и челюсть он заставил взломщика сначала согнуться, а потом упасть на землю.

– Да пошел ты! – выкрикнул Лохлан и с чувством плюнул в пыль.

Вся братия, запыхавшаяся от тяжелой, но несправедливой работы, смотрела на Флетта, широко разинув рты. Судя по всему, они просто не ожидали, что кто-то может им помешать.

Лохлан повернулся и пошел прочь, не дожидаясь, когда взломщики придут в себя.

Над их головами, над обшитой металлом дверью, висела вывеска с надписью «Булочная у Креппи».

Нож, толстый уродец с большой головой, Пустырь...

Нет, он не вспомнил события, это были скорее ощущения, импрессия, а не конкретные воспоминания. Но следующим пунктом в цепочке образов была...

...книга.

Вуду, СБА, Анклав...

Список, казалось, можно продолжать до бесконечности. Сам взлом имел какое-то значение, что-то было связано с мародерами и взломанной лавкой.

Мир полон загадок. Можно подумать, что кто-то неведомый и могущественный, кто-то из иной вселенной, превратил как минимум Эдинбург в игровую площадку специально для Лохлана. Или это странный, запутанный сон, который никак не может закончиться. Возможно, стоит попытаться проснуться?

Мир превратился в игру. А игра всегда ведется по правилам.

Бунт в Анклаве, Шотландец, сеть...

Обрывки воспоминаний продолжали выползать из небытия. Только обрывки, никаких связанных фактов. Они не желали соединяться один с другим самостоятельно, но отчего бы не попробовать слепить их насильно. Для чего человеку дана воля? Если мир не хочет отдавать свои тайны, прикинувшись, что их у него нет, придется сначала тайны выдумать, а потом отобрать силой. Придется воссоздавать мир с нуля, отдавшись на волю забвения.

Тысячи, миллионы мелких, кажущихся бессмысленными событий наполняют жизнь людей. Человек никогда не вспоминает о них. Но он их помнит, и именно эта память создает тот образ, который мы привыкли называть миром. А хорош он или плох – зависит от того, какие воспоминания о нем накопились.

Когда в системе скапливается много ошибок – неправильной памяти, – нет никакого смысла пытаться что-то исправить. Можно лишь установить систему заново, уничтожив память о прошлых ошибках. Но всегда подкупает обещание программ восстановления данных вернуть все, как было. А для этого системе нужно вспомнить тот день, когда все началось, продравшись сквозь чащу испортивших ее за долгие годы системных ошибок. Вспомнить, как получилось то, что мы имеем на сегодняшний день.

Глава четвертая

Одну неделю назад

1

Голые стены – их даже можно назвать ободранными, – потрепанный диван, стул и стол, стоящий посередине небольшой комнаты. Нет ни одного окна, свет только искусственный, падающий с низкого потока из лишенной плафона люминесцентной лампы. На столе монитор компьютера и открытый «раллер», на экране которого мешанина черных окон с ползущими в них строчками машинных кодов – никакой визуализации, только истинный язык Цифры. Психопровод подключен к «балалайке». В черной сумке для «раллера», в кармашке, закрытом большим клапаном, лежит «поплавок» и несколько ампул с «синдином». Для них еще не пришло время, но оно обязательно придет. Уже скоро.

Краб утверждает, что именно в этой комнате работал Сорок Два последние недели

своей жизни. Краб вообще много чего рассказывал о Сорок Два. По меньшей мере треть этих рассказов была художественным вымыслом, еще треть – откровенным враньем. И только тридцать процентов, в лучшем случае, могло быть правдой.

То, что Сорок Два работал в Punkground, ни для кого секретом не было. Но о пабе «Клещи» никто ничего не знал.

Здесь все оставалось как в те дни, когда Пророк говорил свое Слово. Сейчас в этой комнате не хватало только одной, но очень существенной детали – оптоволоконный кабель, который исчезал в черном корпусе «раллера» Лисы, не подавал признаков жизни. Сеть молчала. Сеть умирала в сегодняшнем мире. Но она обязательно возродится.

Лиса знала время, когда в этом месте включится сеть, с точностью до минуты. Она все проверила – сигнал должен появиться. А дальше уже ее задачей будет сделать так, чтобы он не исчез. Бойд обещал, что в этом районе электричество включают на несколько часов, у него была информация, что называется, из первых рук. И разве не символично то, что подключиться можно будет прямо отсюда, из комнаты, в которой работал Пророк? Если, конечно, верить рассказам Краба.

– Колдуешь? – спросил появившийся на пороге Краб.

Краб был совладельцем «Клещей». Особенного дохода паб сегодня не приносил, но позволял сводить концы с концами. Краб был человеком пожилым, но в былые годы он успел поработать ломщиком. Настоящим ломщиком, а не тритоном – во времена легендарного Сорок Два он уже давно отошел от дел.

– Пишу программы, – объяснила Лиса. – Когда здесь все начнется, времени будет мало. Все должно быть готово заранее.

Краб кивнул, с интересом наблюдая за ползущими по экрану цифрами.

– Мы такого не писали, – с уважением в голосе произнес бывший ломщик настоящему.

– Они изменили прошивку. Вы пользовались совсем другими программами. Приходится изворачиваться. Повезло, что наши ребята смогли уловить суть новой системы.

– Ты права: взлом – это не налет тритонов, – в голосе Краба послышались нотки неприязни, – его готовят долго и тщательно. У тебя должно получиться.

– Твоими бы устами...

– Ладно, заканчивай тут – пойду глушить «тарактелку».

Краб запускал дизель, когда требовалось подзарядить оборудование, которое он применял в работе паба. Лиса пользовалась каждой секундой, когда провода оживали, да и «раллер» тоже требовал подзарядки.

Ломщица закрыла крышку «раллера» и вытащила из разъема «балалайки» психопровод.

– Краб?

Хозяин паба остановился на пороге.

– Да?

– Ты знаешь, что мы будем ломать?

Краб усмехнулся.

– Догадываюсь.

– Ты что-то задолжал Бойду?

Бывший ломщик вернулся в комнату и присел на диван. Именно на тот, как он рассказывал, на котором спал Сорок Два.

– Мы все кому-то что-то задолжали, – сказал он. – Но если ты имеешь в виду, что я делаю то, что делаю, не по доброй воле – ты ошибаешься.

– Этот взлом может стать для меня последним.

Краб кивнул. Никакой обреченности, ломщик всегда готов к тому, что рано или поздно настанет момент истины: подведут помощники, не успеешь уйти от погони, проколешься на входе. И еще одна очень притягательная концовка – нет, ломщики, как и все нормальные люди, не были лишены инстинкта самосохранения, но... – некоторые не возвращались из сети, мозг не выдерживал информационной нагрузки.

– И для тебя – тоже, – добавила Лиса.

– Ты боишься?

Лиса замялась. Как-то нехорошо признаваться в собственной слабости, ведь такова жизнь ломщика, ее никто не заставлял заниматься тем, чем она занимается. Но...

– Да, – Лиса кивнула. – Я не знаю, смогу ли я... Как будет...

– Ты боишься подвести других, – подвел за Лису итог Краб. – Он тоже боялся.

– Сорок Два?

– Да. Но делал. Продолжал развивать идею, приближал эпоху Цифры. Ему приходилось предавать друзей, а это страшней, чем оставить свои мозги там, в сети.

Свет погас. Скорее всего в баке дизеля закончилось топливо. Лиса с Крабом во мраке, разгоняемом только призрачным светом экрана «раллера», придерживаясь руками о стену, поднялись наверх в зал. Здесь царил полумрак. Посетителей не было.

– Скажи, Краб, что такое эпоха Цифры? Мир без запретов, рай ломщиков, свобода информации? Ведь так не бывает – это анархия, хаос, а не эпоха Цифры. Это путь разрушения. Для того, чтобы расти, человек должен что-то созидать, а мы – ломщики, тритоны, – мы только разрушаем, пытаюсь что-то доказать тем, кто строит от нас защиту. Мы работаем вхолостую: одни создают никому не нужные препоны, другие из последних сил ломают их. Поэтесса писала, что человек получит власть над Цифрой. Но что он будет с ней делать, с этой властью?

– Для этого и нужны пророки, – объяснил Краб.

Но Лиса все равно ничего не поняла.

– Для чего?

– Чтобы узнать, что делать с властью. Как правильно ею распорядиться. Ты права – мир Цифры сегодня лишь придаток. Ты ломаешь для того, чтобы кто-то получил власть. Не новую, ту, что уже есть. Ее только нужно отобрать у одних и отдать другим. Что от этого получит Цифра?

– Свободу. Не сейчас, возможно, через несколько лет.

– Ты действительно веришь в это?

Лиса сжала губы. Нет, она не могла сказать, что безоговорочно верит в скорое наступление эпохи Цифры. Скорее это что-то вроде мечты, попытки выдать желаемое за действительное. Детская игра, если разобраться.

– У нас нет чего-то. Чего-то главного, – сказала Лиса.

– Сорок Два тоже так считал, – улыбнулся Краб. – Он хотел доказать всему миру, что Цифра сильна, что ее адепты на каждом шагу и истинно преданны ей. Что из этого получилось – знают все.

– Тогда как?..

– Цифра в Цифре. А наш мир – место, где человеку суждено бороться вечно.

– С кем?

– С самим собой. Все Традиции обещают спокойную жизнь. Но никто не обещает ее прямо здесь – спокойная жизнь только для избранных, только праведников возьмут в иной, счастливый мир.

– Но ведь Цифра – это не загробная жизнь, – не поняла его Лиса.

– Сеть – это средство коммуникации. Очень удобное и эффективное. В ней нет никакой мистики. А Цифра – это что-то иное. Бинарный код: великая сложность, созданная базовой простотой. Если настоящий мир Цифры где-то и существует, то мы с тобой сейчас наверняка очень далеко от него.

– Ты объясни, Шотландец, зачем мне все это надо, – сказал Зелимхан Гейдоев, главарь крупной банды, промышляющей в южных районах Punkground.

С остальными кланами Бойд договорился давно. Не все понимали прямую выгоду, кто-то ее на самом деле не имел, но Шотландцу удалось уговорить всех. Кроме Гейдоева. Этот жестокий и недалекий лидер держался на своем месте только из-за того, что ему просто не

хватало ума влезть во что-то по-настоящему серьезное. Всем было на него наплевать – и соседним кланам, и безам.

Основной довод, который видел лично для себя Бойд, для Гейдоева будет пустым звуком, он вряд ли поймет услышанное. Поэтому сообщать, что для развития нужно меняться и двигаться вперед, не стоило. Ему нужно четко указать направление, где этот самый «вперед» находится. Да и как двигаться – тоже. И ни в коем случае не заикаться об альтернативе: однажды двинувшись вперед, было два варианта – или измениться и стать больше, значительней, или умереть.

Для Гейдоева наиболее приемлемым, судя по всему, был третий вариант: оставить все как есть, залечь на дно и продолжать стричь купоны, которые с каждым днем становились все менее значимыми.

– Твои парни торгуют «синдином»? – спросил Бойд.

– Послушай, ты за мной следишь? – возмутился Гейдоев.

Влезать в дела других кланов считалось дурным тоном. Если, конечно, кланы не враждовали. Это Бойд знал. Но реально две трети преступного бизнеса в Эдинбурге, в том числе и в Punkground, давно были под контролем клана Шотландца. И это знал Гейдоев. Но война, даже небольшая, сейчас не входила в планы Бойда.

– Нет. Это не является секретом, – объяснил Бойд, усмехнувшись.

– Какая тебе разница, где я беру «синдин»?! – всплеснул руками Гейдоев.

Бойд тяжело вздохнул. Как разговаривать с этим тупицей?

Сам Гейдоев по большому счету Шотландцу не был нужен. Но у него имелся родственник – не то двоюродный, не то троюродный брат, у которого был небольшой клан в Sway. На граничащей с зоной влияния Гейдоева территории.

Братец Зелимхана интеллектом тоже не блистал, зато оба славились жестокостью и беспощадностью по отношению к тем, кто не соглашался лечь под «крышу» их кланов. При этом умение полизать зад того, кто сильнее, похоже, было заложено в обоих братьях – или кем там они приходились друг другу – на генетическом уровне. Они чувствовали более сильных лидеров еще до предъявления претензий и оставляли подконтрольного им человека сразу и без разговоров.

Но Бойду нужна была поддержка этих недоразвитых. Позарез нужна. Крайне необходимо, чтобы волнения начались именно в Sway, где за порядком следил продавшийся СБА Ланг Ши. Только ни сам Гейдоев, ни его тупоголовый братец не должны знать, что станут зачинщиками бунта. А потом рассказать они уже никому не смогут – вряд ли их оставят в живых.

– Тебе Ланг Ши не мешает торговать? А производства: узкоглазые не уничтожают лаборатории? Или тебе достаточно электричества?

– Нет у меня никакого электричества, – отрезал Гейдоев.

Ну, может, электричеством его взять удастся?

– А если послушаешь меня, будет, – как можно мягче заверил его Бойд.

– Чего ты от меня хочешь, Шотландец?! – всплеснул руками Зелимхан.

Это уже лучше.

– Я хочу тебе помочь. Но и ты помоги мне.

– Как?!

Понятно, ты это вряд ли сообразишь. Тебе бы только молотком по чужим пальцам стучать и животы тупым ножом резать.

– Мне нужно, чтобы ты устроил моих ребят в клан к своему братцу. По-тихому, так, чтобы Ланг Ши или безы об этом ничего не узнали. Сможешь? Они расскажут, как избавиться от опеки китайцев.

– Нет, Шотландец, – Гейдоев посмотрел на протянутую ладонь и замотал головой. – Я тебе помогу, раз ты так хочешь, но и мы с братом тоже должны получить свою долю.

– Я тебе обещал электричество. По линии из Sway. Но смотри, чтобы о нашем уговоре никто не знал.

– Два раза в неделю в цех, где «синдин» льют, и дома – постоянно.

Бойд смотрел на этого щуплого чернявого отморозка и думал, что оставлять его вместе с братцем в живых, если их раньше не пришьет Ланг Ши, ни за что не станет. Ни при каких условиях.

– Идет, – согласился Бойд и снова протянул руку.

Гейдоев опасливо, как будто рука Шотландца могла обернуться раскаленной кочергой, пожал ее.

С остальными не пришлось долго возиться – большинство поймут реальную выгоду от беспорядков в Анклаве: никакого контроля над нефтеналивной базой в порту, куда со дня на день должен прибыть очередной танкер; рост спроса на «синдин», пока сеть не вернут в норму после атаки на нее Лисы. Тех, кто никакой выгоды не имел (или Бойду не удалось их убедить, что выгода будет), пришлось припугнуть, пару раз устроили даже показательные выступления со стрельбой. Но в целом дело двигалось, люди были готовы.

Разумеется, почти никто из них не знал истинной картины: для каждого Бойд подготовил свой кусок пирога, каждого привлек своей выгодой. Некоторых, в ком, как оказалось, Шотландец ошибся, пришлось убрать – лишние слухи играли на руку аналитикам СБА.

В людные места – на рынках, площадях, в ночлежках – отправилось несколько десятков обученных по разработанной Флеттом программе агитаторов. Они заводили разговоры, убеждали людей, устраивали стычки. То, что придумал Лохлан, работало. Медленно, но верно недовольство росло.

И если рыжий профессор не ошибся, аналитики безов не должны ничего заподозрить. Народ всегда недоволен действиями властей. Даже если власти начнут бесплатно раздавать каждому по личной пищевой фабрике ежедневно. Это нормально, традиционное состояние общества. Так говорил Лохлан.

Вторым традиционным состоянием, которое Бойд прочувствовал на собственной шкуре, был стереотип власти. Все до единого лидеры преступных кланов воспринимали СБА как нечто дарованное Анклавам свыше. И боялись они не реальной силы, которой обладали безы. Когда начинали задумываться, признавали, что реальных сил у СБА сегодня намного меньше, чем когда-либо. Но все равно Служба Безопасности оставалась в сознаниях таким «помазанником божьим», власть которого непререкаема и незыблема.

Бойд не был приверженцем какой-то Традиции и плохо разбирался в религиозных течениях. Но СБА, по его мнению, давно уже напоминала самую настоящую Традицию – люди верили в ее власть вообще без каких бы то ни было доказательств. Все были уверены, что доказательства есть, о них никто не задумывался.

В эфемерности власти СБА Бойд убедить никого не пытался. Это ему не требовалось – достаточно одного претендента на роль главного властителя Анклава.

Лохлан разработал хороший план. Он учел тот урок, что преподавал ему Бойд, взяв с собой на ферму к зарвавшемуся Эвансу. Жертвы, разумеется, предполагались, но их масштаб был сведен к минимуму.

Один вопрос так и оставался открытым – куда девался сам Лохлан? Рыжий профессор исчез больше месяца назад. Никто не заметил, когда он ушел. Возможно, он не вернулся из очередного похода на улицы Анклава – Флетт любил собирать информацию для своих исследований и аналитических выкладок самостоятельно. Никто не знает. Его искали, но так и не нашли. Кто-то говорил, что видел его в Punkground, кто-то – в Лейте. Несколько человек даже утверждали, что разговаривали с профессором, но он не признался, что он и есть Лохлан Флетт. Бойд склонялся к мысли, что профессор, слишком легко относившийся к прогулкам по улицам в одиночестве, все-таки нашел неприятности на свою задницу. Скорее всего его уже не было в списке живых.

Имело ли это значение? Только в одном моменте: как ни гнал Бойд от себя эти мысли, но исключить, что Лохлан был чьим-то агентом, нельзя. Например, тех же безов. Шотландец вспомнил, как бросал монетку, решая – доверять ли Лохлану. Выпал орел. Глупая смешная

забава – полагаться на монетку.

Бойд вытащил из кармана тот самый евродин, что бросал пару месяцев назад, и ударом большого пальца заставил его вращаться, подбросив вверх. Громкий удар правой ладонью о тыльную сторону левой. Что там? Шотландец осторожно, будто евродин был живой и мог убежать, приподнял руку. В этот раз была решка. В какой из бросков монетка врал? Чего теперь выяснять – отступать уже некуда.

Осталось только два варианта – прыгнуть выше головы и удержаться или умереть.

2

Сегодня с самого утра, еще до восхода солнца, Лохлан с Элиотом помогали рыбакам чинить их утлые лодки, собранные из чего придется. Настоящих лодок после посетившей Ферт-оф-Форт волны практически не осталось. Приятелям повезло познакомиться с одним из рыбаков, и на сегодня работой их обеспечили.

– Слышал, – сказал рыбак, невысокий щуплый мужчина с красными, обветренными руками и гнусавым от хронического насморка голосом, – говорят, безы хотят паек отменить?

– Да вранье это все! – крикнул другой рыбак, собиравший снасти в нескольких метрах от них.

Элиот крикнул. Лохлан не понял, что это означало, согласен он или нет.

– Как же они тогда собираются держать корпоративные территории? – спросил Каннингем.

– Известно, как. С помощью «ревунов» и «смерчей». Как обычно.

– А кто работать-то будет?

– Найдутся охотники, – возразил рыбак. – Жрать захочешь, так куда угодно пойдешь.

– А если не пустят?

– То есть как не пустят? На работу возьмут и сами же не пустят?

– Свои не пустят. Те, кого не взяли работать?

– Ну... – рыбак усмехнулся, скорее всего каким-то своим мыслям, – это ты махнул... Свои...

Элиот, как обычно, с удовольствием обсуждал последние события. А в сущности, он говорил правильно: свой – это тот, кто такой же, как ты, кто живет с тобой на одной помойке и барахтается в одном и том же дерьме. А стоит из этого дерьма выбраться, хотя бы на полшага, своим сразу быть перестанешь.

За труды они получили по вяленой рыбе. Элиот, явив из кармана несколько смятых евродинов, гордо объявил, что он сегодня угощает, и они пошли в паб. В привычный «Приют друида». В общем, утро в тот день задалось.

А потом они, как обычно, пошли на «Callboard». Каждый день похож на предыдущий. И такими же будут следующие. Иногда Лохлану казалось, что прошлое и будущее – лишь миф, выдумка его больного воображения, что существует только сегодняшний день с обязательным походом на «Callboard», с раздачей безами очередного пайка, разговорами Элиота и поиском места в ночлежке.

У входа на Площадь расстались. На «Доске объявлений» их интересовали разные рубрики. Лохлан перемещался внутри толпы, стараясь вспомнить, что нужно узнать на «Callboard». В голову пришла странная мысль, что он ходит сюда вроде бы в поисках работы, однако к стенду, на котором вывешивались объявления о найме, никогда не подходил. Или подходил? И снова вернулось ощущение, что прошлого на самом деле не существует.

– Чего стал, придурок?! – выкрикнул кто-то прямо в ухо Лохлану и сильно пнул его в бок.

Флетт понял, что уже с минуту стоит в медленно двигавшейся толпе. Он задумался о прошлом, о будущем. И о причине, приведшей его сюда. В кармане должна быть подсказка. Вроде бы так всегда было.

Там действительно отыскался листок с написанным на нем объявлением о продаже книги. Все нормально – там же значились обозначения полей, в которых нужно искать ответ. Интересно, что за книгу он продавал? Лохлан, как ни силился, не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь владел бумажной книгой.

Вместо воспоминаний о книге почему-то возникли образы острого ножа и трупа какого-то уродца с выпученными глазами. Лохлан был убежден, что ему необходимо бороться с каким-то неведомым злом, собственноручно уничтожая его посланников в этом мире. Видимо, одним из них и был тот уродец. Только при чем здесь книга? Этого Лохлан не знал. Не помнил.

В шести местах, где могли быть объявления о покупке, Лохлан ничего не нашел. Когда он подошел к седьмой секции «Доски объявлений» и принялся пристально вглядываться в сотни листков, висящих один над другим, он понял, что не помнит, что нужно здесь искать. Какие-то данные. Но какие?

Проблемы с памятью иногда становились неудобными, мешали нормально жить. Но в основном затруднений странная болезнь Лохлана не вызывала – он наблюдал за людьми, которые окружали его здесь, на «Callboard», в Лейте, и не видел между собой и ними особой разницы. У остальных с памятью все было нормально, но они, так же, как Лохлан, жили одним днем. Никого не интересовало, что будет завтра, не было никакого смысла вспоминать, что было вчера. Каждый день похож на предыдущий, ничего нового не происходило уже больше года, с тех пор, как мир, казавшийся отлично отлаженным механизмом, вдруг развалился на миллион осколков, превратившись в прохудившееся лоскутное одеяло. Хотя ничего нового не случалось и прежде. Лохлан не мог вспомнить, что он делал в то время, чем занимался, но ощущение такой же одинаковости было очень четкое.

Y-R60.1 – еще один раздел «Доски объявлений». Вот стоит кодировка на небольшом, явно выдерганном откуда-то листке: KX2-54/3. Лохлан сверился с подписью на своем листке. Так и есть – это ответ на его запрос, его кодировка.

Собственно, ответа как такового нет. Просто число. С невероятным количеством нулей и биржевым символом евродина. Лохлан стал считать нули, но сбился и начал еще раз. Чертова уйма денег! Флетт резким, конвульсивным движением сорвал листок и спрятал в карман. Такой большой суммой мог заинтересоваться кто угодно.

С такими бабками Лохлан мог себе позволить все. Все, что он мог представить. Мог даже уехать из Анклава. Вот только вопрос – куда? Крысы бегут с тонущего корабля, они думают – туда, где лучше. Если, на счастье крыс, берег окажется недалеко, кому-то из них повезет. А если судно затонет в открытом океане – большой вопрос, стоит ли с него бежать. В круглом мире по имени Земля Эдинбург был далеко не самым худшим местом для жизни.

Нужно написать ответ. Лохлан, протискиваясь между прибывающими на «Callboard» людьми, добрался до конторок, торгующих канцелярскими принадлежностями. Он отдал несколько евродинов – почти все, что у него осталось, – за пользование обгрызенным карандашом. Теперь написать. О чем?

Дрожащими руками Лохлан вытащил все, что лежало в правом кармане куртки. Спасительное вместилище – странно, но часть его памяти теперь была не внутри головы, а в правом кармане. О правом кармане он помнил всегда. Несколько листков полетело на влажный камень под ногами. Флетт рухнул следом за ними, едва не оторвав прикрепленный к конторке стальной цепочкой карандаш – здесь было много людей, и он рисковал потерять какие-нибудь данные безвозвратно.

Бумажный обрывок, на нем нечто, не поддающееся опознаванию. Лохлан секунду рассматривал расплывшуюся и скрытую изрядным слоем грязи картинку, потом выбросил листок – это вообще не его бумага, у него таких не было. Листок с цифрой с длинным рядом нулей, на обратной стороне несколько коротких слов и еще цифры. Другие, более разношерстные.

Еще один листок. Это его, Лохлана, но он сейчас не нужен. Флетт не успел удивиться слаженности собственных действий, тому, как он мгновенно отбирает свое и находит то, что

нужно именно сейчас, поскольку на глаза ему попался мятый клочок бумаги с куском яркой, но затертой картинкой, исписанный корявыми буквами на свободных от рисунка полях.

Он читал фразы. Странные и абсолютно бессмысленные. Каждая из них рождала в голове какие-нибудь ассоциации. Не память, лишь ощущения, образы. Этого было достаточно – одна из записанных на полях фраз была о книге. Лохлан быстрыми, почти автоматическими движениями вывел на выданном ему торговцем листке координаты места, где он был готов продолжить общение, и только тогда обратил внимание, что на бумажке с предложенной суммой уже написаны координаты. Вполне понятные и очень близкие.

Там значился номер конторы, торгующей канцтоварами. Здесь, на Площади, возле «Доски объявлений».

Лохлан нашел нужную палатку и, подойдя к продавцу, молодому, неплохо одетому человеку, молча протянул листок.

– Исходное сообщение, – сказал продавец, посмотрев на надписи, и протянул руку.

– Что? – не понял его Лохлан.

– Исходное сообщение, – слышались нотки нетерпения.

Ах вот он о чем! Конечно, для подтверждения ему требовалось предъявить сообщение о продаже. Иначе с листком мог подойти кто угодно.

Лохлан снова вытащил кипу бумаг, выбрал нужную и протянул продавцу. Тот взглянул на нее, удовлетворенно кивнул и протянул Флетту замызганный черный коммуникатор. Регистрационных меток на нем не было.

Лохлан повертел коммуникатор в руках, пытаясь понять, для чего ему это выдали. Он не знал ни одного номера, по которому мог бы сейчас позвонить.

– Эй, куда пошел? – крикнул продавец, обнаружив, что Лохлан, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, собирается выйти из его конторы, прихватив с собой незарегистрированный коммуникатор. – Звони здесь, это не подарок. На один разговор.

– Куда звонить? – не понял его Лохлан.

– Откуда я знаю, куда. У нас полная конфиденциальность. Нажми кнопку дозвола, в памяти данные на один звонок.

Память коммуникатора была похожа на память звонившего с него человека – один звонок, и вся информация, зашитая туда заказчиком, растворится, не оставив следа.

Лохлан надавил кнопку дозвола. Кнопка тихонько хрустнула и провалилась внутрь корпуса.

– Да? – слышался голос.

– Я... Э-э... – Все слова мгновенно улетучились, Лохлан никак не мог вспомнить, кому и зачем звонит.

– Вы согласны? – подсказали с той стороны.

Человек, с которым разговаривал Лохлан, произносил слова как-то странно. Флетт точно знал, кто так разговаривает – произнося звуки мягче, чем нужно, немного растягивая их, – но память никак не хотела разглашать запертую внутри головы информацию.

– Цифра с *очень* большим количеством нулей.

– А-а... Да. Согласен.

– Очень хорошо.

То были не просто слова, не обычный оборот речи. Человек, произнесший их, совершенно точно вкладывал в них именно тот смысл, который они несли – чувствовалась настоящая радость или даже счастье от заключенной сделки.

Что же он продает? Лохлан вытащил листок с «исходным сообщением». Книгу. Что же там?..

Додумать зародившуюся мысль Лохлан не успел. Ее прервал голос из коммуникатора:

– Не отключайтесь. В текстовом режиме наберите точное месторасположение товара. В ответ мы вышлем вам данные счета, на котором будет оговоренная сумма. Зафиксируйте банковские реквизиты у себя, после этого нажмите отбой – вся информация на коммуникаторе будет уничтожена. Деньги поступят сразу после получения нашими людьми

товара.

– Банк надежный? – спросил Лохлан первое, что пришло на ум.

На том конце усмехнулись.

– Вполне. За это можете не переживать.

Разум Лохлана получил небольшую отсрочку, выпалив этот идиотский вопрос, для того, чтобы сформировать вопрос правильный:

– Какие у меня гарантии, что я получу сумму после того, как товар будет у вас?

Ответ был резок и не подразумевал компромиссов:

– Никаких! Вы имеете дело с надежной... надежными людьми. Вы должны верить.

Голосовой режим отключился, но канал связи продолжал поддерживаться.

А если обманут? Людям свойственно врать – он никогда не найдет абсолютно честного покупателя. И потом – какие у него еще варианты?

Лохлан быстро набрал адрес места, где лежала книга. Закончив набор, он прочел написанные им самим слова и понял, что видит этот адрес впервые в жизни. Или так только кажется? Наверняка он просто забыл. Флетт быстрым, вороватым движением проверил, не смотрит ли кто украдкой на экран, но никто не смотрел даже в его сторону. Он отправил сообщение и спустя несколько секунд получил ответное. Лохлан взял прикованный к конторке карандаш, взглянув на продавца – тот кивнул, мол, можно, все оплачено, – и быстро записал на мятом листке с обрывком рекламы несколько коротких слов.

Отбой. Эта клавиша тоже предательски захрустела, но удержалась снаружи. На экране высветилась надпись, уверяющая, что все данные безвозвратно уничтожены, и прокатный незарегистрированный коммуникатор отключился. Лохлан вернул аппарат продавцу, опасаясь, что тот заметит сломанную клавишу, но молодой человек забрал коммуникатор, не глядя, и спрятал его под прилавком.

Толпа у «Callboard» стала плотней. Сейчас самый пик посещения «Доски объявлений», через час люди начнут постепенно расходиться – основная масса посетителей «Callboard» приходила сюда в поисках работы, а ближе к обеду работники почти никому уже не были нужны.

Средидвигающихся, толкающихся и ругающихся людей Лохлан заметил довольно молодого чернокожего, который то и дело бросал в его сторону взгляды. Негр явно желал остаться незамеченным, но ему это не удалось. Что-то знакомое было в нем. То ли взгляд – быстрый и неискренний, – то ли движения и мимика – резкие и порывистые, словно у птицы, – то ли что-то еще, чего Лохлан не осознавал.

В памяти почему-то всплыла странная фраза: «Если бы я эту гниду встретил...» В отличие от того, что было написано на бумажке с куском рекламы, слова в этой фразе были понятны. Но о чем или о ком она была сказана... И кем? Если гнидой был тот негр, то Лохлан его уже встретил. Что дальше?

Ответ на банальный вопрос пришел неожиданно. Лохлан даже не успел осознать, что произошло – перед глазами все поплыло, низкое серое небо быстро покрылось черными кляксами, похожими на нефтяные пятна на воде Ферт-оф-Форта, и сознание отключилось.

Когда темнота начала отступать, она уступила место красному. Кровь? Лохлан повел рукой перед лицом, и красное зашаталось. Нет, кровь должна течь, а не шататься. Флетт попытался подняться, и с третьей попытки ему это удалось. Краснота исчезла, вместо нее появилась узкая улочка с полуразрушенными домами, первые этажи которых были помечены муаром, оставленным на память волной, залившей северную, прилежащую к морю часть Анклава. Лейт? Или Punkground? Или Пустырь?

Вспомнив о последнем месте, Лохлан резко встал, лихорадочно озираясь вокруг, – оказаться сейчас на проклятой земле храмовников он хотел меньше всего. Нет, это не Пустырь, район населенный. Вроде бы даже знакомый. Тогда – Лейт.

Лохлан поднял руку и потер саднящую голову. На затылке обнаружилась большая шишка, обхватившая болезненной опухолью гнездо «балалайки». Все было банально, как мир – его просто напросто огрели чем-то тупым и тяжелым по затылку. Лохлан проверил

содержимое карманов. Все на месте. Собственно, там и брать-то нечего было.

Где он находился, когда на него напали? Наверное, на «Callboard». Или уже уходил оттуда? Скорее всего – на самом «Callboard» безы следили за порядком. Он что-то продавал там, на Площади. Что? Не исключено, что нападение было как-то связано с продажей. Тогда деньги... Да нет, в том, что денег у него не было, Лохлан был абсолютно уверен.

В левой руке что-то мешалось. Флетт закатал рукав и обнаружил небольшую деревянную фигурку, ярко разукрашенную, на толстом красном шнурке, который был обмотан вокруг запястья Лохлана. Он не помнил, чтобы эта штука была у него раньше. Но он много чего не помнил.

3

Али повернул ключ. Старенький замок уныло скрипнул какими-то пружинами внутри и хищно вонзил три металлических штыря в косяк двери. Электронный замок закрылся автоматически.

Старинного металлического монстра Арчер купил на блошином рынке, сразу после Катастрофы, когда стало ясно, что с электричеством дело швах. Свет могли отключить в любой момент, а привычные всем электронные замки были вещью абсолютно бесполезной без оживляющей мощные электромагниты электроэнергии. Пользоваться обычными засовами, которые стояли у многих и раньше, Али опасался – отец лежал в своей комнатухе, прикованный к кровати, тетя Герта не всегда вела себя адекватно, она могла выпустить Лейлу, которая хоть и была самым нормальным человеком в доме в его отсутствие, но ей всего десять.

– Ты купишь мне конфетку? – спрашивала Лейла каждое утро, потирая красные заплаканные глаза.

– Обязательно, принцесса, – отвечал Али. – Как только откроют конфетную лавку.

Она все понимала – очень рано повзрослевший ребенок, у которого не было никого, кроме Али. Этот вопрос просто был ритуалом, игрой. Али знал – подобные вещи помогают людям подсознательно убеждать себя в том, что жизнь безопасна, что вокруг привычный и стабильный мир, который не может ничем угрожать. Али и самому хотелось поиграть в эту игру, хотелось забраться в постель, накрыться с головой теплым одеялом и почувствовать себя маленьким мальчиком, который думает, что оградившее его от жестокой действительности одеяло – самая надежная из существующих защит мира. Когда Лейла была рядом, Али на короткий миг превращался в того мальчишку.

Но времена маленького мальчика Али, которого целовала на ночь мама, а отец, уходя на службу, всегда наставлял хорошо себя вести и быть примерным учеником, казалось, прошли миллионы лет назад. А когда маленький Али вел себя неподобающим образом, отец наказывал его. Он отводил сына в каморку, в которой теперь жила Лейла, заставлял снять штаны и... Отец всегда отличался болезненным воображением. Мать ничего не знала, Али никогда не рассказывал ей об этих «наказаниях». Арчер вытер тыльной стороной ладони выступившую вдруг на глазах влагу. Никто так и не узнал, это было только их с отцом дело. И это оставалось их делом до сих пор.

Мать погибла больше двух лет назад, угодив в устроенную тритонами Сорок Два бойню, отец... Отец не смог вынести потерю любимой жены. Катастрофу он встретил ничего не понимающим овощем, способным только шамкать губами, жуя кашицеобразную еду, и гадить под себя. Иногда, когда Али занимался отцом и заглядывал в его широко раскрытые, словно бы удивленные глаза, почти не мигающие, ему казалось, что старик все понимает, что он только делает вид, просто старается не замечать этот мир. Он хотел, он жаждал покинуть этот мир, но, видно, духу не хватало. А сам Али прилагал максимум усилий, чтобы отец протянул как можно больше. О близких нужно заботиться, о них *нужно помнить*.

Каждый раз, когда ранним утром он уходил в Даун Таун, Арчер с замиранием сердца поворачивал ключ в замке. Он знал, верил, что наступит тот день, когда он накопит

достаточно денег, чтобы увести отсюда маленькую Лейлу туда, где конфетные лавки открыты днем и ночью, где старики не гадят в постель, а сам Али не будет бояться оставлять ребенка с безмозглым отцом и сумасшедшей теткой.

Деньги теперь, похоже, не будут проблемой. Осталось подождать всего ничего – на следующей неделе Молли обещал запустить электричество, рабочие наконец смогут закончить монтаж и наладку оборудования, и их маленький заводик заработает. Арчер все рассчитал: в конце следующей недели прибудет новый танкер, его доля вполне покроет все расходы. Три-четыре недели работы подпольного нефтеперегонного завода принесут доход – с покупателями Али уже договорился, люди из эмирата ждут своей порции топлива по сниженным ценам. А потом...

Собственно, он ведь и не обещал этим недоумкам из Джи45, что будет покрывать их вечно. Заигрывать с огнем не стоило – в Анклаве, конечно, царил еще тот бардак, но нефть была слишком дорогим продуктом, чтобы на потери даже пары процентов драгоценного груза долго смотрели сквозь пальцы.

– Пропуск.

На вахте, на КПП «Солнечной иглы», сегодня стоял Йохансен. Здоровенный белобрысый тип лет пятидесяти. За пуленепробиваемым стеклом сидели еще четыре беза. У них были «дрели», а из узких амбразур в бетоне стен с обеих сторон от турникета щерились черные стволы «ревунов».

Охранник знал Арчера как облупленного, но ежедневный ритуал с проверкой «балалайки», зашитой под кожу «таблетки» и пластиковой карточки – Али подозревал, что в толщу полупрозрачного пластика тоже что-то зашито, хотя никто об этом не рассказывал, – никто не отменял. Безопасность прежде всего. Али снова вспомнил скрежет поворачивающегося в старинном замке ключа: у взрослых тоже свои ритуалы, вскрыть замок не представляло большой сложности, но то, что он надежно замкнут, вселяло непонятную надежду.

– На севере ходят слухи, что паек урежут, – не то сообщил, не то спросил Йохансен, считывая сканером показания «балалайки» Арчера.

Севером в Даун Тауне называли Лейт и Punkground – самые беспокойные территории в Анклаве.

– Люди много чего говорят, – неопределенно ответил Али.

Йохансен совал нос не в свое дело. И он об этом прекрасно знал.

– Не слышал, когда закончится дождь? – спросил Арчер. – А то надоело уже мокнуть.

Охранник пожал плечами:

– Откуда?

– Может, на севере и это обсуждают? – подколот его Али.

– Ты же аналитик, Арчер, тебе виднее.

Ему действительно было виднее. Али не требовалось ходить в северные территории, чтобы понять, что слухи кто-то намеренно распространяет среди бедноты. Сам факт подобного саботажа еще ни о чем не говорил – такое уже случалось не раз. Обычно какой-нибудь из уличных кланов создавал себе прикрытие, надеясь, что безы потеряют следы их аферы в уличных беспорядках. Часто так и происходило, особенно если учесть, что безам было мало дела до кланов с северных территорий, пока их деяния не затрагивали интересы Даун Тауна.

Так что слухи в Лейте были всего лишь слухами. Обычное дело. Работа Арчера заключалась в том, чтобы найти того, кому эти слухи выгодны. А вот этого как раз пока и не удавалось сделать – по всем параметрам выходило, что за этими событиями никто не стоит, нет единого центра. Начальство нервничало, Арчер нервничал, и дело от этого быстрее не шло.

В кабинете на столе, как обычно, ворох бумаг – предмет анализа. В сети его ждали данные с немногочисленных камер и базы данных, большую часть информации в которые Арчер занес лично. Как же сложно стало работать! Но раскисать нельзя, нужно работать,

нужно хорошо справляться со своим делом. Тогда никто не станет проявлять столь уж рьяного интереса к его делам в Punkg-round. И связи с людьми эмира тоже останутся тайной для тех, кому не следовало о них знать. И день, когда он сможет увезти маленькую Лейлу, становится все ближе. Только на это и была надежда.

Кроме денег имелась еще одна проблема. В «Игле» ходили упорные слухи о том, что есть место, где можно нормально жить. Верилось в это с трудом, но говорили об этом надежные люди. Одна беда – люди эти не знали, где это место находится и как туда добраться. Не знали или не хотели рассказывать. Может, когда будут деньги...

– Да, Стрелок? – услышал Али голос прямо у себя над ухом.

Оказалось, что он в раздумьях достал незарегистрированный коммуникатор и набрал номер Молли. Зачем?

– Привет, Молли!

– Что-нибудь случилось?

Что могло случиться? Он не знал, куда можно убраться из этого гребаного Анклава. Только и всего. Но при чем здесь Молли? Хотя он машинист, у него полный доступ в сеть. Возможно, он может знать.

– Нет, все в порядке. Просто хотел поинтересоваться.

– Чем?

– Ты не наткнулся на информацию о месте...

Взгляд Али упал на листок, лежащий поверх всей кипы на столе. «Книга. Покупатель. IR23487-078-67г», – написано на нем. Отзыв по книге! По той самой книге, на которую Арчер возлагал большие надежды. Прошла неделя, и покупатель появился. Длинный буквенно-цифровой ряд – это номер видеофайла, снятого камерой наблюдения на «Callboard».

– Какое место тебя интересует, Стрелок? – спросил Молли. – Новый бизнес?

Нет, сейчас не до мест и праздных разговоров с Молли.

– Нет, Молли. Извини. У меня немного изменилась ситуация. Я позже перезвоню.

– Хорошо.

Молли дал отбой, но было слышно, как перед этим он пробормотал что-то вроде «ненормальный». Пусть считает как хочет, пока машинист полезен, уничижительных эпитетов вполне можно не замечать.

Али вошел в сеть, зарегистрировался под своим служебным паролем, прошел две проверки подлинности «балалайки» – сеть представляла собой жалкое зрелище, а требования безопасности становились все выше. Чтобы не привлекать внимания к своему излишнему интересу к делу с книгой, Арчер ткнул наугад несколько сегодняшних записей с уличных камер наблюдения из разных районов. Ничего интересного, да он особо и не присматривался к происходящему.

Вот он, IR23487-078-67г. Какой-то забулдыга с немытыми рыжими патлами в темно-зеленой куртке, знавшей и лучшие времена. Внимательно, будто плохо видит, всматривается в увешанный листами, листиками и просто обрывками «Callboard». Вокруг еще несколько человек, но опытный взгляд аналитика выхватил именно этого бродягу. Али не ошибся – спустя полминуты рыжий резким движением, словно опасался, что его может кто-нибудь опередить, сорвал отмеченный курсором листок – метку оставил компьютер, обнаружив на нем внесенные Арчером данные.

Еще несколько секунд спустя мужик в зеленой куртке засуетился и исчез из поля зрения камеры. Черт! Куда он пошел? Арчер вывел на глазной наноэкран список всех записанных на сегодня файлов. Вот группа с камер «Call-board». После «Иглы» и Замка – плотность камер в этом месте максимальная. Скорее всего лучше с этой точки. Так и есть. Вот зеленая куртка – тот самый бродяга!

Подошел к палатке торговца канцтоварами. Зашел внутрь – не видно ничего. Арчер автоматически пометил палатку. Нужно будет послать туда ребят Бэрда, пусть потолкуют с хозяином о рыжем.

Немного перемотал вперед. Вот он снова, вышел на улицу, озирается. Кого-то ищет? Нет, рядом явно нет никого, кого бы он знал. Из палатки больше никто не выходил, стало быть, покупатель либо продавец, либо у рыжего книги с собой нет. Более вероятен, конечно, второй вариант.

Али отвел глаза от палатки и... не обнаружил рыжего. Куда он мог деться?! Он же только что здесь стоял, до края кадра еще метров пятнадцать, он никак не смог бы выйти за границу зоны фиксации камеры так быстро! Мистика какая-то.

Арчер активировал систему управления просмотром и перевел бегунок немного назад. Вот опять появился рыжий. Вот он стоит, озирается. Пошел. Как-то нерешительно идет, будто сомневается. Вот...

Али замедлил воспроизведение и посмотрел фрагмент еще раз. Только что рыжая голова торчала из людской массы, а вот, буквально на следующем кадре, ее уже нет. Так не бывает, нужно посмотреть внимательней.

Кадр за кадром. Голова, голова, голова... На следующем кадре рыжее пятно покрылось каким-то муаром, будто на объектив камеры упала капля. Дождя вроде бы не было. И следующий кадр: опять муар. Но нет, опытного аналитика, привыкшего извлекать информацию и не из таких крох, не обманешь. Преступникам повезло – судя по всему, на объектив действительно что-то попало. Но везение не бывает безграничным: сбоку от муарового пятна мелькнуло что-то темное. Раз, второй, а потом голова вместе с размытым пятном исчезла.

Все ясно, бродягу кто-то, стоявший рядом в толпе, ударил по голове – как обычно: тупым предметом.

– Бэрд, – Арчер связался с оперативником, с которым они обычно работали в паре, – у меня появились данные по книге.

– Какой? – не понял его без.

Бэрд хороший парень, но, как и большинство оперативников, особым умом не отличается. Арчер рассказал ему о книге на прошлой неделе, когда впервые получил информацию о ней. Но Бэрда она интересовала лишь по той причине, что сведения исходили от Арчера: он привык, что Али хорошо разбирается в подводных течениях, и полностью доверял ему в этом вопросе. Сам он никакой ценности ни в книге, ни вообще во всем деле не увидел. Поэтому, конечно же, и думать о ней забыл.

– Не важно. Мы говорили об этом неделю назад.

– Ну и?

– Я обнаружил продавца.

– Что значит – обнаружил? Где он?

– Пока не знаю. Но постараюсь найти. Будьте наготове. Лучше всего выдвигайтесь на Лейт-стрит – вряд ли они успеют далеко уйти.

– Скажешь, кто?

– Скину портрет с камеры тебе в «балалайку».

– Идет.

Лоб покрылся испариной. Арчер перебрал все возможные варианты с трех камер – ни одного отчетливого кадра с лицом бродяги в зеленой куртке. Только спутанные рыжие волосы и не очень большая, но столь же рыжая борода. Лишь на одном фрагменте можно было увидеть небольшой кусок профиля этого человека. Об идентификации по лицевым меткам по базе данных граждан Анклава не могло быть и речи – можно вставить в компьютер сотню «поплавков», все равно он выдаст слишком много вариантов по такому небольшому фрагменту лица, чтобы можно было остановиться хотя бы на десятке кандидатур.

Али отправил картинку Бэрду, сопроводив извинениями по поводу ее качества. Как будто извинения могли помочь отыскать объект. Лучше заняться остальными камерами. В первую очередь – в Лейте.

К вечеру Арчеру удалось найти рыжего человека в темно-зеленой куртке. Сомнений не

было, это именно тот бродяга. Али узнал его даже не по рыжей шевелюре и одежде, скорее – по странной, немного заторможенной походке. Этот человек шел так, словно раздумывал над каждым шагом, вспоминая, куда нужно поставить ногу в следующий раз.

Арчер снял данные походки и занес информацию в базу данных. Идентифицировать по этому параметру не получится, но если придется искать его еще раз, будет легче.

Это была прямая трансляция, не запись. Объект неспешно шел к морю, в той части Лейта, что подверглась затоплению год назад. И снова камера показывала объект со спины.

– Бэрд! – вызвал через «балалайку» оперативника Арчер. – Я нашел объект!

– Это хорошо. А то с твоей фотографией мы бы его еще долго искали.

– Не перебивай! Он на пересечении Митчелл и Эльб, движется к заливу. Идет медленно, вы его легко нагоните.

– Лицо?

– Нет лица. Лохматый рыжий тип в темно-зеленой куртке и темных обвисших штанах. Ходит довольно странно – вы его легко отличите в толпе. Возможно, он «минус». Действуйте!

– Хорошо, идем. Будь на связи.

– Есть. Он уже вышел из зоны съемки. Ближе к заливу в этом районе камер больше нет. Держите меня в курсе.

Арчер сидел за столом и щелкал суставами пальцев. Нужно было работать, перед ним лежала целая кипа новой на сегодня информации. Но работа не лезла в голову. Несколько раз Али пытался начать просматривать данные, но спустя минуту или две ловил себя на том, что просто перекладывает листки с докладными и обрывки уличных объявлений с места на место, даже не вникая в суть.

Бэрд с напарником взяли рыжего спустя сорок минут. Он шел к ночлежке на Дьюк. На связь без вышел через час, когда они вернулись в зону, где работала сеть.

– Али, – сказал Бэрд, – он ничего не знает о книге. Ни о какой.

– Может, он вообще не знает, что такое книга?

– Знает. Но про объявление не в курсе.

– У него при себе нет самого объявления?

– Нет. Карманы пустые. Ни денег, ни оружия, ни «синдина». Нам не за что его брать.

– Задержать ты его в любом случае можешь. До выяснения. Транспортируйте его сюда, здесь будем разбираться, что он знает, а что нет.

– Он действительно похож на «минуса», – сообщил Бэрд после короткой паузы. – Но что-то с ним не так: я «минусов» видел, этот какой-то не такой.

– Давай его сюда, – повторил Арчер и отключился.

4

Коммуникатор, лежащий в ящике стола, запертом на замок с сенсором отпечатков пальцев, молчал почти два месяца. Мортенс не стал перезванивать сам – не видел необходимости. Да просто не хотел. Но абонент позвонил еще раз.

Теоретически это мог быть кто угодно. Теоретически он мог связаться по обычным каналам через сеть и не сейчас, а год назад. Но это все теории, на практике Мортенс не верил в подобные совпадения.

– Да, Ник, – произнес Мортенс, надавив на кнопку дозвона.

Нет, по сети он как раз не мог выйти на Эдинбург – Мортенс отдал приказ блокировать и переводить все входящие из Цюриха лично на себя через неделю после Катастрофы.

– Что у вас происходит?

Да, это звонил именно он – Ник Моратти, президент СБА, глава исполнительной власти Анклавов. Бывший президент и бывший глава, с некоторым усилием поправил себя Мортенс. Мир Анклавов закончился, так что Моратти теперь руководить нечем.

– Восстанавливаемся понемногу, – ответил Мортенс.

Разговор о погоде? Ник звонил, чтобы справиться о том, как идут дела у его ставленника? Вряд ли.

Мортенс поднялся из кресла, держа в ладони коммуникатор, подошел к бару и плеснул в стакан немного виски. Отличного скотча. Секунду подумал и налил еще, почти до половины – очень хотелось расслабить мозги прямо сейчас. Не дожидаясь окончания разговора.

– Хорошо, – констатировал Моратти.

Мортенс, напротив, ничего хорошего не видел.

– Я связывался с Франкфуртом. Ситуация тяжелая, но они надеются на лучшее.

Понятно, во Франкфурте его послали. Иначе Моратти давно бы уже был там – до Франкfurта от Цюриха можно при большом желании хоть пешком дойти.

С Франкфуртом Мортенс связывался и сам. Континентальный Анклав, вдали от беспокойных Альп, по соседству несколько АЭС – совершенно целых и почти полностью работоспособных, – вокруг огромные территории Баварского султаната, отлично подходящие для сельского хозяйства. Франкфурт трясло больше, чем Эдинбург, но не сильно, баллов на шесть-восемь. Рухнуло несколько небоскребов в центре, еще около десятка пришлось демонтировать, но со строительными проблемами они почти разобрались. И сеть у них работала, даже тритоны периодически трепали ее.

Но у Франкfurта тоже имелась проблема – теперь проблемы были у всех: Баварский султан серьезно присматривался к Анклаву, называя его даже в официальных политических заявлениях Автономной Территорией султаната. Пока наглость султана уравнивалась тем же способом, каким Койман год назад поставил на место самого Мортенса, – в администрации Франкfurта вовремя поняли, чего теперь стоит информация, и были готовы слить *все* в один момент. Султан не знал куда, поэтому пока дело заканчивалось разговорами.

Так что Моратти с его разрушенным Цюрихом верхолазам Франкfurта был нужен как собаке пятая нога. Им хватало и султана под боком.

Нужен ли Ник здесь, в Эдинбурге? А нужен ли он лично Мортенсу?

Директор Эдинбургского филиала СБА нервничал. Он испытывал двойные чувства: Мортенс совершенно по-детски робел перед Моратти и в его присутствии чувствовал, что «взрослым врать нехорошо»; но при этом он ни на секунду не желал делиться с кем бы то ни было властью в *своем* Анклаве, ставшей теперь почти абсолютной. Как и раньше, музыку, разумеется, заказывали верхолазы с Койманом в авангарде, но, будучи опытным «тапером», Мортенс на выбор умело предлагал угодные лично ему опусы.

– Как дела в Цюрихе? – осторожно поинтересовался Мортенс.

О делах в Цюрихе он знал, земля полнилась слухами. Но знал мало и, если говорить начистоту, из не самых надежных источников.

– Нормально дела. Бульдозеры работают в полную силу.

– Начали строительство?

– Заканчиваем генеральную уборку. К тебе подкатывали люди из «Науком»?

Интересный переход. Про погоду, значит, говорить надоело? Вот почему он позвонил только сейчас – раньше он не был готов. Он и теперь-то готов не был, но до него доползли слухи о предложениях москвичей. Ему наверняка ничего не предлагали – Мертвый ненавидел Моратти и не дал бы Нику сыра даже из взведенной мышеловки: зрелище медленной голодной смерти заклятого врага для него было бы приятней быстрого удара по хребту.

Как лучше ответить Нику?

– Было дело, – признался Мортенс, оставив Моратти самому решать, что из этого могло выйти.

Но Ник молчал, ожидая продолжения ответа. Да, Мортенс зря решил, что от него удастся так просто избавиться. Можно, конечно, дать отбой и отключить коммуникатор, но какой в этом смысл – все равно Моратти, если ему очень нужно, найдет способ добиться

своего. Тем более неизвестно, что у него на уме. Как минимум этот аспект стоит выяснить.

– А в Цюрихе москвичи появлялись? – решил перейти в контратаку Мортенс.

– Что ты им сказал? – не унимался Ник.

– Мы отказались от их услуг.

Мортенс намеренно сделал акцент на слове «мы», дав понять Моратти, что его мнение не является единоличным в Анклаве.

– Ты молодец, Мортенс. Крысы Мертвого ни в коем случае не должны пользоваться нашими услугами.

Вопрос о предложениях Цюриху Моратти, разумеется, пропустил мимо ушей.

На самом деле Мортенс все чаще задумывался о том, что, возможно, принять помощь «Науком» было бы лучшим решением. Да, он терял свое преимущество, обещанное Филгорном, – новая сеть Анклава получит особую кодировку, на которую будут вынуждены перейти все производства, иначе они останутся вне общего информационного пространства и не смогут нормально работать. А доступ к этой особой кодировке будет только у Мортенса. Как только новая сеть начнет работу, все преимущества верхолазов закончатся. С того момента условия начнет диктовать Мортенс.

Мортенс уважал сильных и действительно умных людей. Например, Коймана. Но слушать, как какая-нибудь мисс Грюнвальд, которой от отца досталась фабрика по производству комплектующих к грузовикам «Ровер», потратившая на утренний макияж больше электричества, чем целый квартал где-нибудь в Sway тратил за неделю, путаясь в терминах и днях недели, учит директора СБА, как поступить с нормой бесплатного пайка для граждан Анклава, надоело до чертиков. Пора было прижать к ногтю этих куколок и болванчиков, владеющих корпорациями только согласно документам – никому в данный момент не нужным. Следить за сохранением законности теперь некому, все дела решались внутри Анклава, и будет так, как будет. Мортенс дураком не был, он понимал, что подобная ситуация не может существовать вечно, и поэтому спешил.

Корпорация «Науком» со своей чудесной сетью не очень вписывалась в планы директора Эдинбургского филиала СБА. Равно как и Моратти, что бы ни было у него на уме. Да к черту этот «филиал»! Просто Служба Безопасности Анклава – Эдинбург.

Но «Науком» – это не только сеть. Это и путь в иные миры – неизведанные, чистые и манящие. Это большие бабки и нормальное снабжение. Это Новая энергия, в конце концов. Ничего конкретного москвичи не предлагали, но было ясно как день, что сеть – это только начало. Может, стоило согласиться?

– Ты понимаешь, в чем секрет Мертвого? – спросил Моратти и сам же ответил: – В Новой энергии. Без нее Кауфман не сможет ничего.

Мортенс включил видеорежим. На всех коммуникаторах в Анклаве трансляция изображения была недоступна из-за экономии трафика еле-еле сводящей концы с концами сети. Но директор мог отменять запреты.

Моратти почти не изменился за прошедший год. Ник смотрел в объектив своего коммуникатора откуда-то сверху, скорее всего нависал над лежащим на столе гаджетом. Все такой же большеголовый, судя по плечам, вес не сбавил. Только седина в волосах появилась. Наверняка даже в наступившей разрухе Моратти мог позволить себе применять технологии, останавливающие проявления старения. Уж убрать седину было делом совсем несложным. Нужно знать Ника – он любил дорогие, с иголки, костюмы (и сейчас на нем был один из таких), но склонности к дешевым эффектам он никогда не имел.

– Нам нужно добраться до их секретов. До сети тринадцатого полигона «Науком». Если мы согласимся на подачки москвичей, Станция уже никогда не станет нашей.

Мортенс даже поперхнулся виски. Дела в Цюрихе настолько хороши, что Ник серьезно надеется заполучить Станцию?! Или он ударился головой во время землетрясения? Мортенс слышал, что Замок Ван Глоссинга полностью разрушен.

– Но как, Ник?! – не удержался от возгласа Мортенс.

– Как угодно! – выпалил Моратти. – Мы должны это сделать! Секрет Новой энергии по

праву принадлежит всем Анклавам, Мертвый всех кинул, и это ему не сойдет с рук. Он хочет купить всех своими подачками, дать каждому по крупице того, что по праву принадлежит им полностью. На подобные подачки соглашаются только слабаки. Я рад, Морти, что не ошибся, выдвинув тебя на пост директора филиала.

Опять этот «филиал». А Мортенс все думал, когда же Моратти начнет напоминать, каким образом он получил свой пост?

Желание подключиться к сети москвичей стало сильнее. Мортимер почувствовал это физически – мысли о черных «балалайках» с белой надписью «Науком» вселяли ощущение спокойствия и безопасности. Как минимум можно было быть уверенным, что Моратти он там не встретит.

– Вспомни тритонов Сорок Два. Ублюдков этого прохвоста, – продолжал Моратти. Он был настоящим бойцом, способным не только убедительно говорить, но и свернуть своему оппоненту шею голыми руками, если потребуется. – Они творили настоящие чудеса. Бездумные, совершенно сумасшедшие, но в их взломах было какое-то волшебство.

– В них был р-вирус и разогнанные троицей Сорок Два «балалайки», – напомнил очевидное Мортенс. Он вообще очень осторожно относился к понятию чуда.

– Разумеется. Насколько мне известно, никто до сих пор не придумал противоядия от р-вируса.

Тон Моратти изменился. Этот тон Мортенс узнавал – именно с такими интонациями Ник обычно раздавал указания.

Он что же, собирается нанять тритонов для атаки на сервер «Наукома»? Впрочем, нанять – это вряд ли. Тритонов Ник справедливо считал швалью, с ними он церемониться не будет. Следующие слова послужили подтверждением догадкам Мортенса.

– Если этих недоумков с «поплавками» в головах правильно организовать, они горы свернут. Кстати, как в Эдинбурге обстоят дела с «синдином»?

– Как обычно, – ответил Мортенс. – Боремся понемногу, без особого фанатизма. Не до того, на самом деле.

Моратти улыбнулся. Нехорошо улыбнулся, от такой улыбки Мортенсу захотелось заскулить.

– В Цюрихе за «синдин» убивают, – не переставая улыбаться, сказал Ник. И объяснил: – Расстреливают на месте за производство, хранение, сбыт и употребление наркотика.

– Есть результаты?

– Непонятливых все меньше. Детишки верхолазов поначалу гнули пальцы, пока мои ребята не расстреляли толстячка Шиммера. Сынка того самого Шиммера.

Кто такой Шиммер, Мортенс знал. Не уровень Коймана, конечно, но верхолаз не самого последнего достатка и положения.

– Я понимаю – это сложно. Серьезные решения никогда не даются легко. Но другого пути нет. На самом деле это только кажется чем-то... – Ник покрутил рукой в воздухе, но так и не смог подобрать слов. – «Синдин» убивает, это все знают. Просто в Цюрихе наркотик теперь убивает наглядней. Ты, Мортимер, тоже должен поступить подобным образом. В Эдинбурге должен остаться только один хозяин всех запасов «синдина» – СБА. Тогда они все будут у нас вот где, – Моратти продемонстрировал сжатый кулак.

«Он имел в виду тритонов или вообще – всех?» Мортенс с некоторым удивлением отметил, что Моратти, похоже, все еще считает себя действующим президентом: его тон не подразумевал предложения, это был приказ.

– Ник, у нас много проблем несколько иного характера. Мы пытаемся решить их в первую очередь. В Британском халифате тяжелое положение с электроэнергией, мы...

– Хорошее положение только у Мертвого! – прервал оправдания Мортенса Моратти. – И пока он уверен, что из-за тяжелого положения никто рыпаться не станет, самое время нанести удар. Ты же понимаешь, Морти, через два-три года, когда жизнь наладится, когда все привыкнут к такой жизни, будет поздно. И Мертвый будет ждать удара во всеоружии, и людям будет уже все равно. Нужно действовать, Морти.

– Если мы станем расстреливать всех торговцев направо и налево, у нас вспыхнет бунт, – объяснил Мортенс скорее сам себе. – Наша относительная стабильность держится на волоске, и раскачивать Анклав, я думаю, не стоит. Что нам даст контроль над «синдином»?

Мортенс не мог поверить – он открыто возразил Нику. Разговаривая по коммуникатору, это оказалось неожиданно легко сделать.

– Контроль над «синдином» даст нам контроль над тритонами. Они все – наркоманы. Даже если они завязали с сетевыми взломами – а сейчас многие завязали, ломать особо нечего, – они все равно не смогут отказаться от «синдина», они на крючке. Без наркотика тритон не сможет существовать, он или сдохнет, или превратится в «минуса». А за «синдин» они будут готовы на все. Понимаешь – вообще на все.

– Вы хотите сколотить из тритонов команду ломщиков? Тритоны – ребята ненадежные.

– Когда у тритонов начинается ломка – не у одного или двух, а сразу у нескольких десятков, – они становятся покладистыми и очень исполнительными. Если будут уверены, что получают вожака «синдин». Уж можешь мне поверить, Морти, мы это уже проверяли. И потом, тритонам дадут не только «синдин», им официально разрешат ломать и крушить сеть. Для них это настоящее счастье, за которое некоторые и умереть согласны, – Моратти усмехнулся. Понятно, если затея выгорит, лишние свидетели не нужны. Да и содержать ненужный мусор, отбросы общества, станет совершенно незачем.

Возможно, в замысле Моратти и был здравый смысл. Несколько тысяч или даже десятков тысяч тритонов – сколько он смог собрать там у себя, в Цюрихе? – с «поплавками» в «балалайках», прущие одновременно в сеть Мертвого, – это реальная сила. Мортенс никогда особенно глубоко не вникал в премудрости устройства сети, но даже ему, дилетанту, было предельно ясно, что долго подобный натиск не выдержит никакая сеть. Но секреты «Наукома»... Насколько знал Мортенс, сеть тринадцатого полигона была сугубо локальной и не имела никакой связи с сетью остального мира. Знал он это не только из многочисленных слухов, но и из отчетов собственных машинистов.

– Тритоны будут ломать сеть организованно... – не то спросил, не то констатировал факт Мортенс.

– Ты правильно все понял, Мортенс. Нам нужна монополия на «синдин», тогда тритоны будут в наших руках. Они сделают для нас что угодно, сломают что угодно. Ты понял, в каком направлении нужно двигаться? И помни главное – ни за что не пускай в Анклав прохвостов из «Наукома».

– Я понял, – тихо произнес Мортенс.

Директор эдинбургской СБА машинально двигал указательным пальцем по столешнице собственного стола. На глазной наноэкран попеременно выводились строки меню «балалайки». Мортенс сам не заметил, каким образом перед его взглядом очутился номер «балалайки» одного из представителей «Наукома». Позвонить? Это мгновенно решило бы все проблемы с Ником, черт бы его побрал. Это мгновенно уничтожило бы то преимущество, которое было уже почти у них в руках – до завершения комплектования и пуска в эксплуатацию новой конфигурации сети осталось всего ничего. Как же не вовремя появился Моратти.

В любом случае Ник все еще оставался, хоть и очень эфемерным, но все же символом – общности и былой мощи СБА и Анклавов. К его мнению могли, совершенно точно могли, прислушаться в других уцелевших Анклавах. Не везде дела были столь же хороши, как во Франкфурте. Да и в Эдинбурге, если говорить начистоту, не так уж и плохо.

Но были практически полностью смытый пятидесятиметровой волной, но чудом сохранивший свою независимость Гонконг, лишившаяся всех небоскребов Калькутта и полуразрушенный Сеул. Если Моратти предложит им какую-то реальную помощь, они согласятся, не думая. Хотя что он может предложить? Цюрих, располагающийся недалеко от хорошенько вздрогнувших Альп, тоже пострадал изрядно. Но Мортенс был уверен – только человек, совершенно не знающий Ника Моратти, мог, не задумываясь, решить, что все факты играют против него. Ник неспроста так долго был президентом всемогущей СБА, он

умел находить решения даже там, где их в принципе не существовало.

– Это хорошо, что ты понял, – бодро произнес Моратти. – Как только получится, я прибуду к тебе в гости. Обсудим общую концепцию. Учитывая ушлых ребят из «Наукома», сегодня доверия нет даже к незарегистрированным коммуникаторам.

Он дал отбой. Мортенс успел только открыть рот, еще не зная, что сказать, чтобы отменить прибытие Ника лично. Вот только его здесь и не хватало!

Может быть, еще не поздно позвонить москвичам?

5

Странно – памяти о событиях не было, но при этом Лохлан всегда точно определял момент, когда нужно заглянуть в измятый листок, неизменно лежавший в правом кармане куртки. Именно в правом, чтобы не перепутать. Глаза сами находили нужную строчку бессмыслицы, после прочтения которой Лохлан чудесным образом вспоминал что-то определенное. Или не вспоминал, но все равно знал, как следует поступить.

В этот раз Флетт безошибочно отыскал небольшую металлическую коробку с замком со сканером отпечатков пальцев, с первой попытки приложил пальцы в нужной последовательности и открыл контейнер. Внутри лежала довольно внушительная пачка евродинов и небольшой пластиковый цилиндр серого цвета с красной отметкой на боку. Ни по поводу денег, ни по поводу серого цилиндра Лохлан ничего не знал. Но вещи наверняка принадлежат ему – замок открывался отпечатками его, Лохлана, пальцев, и никто другой положить это сюда не мог.

Он спрятал деревянную фигурку на красном шнурке в коробку и собрался убрать ее в тайник, когда вдруг какое-то непонятное предчувствие заставило остановиться. Лохлан выложил все, что лежало в карманах. Несколько совершенно непонятных записок, свежий, еще белый, клочок бумаги с суммой, которую обещали за книгу...

Ах да, он продал книгу. Вот для чего он ходил на «Callboard». Судя по сумме, книга была очень ценной. Может, не стоило ее продавать? Лохлану показалось, что он уже задавал себе этот вопрос когда-то.

И замусоленный, посеревший от влаги и грязи обрывок с нижней частью рекламы чего-то яркого, со сплошь исписанными рукописным текстом полями. Тот самый, что хранил часть пропавших воспоминаний Лохлана. Этот клочок бумаги таил какую-то тайну. Нельзя, чтобы тайна досталась другим людям.

Ни о том, кто такие эти другие люди, ни о том, откуда они могут взяться, Лохлан не задумывался. Он просто собрал весь нехитрый скарб, что хранился в правом кармане его куртки, и сложил его в железную коробку. Лучше пускай это хранится здесь.

О том, что спустя несколько минут он может не вспомнить не только места, но и самого факта наличия тайника, Лохлан не подумал.

Небо, закутанное плотным равномерно серым пологом туч, начало темнеть. В воздухе повисла промозглая липкая влага.

Лохлан брел по улицам Лейта, зная, что нужно идти в ночлежку, искать место. О том, что он теперь состоятельный человек, запросто способный купить несколько таких ночлежек вместе со всем их содержимым, он уже забыл. Лохлан шел, автоматически переставляя ноги, и не думал ни о чем. Его память, информация, которая всего несколько мгновений назад хранилась в голове, растворялась в небытии с каждым шагом. Лохлан не замечал этого, он не осознавал, что упускает что-то важное.

– Лохлан Флетт? – раздался голос откуда-то из-за спины.

Лохлан резко обернулся. Он среагировал скорее на голос, неожиданно прозвучавший сзади, а не на звук собственного имени. Только в тот момент, когда увидел перед собой незнакомца, он осознал, что Лохлан Флетт – это он сам.

– Да?

Обратившийся к нему человек стоял чуть поодаль, в тени от нависающего сверху

обломка пешеходной дорожки второго уровня, и Лохлан не мог разглядеть его лица. На нем был надет длинный черный плащ и черная вязаная шапочка, словно презерватив обтягивающая немного удлинненную голову. Плащ сидел на человеке как-то странно, чуть перекошенно, отчего создавалось впечатление, что неправильно застегнуты пуговицы. Но пуговицы были застегнуты правильно – Лохлан их видел.

– Я Дариус, – представился человек в плаще. – Дариус Ферронг.

Для Лохлана имя мужчины было такой же абракадаброй, как надписи на каком-то листке. Что за листок – уже не вспомнить. Правая рука привычно опустилась в карман и...

В кармане было пусто. Холодок ужаса медленно спустился от затылка вниз по позвоночнику. Он привык находить ответы на абсолютно непонятные вопросы с помощью этого листка, и вот теперь его не было.

– Я вас слушаю, – мягко произнес Лохлан.

Флетт так и не понял: он был знаком с этим человеком раньше или мужчина просто представился.

– Я пришел за книгой. Она у вас? – спросил незнакомец по имени Дариус Ферронг.

Лохлан наморщил лоб. Он пытался понять, о какой книге говорил человек в плаще. Флетту казалось, что совсем недавно он думал о какой-то книге, но мысли эти даже воспоминаниями назвать было нельзя, так, мимолетный образ.

Но показывать незнакомцу, что он не помнит, не стоит. Лучше попытаться разузнать, кто он и о какой книге идет речь. Тем более что с помощью надписей на листке этого сделать теперь не удастся.

– В данный момент нет. – Чистейшая правда. Остальное незнакомец пускай додумывает сам.

– Скажите, здесь можно где-нибудь присесть? Чтобы не мокнуть под дождем?

Дариус повел плечами, словно замерз. А может, он и в самом деле замерз – все-таки ноябрь, и действительно не жарко. Сам Лохлан давно привык к промозглости местного климата и висящую в воздухе морось не замечал. Собственно, ее и дождем-то назвать нельзя. Крупный туман, не более.

Флетт посмотрел по сторонам. Заколоченные окна, заваренные арматурными штырями и металлическими балками двери. Улица быстро исчезала в полумраке стремительно опускающихся ранних осенних сумерек. Скоро здесь станет небезопасно. Впрочем, безопасно в этом районе не было и днем.

– Пойдемте в «Приют друида», – предложил Лохлан первое, что всплыло из памяти, и добавил: – Только я пустой, денег нет совсем.

– Это не важно. «Приют друида» – это что?

– Это паб.

– Там людно?

– Разумеется. Это же паб.

– Хорошо, подойдет, – сказал Дариус, сделав короткую паузу. Что-то его не устраивало в «Приюте друида».

В пабе действительно было людно. Даже более чем – свободный столик отыскался только после того, как Дариус выдал официанту пару купюр. Лохлан не рассмотрел, что это была за валюта.

Когда они сели за столик, на котором почти мгновенно появились две кружки с пивом – в «Приюте друида», как, впрочем, и в большинстве других мест, к денежными клиентам было особое отношение, – Лохлан наконец смог рассмотреть лицо мужчины. Высокий лоб, совершенно плоский, переходящий в виски почти под прямым углом, крупные, немного навывкате глаза и большой квадратный подбородок. Еще Флетт заметил, что Дариус имел привычку постоянно покусывать верхними зубами нижнюю губу, но сходства с кроликом ему это не добавляло абсолютно. Плотную вязаную шапочку он так и не снял.

– Я пришел узнать о книге, – снова сказал Дариус. Голос его звучал мягко и даже немного заискивающе. – Вас не оказалось на месте, вот я и решил, что книга все еще у вас.

Вы готовы отдать ее мне?

Хороший вопрос. Для того чтобы ответить на него, нужно вспомнить, о какой книге вообще речь. Ведь что-то было связанное с книгой. Возможно, даже сегодня.

– Сейчас – не готов.

– Я могу задержаться только до завтра, – сказал высоколобый Дариус и покусал нижнюю губу.

До завтра? А потом куда он намеревается деваться? Уезжает в эмират, что ли? Скорее всего, больше здесь податься некуда.

– Я постараюсь до завтра передать книгу, но у меня может не получиться, – соврал Лохлан, понимая, что оправдание звучит слишком уж фальшиво.

Но Дариус не выказал и тени удивления. Он лишь с интересом и очень внимательно посмотрел на Лохлана, будто рассматривая что-то внутри его, потом моргнул, взгляд его больших темных глаз ожил, и сказал:

– Вы ведь прочли Книгу? – Только теперь Лохлан обратил внимание, как Дариус произносит слово «книга». Будто писаться оно должно обязательно с большой буквы.

– Я... – начал было Флетт и понял, что не знает, как продолжить фразу.

Странные слова «*avva marda avva*» вдруг появились в его голове. Он знал, чем они должны продолжаться. Не помнил, но знал. Если он будет говорить слова, в голове станут появляться следующие. Это слова из той книги? Точнее – Книги. Скорее всего.

Лохлан присмотрелся к Дариусу повнимательней. В его больших, будто выпученных глазах застыло некое удивление. Или непонимание? Похоже, он, наконец-то, заметил, что Лохлан говорит что-то не то. Но что Дариус ожидал услышать? Откуда вообще взялась эта книга? Смутные ассоциации с Пустырем и каким-то мертвым уродцем возникли в голове. Пустырь был территорией корпорации Мутабор. Несмотря на то что храмовники исчезли из этого мира, бросив разрушенные террористами Сорок Два отделения своей корпорации, Пустырь номинально оставался их территорией. Значит, Книга принадлежала храмовникам, в ней были собраны тайны храма Истинной Эволюции?

Похоже, что так. И Дариус – как Лохлан не заметил этого сразу? Высокий лоб, странная форма головы, и главное – большие, почти неестественно выпученные глаза. Дариус был храмовником, адептом Мутабор. Не этим, как называют себя они... не прелатом. Глаза, хоть и торчали из широко открытых глазниц, выглядели обычно – нормальная белая склера, нормальная радужка с отчетливо видимым зрачком. Дариус был «начинающим» адептом, он еще не успел превратиться в то странное, совершенно нечеловеческое существо, что представляли собой прелаты.

– Разумеется, – пробормотал Лохлан. – Из нее я смогу узнать, в чем смысл Истинной Эволюции?

Непонимание в глазах Дариуса усилилось.

– В Книге собраны постулаты Милостивого Владыки грядущего, – тихо, почти шепотом, объяснил Дариус.

Да, конечно. «*Avva marda avva*», – это постулат. Ясное дело. Что только он постулирует, интересно? Лохлан всегда знал, что храмовники были психами. Теперь он видел, что они были даже бóльшими психами, чем все думали, – если этот бессмысленный набор букв является постулатами, то, что можно сказать о человеке, выучившем их наизусть?

Но почему Дариус сказал, что ему, Лохлану, стоит прочесть эти постулаты? Неприятный холодок пробежал по спине, в кончиках пальцев закололо иголками. Ведь храмовники свято хранили тайну своих постулатов – почему же Лохлану предлагали прочесть их?!

Флетт понял, что проблемы с памятью намного серьезней, чем он предполагал. Дариус не знал, что Лохлан ничего не помнит о своих отношениях с храмом Истинной Эволюции, но начинал догадываться. Разговор стоило завершить, пока храмовник не понял слишком много. Об адептах Мутабор ходило много слухов, и не все из них были безобидными.

– Человек – продукт эволюции. Ведь это настоящее чудо: из нескольких тысяч атомов, слепившихся вместе особым образом, эволюция создала человека, изменяющего мир, изменяющего саму жизнь. Не это ли Истинный смысл сущего? – сказал Лохлан и сам удивился стройности собственной речи. Он, грязный бродяга из Лейта, рассуждал о возвышенных материях, и слова слетали с языка легко и свободно. Привычно они слетали.

– Истинная Эволюция не записана в коде ДНК, – опустив взгляд, возразил Дариус. – Генная инженерия позволяет лишь изменить сосуд, вместилище того, что является настоящей ценностью. Только Милостивый Владыка может изменять суть. Его постулаты – Истинный дар для нас.

Постулаты помогают изменить суть? Или они сами ее изменяют? Суть чего?

Слишком много вопросов. И ни одного ответа. Все, что говорил Дариус, можно принять за обычную религиозную чушь. Но Лохлан понимал, что его благополучие, его личная суть, похоже, напрямую зависит от этих самых постулатов. Что-то такое было в той Книге. Знать бы еще, где теперь ее искать.

Лохлан мучительно пытался вспомнить, куда дел книгу. Совершенно ясно одно – храмовники с него живого не слезут, пока он не вернет им книгу. И в подтверждение своих выводов он услышал слова Ферронга:

– Вы же понимаете, Лохлан, что обязаны вернуть книгу? Любой ценой. Повторяю – любой. Она представляет слишком большую ценность, чтобы попасть в чужие руки.

– Да, конечно, – согласился Лохлан, раздумывая о «чужих руках».

Утром он был на «Callboard». Это не подлежало сомнению, каждое утро он ходил туда. Проверять, нет ли заказов. Что ему заказывали?

Пустырь и мертвый уродец...

Навязчивая картинка никак не желала исчезать из совершенно дырявой памяти. Возможно, Лохлан ошибался, но другого предположения у него не было – он получил заказ на убийство и пытался продать что-то с Пустыря. Почему именно продать? Потому, что покупать вещи с Пустыря ему никак не могло прийти в голову, в этом он был уверен.

С Пустыря у него была только одна вещь – книга. Та самая, о которой теперь спрашивал Дариус. У храмовников не бывает бывшего имущества. Все, что когда-либо им принадлежало, принадлежит им и по сей день. А они – ребята отмороженные, они вернут свою собственность, расшибутся, но вернут.

Только с чего Лохлан решил, что храмовник спрашивает именно о той книге, которую он продал сегодня утром? Ага – продал! В памяти вдруг появились отрывочные воспоминания, но их вполне хватало, чтобы приобрести уверенность, что книга именно та. Лишь за книгу храмовников могли предложить такую сумму, что Лохлан сбился, считая нули.

Книгу нужно вернуть! И не только из-за храмовников. Дариус сказал, что ему, Лохлану, необходимо ее прочесть. Тогда это вызвало удивление, а теперь Флетт склонялся к мысли, что храмовник совершенно прав. Он не знал – почему, но, сдается, у этих большеглазых ребят узнать все равно ничего невозможно. Хочешь иметь правильную информацию – узнай ее сам, иначе рискуешь получить чужую трактовку, которая может оказаться слишком далекой от истины, чтобы извлечь из полученных сведений хоть какую-то пользу.

– Так вы сможете передать мне Книгу до завтрашнего утра? – поинтересовался Ферронг.

Завтрашнее утро... Хороший вопрос. Учитывая, что Лохлан вообще смутно представлял, что это за книга и как он с ней поступил, утро, когда он смог бы отдать фолиант, могло запросто наступить через несколько лет.

– К сожалению, нет. Мне не удастся так быстро добраться до места ее хранения.

– Книга за пределами Анклава?

– Нет, но чтобы ее получить, мне нужно увидеться с некоторыми людьми. Безопасность, сами понимаете...

– Да, конечно, – по выражению лица Дариуса Лохлан понял, что тот недоволен. Хотя, вне всякого сомнения, он допускал подобное развитие событий. – Если вам нужно прикрытие Мутабор, я могу обеспечить его на два-три дня.

Прикрытие Мутабор? Да куда, черт возьми, он вообще влез?! Покровительство храмовников – вещь надежная, они всегда держали данное слово, эта их особенность общеизвестна. Но и неукоснительного соблюдения своих интересов они требовали безоговорочно. И чрезвычайно эффективно.

– Нет, прикрытия не требуется. Ничего экстраординарного, просто, к сожалению, это дело потребует несколько больше времени.

– Хорошо, – кивнул храмовник. – Вы *поймете*, что делать с Книгой, когда она снова окажется у вас.

В его словах чувствовалась непоколебимая уверенность. Он не спрашивал, просто напомнил Лохлану очевидное.

Дариус, не прощаясь и вообще не обращая больше на Лохлана никакого внимания, словно они не были знакомы, встал и вышел из паба.

Лохлан допивал свое пиво и думал о храмовниках и их книге. Стало быть, у него в руках были сокровенные тайны храмовников, узнать которые мечтали многие люди. Он держал в руках постулаты Милостивого Владыки Грядущего и даже не попытался прочесть их, узнать, что Владыка безумных храмовников насочинял такого сверхъестественного.

И был еще один вопрос, который появился только теперь, после ухода Дариуса. На самом деле, если бы он и появился раньше, все равно Лохлан не осмелился бы его задать храмовнику, который, похоже, так и не догадался, что Флетт абсолютно не понимает, каким образом связан с книгой и храмом Истинной Эволюции. Вопрос заключался в том, откуда храмовники вообще узнали, что книга была у него. Если он нашел ее на Пустыре – а вроде бы так все и происходило, – то это простая случайность. Или нет? Что делал на Пустыре тот уродец, мертвая, перекошенная физиономия которого преследовала лишившегося памяти Лохлана? И почему сам Лохлан оказался в этом нехорошем месте?

На улице уже совсем стемнело. После полумрака «Приюта друида», едва разгоняемого светом свечей, тьма снаружи казалась первозданной и непроглядной. Вид залитых светом улиц Анклава все прекрасно помнили – со времен нормальной цивилизованной жизни прошло немногим более года, – но крошечная тьма, приходящая с заходом солнца, стала восприниматься как само собой разумеющееся явление. К хорошему человек привыкает быстро. К неизбежному – еще быстрее.

Лохлан поднял воротник куртки, стараясь зарыться в одежду поглубже, чтобы отгородиться от всепроникающей промозглой влаги, и пошел в сторону залива. Он думал о книге и о храмовниках. Пока он раздумывал над чем-то, он прекрасно помнил все подробности. Но стоило отвлечься, потерять мысль, как события улетучивались из головы, словно пары эфира на ветру.

Впереди, в проеме между домами, появилась яркая точка. Кто-то шел навстречу с фонариком в руке. Луч неверного света прыгал и дрожал, периодически исчезая совсем. Эспандерный фонарь, отличная вещь при отсутствии электричества – даже батареек не нужно. Такие штуки сейчас особенно ценились. Скоро послышалось жужжание слабенького фонарного генератора. Лучик еще несколько раз прыгнул из стороны в сторону, на мгновение осветил лицо Лохлана и исчез. Снова стало темно. Скорее всего хозяин фонарика, заметив на пустынной улице незнакомца, поспешил скрыться в каком-то переулке. Люди опасались друг друга. Человек человеку волк. Так было и до Катастрофы, но после нее «теплота» человеческих отношений стала особенно заметна.

Лохлан пересек такую же темную улицу, как Митчелл, по которой шел. Эльб-стрит. На секунду Лохлан остановился и посмотрел по сторонам. О чем он только что думал? О фонариках и «теплоте» человеческих отношений? Да, об этом. Но о чем он думал до того? Он ведь решал какую-то важную проблему.

Ни о книге, ни о приходившем к нему похожем на привидение Дариусе Лохлан ничего

не помнил. С какой-то стороны это было к лучшему – Флетт не стал расстраиваться, что отказался от прикрытия, которое ему предлагал храмовник. Он еще не знал, что совсем скоро оно ему очень пригодилось бы.

Лохлан пожал плечами и побрел дальше, погрузившись в океан забвения и бессмысленности. Теперь он просто шел, бездумно, словно робот, переставляя ноги.

– Постойте! – послышался голос откуда-то сзади.

Сбоку Лохлан отчетливо слышал звуки шагов. Судя по всему, его окружали. Уличное ворье?

Лохлан резко обернулся, и в глаза ему ударил яркий электрический свет фонаря. Этот фонарь был совсем другим – ярким до белизны, его луч светил ровно и не прыгал. В этом чуде электрической техники стояли батарейки, причем явно мощные и свежие.

Чьи-то сильные руки схватили Лохлана за запястья, ловко выворачивая их назад. Из-за яркого света, слепящего в темноте улицы, он не видел нападавших. Он даже не знал, сколько их, но, судя по рукам и звукам шагов, их было не меньше двух. На сведенных за спиной руках клацнули холодные браслеты. Наручники. Значит, не ворье.

– Патруль СБА! – резко выпалил прямо в ухо тот, который держал фонарь.

Стало быть, безы. Интересно, чем он провинился перед Службой Безопасности?

– Вы задержаны по подозрению в совершении незаконной сделки! – скороговоркой выкрикнул без с фонарем.

Звучало странно, обычно с подобным обвинением приходили к верхолазам. Но утром Лохлан ходил на «Callboard». Что он там делал? Возможно, проблемы исходили именно с «Доски объявлений». Лохлан напряг память, но ничего вспомнить не удалось.

– Что у вас в карманах? – не сбавляя тона, спросил человек с фонарем, а руки другого беза, того, что надел на Лохлана наручники, бесцеремонно залезли в карманы куртки, потом – в брюки.

– Ничего, – честно ответил Лохлан, переминаясь с ноги на ногу: от копошения рук обыскивающего его беза было щекотно.

– Где книга?! – Тот, с фонариком не спрашивал. Он орал, будто от наличия или отсутствия у Лохлана какой-то книги зависела его жизнь. Кто знает – может, так оно и было?

– Какая книга?

– Та, что с Пустыря!

– Я не знаю ни о какой книге, – промямлил Лохлан. – У меня нет книг.

– Ты давал объявление на «Callboard»?

Опять «Callboard». Наверное, давал. Если бы он еще помнил его содержание. Но книга-то тут при чем?

– Нет, не давал. Во всяком случае, о книгах.

Без немного отошел, убрав фонарик. Яркий свет перестал слепить Лохлана, и, часто моргая из-за затмивших поле зрения черных пятен, он наконец смог в полумраке разглядеть напавших на него безов. Их действительно было двое – тот, что с фонарем, и второй, который стоял за спиной, левой рукой придерживая Лохлана за цепочку, соединяющую браслеты наручников. В правой он держал «дыродел».

Подталкивая в спину, Лохлана повели назад, в сторону Лейт-стрит. Дальше путь был понятен – его ведут в «Солнечную иглу».

– Али, он ничего не знает о книге. Ни о какой, – вдруг произнес будто бы в воздух предводитель патруля. Тот, что держал в руке фонарь. Он разговаривал с кем-то через «балалайку». Значит, до границ Даун Тауна близко, сеть уже работает.

Без еще какое-то время разговаривал по «балалайке», потом обернулся и, махнув рукой, сказал:

– Давай его в управление. Там нас уже ждут.

Тони ритмично вскрикивала и извивалась в руках Бойда, как змея. Шотландец зарычал и повалился на постель рядом с девушкой. Оба дышали так, будто только что пробежали стометровку.

– Ты меня... утомил... Шотландец, – с улыбкой проговорила Тони, пытаясь отдышаться.

– Угу, – многозначительно промычал Бойд и посмотрел на девушку.

Ее высокая грудь, увенчанная твердыми темными сосками, ритмично вздымалась. Вверх-вниз, вверх-вниз. Разве можно долго смотреть на такое и ничего не делать?! Бойд нежно обхватил девичью грудь, и – черт возьми! – он снова был готов действовать.

Тони оказалась девкой что надо. Во всех отношениях. Не зря Бойд взял ее к себе, совершенно не зря. Он имел возможность проверить Тони в действии уже не единожды – речь шла не о постельных утехах (хотя и в них Шотландец старался себя не ограничивать), а о реальных делах. Преступный бизнес, который лежал в основе деятельности Бойда, периодически требовал решительных мер. В ходе применения этих мер одна из вступивших в спор сторон обычно полностью отходила от дел. В мир иной, так сказать.

Тони была замужем за каким-то фермером, называла его имя, но Бойд не знал его – кто-то из никому не нужных недотеп. Такие обычно исчезали, словно утренняя роса под лучами яркого летнего солнца, через год-два. Бойд узнал это от самой девчонки – спросил, она ответила. Но ни малейшего намека на сожаление, что к мужу она больше не вернется.

В постели Тони была просто великолепна. Занимаясь любовью, она отдавалась этому вся, без остатка. Но главное место в ее душе принадлежало только одной вещи – оружию. Тони безумно любила свою винтовку, СВА-14МА производства «Науком». Сейчас, когда работа снайпера стала основным родом ее деятельности, Тони могла часами разбирать и чистить винтовку, проверяя каждый механизм, тестируя каждую программу встроенного в прицел стрелбового комплекса. И стреляла она отменно – Бойд не всегда мог лично посмотреть, как работает Тони, но внимательно слушал рассказы очевидцев: промахов в ее исполнении не было. Ни одного.

Она была не просто хорошим стрелком. Она была dd – высококлассным наемником, способным выполнить почти любую работу. И при этом она продолжала торчать в Эдинбурге. Бойд спрашивал, почему. Тони ответила: «А где сейчас лучше?» В общем-то возразить было нечего. И все же нет-нет да и задумывался Шотландец – что на самом деле замыслила эта девушка. Эта настоящая жемчужина в его клане.

– Бойд, ты животное, – сказала Тони, обольстительно улыбаясь, и поцеловала Шотландца в губы.

Когда они наконец оставили друг друга в покое, Тони ушла к себе. Теперь наверняка до конца дня будет готовить винтовку – совсем скоро ей предстоит большая работа.

У Бойда была запланирована поездка. Необходимо проверить одно дело – ехать далеко, к самому заливу.

Еще два месяца назад Лиса нашла в сети интересные данные. Не в сети Анклава, где-то на серверах Конфедерации стран Католического Вуду. Там тоже эта информация сильно не афишировалась, скорее всего кто-то просто забыл убрать служебное сообщение, оставленное для формирования какого-нибудь расписания. Или же – ни Лиса, ни Бойд не исключали подобного – сообщение оставили намеренно, пытаясь достучаться до того, кто проявит настойчивость в поисках чего-то подобного.

Информация эта напоминала фантастику – правительству Конфедерации предлагали организовать отборочные лагеря и транспортное сообщение с Кольским полуостровом для переправки отобранных колонистов – ни много ни мало – в иные миры. Ворота в эти самые иные миры якобы находились на Станции, и пускали туда всех желающих, прошедших, разумеется, предварительный отбор – шваль нигде не нужна. Если бы не загадочная Станция, в подобный бред Бойд ни за что бы не поверил. Но в имеющемся контексте это вполне походило на правду.

И дело было не только в наличии места, куда теперь можно свалить, если вдруг

возникнет такое желание и появится возможность. «Выход есть» – это уже хороший повод для окончания депрессии, даже если до выхода пока не удастся добраться. Нет, дело было в другом: пару месяцев назад Мортенса посещали представители корпорации «Науком». Информация была закрытой, но не настолько, чтобы ребята Бойда совместно с Лисой не смогли ее раздобыть. Возникал резонный вопрос – для чего посещали? Уж не для того ли, чтобы сделать директору эдинбургского филиала СБА предложение, которое они уже сделали Настоятелю вудуистов? А если подобное предложение было сделано, почему Мортенс темнит и скрывает это от граждан Анклава?

Ответ прост, и Бойд прекрасно его понимал – если люди узнают, что их ждет другая, лучшая жизнь в новом и незагаженном мире, Мортенс потеряет над ними контроль. Прозабавление в Анклаве утратит смысл. Зачем что-то делать, куда-то стремиться, соблюдать порядок, если завтра, ну, максимум послезавтра, откроется дорога к спасению.

Колонизация новых, девственных миров тоже не самое простое дело. Там тоже нет электричества, не работают «балалайки». Там вообще ничего нет, ни одного дома – дикие места. Но кто об этом станет задумываться? Там есть леса, поля, огромное количество непуганой дичи, на которую наверняка легко охотиться. Там полно еды, настоящей еды – главного, чего не хватает сегодня здесь.

Бойд понимал мотивы Мортенса. Понимал, но не мог с ними согласиться – Анклавы стали символом свободы, именно свободный выбор каждого жителя Анклава был главным достижением того мира, который они – и Бойд, и Мортенс – пытались сохранить.

Приливной волной, пронесшейся по заливу Ферт-оф-Форт, выбросило на берег несколько судов, находившихся в тот момент в его водах. Подавляющее большинство их годилось только на металлолом, в качестве которого жители Лейта и Punkground активно использовали срезанные с повергнутых кораблей мачты, железные листы и все еще работающие механизмы.

Но ребята Бойда нашли один достаточно сохранившийся корабль. Это был небольшой сухогруз. В сравнении с каботажными судами, работавшими на батареях Ллейтона, туша выброшенного на берег сухогруза казалась огромным мастодонтом. Но ему было далеко до супертанкеров, способных взять на борт такой объем нефти, что количество портов, способных в реальные сроки переварить его, сегодня можно было пересчитать по пальцам.

Корабль назывался «Хайзинь» и до Катастрофы принадлежал китайцам. Наверняка судно значилось погибшим, поэтому вряд ли кто-нибудь станет предъявлять на него права. Тем более поднебесники, которые с возникновением транспортных проблем стали как будто дальше. Понять значение этого «Хайзинь» было проще, чем прочесть само слово – под двумя красивыми иероглифами мелкими буквами было выведено по-английски: «Морская звезда». Как читаются китайские закорючки, объяснил один из ребят, работавших на импровизированной судоверфи. Оказывается, его дедушка был поднебесником.

Что вез сухогруз, оставалось тайной – ни один контейнер, ни в трюмах, ни на палубе, не сохранился, все смыло в море. Радовал тот факт, что поднебесники не везли ничего химического: от этой заразы трюмы черта с два отмоешь, тем более подручными средствами.

Судно снабжено реактором, но активный контур заглушен полностью и, по мнению понимающих в этом людей, восстановлению не подлежит. Скорее всего, как объяснили все те же знающие люди, китайцы вовремя сообразили, что их ждут очень большие проблемы, и остановили реактор. Кто знает, может, кто-то из моряков и спасся. Хотя вряд ли. Продуманные действия поднебесников заслуживали уважения – если бы реактор продолжал работать в момент удара о залитый бетоном берег, часть территории Эдинбурга со стороны моря стала бы еще одной грязной зоной – «карманом», – каких на Британских островах и так было предостаточно.

В общем, в этом «Хайзинь» было слишком много плюсов, чтобы им не воспользоваться. Еще одним плюсом находки являлось ее местоположение. Корабль, как будто от усталости привалившийся на правый борт, лежал на бетоне в ста пятидесяти метрах от линии прибоя на бывшей территории корпорации Мутабор, ныне известной как Пустырь.

То есть на ничейной земле.

– Идем с опережением! – вместо приветствия крикнул спешащий к машине Оли Халифанс.

Бойд выбрался из «Дромадера», чуть потеснив тут же подскочившего Бобби, и осмотрел свои новые владения. На пустых и брошенных землях закон всегда был одинаковым – кто первым пришел, тот и хозяин. Эту часть Пустыря Бойд, организовавший здесь небольшую верфь, считал своей.

– Привет, Оли, – не сводя глаз с туши сухогруза, обросшей похожими на какие-то сказочные наросты лесами, сказал Шотландец.

– Здравствуй, Бойд. Привет, Бобби.

Бойд посмотрел на руководителя ремонтных работ. Широкий, весь какой-то подвижный нос, светлые волосы, черные брови и темно-карие глаза. Внешность и происхождение фамилии Оли были для Бойда загадкой – и в чертах лица, и в звучании имени легко угадывались и исконно шотландские корни, и европейские, исламского происхождения.

– Какие успехи? – спросил Шотландец.

Он имел в виду работу с сухогрузом. Завладев информацией о возможности переселения в другие миры, Бойд загорелся этой идеей. Нет, сам он не собирался никуда плыть, у него и в Эдинбурге дел по горло. Но он понимал, что многие жители Анклава с радостью воспримут весть о возможности сбежать в другое, лучшее место. Тем более что Анклав, лишившийся практически половины жилых площадей на верхних этажах высотных домов, имел реальные проблемы из-за перенаселенности не столь уж обширных территорий.

Сухогруз можно превратить в пассажирское судно. О какой бы то ни было комфортности путешествия в данном случае говорить не приходилось, но главное – добраться до Кольского полуострова или хотя бы до Скандинавской Конфедерации.

Разумеется, Бойд отдавал себе отчет в том, что силами своего клана поставить на воду корабль, готовый принять на борт пару тысяч человек, не удастся. Слишком много нужно для этого сделать. И самое главное – нужно заменить бесполезный теперь реактор на дизель, способный вдохнуть жизнь в мощные электромоторы сухогруза.

Идея Шотландца состояла в другом – власть держится не только и не столько на силе. Люди готовы довериться тому, кто возьмет на себя ответственность решать за них. И пока эти решения устраивают большинство хотя бы отчасти, шанс удержать власть более чем реален. Пообещай человеку то, что ему понравится, дай ему надежду на лучшее, и тебя будут почитать, как любимого и желанного правителя.

Шотландец планировал завершить ремонт и переоборудование «Хайзинь» силами всего Анклава после того, как получит власть. «Морская звезда» станет одним из аргументов в его пользу, это несомненно.

– Мы очистили два трюма, – перечислял Оли, – левый борт отремонтирован практически полностью, в носовом трюме начат монтаж опор для перекрытий. Работы еще невпроворот, но уже видны подвижки.

Бойд подвижки видел и сам. Отчасти, вне всякого сомнения, постарался Оли, который тут всем заправлял – в угоду Шотландцу. Левый борт, торчащий сейчас немного выше правого, зачищен до блеска и почти готов к покраске. Правый борт только выравнивали – в первую очередь необходимо поднять корабль в вертикальное положение, а с минимумом техники сделать это очень сложно. Но работа, несмотря на трудности, двигалась. Когда придет время, будет что показать людям.

– Кто-нибудь интересовался работами? – спросил Бойд.

– Нет. Тут никого, кроме бомжей. Да и те – сплошные отморозки: Пустырь.

– Бомжи тоже, знаешь ли, разные бывают, – возразил Шотландец.

– Проверяли, – заверил его Оли. – Ты лучше посмотри, какую ботву они тут выращивают. На грядках лаборатории храмовников. Одно загляденье.

Оли захохотал. Видимо, выращенная бомжами «ботва» и на самом деле была какой-то

особенной.

– Где они обитают? – спросил Бойд.

– Вон там, – Оли показал рукой на восток, в сторону торчащего посреди развалин почти целого остова какого-то серого строения. От зданий остались только гладкие бетонные стены, совершенно без изысков, как, впрочем, все у храмовников. Ни крыши, ни оконных рам в пустых, словно бы обгрызенных проемах, не было. – За этими трущобами. Там внутри у них что-то вроде стойбища.

Только сейчас Бойд заметил едва видимый в легком тумане дымок, поднимавшийся из развалин здания.

Бойд неспешно пошел к бетонному остову. Бобби неотступно следовал за своим шефом, донимая пыхтением над самым ухом. На самом деле, Бойд отдавал себе в этом отчет, Бобби был отличным телохранителем и дело свое знал, как никто другой. Бизнес, которым руководил Шотландец, спокойным не назвал бы никто, но серьезных покушений на него не было ни одного. Это если не присматриваться к происшествиям. А присмотревшись, опытный глаз заметит, что если бы не слаженные действия нескольких бойцов, прикрывающих Бойда под чутким руководством увальня Бобби, Шотландец имел бы по меньшей мере с десяток веских поводов отправиться на аудиенцию к праотцам.

Когда Шотландец ступил в пробитую чем-то очень большим и тяжелым дыру, служившую здесь дверным проемом, бомжи, кучковавшиеся внутри, уже были готовы к приему высокого гостя. Особенно ретивым – таких почти и не было – отправленные Бобби вперед ребята успели преподать укороченный курс хороших манер.

– Здорово! – бодро выкрикнул Бойд.

– Привет, – глядя из-под густых, нависающих кустами бровей, проронил грязный и заросший, словно обезьяна, мужик.

Бомж сидел перед чахлым костром и сосредоточенно мешал что-то в черном, выдавшем и лучшие времена котле.

– Говорят, вы здесь какие-то чудеса выращиваете?

– Вон, походи посмотри. – Мужик, не отрывая глаз от котла, показал на такую же дыру, выходящую в сторону моря. – Там все и растет.

Бойд прошел через развалины, заглянув по пути в котел – в нем ничего сверхъестественного не было, просто варилась рыба.

На грядках и в самом деле творилось что-то невообразимое. Всевозможные цвета, всевозможные формы. Бойд даже не смог бы определить, к какому виду растений относится тот или иной экземпляр попанной храмовниками природы.

– Вы это едите? – с нескрываемой брезгливостью на лице спросил Шотландец, повернувшись к варившему уху мужику. Тот, судя по всему, был не то главным, не то просто самым общительным.

– Хех! – усмехнулся бомж. – Ты бы это есть стал?

– Нет, – честно признался Бойд.

– Ну так и мы ничем не хуже, – засмеялся бомж. – Это не для еды. Вон то, фиолетовое, – хорошие из него косяки получаются. Сеть без «балалайки» видеть начинаешь, как покуришь. Хочешь, отсыплю немного мутаборского зелья?

– Давай.

Бобби бросил на шефа косой взгляд. Бойд усмехнулся – ну, не собирается же он это курить-то.

– А что сажали?

– Что сажали, то и выросло, – объяснил бровастый мужик. – Семян тут много осталось, их и посадили.

«Ну и хорошо, – подумал Бойд. – Стало быть, слухи о колдовской силе земли храмовников сильно преувеличены».

– Тебя как зовут? – спросил Бойд, принимая от бомжа щепотку темного, сильно пахнущего даже на расстоянии порошка.

– Германом.
– Скажи, Герман, ты хотел бы уплыть отсюда?
– А куда плыть?
– В море, – сказал Шотландец, неопределенно взмахнув в сторону темных вод залива. – В другое место, где нет ни государств, ни Анклавов.

Герман усмехнулся и, махнув на Бойда рукой, ушел обратно к своему вареву.
– Такого не бывает, чтобы без государств и Анклавов. Это уже не жизнь, это туризм какой-то! – крикнул он от костра.

– Точно, туризм и есть, – пробормотал себе под нос Бойд и позвал Бобби, занявшего позицию со стороны моря: – Пошли, сегодня у нас еще куча дел.

Бомж Герман, живущий в развалинах, курящий какую-то мутаборскую дрянь – кстати, нужно отдать порошок умникам в «синдиновую» лабораторию, пускай изучают, – никуда плыть не хочет. Его все устраивает здесь? Вряд ли, здесь у него просто ничего нет, здесь нечего устраивать. Но его пугает неизвестность. Туризм... Отправляясь в туристическую поездку, всегда можно быть уверенным, что по истечении обещанного срока ты вернешься назад, в пусть и не самый уютный, но знакомый и родной дом. Где все обрыдло и осточертело, где каждая мелочь раздражает или даже пугает своим наличием. Но все это – известные тебе мелочи, известные страхи, от них всегда знаешь, куда спрятаться. Если спрятаться некуда, любому понятно, чем закончится дело.

А что там? За морем, в иных мирах. Никто не знает. И никто не узнает здесь еще долго – обратной дороги пока нет. Причина простая – слишком дорого шастать между мирами, да и дел там, поди, невпроворот.

Правильно ли он поступил, решив первым делом обнародовать тайну существования «выхода»? Или прав все-таки Мортенс, свято хранящий секрет, открытый ему москвичами? Да и с чего он, Бойд, может быть так уверен, что Мортенс вообще в курсе событий: запись встречи директора СБА с представителями корпорации «Науком» в сети никто не публиковал. Это лишь догадки.

И посоветоваться не с кем. Был Лохлан – профессор, голова. Он бы эту задачку в два счета расколол бы. Но Лохлан исчез.

Исчезновение рыжего до сих пор оставалось загадкой. Он ушел на очередную прогулку по значным местам Эдинбурга и не вернулся. Как ни странно, но именно в тот день никто не спросил, куда именно он отправляется. Профессор Флетт живо интересовался веяниями, царящими в обществе. Он изучал социопсихологию на живых моделях, многие из которых сам и создавал или как минимум находил.

Всегда Лохлан, уходя, сообщал место нынешних «полевых испытаний», как он называл свои прогулки. Всегда, но не в тот раз. Именно этот факт обнадеживал Бойда – если бы рыжий оказался чьим-нибудь агентом, выгоднее было бы указать место, где стоило бы искать его, подтасовав факты и создав ложное впечатление о, скажем, собственной трагической гибели. А найти гибель на улицах тех районов, куда обычно отправлялся Лохлан, можно запросто – Бойд не раз высказывал опасения, но профессор пропускал их мимо ушей.

Нет, его не убили – не было ни трупов, ни людей, видевших его мертвым. Никто не смог вспомнить, когда видел его в последний раз – Флетт бывал во многих местах, и найденные ребятами Бойда свидетели путались в датах и количествах встреч. Он просто исчез.словно испарился, влившись в задержавшийся этой осенью промозглый туман.

Рыжего не было с ними. Именно сейчас, когда помощь знатока процессов, порождающих движение масс, вызывающих у толпы совершенно четкие и понятные намерения, его не было. Но план, разработанный им, остался. Процент успеха в случае, если не появятся неизвестные переменные, Лохлан оценивал как семь к трем. Очень, черт возьми, высокие шансы.

– Поехали, – сказал Бойд, захлопнув тяжелую дверь «Дромадера». Настроение у него сделалось мрачным. – Давай начнем с Punkground.

Мортенс с постным выражением лица, без всякого интереса рассматривал окрестности сквозь пыльное тонированное стекло. Отсюда, со сто тридцатого этажа «Солнечной иглы», отлично просматривался красивый, построенный в стиле, объединяющем сверхсовременные технологии и архитектурные веяния с донжонами средневековых замков, небоскреб, до сих пор носящий имя Фадеев-тауэр. Башня Железного Рома заметно ниже «Иглы», и даже с не самой высокой точки штаб-квартиры эдинбургской СБА ее было видно отлично. Выше подниматься не разрешили инженеры – не гарантировали надежную работу лифтов. Падать с высоты около километра Мортенсу совсем не хотелось, поэтому на сто тридцатый этаж он согласился без долгих уговоров.

– Что там происходит? – спросил Мортенс майора из отдела внутренней безопасности, который руководил постом наблюдения, размещенным здесь еще два дня назад.

Майор колдовал с экраном компьютера, управляющего комплексом наблюдения. Сам комплекс увесистой металлической тумбой стоял, прислоненный к мутноватому стеклу. Окна давно не мыли, и это очень бросалось в глаза – когда все идет своим чередом, когда уборка происходит по расписанному на год вперед плану, чистоту не замечаешь. А грязь, которая, кажется, скопилась слишком быстро, начинала раздражать мгновенно.

– Утром монтировали какое-то оборудование на шпиле, сейчас снаружи никого нет. Особой активности в здании не отмечается. Точно могу сказать, что тянут провода. Много проводов.

– Фиксируйте все, что заметите.

– Так точно, – отозвался майор.

Люди в Фадеев-тауэре появились два дня назад.

Представители корпорации «Науком» прибыли на большом транспортном самолете собственного производства. Прибывшие и не пытались скрывать, что являются работниками московской корпорации – по обоим бортам белого, как снег горных вершин, джета тянулась крупная надпись, выведенная иссиня-черной краской: «Науком».

Койман, разумеется, рвал и метал. Он сидел в кабинете Мортенса еще до того, как науковцы успели добраться до Фадеев-тауэра.

– Какого черта, Морти?! – заорал он, едва появившись на пороге. – Ты уверял нас, что ваша хваленая новая сеть почти готова. Вы с Филгорном потратили чертову уйму денег, сеть как лежала, так и лежит, а эти московские прохвосты разъезжают по *моему* Анклаву, будто у себя дома!

– Мы – Анклав, – спокойно ответил Мортенс, вставая навстречу Пер-Андерсу. – У нас не закрытая зона. Представители «Наукома» – граждане Анклава, и согласно «Положению»...

– К черту «Положение»! Ты же... – от переизбытка чувств Койман поперхнулся, чем не преминул воспользоваться директор:

– Я бы не рекомендовал вам отправлять к черту «Положение об Анклавах». Каким бы ни был Эдинбург, но мы все еще Анклав. И *наш* Анклав просто обязан соответствовать «Положению», иначе политическая ситуация может поменяться: мы лишь точка на карте, а эмир Шотландии спит и видит Эдинбург своей территорией. Достаточно другим Анклавам объявить, что мы отказались от «Положения», и Эдинбург формально перестанет быть Анклавом. Со всеми вытекающими...

– Ты меня еще поучи, щенок! – рявкнул Койман.

Мортенс молча проглотил оскорбление, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он знал, осталось недолго, какой-нибудь месяц или полтора, и Пер-Андерс со своими друзьями заговорит совсем другим тоном. Но именно поэтому москвичи, прибывшие в Эдинбург, беспокоили его намного больше, чем Коймана.

Что терять верхолазам? Какие такие секреты хранят они в сети Анклава, что так

настойчиво противятся подключению к новому стандарту сети, предложенному корпорацией «Науком»? Скорее их реакция была ответом на тщательно продуманную и отлично сыгранную им вместе с Филгорном игру. И Мейер тоже неплохо подыграл, правда, даже не подозревая, что участвует в каком-то действе. Мортенсу удалось убедить верхолазов в том, что СБА верить можно, а москвичам – нет.

– «В Анклавах действуют законы, установленные настоящим Положением, а также внутренние правила, выработанные корпорациями», – процитировал Койман, тщательно выговаривая слова, как студент на зачете по обществоведению Анклавов.

Напоминать Мортенсу содержание «Положений» нужды не было, он знал их не хуже Пер-Андерса. Может быть, и лучше, хотя, скорее всего, верхолаз намеренно не закончил фразу, написанную в одном из основных параграфов единственного действующего на территории Анклавов закона. «Совместно с СБА», – добавил про себя Мортенс. Когда наступит нужный момент, он обязательно напомнит об этой неточности Пер-Андерсу вслух. Очень громко и отчетливо, чтобы он запомнил это раз и навсегда: «Совместно с СБА»! А СБА здесь, черт возьми, это он – Мортенс!

– Дело в том, – вместо продолжения спора о «Положении» сказал директор, – что «Науком» такая же корпорация как, скажем, «МегаСофт» или «Лира-дельта». Согласно «Положению», расположение штаб-квартир названных корпораций в Эдинбурге не дает им никакого преимущества на его территории. Кроме того, это еще полбеда – у нас связаны руки.

– Сделай так, чтобы эти уроды убрались отсюда, – прошипел Койман, выпустив в сторону директора клубы сизого дыма.

«Да уж, скрывать ему явно есть что», – поморщившись от едкого сигарного дыма, не без удовольствия отметил Мортенс. Удовольствие пока было чисто платоническим, но когда код Филгорна заработает в полную силу, а команда, подготовленная Пракашем, войдет во владения верхолазов, тогда старому хрычу Пер-Андерсу беспокоиться будет не о чем – все его тайны станут известны Мортенсу не хуже собственных. Тогда его тайны перестанут быть интересны даже ему самому.

Самое странное, но Мортенс прекрасно понимал, что москвичам, вероятно, тайны Коймана абсолютно неинтересны. С их потенциалом этими тайнами можно разве что подтереться. Но этого не понимал Койман. Или понимал, но все равно так сильно боялся проверить это, что собственноручно рыл себе могилу, отстегивая деньги и выделяя ресурсы на проект СБА.

– Я не могу. СБА корпорациям не указ, – Мортенс постарался наполнить последнюю фразу ядом до краев. Судя по тому, что Койман, уже прицелившись выстрелить очередную порцию зловонного сигарного смрада в лицо Мортенсу, резко отвернулся и выпустил дым в пол, у него это получилось. – Фадеев-тауэр официально принадлежит *корпорации* «Науком», и я никак не могу отказать москвичам в праве пользоваться своей собственностью.

– Отключи им электроснабжение, в конце концов! Сделай что-нибудь!

Мортенс усмехнулся – Койман в пылу возмущения забыл о простой вещи. Той самой, что перевернула этот мир год назад.

– Фадеев-тауэр отключен от общего электроснабжения. Оно им не нужно. У них есть Станция, помните?

– Ну и что?

– Новая энергия.

– Но они монтируют там свое оборудование!

– А вы устанавливаете у себя программы собственного производства – что с того? Поймите, Пер-Андерс, в данной ситуации мы оказались в качестве жертв зыбучего песка – чем больше будем трепыхаться, тем глубже увязнем.

– Ты предлагаешь сидеть сложа руки? – Тон Коймана опустился вниз как минимум на октаву.

– Я предлагаю соблюдать «Положение об Анклавах». Только и всего. В конце концов,

смонтированное на крыше Фадеев-тауэра оборудование не сможет обеспечить устойчивый сигнал на территории всего Эдинбурга. А чтобы продолжить работы, москвичам в любом случае потребуется получить разрешение администрации Анклава. То есть у меня.

Койман хмыкнул. Мортенс сделал вид, что не заметил реакции верхолаза.

– Потом им необходимо начать продажу своего оборудования и набрать достаточное количество пользователей сети.

– Их сеть поддерживает все гаджеты старого образца, – напомнил Койман.

– У них нет никакой сети в Эдинбурге, – вздохнув, сказал Мортенс. – Мы ведь даже не знаем, что они там у себя монтируют. С чего вы взяли, что это обязательно сетевое оборудование?

– Ты издеваешься?

Койман посмотрел на директора СБА, не поднимая головы, исподлобья, и затушил сигару о подлокотник дорогого кожаного кресла.

– Нет. Просто рассуждаю.

– Не пошел бы ты со своими рассуждениями? – бросил Пер-Андерс и, резко поднявшись на ноги, стремительно вышел из кабинета Мортенса.

Директор улыбнулся. Впервые с момента появления здесь верхолаза. Мог ли Койман сместить Мортенса с поста директора? Мог. Так думал сам Койман. И это замечательно, что он так думает.

У верхолазов на самом деле была власть. С момента создания Службы Безопасности Анклавов директоров филиалов назначал президент СБА – недавно объявившийся Ник Моратти. Сегодня на Ника все, включая самого Мортенса, в общем-то, плевать хотели. Но процедуру назначения директора никто до сих пор не поменял. Понятно, что верхолазы могли самостоятельно решить, кому следует сидеть в кресле директора СБА, который на сегодня выполнял стандартные обязанности мэра, заодно с удовольствием руководил всеми силовыми структурами вверенного ему Анклава. Но СБА – это не просто название. Это люди, которые сегодня на стороне Мортенса. Безы подчиняются именно ему, и ни Койману, ни остальным хозяевам корпораций быстро уговорить их подчиняться кому-то другому, поставленному на пост директора без соответствующего распоряжения из Цюриха, не удастся.

Так что, возможно, сейчас как раз тот самый момент, когда с Моратти стоит дружить. И вспомнить, что он – Президент всесильной СБА. Хотя бы на несколько месяцев. Если уж приходится под кого-то подстелиться, отчего бы не выбрать более удобную кандидатуру. Ту, что точно не придавит, и сбросить которую потом будет легче. Пускай Койман воюет с Моратти, тем более что Ник собрался прибыть в Эдинбург лично. А что нужно делать в этот момент Мортенсу? Да особо ничего – не позволить Койману договориться с Моратти, иначе двоих одолеть не получится.

Мортенс сигналом с «балалайки» включил большой черный коммуникатор, висящий на стене в обрамлении древнего оружия. Канал «Евроныйус».

«...по сообщениям официального Эль-Парижа, до введения в эксплуатацию нового сетевого формата, предложенного корпорацией «Науком», осталось ровно две недели. Новая технология протестирована в лабораториях Университета имени Поля Сабатье в Тулузе и показала отличные результаты. Новый формат практически на порядок превысил по качеству сигнала, уровню безопасности и пропускной способности возможности существовавшей прежде системы. Однако, согласно отчетам представительства корпорации «Науком», в Эль-Париже продажи индивидуальных чипов подключения к сети нового образца остаются на довольно низком уровне. Менеджеры корпорации не оставляют надежд на значительное повышение интереса к их продукции после того, как новый сетевой формат, который уже окрестили сетью «Науком», начнет функционировать.

Следующим этапом сотрудничества, как сообщают официальные власти, должна стать безвозмездная передача в пользование Европейскому Исламскому Союзу ста тераватт Новой энергии для обеспечения полноценного функционирования всех систем

новой сети московской корпорации. Премьер-министр заявил, что рассматривает перспективу более широкого сотрудничества с корпорацией «Науком» как вполне вероятную.

Вместе с тем не прекращаются волнения на территории Швейцарского конфедерата, входящего в состав Баварского султаната. Швейцария, будучи отрезанной от основных источников электроснабжения, сильно пострадала от возобновившейся вулканической активности в районе Альп. Официальный Эль-Париж уже неоднократно выражал свою озабоченность ситуацией в регионе и заявил, что приложит все усилия, чтобы не допустить повторения там гуманитарной катастрофы. Премьер-министр заявил также, что планирует поднять вопрос помощи Швейцарии на очередном раунде переговоров с представителями корпорации «Науком», любезно согласившимися... »

Клоуны, мать их! О переговорах правительства Европейского Исламского Союза с представителями корпорации – подумать только: с представителями, даже не с самим руководством! – говорят на центральном новостном канале Европы, как о политическом событии первой величины. Прямо синдром заложника какой-то. Скоро, не ровен час, европейцы начнут жалеть «Науком», что еще не все согласились принять его помощь. Якобы безвозмездную.

Бесплатные товары – наркотик похлеще «синдина». Единожды став на путь получения даров, сойти с него очень трудно. Всегда можно сказать себе, что это в последний раз, что никому не будет хуже, если я возьму еще чуть-чуть. Хуже не будет никому, кроме тебя самого. В этом Мортенс был уверен на сто процентов. Постепенно – не сразу, только дурак открывает все карты на первом же ходу – решать тоже будут за тебя. Ты сделаешься ненужным, только будешь тешить свое самолюбие названием ничего не значащего поста, на котором тебе, конечно же, милостиво разрешат остаться.

Нет, в том, что отдаваться москвичам на милость нельзя, Койман, разумеется, прав.

Мортенс мерил шагами кабинет – от окна к двери и обратно, – невидящим взглядом сверля коммуникатор, на экране которого отображались страшные кадры бредущих голодных и ободранных, едва живых беженцев из зоны радиоактивного заражения в районе Женевы. Это была рубрика «No comments», на фоне подобных кадров любые слова на самом деле были бы лишними.

А если все-таки попытаться? Если разрешить «Науком» начать монтаж оборудования хотя бы в пределах Даун Тауна? Что теряет лично он, Мортенс?

В Ньюингтоне сеть работает и без москвичей. Старого образца – пока еще старого, напомнил себе Мортенс, – но ведь работает. Каким таким великим подарком будет локальный участок с покрытием сигналом «Науком»? Никаким. Скорее это будет экспериментом, рекламной кампанией, не более того. И это станет прикрытием, подушкой безопасности, в которую можно будет сразу уткнуться, если что. А это самое «если что» могло произойти в любой момент.

Или не стоит изменять своим принципам?

Но Моратти... И Койман воду мутит – сколько Мортенс занимал пост директора эдинбургского филиала СБА, столько верхолаз выражал недовольство действиями безов. Просто у него такой стиль общения, это тоже нужно учитывать.

Верхолазы содержат СБА и, в сущности, весь Анклав. Так было раньше. Так, если не присматриваться, происходит и сейчас. Но договариваться с верхолазами лично еще хуже, чем с «Наукомом» как со структурой, – Мортенс хорошо усвоил урок, который Моратти преподал Макферсону, решившему, что он, будучи под покровительством корпораций и их лидеров, может иметь собственные интересы, идущие вразрез с интересами СБА.

И Койман и Моратти, словно сговорившись, готовы на все, лишь бы не пустить в Эдинбург «Науком». А сам Мортенс – сам он чего ждет от прихода москвичей? Раньше, пару месяцев назад, директор эдинбургской СБА мог однозначно сказать, что на самом деле он совершенно натурально боится пустить «Науком» в свой дом. Сейчас он уже в этом не был так сильно уверен.

– Фредрик, – Мортенс вызвал через «балалайку» заместителя по связям с общественностью, – свяжитесь с Фадеев-тауэр и узнайте у них... да, прямым текстом – узнайте у них, что они задумали. Скажите, что мы готовы выслушать любые предложения корпорации «Науком». Да, любые.

Мортенс усиленно тер ладонью правой руки сжатую в кулак левую. Он так делал всегда, когда чувствовал приближение большой игры.

– Нет, Фредрик, одну секундочку. Скажите, что я готов их выслушать. Только я, директор СБА, сделайте на этом акцент.

«Интересно, – подумал Мортенс после того, как оборвал сеанс связи, – Минин рассказывает обо всех моих поручениях Койману или нет?»

* * *

Нужно было спешить. Очень нужно, Лохлан чувствовал это всем своим нутром. Но бежать, не разбирая дороги, не имело ни малейшего смысла. Необходимо остановиться, подождать, пока в голове уляжется гул, который порождали странные бессмысленные слова, прочитанные им на мятном клочке бумаги.

Книга принадлежала храмовникам, это понятно. Вернее, она не только принадлежала людям храма Истинной Эволюции, она сама была порождением храма, в ней собраны тайны храмовников, их секретные знания. Возможно, то, что делало истинную эволюцию Истинной Эволюцией. Поэтому книгу нужно вернуть.

Вопрос – кому? На этот вопрос Лохлан знал совершенно точный ответ: сначала себе, а дальнейшее движение книги будет ясно после того, как он сможет четко понять, что это за книга и, самое главное, что внутри ее.

Амулет на красном шнурке. Веицица вудуистов. Очень уж надуманное предположение, что книгу купили негры. Если купили именно они, для чего тогда им понадобилось нападать на него?

Он не знал, не помнил. Но ведь что-то происходило, и это что-то было очень важным. Если бы вспомнить. Но нет – только отрывки, какие-то непонятные тени, танцующие таинственный танец на стенах. И только одно мгновение, прорывающееся из черноты беспомыслия ярким мегаваттным лучом.

...красные смеющиеся глаза. Маленькая деревянная фигурка, подвешенная на красном шнурке, – обычная кукла, амулет, игрушка, а глаза почему-то казались живыми. Они словно подмигивали Лохлану.

– Давай попробуем еще раз, – произнес голос, который доносился откуда-то из-за смеющейся рожицы. – От кого ты получал заказы?

Голос казался знакомым и привычным, словно Лохлан слышал его каждый день по нескольку раз. Но что-то в нем было не так: то ли тембр, то ли властные, не терпящие возражения интонации, то ли вопросы, которые голос задавал.

– Ты меня слышал?

– Да! – выпалил Лохлан.

Странное дело – его никто не бил, к нему вообще не прикасались, но каждый раз, когда этот голос задавал свои непонятные вопросы, у Флетта возникало острое желание умереть. Или, как альтернатива, – ответить. Одна беда: что отвечать, он не знал.

– Хватит строить из себя недоумка, потерявшего память. Я давно раскусил тебя, Лохлан Флетт. Или тебя зовут как-то иначе? Лохлус Флинг, например? От кого ты получал заказы?!

И снова какая-то неведомая сила будто бы пытается вывернуть его наизнанку. Это не больно, это... невыносимо.

Деревянная фигурка с живыми глазами исчезла из поля зрения, уступив место насупленной физиономии какого-то мужчины. Светлые, вероятно, с проседью волосы, свисающие по бокам пухлых щек, скошенный подбородок, немного вздернутый нос. Лицо

знакомое, но кто это? И выражение лица – насмешливое и злое, оно светилось смесью этих чувств: злорадством.

Лохлан задумался о вопросе. Он не знал точного ответа, но было несложно догадаться.

– От разных людей, – сказал Флетт.

– Для чего ты убивал?

Хороший вопрос! Значит, он еще кого-то и убивал. Но белобрысый толстячок не казался напуганным разговором с убийцей. Может быть, все дело в том ощущении, что возникало всякий раз после того, как Лохлан отказывался отвечать? Мужик чувствовал себя хозяином положения, он был уверен в собственной неуязвимости.

И он, черт возьми, был прав!

– Чтобы заработать? – Ответ прозвучал жалко: он не говорил, а интересовался, не ошибся ли с вариантом.

– Но ты же сам рассказывал, что помогаешь уничтожить какой-то заговор! – вдруг заорал мужчина.

Блондин начинал нервничать. Лохлан, напротив, оставался предельно спокойным, и это даже несколько удивляло. В подобной ситуации любой нормальный человек не то чтобы нервничал, в штаны бы не постеснялся наложить. Вот Элиот рассказывал...

Конечно же! Белобрысый тип и есть Элиот Каннингем. Только почему-то он из безобидного и веселого толстячка превратился в злобного изверга. И этот его красный индюрок... Лохлан вспомнил, что уже видел его у Элиота однажды. В тот раз это не показалось ему чем-то из ряда вон.

– Где твой нож? – орал Элиот.

Каннингем разошелся не на шутку. Слюна брызгала изо рта, попадая на лицо Лохлана. Флетт подумал, что это неприятно, но вытереть маленькие капельки влаги из чужого рта не удалось, хотя руки не были связаны. Он их отлично видел – руки лежали на коленях и даже не думали пошевелиться, чтобы утереть заплеванное лицо. Что-то здесь происходило не так, как должно. Это походило на сон, на какой-то бред сумасшедшего. Только, похоже, происходило все на самом деле.

Что же ему ответить? И о каком ноже Элиот говорит?

На самом деле размышлять Лохлану было очень сложно – после каждого вопроса, на который он не знал ответа, то чувство, что выворачивало мозги наизнанку, только усиливалось, да и мысли никак не хотели складываться, то и дело натываясь на черные пропасти беспомощности.

– Остался на Пустыре, – Лохлан не знал, что говорит правду.

– Это я и хотел от тебя услышать, – немного успокоившись, сказал Элиот. – Ты храмовник?

Если бы было чем, Флетт поперхнулся бы.

– С чего ты взял?

– Но ведь это продавал ты?

В руках Каннингема появился черный прямоугольник. Никаких надписей, немного ребристая, непроницаемо-черная поверхность.

Лохлан не помнил, чтобы что-нибудь продавал. Но не исключал такой возможности.

– Что это? – задал он вопрос.

– Ты спрашиваешь у меня?

Элиот опустил вниз левую руку, в правой продолжая держать черный прямоугольник, и Лохлана снова пронзило жуткое ощущение отчаяния.

– Мне бы хотелось, чтобы ты рассказал, что продал нам. Теперь эта книга у нас, но подобные фолианты бесполезны, если не знаешь, как ими пользоваться. Ты же мне расскажешь, а, Лохлан?

С этими словами Каннингем еще несколько раз резко ткнул во что-то, лежащее на столе прямо перед ним, и Флетт понял, что конец уже близок. Нет, его не убьют. Он сам

перестанет жить – уж очень не хотелось продолжать этот бессмысленный процесс, так и так ведущий к смерти.

– Что здесь написано?!

С этими словами Элиот сделал короткое движение, и черный прямоугольник раскрылся, оказавшись книгой. Старинной бумажной книгой, поверхность чуть желтоватых листов которой усеивали мелкие черные буквы, складывающиеся в странные, но кажущиеся очень правильными, слова:

«*Avva tarda avva, ciar...*»

Губы медленно шевелятся, говорить получается медленно и с трудом, но с каждым словом процесс идет все легче.

«*...respon nisben halp yer riger...*»

Сквозь пелену, которую всего мгновение назад Лохлан даже не замечал, медленно проступают очертания какой-то темной комнаты, скорее всего – подвала. Единственный источник света – это воткнутый в зажим на стене потрескивающий факел.

«*...ver vuesuc sol gi droit...*»

Взгляд падает на стол, который стоит перед Элиотом. На серой пластиковой поверхности лежит грубо сработанная тряпичная кукла, из ее туловища, словно из поролоновой подушечки, торчат несколько иголок. Где-то на задворках сознания возникает понимание, что это такое – кукла колдунов Вуду.

«*...hermon franbur usb da ghiser...*»

Элиот – хунган Вуду?! Вряд ли. Скорее простой наемник. Или рядовой служитель культа, посланный следить за Лохланом. Куклу наверняка смастерил не он, ему ее просто дали и рассказали, что с ней делать. Именно эта кукла и является причиной странного тягостного чувства, которое уговаривает Флетта закончить химический эксперимент под названием жизнь.

«*...vaildea fuen fex, hemder trop ti ar biarsem...*»

Рука поднимается... Да, он снова может шевелить руками. Морок, что лучшие любых пут держал его тело, внезапно исчезает. Его больше ничто не держит, он снова хозяин себе. Рука поднимается и смахивает на пол куклу, утыканную иголками. Теперь это именно кукла, ничего больше. Эта дрянь больше не властна над Лохланом.

«*...pesil plecon nagir veks...*»

Глаза Элиота округляются, в них застыл ужас. Он не пытается ничего сделать, бороться с той силой, что прет из Лохлана в данный момент, бессмысленно. Сам Лохлан слышит, как неверные черные тени, дергающиеся в такт нервной пляске пламени на стене, тихо скулят – духи Лоа не могут ничего сделать с адептом другой Традиции. Они боятся, Традиция, которая породила Слова, слетающие с губ Лохлана, намного сильнее их. Они знают, что проиграли.

«*...gul rileer, gul dias...*»

Каннингем, вне всякого сомнения, понял свою ошибку, его руки, держащие раскрытую книгу, дергаются в попытке захлопнуть источник чужой силы, лишить Лохлана доступа к Слову. Но ничего не выходит, лишь правая рука в размеренном темпе переворачивает страницы. Уже скоро, осталось недолго.

«*...cam bal isgo, quelfe vio, wornul duel, calur ex...*»

Духи Лоа, приведенные в этот подвал хунганами, взвизгнули и заткнулись. Теперь – навсегда.

Лохлан пришел в себя всего на одно мгновение. Через несколько секунд после того, как все закончилось. Обмякшее тело Элиота тяжелой тушей болталось на красном шнурке, который из всех сил тянули в стороны руки Флетта. Каннингем был мертв – глаза вылезли из орбит, словно он собирался стать прелатом храма Истинной Эволюции в самом скором будущем, а язык, заливая грязную куртку слюной, вывалился из рта.

Лохлан, вскрикнув от неожиданности, отпустил шнурок, и тело толстяка с глухим стуком рухнуло на каменный пол. Нужно выбираться отсюда. И поскорей. Дверь была

рядом с факелом, скорее всего она ведет вверх, на улицы Эдинбурга.

Флетт поднял руку и посмотрел на вещицу, зажатую в ладони. В красных смеющихся глазах больше не было жизни. Обычные капли краски, никакой мистики. Только корявая тень, падающая на противоположную стену, медленно...

И снова чернота забвения.

Ясно, что вудуисты знали что-то о нем, о Лохлане Флетте, чего сам он о себе не знал.

Стало быть, он не простой гражданин Анклава Эдинбурга, проживающий в Лейте? Кто же он тогда, черт вас всех возьми?!

Ответа не было. Был только бессмысленный набор букв, складывающийся в ничего не значащие фразы. Что-то внутри подсказывало, что именно среди этих фраз и кроется правильное решение. Одна беда – никак не удавалось найти нужную.

Навстречу Лохлану по улице бежала женщина. Почти летела – ее ноги едва успевали касаться асфальта. Она кричала что-то, но слов ее было не разобрать, потому что душераздирающий вопль сливался в монотонный клокочущий гул. Ее никто не преследовал, вообще в коротком переулке, кроме Лохлана и этой женщины, никого не было. Что с ней случилось, что привело в такое состояние?

Флетт попытался остановить бегущую, но едва не получил сотрясение мозга, сбитый на землю – до высокого бетонного бордюра его голова не долетела всего несколько сантиметров.

– Держи ее, чтоб тебя!

Из-за угла появился мужчина – все-таки за женщиной гнались. Человек не был похож на убийцу. Выражение его лица было скорее озабоченным, а не злобным.

– Что ж ты так?! – посетовал он, пробегая мимо Лохлана.

– Что случилось? – крикнул ему вдогонку Флетт.

– Мы пытались выбраться из этого бардака, – мужчина на секунду задержался, – а она побежала. Она больна, у нее... – он покрутил рукой у виска. – Она ничего не понимает, не видит, что происходит.

Он исчез за следующим поворотом, но еще некоторое время оттуда доносились вопли безумной женщины.

А кто понимает? Возможно, только он, Лохлан, да еще эта сумасшедшая не могут постигнуть сути происходящего, но отчего-то Флетту казалось, что это не так. Каждый видит свое, каждый хочет найти в ситуации собственную выгоду. Но есть ли она, эта выгода?

Странное, непонятно, на чем основанное чувство предрешенности событий зародилось внутри Лохлана. Кому-то выгоден бардак, происходящий на улицах. Кто-то жаждет увидеть, как безам надоеет заливать кварталы «слезогонкой», и они возьмутся за гашетки «ревунов» и «смерчей». Другие делают все, чтобы этого не случилось.

Но ведь все – и те, кто заварил эту кашу, и те, кто ее теперь расхлебывает, – понимают, что ничего не происходит просто так. Но они возлагают ответственность не на того, кто ее должен нести. Никто не знает истинных причин, истинных побуждений, истинного замысла...

С чего бы такие мысли? Может быть, он ударился головой сильнее, чем показалось сначала?

Лохлан оцупал затылок. Рука наткнулась на узкую жесткую полоску гнезда «балалайки», пересекающую затылок. Нет, там все цело, крови нет.

Нужно идти. Необходимо искать – способность искать есть главная прерогатива жизни. Жизнь – процесс, а для продолжения процесса постоянно требуются новые комплектующие. Их необходимо где-то добыть. Кто ищет, тот выигрывает. Даже если нашел не то, что планировал.

Только отчего гложет какое-то непонятное чувство вины? Почему так хочется обвинить себя в том, что происходит вокруг? Оттого что забвение не снимает ответственности?

*Возможно, в черной книге найдется ответ и на этот вопрос.
Нужно двигаться. Первый пункт маршрута известен – храм духа Легбы в Punkground.*

Глава пятая

Сейчас

1

– Итак, – Койман сложил руки на груди и откинулся в кресле, готовый слушать долгий рассказ.

Бойд глубоко вздохнул и поправил немного перекосившийся килт. Его взгляд произвольно фиксировал все, что происходило вокруг. И всех – рассмотрев публику повнимательней, Шотландец внезапно почувствовал себя ряженым клоуном. Не нужно было надевать килт, не в этот раз. В этой компании он выглядел смешно в своей клетчатой юбке. Только никто из одетых очень просто, хотя и довольно дорого, верхолазов не смеялся. Один лишь Мортенс был облачен в идеально сидящий на нем темно-серый костюм и настоящую французскую сорочку нежно-розового цвета. Правда, галстук, который, по всей видимости, присутствовал с утра на шее хозяина, мертвой змеей болтался на спинке высокого антикварного стула, стоявшего во главе стола со стороны окна.

– Господин Койман, – кивнул Бойд, приветствуя собравшихся, – господа, директор Мортенс...

Черт возьми, как же тяжело начать. Речь, заготовленная больше месяца назад, много раз правленная Лохланом Флеттом, заученная наизусть и загруженная в «балалайку», откуда прямо сейчас транслировалась на глазной наноэкран, теперь казалась какой-то глупой, очень пафосной и малоосмысленной. Опять Лохлан! Куда ни глянь, за что ни возьмись в этой операции, везде можно найти следы профессора Флетта. Того самого, который исчез около месяца назад.

Того самого, напомнил себе Бойд, которого он видел всего несколько минут назад на Лейт-стрит. Того самого, что прыснул чем-то ему в лицо.

Или все же это был не Лохлан – мало ли рыжих людей в Эдинбурге?

Не о том он думает. Верхолазы ждут, Мортенс ждет, ждет его клан.

И все же, что делать с речью? Бойд упер указательный палец в гладкую полированную столешницу и резко прочертил полосу по направлению вниз. Текст, полупрозрачными буквами маячивший перед глазами, прокрутился до самого конца и замер на последней фразе. Это как раз то, что нужно, а подробности вполне можно опустить.

– С этого момента власть в Анклаве берет на себя клан Бойд под моим личным управлением. Хочу заверить всех собравшихся здесь уважаемых людей, что мы всецело открыты и готовы к плодотворному сотрудничеству.

– Бойд, я тебя умоляю, заканчивай этот фарс, – Мортенс закатил глаза и сморщил губы, стараясь максимально правдоподобно изобразить на лице гримасу усталости и безразличия к происходящему. – Ну какие у тебя могут быть аргументы?

Об аргументах Мортенс прекрасно знал. Именно поэтому Бойд вообще находился здесь.

– Все аргументы мои люди вам уже предъявили, – не поворачивая головы в сторону директора, сказал Шотландец.

– Прекрати, Морти! – прокудахтал Койман и обратился к Бойду: – Это вся ваша политическая программа: «Мы всецело открыты и готовы к плодотворному сотрудничеству»?

Взгляд верхолаза выражал искреннее недоумение. Он был прав – если уж Бойд заварил эту кашу, люди, на которых держался Анклав, хотели услышать конкретные предложения. И не важно, что сейчас сеть Эдинбурга была в руках Лисы – не все, но многие из сидящих за

длинным, поблескивающим полировкой столом верхолазов имели свои контраргументы в разговоре с наглецом, осмелившимся бросить вызов их миру. Во власти Лисы были все производства Анклава, все транзакции и вся документация. Информационная составляющая Анклава – то есть его основной ресурс – были в руках машиниста Бойда. Но так не могло продолжаться вечно: рано или поздно Лису найдут, работу сети восстановят. Разумеется, ломщица поменяла коды управления производствами в Thunderhall, но все остальное вернется к своим исконным хозяевам.

И самое главное – это объяснил Бойду все тот же профессор Флетт, – верхолазы были хозяевами мира прежде всего в головах людей. Для того чтобы отобрать у них власть, в первую очередь нужно, чтобы в возможность этого поверили те, над кем эта власть осуществлялась. Инерция мышления общества – вот главная проблема любой революции. Мало перевернуть мир, нужно, чтобы новое положение вещей приняло большинство.

– Разумеется, нет, – Бойд старался придать голосу бодрость и уверенность, но получалось, похоже, плохо.

– Тогда что же? Фабрики рабочим, землю крестьянам, так, что ли? – поинтересовался Койман. Послышались смешки. – Такое уже бывало раньше. В государствах. В каком положении оказалось большинство государств последние три четверти века, полагаю, объяснять не нужно.

А чего, собственно, он хотел? В той речи, что он пролистал до самого конца, было много слов и не очень много смысла. Общие фразы, как обычно у политиков. Но чего хотел он сам, лично Бойд? Власти, которой обладал Мортенс? Чем тогда он отличается от него, и с чего бы верхолазам менять опытного и известного им Мортенса на непонятного бандита Бойда? Совершенно никакого повода для этого не было. Тогда зачем он вообще пришел сюда?

Бойд стиснул зубы, так что скрип услышали те, кто сидел рядом с ним. «Нужно взять себя в руки. Или – встать и уйти».

– Мои люди владеют сетью Анклава, коды запуска производств в Thunderhall, разумеется, изменены. В случае, если...

Бойд обратил внимание на внезапно широко открывшиеся в удивлении глаза Коймана, а со стороны стола приглушенным шепотом кто-то спросил: «Какие еще коды?» Судя по всему, о кодировке основных производственных мощностей Анклава знали не все верхолазы – и среди богачей имелись свои нищие и изгои. С лица Мортенса мгновенно сошла улыбка.

– Да, мы в курсе *всех* тайн Анклава. Это *наши* Анклав, но мы не бандиты. Нам нужно, чтобы вы это понимали: мы хотим договориться, – объяснил Бойд. – Так вот: если нам не удастся договориться, производства будут остановлены, и кодов вы не узнаете. Или вы полагали, что я пришел без страховки?

– Люди слабы, – заметил Койман и усмехнулся.

Понятно, куда он клонит.

– Вы ошибаетесь, господин Койман, – возразил Бойд. – Я могу отвечать за своих людей – кодов вы не узнаете.

– В конце концов, – вставил свое слово Мортенс, – есть другие средства...

Койман бросил на директора СБА недобрый взгляд, остальные верхолазы с интересом в глазах приготовились слушать объяснения Мортенса. Но Бойд не дал ему договорить:

– Вы готовы отключить сеть и начать загрузку заново? Потеряв всю информацию с серверов?

Шотландец не разбирался глубоко в премудростях Цифры, но Лиса, перед тем как отбыть в Punkground, тщательно проинструктировала шефа. Что говорить, когда говорить. И вообще – что, собственно, она собирается сделать.

Мортенс прикусил верхними зубами нижнюю губу – потерять данные он готов не был. «И дело здесь, – подумал Бойд, – не только в проблемах, связанных с производством. Мортенс явно имел в сети собственные секреты, которые, возможно, тоже планировал использовать против верхолазов».

– Чего вы хотите? – спросил Койман. Лицо Мортенса побледнело.

Наконец они перешли к делу.

– Я хочу управлять Анклавом, – честно сообщил Бойд. К чему юлить и ходить вокруг да около?

Кто-то из сидящих за столом нервно засмеялся, после чего воцарилась гробовая тишина. Один лишь Мортенс, повернувшись к окну, не обращал на происходящее в зале внимания. Он слушал того, кто разговаривал с ним по «балалайке». Директор кивнул, скорее всего потому, что согласился с собеседником, хотя так и не произнес ни слова. Прошуршав каблуками о каменный пол, Мортенс повернулся и без малейшей задержки спросил:

– А вы, простите, как собираетесь управлять? У вас, Бойд, есть какие-то реальные силы, знания и опыт? Расскажите нам. Нам это очень интересно.

– Вам рассказать историю моей жизни с самого начала, чтобы вы могли оценить мой опыт, господин Мортенс? – резко спросил Бойд. – Или все-таки достаточно привести аргументы в мою пользу?

Мортенс открыл было рот, чтобы ответить, но Бойд не дал ему этого сделать, добавив к сказанному, словно вбивая последний гвоздь в крышку гроба карьеры директора эдинбургской СБА:

– Против ваших?

– Нам нужны гарантии, – подал голос Койман. – И, в любом случае, хотелось бы услышать, что вы намерены делать, заняв пост главы администрации Анклава.

– Посмотрите на улицу, – сказал Бойд, и несколько верхолазов, имен которых он не знал, машинально повернули головы в сторону окна. – Вы можете удержать людей? Прекратить этот бунт, который господину Мортенсу вряд ли уже удастся остановить даже с помощью оружия?

Мортенс, лицо которого снова замерло, а губы медленно шевелились, произнося не слышные никому слова, вдруг сорвал болтающийся на спинке стула галстук и, намотав оба его конца на кулаки, резко дернул. Галстук явственно затрещал, но выдержал натиск.

– Ты хочешь сказать, Шотландец, что можешь остановить бунт? – прищурившись и наступая на собеседника, спросил Мортенс. Галстук продолжал трещать в руках директора, на его скулах очень заметно играли желваки.

Мортенс нервничал. Очень сильно нервничал. Он потел – на его дорогой сорочке проступили темные пятна пота – и сбивался, обращаясь к Бойду то на «ты», то на «вы». Не говоря уже о трещащем по швам галстуке, которым он как будто вознамерился задушить своего оппонента.

Но еще он откровенно тянул время. Бойд заподозрил это сразу после того, как заметил, что Мортенс разговаривает с кем-то по «балалайке». И звонили ему не единожды. Что же он затевает? Его машинисты нашли подступы к подмявшему под себя всю сеть Анклава ломщику? Но Лиса молчит, она наверняка почувствовала бы неладное. Для чего тогда Мортенс не дает Бойду закончить разговор с Койманом и остальными верхолазами?

– Господа, – обратился Шотландец к сидящим вокруг овального стола верхолазам. Наверное, сейчас самым лучшим было просто игнорировать нападки Мортенса. – Вы видите, что СБА не справляется со своими прямыми обязанностями: ни о какой безопасности в границах Анклава нет и речи, на караваны Анклава, которые сопровождают хорошо вооруженные конвои СБА, регулярно совершаются *успешные* нападения на дорогах эмирата Шотландия. Даже корпоративные территории подвергаются сегодня атакам готовых на все бунтовщиков, которых блокпосты Службы Безопасности скоро не смогут сдерживать. Только слепой не способен увидеть кризис, разразившийся в Службе Безопасности, которая больше не в силах обеспечить безопасность никому. Даже себе самой.

«Я прямо предвыборную кампанию развернул здесь», – подумал Бойд. Койман, задумавшись на пару секунд, пожал плечами. Мортенс, бросив наконец на стол истерзанный галстук, издал какой-то нечленораздельный звук и резко дернул указательным пальцем правой руки – ему на «балалайку» снова поступил вызов.

– Потому что сейчас на верхних этажах «Солнечной иглы» идет бой! – бросил Бойд верхолазам.

Он не знал, известно ли хозяевам корпораций то, что Вернон устроил для безов настоящий информационный ад в бывшей штаб-квартире СБА, но предполагал, что Мортенс утаил этот факт. И попал в точку.

– Я уже говорил – мы не бандиты, мы не хотим лишних жертв. Все, что произошло в Эдинбурге за последние сутки, было сделано нами с одной лишь целью – показать, что СБА – это не та структура, которой можно доверять.

Мортенс никак не отреагировал на обвинение в свой адрес. Он вообще отвернулся и не обращал внимания на Бойда – его занимал разговор по «балалайке».

– И все же я бы хотел вернуться к гарантиям, – напомнил Койман.

Старый черт. Гарантии ему подавай. А что мог гарантировать он сам? Бойду была хорошо известна ситуация с новыми пищевыми фабриками, о запуске которых информационная служба СБА талдычила уже по меньшей мере в течение трех месяцев. А воз был и поныне на исходной позиции.

– Мы возобновим работу сети и – при продолжении должного обеспечения – закончим наладку нового оборудования, – Бойд начал по-детски загибать пальцы. – Беспорядки на улицах мы остановим. На это потребуется время – три-четыре дня, – но ничего невозможного нет. Я думаю, теперь вы все понимаете, то, что случилось один раз, может повториться снова.

Мортенс обернулся, но взгляд его безразлично скользнул мимо загибавшего пальцы Бойда и вперился в Коймана.

– Пер-Андерс, прошу... – начал он и осекся, закончив фразу, по всей видимости, через «балалайку» шепотом или даже текстом.

Верхолаз недовольно крикнул, поерзал в кресле, его тощая задница слегка приподнялась, но снова плюхнулась на дорогую кожаную отделку.

– Ну хорошо. Только на минуту, не более, – сказал он и вышел следом за Мортенсом из зала.

«Пора бы заканчивать этот фарс», – решил Бойд. Здесь никто не желал его слушать. Верхолазы понимали серьезность ситуации, в которой очутились по милости Шотландца, но они до сих пор верили в то, что СБА во главе с Мортенсом сможет им помочь.

Прав был Лохлан Флетт, сто раз прав, когда говорил о привычке, об инерции мышления толпы. Что говорить о толпе, когда четырнадцать человек – всего четырнадцать! – собравшихся здесь, никак не могли отказаться от вьевшейся в них с самого рождения привычки видеть решение всех своих проблем в СБА. Они даже не хотели замечать, что никакой СБА давно уже нет, а есть только Мортимер Мортенс, управляющий шайкой профессиональных бойцов, машинистов и аналитиков, который работает только на себя. Они не желали этого видеть, даже когда им насильно открывали глаза, демонстрируя этот и так понятный факт.

«Лиса», – позвал Бойд машинистку, быстро отстучав текстовое сообщение.

В отличие от Шотландца, ломщица могла отвечать в голосовом режиме, не опасаясь, что кто-то ее услышит.

– Я здесь, Бойд. Что-то случилось?

«Какие новости в Анклаве?»

– Все идет по плану. Сейчас на всех постах затишье. Провокаторы ждут команды.

Провокаторы сработают как надо. Им было некуда деваться – Бойд умел найти слабые места у каждого, мог поставить человека в безвыходное положение. Часть заводил, поднимавших толпу на баррикады, работала по собственному желанию. Но по меньшей мере половину провокаторов составляли люди, которые были что-то должны самому Шотландцу или тем, кто должен ему. Никогда не оставляй долги неоплаченными – это правило Бойд считал одним из основных в жизни. Он всегда расплачивался по счетам, а если по какой-нибудь причине не мог или не хотел – тогда правило немного менялось и звучало несколько

иначе: никогда не оставляй в живых того, кому должен.

«Ты читаешь «балалайку» Мортенса?»

– Да, но машинисты «Иглы» следят за ней слишком пристально, чтобы можно было что-то понять: сигнал кодированный, и код меняется столь часто, что я не успеваю понять больше двух-трех слов за раз.

«С кем он на связи?»

– Несколько раз беседовал с «Иглой» и два вызова из... – Лиса на мгновение запнулась, судя по всему, выискивая сложный и запутанный путь входящего на «балалайку» директора СБА сигнала, – Фадеев-тауэра.

«Фадеев-тауэр?!»

– Да. Ошибки нет, точность данных сто процентов.

Активность в Фадеев-тауэре не входила в планы Бойда.

«Науком?»

– Больше никому.

«Лиса, милая, выключи электричество в Замке. Ты ведь можешь это сделать?»

– На три секунды: у них стоит автономный резервный генератор. Я могу создать задержку запуска дизеля, но больше трех секунд не позволит устройство контура.

«Этого хватит. Я надеюсь. Через пятнадцать секунд».

– Хорошо. Время пошло.

– Господа! – обратился Бойд к оставшимся за столом верхолазам и заместителям Мортенса. Люди, начавшие обсуждать свои дела столь открыто, будто Шотландца вообще не было в комнате, от неожиданности вздрогнули и одновременно повернулись в сторону человека в килте. – Похоже, вы не осознаете всей сложности ситуации, в которую попали. Поэтому мне придется продемонстрировать наши возможности.

– Что вы можете нам показать? Вы же... – начал седой китаец с выражением явного отвращения на лице, но осекся.

Именно в этот момент в зале погас свет. Не только лампы, выключилось все – черный коммуникатор на стене, экраны компьютеров. На три секунды, как и обещала Лиса, отключилась даже связь, и «балалайки» всех собравшихся здесь, включая Бойда, выдали на глазные наноэкраны своих хозяев сообщение об отсутствии сигнала сети.

А когда свет включился снова, после того как резервный генератор Замка завелся, отправив в небо призрачную струйку серого дыма, в зале для совещаний было тихо, как в гробу. Только едва слышимое на самой границе восприятия тарахтение дизеля доносилось через толстое пуленепробиваемое стекло.

– Надеюсь, теперь вы будете слушать то, что я говорю, более внимательно, – поднявшись во весь свой немалый рост и нависнув над сидящими в креслах верхолазами, словно великан над гномами, сказал Бойд. – Сейчас я позову директора Мортенса, и мы продолжим совещание.

«Лиса, ты можешь заблокировать «балалайку» Мортенса и прислать ему вызов от моего имени?»

– Вне всякого сомнения.

Бойд не видел свою машинистку, но по голосу понял, что она довольно улыбается.

В дверях появился Мортенс. Один, без Коймана. Вид директор имел растерянный, глаза бегали из стороны в сторону, будто он пытался найти какого-нибудь демона в складках древних портьер на окнах.

– Присоединяйтесь к нам, господин Мортенс, – Бойд жестом пригласил директора занять свое место за столом. – Мы все здесь ждем только вас.

Койман, если ему интересно, пускай придет сам.

– Мне надоело спрашивать и объяснять, – тоном, не терпящим возражений, сообщил Бойд. – С сего момента власть в Анклаве переходит ко мне и моему клану. Прошу вас, господин Мортенс, объявить об этом публично.

– С чего бы, Бойд? – задал вопрос директор СБА, но голос его уже не звучал столь

уверенно, как несколькими минутами ранее.

Шотландец решил, что правильной и эффективней будет оставить риторическое замечание Мортенса без внимания.

– Нам, – Бойд обвел глазами собравшихся за столом людей, – необходимо выработать решение, которое позволит двигаться Анклаву дальше. В правильном направлении. Нам необходимо остановить назревающий кризис. Для этого я предлагаю реформировать производство пищевых ресурсов, открыть границы Анклава и начать претворять в жизнь экспансивную политику, направленную на слияние с регионами, окружающими Эдинбург. Мы можем построить свое шо... – Бойд закашлялся, выбросив из речи слово, которое так туда и просилось: среди сидящих за столом не было ни одного шотландца, и напирать на национальный вопрос совершенно не стоило, – независимое государство, которое будет успешно сосуществовать и конкурировать с захиревшим Британским халифатом. И...

Один из верхолазов – Бойд не знал его имени – поднял руку, прося слова. Это хорошо, они уже начинают воспринимать его, как имеющего право голоса. Шотландец учтиво кивнул.

– Я полагаю, и Британский халифат, и Европейский Исламский Союз вряд ли устроит подобная позиция Эдинбурга. Мы маленькая территория, выживающая за счет поставок электроэнергии и продовольствия со стороны большого соседа. Большого и территориально, и населением. Что мы сможем им противопоставить?!

В зале зашумели, стали слышны нелестные отзывы о речи Бойда, среди которых наиболее часто мелькали слова «бред», «сумасбродство» и «полная чушь». Мортенс, присев на подоконник высокого окна, в общей перепалке не участвовал. Уголки его губ слегка приподнялись в надменной улыбке, но никаких возражений он не высказывал. Смирился с поражением или вынашивает планы страшной мести? Возможно, и то и другое.

– Британский халифат, можно сказать, существует почти исключительно на бумаге, – перекрикивая шум, сказал Бойд. – Весь юг Английского эмирата представляет собой огромный «карман». Кто там живет и как – да и вообще, остались ли в районе, где был Ланданабад, люди, – до сих пор неизвестно. Реальную силу может представлять только Шотландский эмират. Скажите, кто-нибудь из вас был в Глазго после Катастрофы?

Шум в зале не утих, но стал заметно тише. Оказывается, никто из верхолазов не был в Шотландии. А зачем? Теперь это стало небезопасно, Мортенс мог обеспечить относительное спокойствие только в пределах корпоративных территорий Анклава. Они получали информацию из коммуникатора и от Мортенса, считая ее достаточной. Чтобы понять, насколько они не правы, достаточно было взглянуть в окно на быстро растущую баррикаду, видимую в просвете между двумя небоскребами.

– Я бывал, – послышался голос из противоположного конца зала.

Это был Мортенс. Разумеется, он бывал. И в Глазго, и в Манчестере. И наверняка в местах, о существовании которых Бойд даже не подозревал.

– И каковы ваши впечатления о нынешней Шотландии? – поинтересовался Бойд.

Раз уж верхолазы доверяли СБА больше, чем Бойду (если предположить, что они вообще хоть сколько-нибудь ему доверяли), пускай услышат его слова.

– Тягостные, – на удивление честно признался директор. – Но армия у них есть. И большая часть вооружений в рабочем состоянии. Плюс, уважаемый Бойд, – все-таки он не удержался от сарказма в голосе, – Европейский Исламский Союз вряд ли станет смотреть сквозь пальцы на активные действия Анклава на их законной территории.

Мортенс, конечно же, был прав. Но он не учитывал один простой факт. Или учитывал, но предпочитал не обращать на него внимания. То, что предлагал Бойд, могло сработать, но в данном случае промедление было на самом деле подобно смерти – пока мир не пришел в себя после встряхнувшей все континенты Катастрофы, активные военные действия мог вести разве что Мертвый совместно с «Наукомом», которые, как оказалось, были вполне готовы к подобному варианту развития событий. Но время летит быстро. Даже если разделить на два все ту пропаганду, что транслировали из Европейского Исламского Союза новостные

каналы, европейцы поднимут голову максимум через год. И поднимут высоко – тогда о том, чтобы пытаться склонить жителей эмирата Шотландия стать гражданами Анклава Эдинбург, не опасаясь ответных действий со стороны Британского халифата, можно будет забыть.

– Им придется это сделать, – возразил Бойд. – Многие жители государств и до Катастрофы мечтали стать гражданами Анклавов. Теперь, я полагаю, их число увеличилось. А армия – это люди, а не роботы, управляемые эмиром с пульта из своего дворца. Если мы будем вести правильную политику, многие откажутся воевать против нас.

– Это дестабилизирует обстановку.

– Да, черт возьми! – закричал Бойд, приподнявшись в кресле и ударив кулаком по столу.

Ему надоело смотреть на то, как вот уже второй год руководство Анклава во главе с Мортенсом, да и Койман тоже, заняли откровенно выжидательную позицию, жили по принципу «лишь бы ничего не случилось». Меняйся или умри – вот какого девиза должен придерживаться сильный правитель! Попытки сохранить status quo привели лишь к тому, что ситуация в Анклаве грозила свалиться в неуправляемый хаос в ближайшие полгода или даже раньше.

То, что происходило на улицах Эдинбурга сегодня, разумеется, было спровоцировано умелой игрой людей Бойда, но недовольство и желание найти хоть какой-то выход зрело в людях давно. Шотландец лишь дал этой разрушающей силе выход, показав, куда направить жажду разрушения. Пока он мог прекратить этот бардак. Пока бардак был искусственным и управляемым, но придет время – и оно уже не за горами, – когда безумную толпу, жаждущую перемен, денег и вкусной жратвы, не удастся остановить никакими силами. Не помогут ни «слезогонка», ни «ревуны». И тогда Эдинбург превратится в близнеца Глазго – города-призрака с опустевшими улицами, выжженными районами и слоняющимися по загаженным тротуарам бандами отморожков, для которых не существовало никаких пределов – ни физических, ни моральных. Для них не осталось ничего, что связывало бы пошатнувшийся рассудок с реальностью этого мира.

– Да! Именно дестабилизирует! Эта обстановка, очень напоминающая болото, которое засасывает медленно, но очень надежно, давно требует того, чтобы ее дестабилизировали. И отчего бы это не сделать нам, коль уж мы живем в уцелевшем Анклаве, владеющем работающими производствами и обладающем недюжинным интеллектуальным потенциалом?!

Верхолазы притихли. Кто-то смотрел на Бойда скептически, кто-то явно не понимал, о чем он вообще говорит. Одна женщина – очень красивая, наверняка регулярно посещающая дорожного пластика, – смотрела на Шотландца с восхищением, застывшим в ее огромных ярко-голубых глазах. Бойд, с трудом отведя взгляд от действительно высококачественной работы пластических хирургов, поймал себя на мысли, что хочет ее – наверняка пластики что-то сотворили с ее глазами, научив их смотреть именно *так*.

– И еще один момент, – все еще косясь на голубую влажную бездну глаз верхолазки, сказал Бойд. – На Пустыре ведутся работы по переоборудованию транспорта для желающих отправиться на Станцию. Я намерен объявить гражданам Анклава о существовании выбора.

– Бойд, ты сумасшедший! – тихим и очень искренним голосом произнес Мортенс.

– Я... – начал было Шотландец, но его прервал возникший в голове голос Лисы:

– Есть новости, Бойд.

2

Высокие своды, украшенные целым выводком уродливых рож духов Вуду, возвышались над головой Лохлана, закрывая начавшее темнеть небо. Храм духа Легбы, подвиги которого были представлены огромным барельефом над главным входом, прямо над высокими, отделанными резными бронзовыми плитами дверьми.

Лохлан старался понять, для чего он пришел сюда. Память не вернулась, он по-

прежнему ничего не помнил о недавних событиях. Даже сегодняшнее утро всплывало в голове какой-то туманной серостью, в которой не угадывалось никаких отчетливых очертаний. Но память больше не была нужна – Лохлан постоянно повторял про себя странные фразы, которые появлялись из подсознания словно бы сами по себе, и это давало возможность строить предположения.

Именно таким образом – Флетт был в этом уверен – пророки и предсказывали будущее. Иногда они попадали пальцем в небо, иногда – промахивались. Во втором случае большую роль играла способность того, кто назвался пророком, правильно реагировать на негодование своих обманутых адептов. Имена тех, у кого получалось хорошо, навеки остались в человеческой памяти.

Но, как оказалось, сопоставляя факты, можно не только предсказывать будущее, но и вполне правильно восстанавливать события прошлого. Если внимательно присмотреться, вокруг находилось очень много информации, на основе которой легко рождались предположения и выводы о том, как это могло случиться.

Лохлан помнил о книге. Все остальное он придумал и домыслил.

Амулет с духом Лоа на красном шнурке привел его к храму духа Легбы. Но логика подсказывала, что здесь искать книгу бесполезно. Пока логика молчала насчет того, где фолиант мог быть. Возможно, стоит войти внутрь?

В Punkground было очень беспокойно. Несколько раз Лохлану пришлось спасаться бегством – здесь били не за что-то или чтобы украсть, а просто так, потому что было можно, потому что наружу вылезло звериное и требовало крови, жаждало сбить кулаки и крушить, крушить, крушить.

Лохлан пытался понять, что происходит, чего хотят люди, которые вышли на улицу и вознамерились убивать. Но объяснения не было – простые, присутствующие всегда мотивы: люди хотели жить лучше, есть сытнее и спать мягче. Люди всегда хотят одного и того же, но достигают цели разными способами. На этот раз кто-то подсказал, что можно применить силу – неотвратимости наказания больше не существует.

Человек – биологическое существо, зверь, склонный к уничтожению всего, что вокруг, и к разрушению себя самого. Человек – маленькая частичка социума, ячейка памяти огромного живого компьютера, наделенного странным и до конца не понятным явлением, которому сами люди дали название «разум». Тот самый, что способен породить из ничего целые миры.

Традиции, ведущие миллионы человеческих душ в одном направлении, порождают богов. Боги управляют миром, мир катится в тартарары. И все потому, что люди – биологические существа, не имеющие склонности сохранять себя как род в неприкосновенности. Им не позволяет этого сделать природа, боги, если угодно. Богам нужно двигать мир, развивать его. А сохранение рода – любого, будь то человек или безмозглый червяк, – это остановка, застой и уничтожение. Постоянство есть начало забвения.

Лохлан почувствовал удар – кто-то толкнул его в плечо, чуть не сбив с ног. Когда Флетт поймал равновесие и посмотрел вслед неосторожному прохожему, то увидел лишь спину, облаченную в ярко-красную нейлоновую куртку, и бритый наголо затылок, украшенный моргающей светодиодами «балалайкой».

Откуда эти странные мысли про разум, про социум и место человека в картине мироздания? Всего несколько минут назад Лохлан и представить не мог, что способен рассуждать на подобные темы. Как-то не вязался его образ жизни, внешний вид и неспособность запомнить даже, что ел на завтрак (если завтрак случалось раздобыть), со столь возвышенными материями.

Ответ был только один – он знал все это раньше. Знал, но забыл. Он, Лохлан Флетт, был ученым, он занимался проблемами общества и человека. Это же очевидно. И абсолютно не нужно никаких воспоминаний об академическом прошлом, чтобы понять это. Ведь кто-то даже называл его профессором. Кто и когда? Кажется, совсем недавно, наверное, сегодня

или, самое большее, вчера.

Утром он бродил по Даун Тауну. По закрытой его части, там, куда безы пускали только своих, чьи «балалайки» помечены особыми программами, позволяющими пользоваться сетью в пределах Ньюингтона и успешно проходить через наноскопы на блокпостах. В «балалайке» Лохлана ничего подобного не было.

На территории Ньюингтона находится только одно место, куда можно попасть таким, как он, – людям без специального цифрового пропуска в «балалайке». Обычно туда попадали не по собственной воле. «Солнечная игла». Вернее, не сама штаб-квартира СБА, а ее тюрьма, которая, если верить слухам, располагалась в подвалах огромного небоскреба, сверкающего отражением светила.

Он был у безов. Они допрашивали его. Именно дознаватель и назвал его профессором. Скорее всего так. Что же хотел узнать дознаватель СБА?

Все концы сходились к одному и тому же предмету – к книге в черной обложке без надписей. Книге храмовников, которую Лохлан по ошибке продал вудуистам. Или это не было ошибкой – если бы книга осталась у него, она досталась бы безам. И вряд ли он был бы все еще жив. Так что, возможно, продажа фолианта была не ошибкой, а провидением, знаком свыше. Проявлением того необъяснимого, что единственное сдерживает в биологическом человеке зверя.

«Febpeop feil ker pro metge, plois him mie jecier...»

Там дальше еще несколько абзацев. Это не информация, среди непонятных фраз нет четких указаний. Но почему-то эти слова делали понятным то, как можно исправить парадокс несовместимости биологии зверя и созидательной силы разума, которой этот зверь обладал.

Вопрос, откуда он знал эти слова, был излишним. Вариант ответа только один – из той самой книги в черной обложке без надписей. И его долг вернуть книгу, сохранив тайну тайной. Знания должны появляться только тогда и там, когда и где того захотят боги. А книгу эту боги не разрешали читать людям.

Странная и страшная мысль родилась в голове Лохлана – если он читал Книгу, а это уже не подлежало никаким сомнениям, то человек ли он?

Лица парня, который едва не сбил его с ног, Лохлан не разглядел. Только темную кожу и характерное движение правой рукой, будто он закручивал ею что-то.

«cepsi jir let probden ulm mul loplal talen»

Красная куртка, красный шнурок, смеющаяся рожица духа Лоа...

Он знал, кто это. Не помнил, скорее никогда даже не видел этого человека в лицо, но знал!

«cepsi jir let probden ulm mul loplal talen»

Конечно же! Это был тот самый тип, фотографию которого ему показывал... Кто показывал фотографию, Лохлан вспомнить не мог. Не мог предсказать прошлое. На то была причина, очень простая – эта информация совершенно не важна.

Важно лишь, что...

«cepsi jir let probden ulm mul loplal talen»

Он обещал. Он не помнил кому, но помнил – что. И он всегда сдерживал обещания, тем более что за предстоящую работу было заплачено вперед.

– Эй, секундочку! – крикнул Лохлан в спину чернокожему, исчезающему в проеме небольшой двери бронзовых ворот.

Знакомый незнакомец обернулся, лишь на мгновение встретившись взглядом с Лохланом, и, стремительно спрятав глаза, исчез за закрывшейся дверью.

Лохлан, поспешив за негром, вошел в полумрак собора Католического Вуду. Высокие своды терялись в темноте, давящей сверху. Электрического света не было – огромное пространство, не разделенное на комнаты или этажи, освещалось несколькими сотнями свечей. Неверный, дрожащий красноватый свет, бросающий на стены собора пляшущие тени, добавлял брутальности и без того довольно мрачному заведению. Лохлан невольно

поежился, внезапно ощутив здесь всю ничтожность, всю незащищенность человека перед богами.

Негра, за которым пошел Флетт, видно не было. Создавалось впечатление, что в соборе нет ни одного человека, но оно оказалось обманчивым. Из нефа, расположенного в нескольких десятках метров от входа, шурша длинными белыми одеждами, навстречу Лохлану вышел священник. Хунган Вуду.

Цвет кожи служителя храма был настолько темным, что в полумраке его лицо и руки, торчавшие из широкой белой хламиды, казались пустым местом. Лохлан невольно отшатнулся, когда из черной пустоты донеслись звуки, адресованные ему:

– Что вас привело в наш храм?

Голос священника прозвучал резко и требовательно. Отдаваясь эхом от высоких сводов, он приобретал какой-то замогильный тембр. Хунган явно был недоволен появлением в обители духов Лоа иноверца.

Хотя какой Лохлан иноверец? Иноверец – это тот, кто верит во что-то другое, адепт иной Традиции, а Флетт к Традициям относился весьма сдержанно, чтобы не сказать – скептически.

И снова странный вопрос, возникший в голове – а если хунган прав, если он видит то, что самому Лохлану недоступно?

– Сюда вошел человек, – без предисловия начал Лохлан, – я его ищу.

– Сюда входит много людей, – высокомерно заявил настоятель храма. Да, перед ним был именно настоятель, Флетт понял это по массивному золотому кулону, висевшему на груди хунгана. – Все они находятся под защитой духов Лоа.

Лохлан повертел головой, не обнаружив упомянутых священником «многих людей», но насчет защиты, возможно, тот был прав. Храм духа Легбы – территория Вуду, здесь силы Традиции увеличивались многократно.

Откуда, черт возьми, он все это знает?! И отчего кажется, что в храме опасно думать подобным образом?

«Avva...»

Лохлан почувствовал, как на лбу выступают капельки холодного пота, а в паху все неприятно занемело. Он не мог вспомнить слова, ни одного. Все волшебные фразы, которые помогали думать и решать задачи, вдруг улетучились, оставив Лохлана наедине с пустотой, царящей внутри.

– Да, разумеется, – Лохлан, как мог, старался убрать из голоса дрожь. – Я лишь хотел бы увидеть человека, который только что зашел сюда.

Не стоит и пытаться – они все равно ничего не скажут. Он зря теряет время. И что-то еще, то самое, необъяснимое, что порождали внутри головы непонятные слова из книги, медленно уходило, исчезало, оставляя Лохлана без защиты... Традиции? О какой Традиции шла речь? Книга принадлежала храмовникам из Мутабор. Храм Легбы принадлежит Католическому Вуду. Кому принадлежит сам Лохлан? До этого момента он привык считать, что принадлежит сам себе. Или это мнение было ошибочным?

– Вам стоит подумать о том, чтобы обратиться к истинной вере, – сверлящим немигающим взглядом буравя глаза Лохлана, сказал хунган. – Вы на верном пути, сын мой, если решили зайти сюда.

Или просто спросить о книге?

Лохлан улыбнулся, чуть-чуть, уголками губ – с ним говорил настоятель храма. С ним, с зашедшим в собор иноверцем. В то время как настоятель редко общался с простыми посетителями из числа истинных адептов Католического Вуду. С чего бы такая честь?

«Они боятся меня», – понял Лохлан. Они тоже ничего не понимают и боятся. Поэтому к нему вышел сам настоятель – сильный хунган, способный противостоять чужой Традиции. Можно ли что-то противопоставить духам Лоа здесь, в их обители?

Флетт, вытерев рукавом пот, тонкими струйками стекающий по лицу, заливая глаза, в который уже раз за сегодняшний день подумал о том, что не знает о себе слишком многого.

Что он за монстр, если хунган Вуду боится его в собственном храме?

– Где моя книга?

Лохлан задал этот вопрос машинально. Слова вырвались лишь потому, что он постоянно думал о книге, но вопрос получился резким, а голос прозвучал требовательно и сурово.

Настоятель храма, широко открыв глаза, чуть заметно отшатнулся, но это движение не укрылось от Лохлана. Теперь на темном лице, поглощающем неверный свет свечей, появились две белых окантовки, две испещренные красными сосудами склеры испуганных глаз хунгана.

Тени на стенах храма заплясали, словно потревоженные духи Лоа решили пойти в атаку. Но это лишь открылась дверь, впустив внутрь поток свежего воздуха и красноватые отсветы закатного солнца.

Красное! Вот что не давало выходить словам из книги наружу, вот что удерживало их в подсознании.

Лохлан опустил руку в карман и резким движением выдернул оттуда смеющегося духа Лоа, болтающегося на красном шнурке. Казалось, мерзкая улыбочка духа стала еще шире, а с острых клыков, которыми ощерилась широкая пасть, стекали капельки крови. Флетт бросил амулет хунгану, отдернув руку, словно шнурок, который он держал, вдруг превратился в раскаленную проволоку.

– Это потерял ваш человек. Тот, который только что вошел сюда, прямо передо мной. Полагаю, вещь принадлежит вам.

– Великий Иисус Лоа... – пробормотал хунган, пряча брошенный Лохланом амулет в складках одежды.

– Я не услышал ответа на свой вопрос?

Он решил повторить его, на случай, если хунган забыл, о чем шла речь:

– Где моя книга?

«cepsi jir let probden ulm mul loplab talen »

Да, теперь слова вернулись. Все равно здесь, в храме Легбы, им приходилось продираться сквозь завесу мутного липкого тумана, которым пытались покрыть сознание Лохлана духи Лоа, но слова, так или иначе, находили путь наружу.

«cepsi jir let probden ulm mul loplab talen »

Вряд ли ему расскажут о книге. Но он пришел сюда не за этим. Ему нужен тот черный, который только что вошел сюда и спрятался в храме. Тот убийца, разобраться с которым Лохлан обещал Джейкобу. Имя появилось само собой, кто такой этот Джейкоб, Флетт так и не вспомнил. Но вспомнил, почему бритый наголо темно-коричневый затылок показался ему знакомым – именно этот негр напал на него на Площади перед Замком.

– Книги здесь нет! – Голос хунгана прозвучал в тишине собора, словно выстрел, рикошетом отлетевший от каменных стен.

«Они не знают, что я ничего не помню», – понял Лохлан. Иначе хунган и слова бы не сказал о книге.

Настоятель сделал короткое неуловимое движение рукой, и в его ладони показался сверкающий в неверном свете свечей нож. Широкое и острое лезвие злобно уставилось на Лохлана. словно призраки, из темноты собора стали появляться другие адепты Католического Вуду. Сколько их? Десять, пятнадцать? Лохлан не мог сосчитать – свет дрожал, смешивая тени и сбивая. Слишком много, чтобы справиться с ними. Безумно много, чтобы справиться с ними на их территории, под защитой их Традиции.

Появился и тот самый негр, следуя за которым Лохлан и попал в устроенную для него западню. Парень улыбался широкой и довольной улыбкой. Сегодня он сослужил своим духам хорошую службу.

«Avva marda avva, cuar...»

Лохлан не пытался вспоминать слова. Они сами рвались наружу, разрывая все преграды, что пытался поставить для них больной мозг, разгоняя туман, которым окружали

их духи Лоа.

«...*pespon nisbuen halp yer riger...*»

«...*ver vuesuc sol gi droit...*»

«...*hermon franbur usb da ghisep...*»

Слова лились, их не остановить – никому, ни духам Лоа, ни даже самому Лохлану.

«...*vaildea fuen fex, hemder trop ti ar biarsem...*»

«...*pesil plecon nagir veks...*»

Такое уже было однажды. Сегодня или годы назад? Какое, впрочем, это могло иметь значение?

«...*gul rileer, gul diasas...*»

Даун Таун, «Солнечная игла», темная комната, допрос...

Именно там он впервые вспомнил это... заклинание? Нет, это были просто звуки, вибрации воздуха, порождающие Истину. Это было Слово.

О книге знали безы. И наверняка тоже искали ее. Странно, что он до сих пор не пересекался с ними. Вывод только один – те два олуха, что пытались захватить книгу, действовали по собственному разумению. СБА, как организация, отношения к фолианту храмовников не имела. Да и Мортенс, насколько мог судить Лохлан, не был особенно набожным парнем.

«...*cam bal isgo, quelfe vio, wornul duel, calur ex...*»

Лохлан сам не до конца понял, что сделал. Он резко двинулся вперед и совершил несколько отрывистых и экономных взмахов руками. В следующее мгновение хунган оказался лежащим возле ступенчатой тумбы, на которой стояло несколько десятков свечей, большая часть из которых посыпались вниз, заставляя настоятеля отвлечься от внезапного боя и заняться борьбой с вырвавшимся на волю огнем. А второй негр, улыбка с уст которого так и не успела сойти, уже лежал на холодном каменном полу, сжимая замершей рукой рукоятку ножа, клинок которого засел глубоко в его груди. Он был безнадежно мертв.

Дождаться, когда адепты Вуду придут в себя, Лохлан не стал – спустя мгновение он уже бежал по улицам Эдинбурга, на которые стремительно опускались сумерки. Он понимал: сколько ни повторяй чудесные слова из книги, справиться с настоятелем в его храме не удастся.

Книги в храме на самом деле не было. Нечего ей там делать – маленький храм Легбы в Анклаве, где Католическое Вуду не пользовалось особым успехом, не мог воспользоваться тайнами чужой Традиции. Чужой и непонятной веры, которая хранила в строжайшей секретности даже саму суть – никто не знал, во что, собственно, храмовники верят.

Отсюда было только два пути – порт, располагавшийся к востоку, и транспортный узел имени Роберта Стейна, дорога в который пролегла через раскинувшуюся на юго-западе территорию Sway. Корабли ходили слишком медленно, чтобы транспорт мог прибыть в порт относительно скоро. Поэтому Лохлан, ни секунды не сомневаясь, повернул туда, где из-за горизонта, почти полностью скрытого возвышающимися домами, взлетали в темно-фиолетовое небо яркие багровые лучи уходящего на другую сторону планеты светила.

3

Сотни картинок, тысячи слов, миллионы жестов. Весь Анклав как на ладони – бери и пользуйся, если сможешь постичь его.

Лиса помотала головой, пытаясь таким способом унять боль, которая все настойчивей стучала в висках. О ней можно не думать, но не замечать ее больше не получалось. Слишком много информации, чтобы принять ее всю и осмыслить. Для такого потока не хватит и триллиона триллионов нейронов, не то что какой-то жалкой сотни миллиардов.

Пятая за сегодняшний день ампула «синдина» зажата в дрожащих пальцах, через отломанный стеклянный носик наружу выбирается знакомый едкий запах, который щекочет ноздри и вызывает желание – что-то звериное, что-то, чему невозможно противостоять.

Воля, сжатая в кулак, направлена на то, чтобы не раствориться в сети, чтобы оставаться вне ее, держа цифровую паутину под неусыпным контролем. Воли не хватает на реальный мир, ее недостаточно, чтобы остановить руку, которая тянет белый пластиковый поршень, с шипением высасывающий через маленькое отверстие скошенного под острым углом острия иглы остатки «синдина».

Все, ампула пуста. Ненужное стекло падает в сторону, разлетаясь фонтаном острых, сверкающих в свете люминесцентного света искр. Возможно, так же когда-то поступал Сорок Два, Пророк Цифры. Он работал здесь, в этой комнате с голыми бетонными стенами и толстым оптоволоконным кабелем, змеящимся прямо по бетонному полу, не стесняясь ничьих глаз и не прячась в красивые пластиковые короба. Сорок Два – человек, предавший Цифру.

Жгут затянут на плече слишком долго, пальцы уже занемели. Хватит ли этого, чтобы постичь непомерно мощный поток информации? Хватит ли сил, чтобы выжить после пятой дозы подряд? Кто-то выживал и после пяти, кто-то отбрасывал копыта после второй. Есть ли другие варианты решения, без «синдина»?

Раздумья текут сами собой, поршень давно уже выдавливает прозрачные слезы его обратно, наполняя прозрачной жидкостью темную, истосковавшуюся по кислороду венозную кровь. Совсем скоро «синдин» попадет в сердце, оттуда в легкие и дальше, через мощный левый желудочек, прямоком в мозг. Туда, где его заждались ненасытные нейроны, требующие еще и еще, терзаемые потоком нулей и единиц, желающие слиться с Цифрой.

Несколько сотен камер, разбросанных по всему Анклаву – те, что еще продолжали работать, – транслировали в сеть свои картинки. Просматривать те, что находились в наиболее людных местах, там, где сейчас происходили основные действия, труда не составляло. Но выбрать нужную из сотен, стоящих в каких-то подворотнях, кабинетах, складах, ангарах и прочих практически пустых местах, не было никакой возможности. Для обычного человека, но не для Лисы, чей мозг, усиленный высококачественным «поплавком» ручной работы и приправленный пятью дозами «синдина», работал со скоростью, вполне сравнимой с возможностями сервера, стоящего в «Солнечной игле».

Лисе не нужны четкие раскадрованные изображения, ее интересовали тенденции, общие направления. И она ловила их не хуже лицензионной аналитической программы, инсталлированной в компы на четвертом этаже штаб-квартиры СБА.

А тенденции не радовали – во всех районах происходило одно и то же. Люди, одетые неброско и отлично сливающиеся с толпой, подходили к бунтовщикам, внедрялись в самую гущу бушующей толпы, задавали вопросы и, рано или поздно, получали на них ответы. Этих людей невозможно было выделить из толпы по каким-то признакам – совершенно среднестатистические граждане Анклава. Заметила их Лиса только тогда, когда их действия начали приносить плоды, то есть слишком поздно, чтобы как-то повлиять на них.

Невзрачные люди были безами, она не сомневалась в этом. Что-то они знали заранее, что-то узнавали на месте. Но результат был одинаков на всех территориях – люди, теперь помеченные Лисой цифровыми метками и поэтому легко вычленимые из толпы, подходили к тем, кто был помечен с самого начала операции: к шавкам из работающих вместе с Шотландцем кланов, к подготовленным провокаторам, к тем, кто что-то знал или хотя бы краем уха когда-то слышал. Безы работали профессионально, в этом им не откажешь. За последние полчаса они убили или увели с собой около двадцати человек, способных дать информацию или повлиять на события, которые разворачивались на улицах Анклава.

Лиса пока не могла сказать с уверенностью, но все факты указывали на то, что кто-то сдал Бойда. Кто-то, кто знал многое, но не все. И выдал безам эту информацию он слишком поздно.

– Бойд, у нас проблемы.

Номер «балалайки» Шотландца был забит в программу, с помощью которой Лиса перемалывала все цифровые цитадели сети Анклава, чтобы оставаться всегда в «прямой видимости».

«Что?» – появилась надпись, всплывшая прямо перед глазами ломщицы.

Бойд был на «совещании», в Замке, он не мог открыто говорить, поэтому приходилось пользоваться текстовыми сообщениями.

– На улицах гости. Мы теряем людей.

«Наших?»

– В основном – союзников. Но безы действуют слишком слаженно. Как дела у тебя?

Последний вопрос означал, что пора решать, в какую сторону нужно двигать бунт, который в последние полтора часа будто застыл, поддерживаемый редкими стычками и общим беспорядком на улицах.

«Пока никак. Они слушают, но решения нет».

– Нам нужно двигаться. Если верить тому, что я вижу в сети, бунт захлебнется сам собой к утру. Безам даже не придется ничего делать. Люди не знают, чего хотят. Ты должен подсказать им.

«Знаю. Командуй Шанхаю, пускай действует. Он в курсе».

– Хорошо.

Шанхай – здоровенный, почти шарообразный китаец, один из самых преданных людей Бойда – работал на улицах. Он был дирижером того беспорядка, что творился в Анклаве, умело руководил провокаторами и вселял ужас в толпу, подключая снайперов, которые убивали двух-трех особо ретивых бунтовщиков, когда людские массы требовалось успокоить. Получив команду Лисы, Шанхай выпустит на баррикады провокаторов, которые поднимут людей, и бунт получит новые силы, новую кровь. Мир требовал встряски, революции, а революции никогда не удавалось творить в белых перчатках.

«Что слышно о Моратти?»

– Он в Замке. Его «балалайку» блокируют машинисты «Иглы». Они отрезали его от внешнего мира.

«Он под арестом?»

Странное предположение.

– Не думаю. Скорее всего Мортенс просто хочет сохранить информацию о его приезде в тайне.

На самом деле Лиса ничего не знала о планах Мортенса. Директор СБА почти не пользовался «балалайкой» в данный момент, похоже, предпочитая незарегистрированный коммуникатор. Его прикрытие было надежно, а сам он вел себя настолько осторожно, что пока Лисе не удавалось понять его намерения. Мортенс большой профессионал, этого у него не отнять. Но он запутался, слишком увлекся в борьбе за собственную власть, за что непременно поплатится.

– И еще, Бойд. В Роберте Стейне продолжается активность. Не знаю, мы ли тому виной, но я в этом не уверена. В Анклаве что-то происходит помимо нас.

«Стервятники чуют падаль еще до смерти зверя. Кто теперь?»

– Прибыл страт из Конфедерации. Борт стоит на парковке, никто не входил и не выходил. На связь с башней управления выходят только пилоты и только по летным вопросам. Информацию о пассажирах не разглашают, хотя из Стейна интересовались не раз и гостями, и программой пребывания. Джет, принадлежащий Пер-Андерсу Койману, разводит пары, пилоты запросили разрешение на взлет. Точный курс пока не оговаривался, только направление – восток.

«Станция?»

– Вряд ли им дадут разрешение на посадку на аэродром Станции. Думаю, они и соваться туда не станут – ракет у «Наукома» предостаточно. Скорее всего Санкт-Петербург или Хельсинки.

«Черт бы их всех побрал! Спасибо, держи сеть. До связи».

– До связи, – сказала Лиса и добавила, когда связь с «балалайкой» Бойда уже прервалась: – Любимый.

Она видела, как на баррикады, сразу в нескольких районах, забираются люди. Кто-то из

них размахивал каким-то самодельным флагом, кто-то говорил, потрясая кулаком, кто-то рвал на себе и так уже измазанную грязью и кровью рубаху. Лиса не знала никого из них, но она знала, кто эти люди. Провокаторы, которые должны поднять волну возмущения и агрессии. Толпа идет за лидерами, сами по себе люди будут до последнего сидеть в своих квартирах, землянках, на лавочках в парке и обсуждать неправильные действия политиков. Людская масса безвольна, ее можно и нужно двигать, а вершину займет тот, кто лучше понимает настроение толпы, кто знает, как направить людей в нужную ему сторону.

Лиса продолжала работать с сетью, погружая свое сознание все глубже, пытаясь проникнуть в самые сокровенные тайны Анклава. Все, что было хоть сколь-нибудь важно, она давно скопировала на особый сервер, который был надежно спрятан. Его физическое место расположения не знала и сама Лиса, а виртуальный доступ был прекращен, как только последний бит отобранной ломщицей информации перекочевал на диски. Теперь до сервера можно будет добраться, только пройдя длинную цепочку посредников, в которой могли разобраться только Бойд и Лиса. Вместе. Поодиночке никто не сможет найти его.

Погружаясь в сеть, Лиса хотела найти то, что безрезультатно искала вот уже несколько лет. Не просто файлы или видео, записанные на носители. Ей нужно получить сведения из обрывков данных, намеков и, казалось бы, бесполезного цифрового мусора. Ей необходимо из ничего соткать историю, которую она не знала, чтобы переиграть финал на свое усмотрение. Лиса работала на Бойда, она была готова отдать жизнь за него лично и за успех его предприятия, но в сети у нее были и собственные интересы – надеялась найти сестру, которую потеряла несколько лет назад, и тех, из-за кого она осталась одна. А Шотландец, башмак ему на голову, сыграл в этой истории не последнюю роль.

Ее поисковые программы, загруженные в «раллер», искали слова, фразы, картинки, сопоставляли их сотнями тысяч, пытаясь найти в переплетении символов, порожденных человеческим разумом, смысл. Ее собственный мозг, разогнанный с помощью «поплавка», который гудел в «балалайке», будто рой пчел, пропускал через себя собранные программами данные. Сознание отделяло зерна от плевел, переваривая полученную информацию.

Кто-то в сети говорил о храмовниках. Слишком часто он упоминал о храме Истинной Эволюции и корпорации Мутабор, чтобы остаться незамеченным для программ Лисы. Слишком много раз этот человек общался с другими посредством «балалайки», чтобы ломщица не обратила на это внимания.

К чему так много говорить о храмовниках, которых уже два года нет в Анклаве? Лиса прислушалась к разговорам, подняла логи. Они искали какую-то книгу. Они считали, что книга принадлежала храмовникам. И они упустили того, кто об этой книге знал.

На сервере «Солнечной иглы» хранился видеофайл с записью допроса. Лиса просмотрела его в ускоренном режиме – ничего не понятно, звук едва прорывается сквозь какое-то жужжание, изображение смазано и лица допрашиваемого не узнать. Странно, неужели у дознавателей СБА проблемы с оборудованием?

Человека, болтавшего в сети о храмовниках, звали Али Арчер. Он работал аналитиком в «Солнечной игле», у него был незарегистрированный коммуникатор, которым он в последнее время довольно активно пользовался. Он жил на окраине Ньюингтона – в бедном районе, но на корпоративной территории. Он имел контакты с...

Так, личностью Али Арчера стоило заняться поплотнее. Как минимум был очень интересен тот факт, что с машинистом по имени Молли, который устроил сбой и подключил шесть линий Punkground к электропитанию, на одной из которых сейчас и сидела Лиса, договаривался именно он.

4

Самым сильным желанием было забраться куда-нибудь повыше, на один из шпилей Замка, и прыгнуть оттуда головой вниз. Благо вокруг Замка со всех сторон лежали камни, и шансов выжить не было.

Мортенс тихо проскрежетал зубами, держа рот плотно закрытым, чтобы никто не догадался, насколько ему хреново. Хотя догадаться об этом несложно и присматриваться не нужно – любому ясно, что, попав в положение, в котором сейчас пребывал директор СБА, хреново станет кому угодно. Тем более что Бойд, появления которого Мортенс ждал еще с утра, оказался не единственной проблемой, свалившейся сегодня на голову хозяина «Солнечной иглы».

От него требовалось принять решение. Это было очень похоже на игру в кости, когда нужно бросить целый ворох кубиков, а выигрышная шестерка есть только на одном из них. И ту еще нужно умудриться раздобыть. Но если в азартных играх имелся хоть малейший шанс сорвать настоящий куш, у Мортенса его не было вовсе – все пути вели в пропасть забвения, и лишь один... Нет, не в райские кущи, он просто обещал оставить игрока в живых, не избавив его, впрочем, от горы проблем, которые, хочешь не хочешь, придется разгрести.

Необходимо сделать выбор, а Мортенс не знал – какой. Хороших вариантов не было, задача заключалась в том, чтобы выбрать наименее плохой. Меньшее из двух зол, так сказать. Только этих самых зол гораздо больше двух.

Когда Мортенс снова вернулся в кабинет, улизнув из зала заседаний, где Бойд продолжал вещать свои революционные лозунги, Койман больше не орал, а внимательно, с тоской на узком морщинистом лице, слушал Моратти. Ник – плечистый, с крупной головой – нависал над сухошавым Койманом, словно туча.

– Мы должны вернуть Анклавам их лидирующие позиции. Если мы не поставим государства на место сейчас, то они сожрут нас, возьмут силой или просто растворят Анклавы в себе, камня на камне не оставят! Вы хотите жить под пятой президента, председателя или шейха?! Или, может быть, вам больше подойдет настоятель?!

Палец Ника почти уперся во впалую грудную клетку Коймана, отчего тот вжался в кресло с испорченным им самим подлокотником. Верхолаз, несмотря на свой немалый рост, казался каким-то жалким и беззащитным.

Да уж, Моратти не зря столько лет занимал свое место – пост главного беа, самого сильного силовика мира. Его напору не смог противостоять даже Койман, которого за неуклонную волю и хищнические наклонности частенько за глаза называли кайманом.

– И не говорите, – согласился Мортенс, входя в кабинет, – государства обнаглели. Они считают, что теперь могут указывать, как поступать Анклавам. Прежнего почтения и боязни потерять надежный источник современных технологий и высокотехнологического оборудования не стало. Ведь так, Пер-Андерс, эмир больше не заискивает перед вами, а скорее ставит условия?

Моратти кивнул столь резко, что с его головы на Коймана посыпалась перхоть. Поиздержался Ник, стало быть, в Цюрихе дела идут не так хорошо, как он пытался преподнести. Даже с обычной гигиеной у главы СБА проблемы. Мортенс знал, сколь щепетильно Моратти всегда относился к собственной внешности, и варианта, что у него просто не нашлось времени на гигиенические процедуры, не допускал.

– Вот видите, Пер-Андерс, у СБА в этом вопросе разногласий нет, – хищно улыбнувшись, констатировал Моратти. Он наконец отстал от верхолаза и повернулся к Мортенсу: – Рад, Мортимер, что ты поддерживаешь мое мнение.

– За одним исключением, – эдинбуржец поднял вверх указательный палец, привлекая внимание Моратти. – За одним *небольшим* исключением.

Как же они все ему надоели – и Моратти, и Койман, и Бойд, и этот долбаный «Науком», чтоб ему провалиться! Можно подумать, что камнем преткновения во всем мире вдруг стал Анклав Эдинбург – всем от него что-нибудь нужно. И сам Мортенс стоит костью в горле у всех желающих получить свой кусок Анклава. Прямо очередь выстроилась, чтоб урвать шмат пожирней.

Они все спят и видят, когда он, Мортенс, поднимет вверх лапки и на блюде принесет им Анклав. Дудки! Если уж суждено было оказаться той костью в горле, то он

будет торчать там до конца, пока подавившийся титан не издохнет, задохнувшись или проткнув острым мослом близлежащее сердце.

Моратти изо всех сил старался показать, что не заметил сарказма в словах Мортенса, но, похоже, прекрасно понимал, о чем тот говорит. Однако эдинбуржец все же не удержался от объяснений:

– Вы помните, Ник, тот совет Анклавов? Два года назад. Вы, как обычно, там председательствовали.

– К чему ты клонишь, Мортимер? – Тон Моратти не сулил собеседнику ничего хорошего.

Да и черт с ним. В конце концов, Мортенс здесь на своей территории. И пока играет главную партию, несмотря на потрясание кулаками этого безумного шотландца, который пытается в чем-то убедить верхолазов. Он, бедняга, еще не знает, что кроме Коймана, да еще пары вменяемых богачей, водящих с последним тесную дружбу, здесь никому ничего не надо. Им наплевать на Анклав, на людей. Их беспокоит только, смогут ли они сегодня принять ванну и завтра посетить своего семейного пластика. Но это – во всяком случае, пока Мортенс не даст команду разобраться с наглецом – проблемы Шотландца, пускай поразвлекается.

– Вы помните то голосование? Помните, каким цветом на карте окрасился Эдинбург? А каким – Цюрих? Вы, Ник, и ваши верхолазы проголосовали за поддержку решения, предложенного государствами. Вы дали им повод считать, что отныне государства вправе навязывать Анклавам свое мнение, ставить перед нами условия.

Койман уже улыбался. Странно, что он забыл этот факт – в тот день старик, помнится, бесновался, поливая Моратти всеми известными ему эпитетами максимально нелестного содержания. Хотя Ник профессионал, он умеет и мозги запудрить, и надавить, когда нужно. Только в тот день он не запудрил и не надавил. Не смог или не захотел?

– Теперь то решение не имеет значения.

– А что имеет? Что?! – Мортенс почти кричал.

Какого черта Моратти вообще принесло в Эдинбург? Привез свои планы по управлению войском тритонов? Да он, похоже, головой повернулся на почве необходимости отомстить Мертвому. Он хочет взломать «Науком» – так шел бы и ломал. Вот он, этот «Науком», в соседнем небоскребе сидит, ждет, когда Мортенс скиснет и даст им добро. И ведь дождется – нет у Мортенса иного выхода. Или есть? Сначала, в любом случае, нужно дослушать, что расскажет всем Бойд – сеть сетью, а на улицах порядок тоже необходимо навести.

– Ваш мифический «синдиновый» капкан для тритонов? Вы их вообще видели – сборище тупоголовых ублюдков, опустившихся и отупевших донельзя. Этих идиотов вы собираетесь противопоставить вышколенному машинному отделу Пирамидома? Вы знаете, как их прозвали в народе? «Минусы». Очень точное определение – сеть у них отобрали, а взамен в реальном мире ничего не нашлось. Они словно инвалиды – теперь их стало достаточно, не редкость, как раньше, – кто без руки, кто без ноги. А эти – без мозгов. «Минусы»!

– Мортимер, тебе не кажется, что ты немного забываешься? – Глаза Ника округлились, лицо приняло решительное и вместе с тем какое-то окаменевшее выражение. Он сейчас напоминал быка, готового броситься на красную тряпку, заодно поддев на рога и тореро.

– Совершенно не кажется!

– А ты забыл, каким вообще образом оказался на этом посту? Как стал директором местного филиала СБА? Помнишь, тут был такой Макферсон? Или уже забыл, что его хватил сердечный приступ после того, как он решил подудеть в дудку Мертвого на выборах президента?

Это Мортенс помнил. Хорошо помнил. И даже знал, что Макферсон представился не просто так – в подробности его не посвящали, однако с результатами медицинского обследования своего предшественника Мортенс ознакомился. Макферсон был признан

медиками совершенно здоровым по части сердечно-сосудистой системы утром того дня, вечером которого скончался во сне в своей постели.

И на посту директора Мортенс оказался тоже не случайно – выборы были, но на самом деле, и это все прекрасно понимали, голосование было фикцией. Решение принимал Моратти единолично, поставив на высокий пост своего человека, много лет проработавшего в верхушке СБА Эдинбурга и вынесшего из «Солнечной иглы» немало информации, которая, как считал Макферсон, не дойдет до ушей президента СБА. Ему оказали доверие. Но какое это теперь имеет значение, как сказал сам Моратти?

– Кто старое помянет, как говорят русские, тому – глаз вон, – с угрюмым видом ответил Мортенс.

Боялся ли он Ника? Раньше – да. Еще вчера Мортенс опасался, что может разделить судьбу Макферсона, если пошлет Моратти куда подальше с его бредовыми предложениями. Но сегодня ему стало все равно. Страх исчез.

Возможно, всему виной стресс – не тот, хронический, из которого Мортенс не вылезал вот уже пару лет, а острый, перевернувший мировоззрение и вообще – взорвавший мозг в последнюю пару дней. Моратти пришлет убийц? Или кого он там присылал к Макферсону – отравителей, колдунов или путешественников во времени? Как может напугать этот факт, если и так очень хочется умереть?

Слабаком себя Мортенс никогда не считал, поэтому сломать каждому по челюсти и выйти победителем хотелось сильнее, чем умереть. Одна беда – Мортимер понимал, что победителем выйти не удастся. Хотя, это как посмотреть – когда в битве участвуют больше двух противников, стопроцентных победителей может и не оказаться. «Царем горы» не стать – не тот вариант, – но вот очутиться не на самом последнем месте вполне по силам. И вполне возможно, что он окажется всего лишь на втором. А там – утро вечера мудренее, окончательный расклад определять будем после.

Так что Моратти перестал быть страшен. Он сделался назойлив и вызывал раздражение. И даже робость, которую Мортенс всегда испытывал, разговаривая с президентом СБА, поставившим его на столь высокий пост, испарилась как будто бы сама собой. Ник превратился из полубога, потрясающего зажатый в могучем кулаке снопом молний, в неудобного и ничего не значащего зарвавшегося начальника, давно утратившего свою власть. Да и предприятие, над которым он пытался начальствовать, норвило почить в бозе, сохраняя между тем свое прежнее название – СБА. Новая суть в старой обертке, не более того.

– Ты можешь мне отказать сейчас, – глухим и полным ненависти голосом произнес Моратти. – Но позже ты сильно пожалеешь, что отказался от сотрудничества.

– Пуганые уже, – огрызнулся Мортенс. – На улицу выглянешь, и страшно становится уже сейчас. Так что не надо, Ник, пугать меня тем, что будет потом.

– Действительно, Ник, – подключился Койман. Старик, похоже, еще не оправился от разговора наедине с Моратти, поэтому его голос немного подрагивал и звучал неестественно весело, – у нас сейчас слишком много проблем внутри Анклава, чтобы принимать полномасштабное участие во внешних делах.

– Это проблемы?! Вот это, – Моратти красноречиво ткнул в сторону окна, за которым между громадой «Солнечной иглы» и фрагментом попадавшей в пейзаж Площади отчетливо проступали контуры высокой – выше крыши близлежащего блокпоста – баррикады. На вершине импровизированного фортификационного сооружения какой-то человек в отрепьях, отдаленно напоминающих килт, с остервенением размахивал сине-белым флагом старой Шотландии, – этот сброд – проблема?! Вы здесь совершенно расслабились и размякли. Или у вас в большом дефиците патроны к «ревунам»?

– Мы пытаемся решить проблему мирным путем, – пожав плечами, объяснил Койман.

И этот туда же – решатель проблем. Мортенс тяжело вздохнул.

– Да вы же ее не решаете! Вы сидите здесь, в Замке, и протираете штаны, пытаетесь о чем-то договориться с какой-то шпаной подворотной.

– Ник, вы забыли, что так же, как я и другие директора, регулярно усаживали за свой стол менеджеров высшего звена из Консорциума и Ассоциации? Или это не шпана? – Мортенс уже сам не понимал, чего хотел добиться от разговора с Моратти. Скорее всего чтобы тот убрался в свой Цюрих как можно быстрее и больше никогда не вспоминал об Анклаве Эдинбург.

– Не передергивай, Мортимер. Консорциум был признанной силой. И он, и Ассоциация, я уверен, еще покажут себя.

– Так вот и этот Шотландец себя покажет. Точнее – уже показал. Во всей красе. Возможно, вы и правы, Ник, насчет «синдина», и по поводу тритонов, *возможно*, говорите дело. Но мы сейчас не готовы. Может быть, позже, когда у нас все наладится, мы присоединимся к вашей программе. Но не ранее.

Койман, слушавший слова директора своего СБА с явным воодушевлением, довольно кивнул. Ну хоть этот повеселел.

– И диктовать условия нашего участия в этом проекте будем мы, Ник. Мы, а не вы, – Мортенс решил сразу расставить все точки над «і». – И пускать ли «Науком» на территорию *своего* Анклава, буду решать я, а не вы.

Только произнеся последнюю фразу, Мортенс задумался, а зачем вообще сказал ее. В любом случае, она была адресована не только Моратти, но и Койману, с большим удовольствием и напором сующему нос во все дела СБА. В дела, которые Мортенс считал только своими.

«А ведь я и в самом деле готов к разговору с москвичами», – подумал директор. Нет, никакого желания пустить, так сказать, козла в огород он не испытывал, но если «Науком» предложит решение проблемы с ломщиками Бойда, которых Филгорн найти не смог и уже вряд ли найдет, не исключено, что Мортенс и согласится. Разумеется, только в случае, если интересы самого Мортенса будут рассмотрены в этом проекте самым внимательным образом.

Неделю назад, когда Мортенс послал своего зама по связям с общественностью в Фадеев-тауэр выказать свое доброе расположение, договориться с «Наукомом» не получилось. Они хотели слишком многого. Если точнее – они хотели все сразу. Напирали на технические условия и вежливо отклонили предложение Мортенса о создании локальной сети, включающей только центр Даун Тауна.

Пока москвичи больше ничего не предлагали. Но уже звонили ему на «балалайку» справиться, отчего они не могут подключиться к существующей сети полноценно. Звонили ему, директору, с вопросом про сеть. Можно подумать, что в Анклаве не было технического отдела, отвечающего на все вопросы о неполадках сети, или, учитывая уровень звонивших, хотя бы Филгорна. Понятно, что спрашивать им было ничего не нужно – просто обозначили свое присутствие и, не исключено, прощупали почву.

Койман нервно закашлял и завертелся в своем кресле, будто уж на сковородке. Но выяснять отношения в присутствии Ника не стал.

На «балалайку» поступил вызов. Ну вот – легки на помине: звонили из Фадеев-тауэра. Мортенс задумался, было ли у него когда-нибудь намерение «не продаваться» корпорации «Науком». Нет, они все говорили об этом – Койман приходил в бешенство от одного только упоминания о московской корпорации, Моратти говорил о них с тихим ужасом в голосе. Но сам Мортенс – считал ли он, что отдать сеть Анклава в руки москвичей, которые обещали бесплатно наладить нормальную (а если верить рекламе, даже лучше, чем прежняя) связь? Он хотел навязать Койману и компании свои условия, внедрив собственный вариант сетевых программ. Но если это не получалось, возможно, стоило и согласиться на вариант «Наукома».

Мортенс дал отбой и сбросил обратно сообщение с номером одного из коммуникаторов со сдвоенным шифрованием сигнала, что хранились в ящике его стола.

– Если у вас нет других предложений, Ник, прошу прощения, но у меня дела, – с этими словами Мортенс открыл верхний ящик своего стола, достал нужный коммуникатор и вышел

из кабинета.

Уже в коридоре он связался с начальником охраны и приказал проводить господина Моратти до транспортного узла. В устном приказе говорилось: «Проявив максимальную учтивость и уважение». Господин президент несуществующей организации очень торопится и ждет не дождется, когда его препроводят до борта его личного самолета. Благо своей охраной Моратти угрожать не пытался.

– Я вас слушаю, – ответил Мортенс, когда коммуникатор задребезжал в руке. Господа из Фадеев-тауэра не заставили себя долго ждать.

– Здравствуйте, господин директор.

– У вас есть для меня предложение, – констатировал Мортенс. Он решил опустить ненужные подробности с приветствиями и восхищением сегодняшней солнечной погодой.

– Вы невероятно прозорливы. Я полагаю, что вы даже догадываетесь какое.

– Скорее всего. Но все же технические подробности я хотел бы узнать до того, как вы поинтересуетесь моим согласием.

– Разумеется. Мы, как ответственные подрядчики, всегда информируем заказчика о технических условиях.

Условия оказались не самыми притягательными – корпорация «Науком» могла предоставить услуги организации сети без тотальной замены оборудования, но для этого им требовался полный *физический* доступ к серверам «Солнечной иглы». То есть они предлагали то, чего так боялся Койман. Или даже больше того – в случае, если Мортенс даст согласие, в руки москвичей попадала *вся* информация Анклава до последнего бита. И они могли сотворить с нею все, что заблагорассудится.

– Вы же понимаете, господин директор, – посетовал собеседник Мортенса, – все приходится делать в спешке, без должной технической подготовки. Со своей стороны, мы обязуемся – и это будет прописано в контракте, – что ни один бит не пропадет и все данные будут восстановлены и доступны после запуска нового контура. С полным покрытием Эдинбурга и его окрестностей придется подождать – для этого еще не готовы наземные мощности плюс потребуется выделить новый спутник, поскольку Северная Европа пока не охвачена нашим сигналом в должной мере.

«Наверняка лукавит. Хотя для чего им спутник, чтобы как следует покопаться в технологических наработках и грязном белье Эдинбурга, если техников «Наукома» допустят прямо в подвалы «Иглы», где день и ночь работают мощные серверы, вдыхающие жизнь в те остатки сети, что еще функционируют в Анклаве? Точнее – вдыхавшие: сейчас сеть работала только на людей Бойда».

– Вы сможете найти тех наглецов, что положили нашу сеть?

– Вне всякого сомнения, но, господин директор...

– Вы приведете их ко мне. Лично. – Сам того не замечая, Мортенс хищно потирал руки, представляя, как он расправится с негодяями.

– Мы бы рекомендовали вам не спешить с выводами и действиями. Враги иногда оказываются очень полезны. Но вы, вне всякого сомнения, получите удовольствие от знакомства с этими талантливыми машинистами.

Мортенсу показалось, или в голосе собеседника действительно прозвучали нотки уважения? Не наигранного, а самого настоящего и искреннего. Но он прав – выполнить такой взлом было не под силу заурядным тритонам. Здесь наверняка работала целая команда под руководством какого-то матерого и одаренного ломщика.

– Когда вы сможете передать сеть Анклава под руководство машинистов СБА?

Эта фраза была эквивалентна поднятию рук вверх или выброшенному белому флагу. Осталось только поставить подпись под контрактом, о котором уже упоминалось в разговоре.

– Самое большее, через три часа после начала работ. Контракт выслать вам или вашим юристам?

– Мне.

Курсор вяло ползал между разбросанными по «рабочему столу» документами, похожий на ледокол, заблудившийся среди льдин. Работы было невпроворот, работа была, как раньше – нормальные оцифрованные данные, которые, при должном усердии, довольно быстро обращались в графики и диаграммы, показывающие опытному глазу, что было, есть и будет. Одна беда: опытный глаз никак не желал фокусироваться на нужной информации, отправлять в мозг данные и оценивать замечательные и очень красивые диаграммы.

Мозг был очень занят, он лихорадочно искал варианты, пытаясь изобрести решение совершенно иной проблемы. Ему было не до работодателей с их диаграммами и желанием узнать процент вероятности запора у вонючего лавочника в Punkground.

Али потерял шанс добыть книгу. Теперь отъезд в «теплые края» – если, конечно, они действительно теплые и вообще существуют – откладывался на неопределенный срок. И работа с Джи45 могла не просто закончиться – отношения с этими уголовниками грозили обернуться большой бедой для Али. Благо в другие «теплые края» – «Исправительное учреждение № 123 центрального филиала СБА», или попросту в Африку, теперь не посылали. Не знали, где главная тюрьма Анклавов ныне находится. Мир изменился. Мир остался прежним, мать его, – если поймают, головы не сносить, так было и раньше.

Арчер заломил пальцы, суставы надсадно захрустели, но он не заметил этого. За немытыми окнами «Иглы» стремительно темнело, конец рабочего дня скоро, но сегодня вряд ли вообще удастся попасть домой. Но он не мог оставаться здесь до утра! Дома осталась Лейла, она ждала его в своей маленькой комнатке, в которой жила вот уже третий год. Он не мог обмануть ожидания этого прекрасного создания. Он обещал увезти ее в лучшее место, туда, где в мире нет столько смерти и дерьма, которое не могут откачать выключившиеся без электричества насосы. В чистый и гостеприимный мир, двери в который захлопнулись, можно сказать, перед самым носом.

– Бэрд, что там у вас?

– Какого черта ты вызываешь меня через «балалайку»? Был же приказ прекратить пользование сетевыми устройствами, – проворчал в ответ напарник.

– А какого черта ты не вынул «балалайку» из башки, если был приказ?

Пустые разговоры. Простая привычка огрызаться и искать виноватых, ничего больше.

Бэрда с его оперативной группой послали на улицы. Сейчас они были в западной части Punkground, искали какого-то мелкого бандита, который когда-то давно был замечен в связях с Шотландцем. Связи искал Али. Точнее, должен был искать – голова совершенно не работала в нужном направлении. Но аналитический отдел большой, пока почти полное бездействие Арчера никто не заметил.

Нужно что-то решать с книгой. Али никак не хотелось верить, что книга потеряна. Тем более теперь, после того, что этот рыжий недоумок устроил в «Игле». Арчер до сих пор продолжал задавать себе вопрос: «Что это было?», но так и не находил ответа. Скорее всего потому, что ответа не было.

Гипноз? Возможно, но практически все сотрудники СБА – и Али с Бэрдом не были здесь исключением – проходили специальную подготовку, позволяющую противостоять всем известным методикам гипновоздействия и психопрограммирования. Арчер, разумеется, допускал, что существуют и неизвестные «психам» СБА методики. Но здесь было другое, он в этом уверен.

Арчер хорошо помнил момент, после которого его сознание вдруг словно бы пошло погулять – он спросил бродягу о том, что внутри книги, и тот начал что-то бормотать. Вот после этого бормотания все и случилось. В памяти будто монтаж произвели: вот рыжий, прикованный к креслу, что-то бормочет, а в следующем кадре Бэрд тупо таращится на пустые наручники, которые болтаются на его указательном пальце. И рыжего нет. Нигде. И никто не видел, как он уходил – это по длинным коридорам «Иглы», без лифта,

торжественно прошествовав по пожарной лестнице четыре этажа и миновав охрану на входе.

Вот в тот момент, когда он понял, что бродягу просто не могли не видеть по меньшей мере два десятка человек, снующих по коридорам и сидящих за титапластовым ограждением на первом этаже, и ни один из них этого не помнит, Арчер уверился, что дело нечисто. Никто не помнил даже самого факта забвения – эти секунды, в которые лицо рыжего отпечаталось на сетчатке безов, выпали из их жизни, исчезли, превратились в ничто.

С такими параметрами впору расстилать молельный коврик, а не мучить компьютер, жужжащий скрытым в глубине «поплавком». Как его учил отец – головой на восток, босыми пятками на запад. Хотя того, чему учил отец, Арчер старался избегать всеми силами. Этот хрыч еще получит свое.

Догадку о причастности Традиций к делу подтверждали и все цифровые данные – ни на одном кадре допроса или в файлах их с Бэрдом «балалаек» не осталось ни единого четкого изображения лица бродяги. Он как будто предугадывал каждое движение камеры и поворачивал голову в момент съемки, попадая в кадр лишь небольшим, совершенно неопознаваемым фрагментом лица. «Балалайки» мордovorотов на входе Али прошерстить не мог, но был уверен, что и там найдет подобную картину.

Теперь оставалось только кусать локти – книги не было, бродяга, который продавал ее, исчез. Однако осознанно или нет, но он оставил для Арчера важную информацию – Али был хорошим аналитиком и легко находил все смыслы, даже самые скрытые. А здесь и большого ума не требовалось, чтобы понять, что книга стоит не просто много, она стоит безумно много, больше, чем Али вообще мог себе представить. Это была книга храмовников, и, более того, она *работала* !

За подобный фолиант заинтересованные лица готовы отдать целое состояние. Но не стоит забывать, что за такую книгу те же лица без раздумий или промедления убьют любого, кто осмелится помешать им заполучить это сокровище.

Если Флетт все же продал таинственную книгу, то покупатель скорее всего ничего не знал о ценности попавшего к нему фолианта. Возможно, догадывался, но наверняка не знал. Иначе рыжий давно был бы мертв – зачем оставлять лишнего свидетеля и платить деньги за то, что можно получить бесплатно. Али логики в том, чтобы оставлять в живых Флетта, не видел.

– Я пытаюсь найти его, – сказал Али Бэрду, но надежды в голосе не было.

– Как?!

– Мне удалось отыскать полтора десятка камер, которые ломщики Шотландца не контролируют. Не то забыли про них, не то считают их ненужными.

– Но это же капля в море! Что ты можешь найти с их помощью?!

– Я надеюсь и на твою помощь.

Бэрд, похоже, считал Арчера идиотом. Какой прок от торчащего на улице оперативника, если этих улиц больше тысячи? Какой толк от пятнадцати видеокамер, если они показывают только тысячные доли процента территории Анклава? Бэрд решил, что его подельник тронулся умом из-за потери книги. Или из-за того странного воздействия, которому их подверг рыжий бродяга.

Это даже хорошо – пускай думает, что Али выжил из ума. Бэрд еще сыграет свою роль, но не сейчас, позже. А потом он станет не нужен. Вот тогда и посмотрим, кто из нас идиот.

А насчет камер Али не соврал. Он даже не пытался задать лицо сбежавшего бродяги поисковой программе – ясно же, что трюк, который тот провернул в «Игле», он без труда повторит на улицах. Арчер вспомнил, как наблюдал за рыжим, когда бродяга забрал сообщение на «Callboard», – в камеру попадал косматый рыжий затылок, спина, нечесаная борода. Самое большее, что удалось разглядеть в тот раз, это ухо.

Али пробовал задать программе поиска какие-нибудь иные индивидуальные параметры – походку, характерные жесты, осанку, – хоть что-нибудь, что удалось выжать из тех секунд, когда размытое пятно, повернутое к объективу спиной, присутствовало на записи с камер, установленных в коридорах «Иглы». Но никаких особенных признаков, чего-то

индивидуального, в изображении не было.

Арчер не испытывал уверенности – слишком мало данных, чтобы знать наверняка. Но вот эта странная особенность не попадаться камере как раз и выдала беглеца. Аналитик искал в редких кадрах, что поступали сейчас с улиц Анклава, все неопознанное. Информации было бы много, если бы работали все камеры. Если бы сейчас сеть была бы такой же, как до Катастрофы, мощный компьютер Арчера, наверное, захлебнулся бы обилием поступивших в него данных. Но сейчас неизвестные ломщики, обвалившие сеть Эдинбурга, ненароком сослужили Арчеру добрую службу. Ну и без везения, хвала Всевышнему, здесь, конечно, тоже не обошлось.

Неопознанные рыжие люди в темно-зеленых куртках – разумеется, не было никакой гарантии, что бродяга не поменял одежду, но отчего-то Али был уверен, что менять ему свои обноски не на что, – попадали под работающие камеры одиннадцать раз. Камер, конечно, было больше пятнадцати, Бэрду он соврал. Но не так уж и сильно. Одиннадцать коротких видеозаписей просмотреть несложно – тридцать-сорок минут, не больше. Али надеялся, что легко опознает сбежавшего негодяя со спины, но ошибся – размытые или нет, силуэты были слишком... обобщенными, чтобы можно было сказать что-то с достаточной долей точности.

Но ведь Арчер был аналитиком. Он построил траекторию вероятного движения рыжего по Анклаву. Али знал исходную точку – «Солнечная игла», ориентир более чем заметный. Из одиннадцати объектов в искомый временной промежуток укладывалось только три изображения. Возможно, все видеофрагменты запечатлели Лохлана Флетта, возможно – ни один из них. Но полученная информация была единственным фактом, на который Арчер мог опираться. Если она хотя бы отчасти верна, сейчас рыжий двигался через Punkground в сторону северных окраин Sway. Почти наверняка на Корсторфайн роуд, которая вела в транспортный узел Роберта Стейна.

Сам Арчер попасть туда сейчас не мог. Да и если бы был там, что он мог решить на месте? Почти ничего. Куда лучше у него получалось руководить отсюда, куда сходилась вся, пускай и очень фрагментарная на сегодня, информация.

Но сначала нужно закончить еще одно дело. Пока его не закончил за него кто-нибудь из коллег по аналитическому отделу.

– Бэрд, ты нашел точку?

– Нет еще. Ты же мне не давал точных координат. Только примерный район.

– Появилась информация. Это в Грантоне. Там у них целый притон.

Али назвал точный адрес. И подсказал, как подобраться к логову клана.

– Живых не брать, в переговоры не вступать – слишком мелкие сошки, чтобы тратить на них время.

– Понял, – откликнулся Бэрд.

Это хорошо, что он понял, – Бэрд не отличался особенной живостью ума. Арчер уверен, что он не станет обдумывать указания напарника. Белобрысый здоровяк будет их выполнять, а если возникнут непредвиденные сложности, найдет способ связаться и получить новые вводные.

– Вы сейчас выйдете из зоны покрытия сети. Когда закончите, обязательно найди способ связаться со мной – хоть к «Игле» возвращайся: у меня есть хорошие новости. Мне пока нужно их обдумать, но уверен, что все подтвердится.

– Мы будем работать быстро, – заверил Али Бэрд.

– Удачи, – пожелал Арчер и отключился.

Не стоило слишком активно нарушать указания руководства насчет пользования «балалайками». Трудно сказать, почему они решили, что коммуниторы – это безопаснее, но слишком наглое нарушение приказа могло повлечь проверки, которые Арчеру абсолютно нехотели. Их разговор с Бэрдом скорее всего останется тайной после завершения операции. Когда машинистам «Иглы» удастся вернуть сеть под свой контроль (если, конечно, удастся), ломщики наверняка перевернут все данные вверх дном, и корпеть над тем, чтобы сложить мешанину битов в информационно насыщенный разговор двух сотрудников СБА, вряд ли

кто-нибудь станет.

О Джи45 Бэрд ничего не знал. Ни о существовании банды, ни о их связях с Арчером. Единственным, кто мог что-то заподозрить, был машинист Молли. Но ему Али всегда звонил с незарегистрированного коммуникатора, так что, если Молли не проявлял излишнего рвения, он ничего о личности «Стрелка» не знает. Если же проявлял...

В любом случае, Молли сейчас слишком занят, чтобы отвлекаться на постороннюю работу. Позже Арчер решит и эту проблему.

А Бэрд решит проблему с Джи45. Жалко, накроется бизнес, но решать придется – парни из Джи45 знали Арчера в лицо. Торговля нефтепродуктами всегда была делом прибыльным, но никогда на памяти Али – столь доступным. Похоже, что подобный шанс больше не представится: во что бы ни вылился этот демарш Шотландца, наладку сети денег жалеть впредь не будут. Безнаказанное воровство нефти скорее всего сделается невозможным – контроль снова станет тотальным.

Оставалось дело с эмиром Шотландии – здесь Арчера вряд ли смогут найти, он ни с кем не общался лично, только через посредников. Да и не станет никто искать, спишут все на распавшуюся на несколько разнокалиберных группировок Ассоциацию. Эмир как-нибудь переживет без очередной партии рабов из Эдинбурга. В крайнем случае соберет своих бродяг из Глазго – по слухам, их там теперь более чем достаточно.

– Шеф приказал сдать прогноз по движению толпы на Лейт-стрит, – послышался голос за спиной.

Арчер, задумчиво изучающий на экране компьютера один из отобранных видеофрагментов, от неожиданности вздрогнул. Воспроизводящий по кадрам эпизод, на котором нечеткий не то из-за веток, не то из-за проводов, пересекающих обзор объектива камеры, силуэт человека в темно-зеленой куртке и с густой нечесаной копной волос с намеком на рыжий оттенок стремительно двигался от дверей храма духа Легбы в Punkground налево, в сторону широкой улицы, выводящей к Корсторфайн роуд.

– Тринадцать и шесть десятых, – не оборачиваясь, бросил аналитик.

– Принято, – ответил Фолкнер.

Молодой парнишка работал в их отделе в качестве стажера. Всех благ, которые получали безы, он не имел, но в память о его отце, погибшем во время беспорядков, устроенных тритонами, черенка не выгнали на улицу, оставив подучиться. Неожиданно для всех, и для самого Фолкнера, у него открылся настоящий аналитический талант, и его командировали в их отдел.

Арчер ничего не считал. Он даже не закончил загружать данные. Сказал наугад – в конце концов, он опытный работник, и его интуиция чего-нибудь да стоит. Тем более что шеф все равно будет проводить метаанализ, и отсебятина Арчера сильно на статистическом результате не скажется.

Он решал собственные проблемы. Али обещал своей девочке, милой маленькой Лейле, что увезет ее отсюда. Райских куш, судя по всему, не получится. Но уехать придется.

Из Анклава можно убраться только в Шотландский эмират. Придется немного освоиться, пожить на остатки сбережений, а потом можно возобновить выгодный для администрации эмирата бизнес – на поврежденных атомных станциях требовались рабочие. Много рабочих, потому что рабы, как сказал эмир на одной из встреч с руководством Анклава, где Арчеру посчастливилось присутствовать, недолговечны. Рабов приходилось менять слишком часто – на большинстве АЭС большие проблемы с фоном, и люди, работавшие там практически без средств защиты, умирали как мухи. Связи имелись, бизнес Арчеру был знаком. Проблем быть не должно.

Но книга оставалась лакомым куском. Слишком лакомым. Раз уж ее видели больше одного человека – Али так и не понял, продал ее Лохлан Флетт или нет, но вероятней всего, все-таки продал, – то светиться с ней в ближайшее время не стоило. Вариант с бегством в Шотландский эмират наиболее приемлем. И покупателя в государстве найти незаметно легче, чем в наspiгованном разнообразными системами слежения и контроля Анклаве. Тем

более что контроль теперь однозначно усилится.

Али вывел на глазной наноэкран фотографию Лейлы. Черные, слегка выющиеся волосы, огромные миндалевидные глаза, едва начавшая формироваться грудь... Она была настоящей красавицей, Арчер просто не мог на нее наглядеться. Как там она, одна, в доме с полоумной старухой и совершенно выжившим из ума стариком? Али очень боялся, что тетка с отцом доберутся до его девочки и что-нибудь с нею сделают. К ним не было ни малейшего доверия, да и какое доверие можно выказать сумасшедшим. Настоящим безумцам, только и знающим, что жрать, гадить под себя и разводить какие-то высокоморальные фантазии, которыми они уже не первый год донимали Али.

Как бы он хотел избавиться от этих полоумных! Но не позволяло воспитание – они были его родней. Это их жизнь – Всевышний наградил привилегией гадить под себя, кто такой Али, чтобы лишать их такого подарка?! Да и что скажут соседи? Те, у которых по сотне глаз и тысяче ушей, которые все замечают и делают выводы – они не аналитики, поэтому логика выводов понятна только им самим. И, что самое отвратительное, создавалось впечатление, что у каждого по меньшей мере по миллиону языков: если кто-то что-то узнавал, то через пять минут об этом – разумеется, в их собственной интерпретации – знал весь квартал.

Сегодня он не увидится с Лейлой. Сегодня девочке придется ложиться спать одной. А полоумные старики проведут ночь, барахтаясь в собственном дерьме. Но ничего, как-нибудь перекантуются, и не такое переживали.

Сейчас не время думать о стариках, нужно заботиться о будущем. Он почти держал в руках это будущее – он нашел продавца книги, опоздав лишь на несколько часов. Но здесь ключевым словом было «опоздал». Не важно на сколько, достаточно нескольких секунд, – в летящий страт, который уже успел оторваться от земли, не заскочишь, сколь бы ни было незначительным опоздание.

Но ничего, главное, Али знал о том, что книга существует. У него были пусть и небольшие, но все-таки – возможности, и он ими обязательно воспользуется. План действий четко выверен, и только книга вносила ряд переменных в стройные ряды констант.

Ничего, еще повоюем. Победитель – это не тот, кто раньше всех убежал. Победитель – это тот, кто роет могилы после того, как все закончилось.

6

Холодная кровля была неудобной и больно давила какими-то заклепками в локти и живот. Еще большее неудобство доставляла ее покатая форма – в старинных домах, которых в центре хватало, все были такие. Ни тебе зимнего сада, ни вертолетной площадки. Хотя какой теперь прок и от первого, и от второго? Зимние сады вымерзли еще прошлой зимой. Без электроподогрева и автоматических, управляемых специальным климатическим сервером через сеть теплиц тропические растения не могли существовать в здешних широтах. А вертолеты теперь стали почти столь же редкими, как какой-нибудь орлан или беркут – этих летающих хищников изничтожили еще сотню лет назад.

Но у древних крыш было и свое преимущество – на них совершенно нечего делать людям, и Тони не опасалась, что кто-нибудь ненароком ее обнаружит.

Черная вороненая сталь любимой винтовки нагрелась от теплой, разрумянившейся под низким, но еще немного греющим солнцем щеки. Тони нежно погладила ствол, направленный в сторону соседнего квартала, на пересечение двух улочек.

Отсюда, сверху все выглядело более привычно. Целиться в узкие проемы между домами, выискивая подходящую мишень на улицах, темных от густых длинных теней, что бросали на остывшую землю здания, немного сложнее, чем в пологих холмах эмирата. Но – лишь немного. Все неудобства пересиливало то, что Тони могла побыть наедине со своей СВУ-14МА, она могла позволить ей ожить.

Палец потянул спусковой крючок, черная красавица с барельефом «Науком» на боку

коротко вздрогнула, и какой-то расхристаный тип в расстегнутом пальто и текущих по подбородку слюнях вскинул вверх обе руки и тихо скатился с кучи мусора, на которой стоял. Тони проводила его кувыркания взглядом, аккуратно перемещая винтовку и наблюдая через окуляр оптического прицела. Под задравшимся пальто расплывалось густое красное пятно, глаза человека были открыты и невидящим взглядом таращились в небо. Отлично – тело, падая, кувыркалось так, что теперь никто не сможет определить, с какой стороны стреляли. Замечательно! Значит, можно пока остаться на этой крыше.

Тони занималась очень важным делом. Она была доверенным лицом Шотландца. Она была не единственным, но *любимым* его доверенным лицом. Еще два месяца назад, там, во дворе дома старика Эванса, она поняла, что сможет стать для Бойда чем-то бо́льшим, чем очередной подстилкой. Тони не испытывала лишних иллюзий – ни ее внешность, ни молодость или задор не имели особого значения. По внешним данным выбирают красивую, но не самую нужную деталь интерьера. Ту же подстилку, например. Вещами, которые были дороги хозяину на самом деле, становилось лишь то, что несло на себе отпечаток его жизни, мировоззрения, его души, если хотите.

Ее держали в подвале какого-то дома в Скотланд-Ярде четыре дня. Тонкая полоска света, пробивающаяся из-под почти герметично пригнанной двери, давала возможность убедиться, что глаза все еще видят. Еду принесли лишь однажды, о туалете вообще никто не заботился. С отхожим местом больших проблем не было – подвал оказался просторным. Запах собственных испражнений поначалу донимал, но потом – она не могла точно сказать, сколько прошло времени, но вряд ли больше суток – рецепторы адаптировались, и мозг перестал настаивать, что в темнице скверно пахнет. Запах и запах – в мире, где информации почти нет, даже запах экскрементов может стать чем-то приятным.

Потом о ней вспомнили. Тони не спрашивала, но скорее всего о новой игрушке, подобранной в эмирате, вспомнил сам Бойд. Ее отмыли и привели к боссу.

dd догадывалась, для чего ее ведут во владения Шотландца, изо всех сил старалась заставить себя быть безразличной и не обращать внимания на то, что будет с нею делать этот боров, но неожиданно поняла, что он ей нравится. С первой минуты, как только Бойд, улыбнувшись во всю свою необъятную пасть, пошутил на предмет ее синяков, которые еще не успели сойти. Это был ее мужчина, тот, кому она могла доверить пользоваться собственным телом и даже делала это с удовольствием.

А удовольствие оказалось на редкость незабываемым.

Сначала Тони позволяла пользоваться собой – у нее не было выбора. Но потом поняла, что сама с нетерпением ждет очередной встречи с хозяином.

Винтовку Бойд отдал ей после третьей встречи. Без патронов. Но этого было достаточно – теперь dd могла сказать, что ее эротические чувства удовлетворены на сто процентов. Она отдавала Бойду тело, каждую его часть без остатка, но вот к винтовке прикасаться не разрешала, ударив его однажды, когда он попытался взять ее оружие в руки. Тони думала, что на этом ей придет конец. Но ошиблась – Бойд лишь расхохотался. Так, что из глаз у него потекли слезы.

Она рассказала, что до Катастрофы работала dd, но о том, почему торчит в Эдинбурге, утаила. Да Бойд и не спрашивал. Просто пожал плечами, выслушав рассказ девушки, и посмотрел на нее как-то по-другому. С уважением, что ли...

А на следующий день он взял ее с собой. Прикрывать очередные переговоры. Сами переговоры Тони интересовали мало, ее не просто приятно удивило, а скорее потрясло то, что Шотландец выдал ей полностью заряженный магазин.

В засаде dd сидела одна, без соглядатаев. Она долго рассматривала Бойда через высококачественные линзы Karl Zeiss, держа указательный палец правой руки на податливом металле спускового крючка. Она не собиралась стрелять в Шотландца, ей просто нравилось осознавать, что у нее есть такая возможность. Тони эту возможность предоставил сам Бойд, а стало быть – ей уже удалось стать для самого известного бандита Эдинбурга больше, чем обычной подстилкой.

А сейчас она была занята важным делом. От нее требовалось не так много – точно поразить цель и самой остаться незамеченной и живой, чтобы оперативно приступить к поиску и уничтожению следующей мишени. Кого устранять, решала не она – на «балалайку» сбрасывали информацию, иногда выделяя с помощью глазного наноэкрана какого-нибудь человека, которого она видела сквозь оптический прицел. Тони не посвящали в то, кто занимался отбором целей и передачей данных, но она была уверена, что это Лиса. Лысая чертовка с немного раскосыми глазами, главной отличительной чертой которых был хитрый прищур и неискренность выражения.

Тони сразу увидела в машинистке соперницу. И dd была готова поклясться, что в ломщице таится какая-то угроза. Она не могла распознать, что с ней не так, но интуиция Тони подводила редко. Она пыталась сказать об этом Шотландцу – не прямо, ведь никаких прямых улик не было, – но тот и слушать ее не хотел. Тони знала – Бойд спал с лысой бестией, во всяком случае, раньше между ними что-то было. И попала в клан Лиса точно таким же образом, как и сама dd. Тони не испытывала беззаветной преданности ни самому Бойду, ни его клану, но вывести на чистую воду предательницу-Лису ей очень хотелось. Или виной всему обычная ревность?

Бойд, как и большинство мужчин, был настоящим олухом по части чистой и нежной любви, но Тони очень ясно видела, как Лиса смотрела на Шотландца. И как смотрела она на нее – ту, которой Бойд отдал свое сердце. Ну, если не сердце, то как минимум не один лишь член.

Dd отодвинулась от окуляра, оставив винтовку на прежнем месте. Без высококачественной оптики убитый мужчина был едва виден отсюда, а красного пятна под серым пыльным пальто вообще не разглядеть. Вокруг поверженного тела собирались люди. Они что-то кричали. Громко, сами звуки были хорошо слышны, но слов не разобрать. Отлично, толпа собирается – это именно тот результат, которого ждут. Теперь нужно немного подождать – вдруг потребуется усилить произведенный эффект еще одним-двумя выстрелами, – и можно менять дислокацию. Перед глазами уже висел полупрозрачный список позиций, отобранных для нее Лисой. И, черт бы ее побрал, большая часть списка находилась в глубоком тылу – в Punkground. Бойд решил, что пришла пора заняться чистой собственными рядами?

Из бетонной коробки блокпоста показалась голова беза. В черном бронированном шлеме «саранчи». Такой не взять обычной пулей, а для усиления эффекта очень было бы кстати. Без не помечен цифровой меткой, но ведь это отличная мишень.

Не сводя глаз с мелькающей среди серых бетонных стен черной точки, Тони вытащила из кармана, располагавшегося на боковой поверхности брюк, обойму с усиленными пулями. Урановый сердечник, и почти вдвое выше давление пороховых газов, и эффективная дальность. Правая рука привычным движением отстегнула полупустую обойму, указательный палец левой легко коснулся кнопки на цевье, и затвор выплюнул патрон из ствола. Новая обойма встала на место, усиленный патрон автоматически ушел вверх, внутри винтовки тихо щелкнуло – оружие готово к стрельбе.

Тони особенно не беспокоилась насчет того, в кого стреляла. Во время работы для dd с той стороны прицела существовали только мишени, никаких людей. Как в тире – кто станет убиваться о ненароком испорченной уточке, что так смешно крикает, когда в нее попадешь. Вот что ей было странно – так это отсутствие всяческих ощущений. Ей не нравилось убивать, но и неприятных эмоций dd тоже не испытывала. Тони нравилось стрелять, а смерть того, в кого она всаживала пулю, становилась побочным продуктом, обращенным заказчиками в свою пользу.

Ей не о чем было переживать. Стала бы она расстраиваться, если бы на ее глазах убили близкого ей человека – ведь у тех, в кого она стреляла, наверняка были дети, жены, родители? Ответ Тони знала точно – нет. У нее не было близких, тех, кто дорог. Жаль ей могло быть только винтовку. Но, в конце концов, всегда можно купить новую, хоть это будет уже другая история. Убьют ее саму? Ну и что? Какая ей тогда будет разница?

Смерть лишь начало. Вся жизнь человека была длительной, а для кого-то и не очень подготовкой к смерти. Весьма сложной и затратной подготовкой. Так почему бы не помочь идущему добраться до финиша?

Голова в черном шлеме показалась снова. Всего на одно короткое мгновение. Но Тони успела зафиксировать взглядом, который усилился оптикой прицела, черное пятно. Палец надавил на спуск, в плечо ударил приклад и... Черт бы их побрал! Бетон в пяти миллиметрах от края непроницаемо-черной маски расцвел смертельно опасным цветком, выбитым отклонившейся от положенного ей курса пули. Сегодня безу повезло, сегодня он останется жив. Во всяком случае, в этот раз.

В кармане задребезжал виброзвонок коммуникатора, заставив тело дернуться на какой-то микрон, которого хватило, чтобы пуля пошла на несколько миллиметров в сторону. Как некстати – Тони не любила расходовать пули зря. Не из жадности, тем более что за нынешние обоймы она ничего не платила. Просто пули были предназначены для поражения целей, и когда они летели мимо, это вызывало у Тони злость и приводило в ярость.

– Да, это я, – резко ответила она звонившему человеку. – Ты же звонишь на мой номер!

Всегда звонят в самый неподходящий момент! Теперь все старания насмарку – ее раскрыли: по расположению «цветка» на бетоне без особых усилий можно понять, что пуля прилетела не из бушующей на Лейт-стрит толпы. И ради чего она должна идти на такие жертвы?

– Что тебе надо?!

Из коммуникатора донесся тихий голос. Видеотрансляции не было, но Тони и так прекрасно знала, кто это. Она слушала, и решимость на ее лице уступила место сначала недовольству, а потом и какой-то обреченной покорности.

– Хорошо, – более спокойным тоном откликнулась dd, – уже иду.

Собеседник снова что-то пробурчал недовольным тоном.

– Я же сказала – уже иду! – не удержалась от злобного окрика Тони.

Винтовку она собрала быстро, не прошло и полминуты. Уборка территории заняла немногим более – теперь никаких следов ее пребывания здесь не осталось.

– Ну что ж, Шотландец, – пробормотала она, закидывая СВУ-14МА за спину и застегивая карабин ремешка на груди, – прости, любимый, но у твоей «кошечки» сегодня дела. Придется тебе теперь справляться без меня.

Тони знала, что последним пунктом ее программы было прикрытие Бойда возле Замка. Потом ее должен был подобрать черный «Дромадер» Шотландца.

7

Очень сложно, сложив несколько сотен мелких, ничего не значащих фактов, получить понятную и исполненную логики картинку. Сложно, но не невозможно.

Лиса верила, что всесильная Цифра способна даровать человеку силу богов и поднять человеческий разум на новый уровень, позволив взглянуть на мир с невиданных высот мироздания и постичь тайную Истину. Лиса не знала, для чего людям может понадобиться эта истина, но разве от настоящей Истины отказываются? И дело не во власти, которую может дать Цифра. Власть – для пророков, Краб прав. Для людей – Истина.

Перегруженный обилием «синдина» и безумно быстрыми электрическими разрядами, льющимися из «поплавка», мозг Лисы творил настоящие чудеса.

«Только власть над Цифрой сделает тебя действительно свободным. Даст власть над прошлым, над настоящим. Даст власть над будущим. Люди – рабы цифр, но те, кто вырвался из этого плена, выше. Мир принадлежит им».

Эти слова принадлежали Поэтессе. Эммануэль Мария Нейк несколько десятков лет назад написала книгу под названием «Числа праведности». Когда-то о ее существовании знали почти исключительно машинисты, преданные Цифре, верящие в ее безграничную силу. Запретная книга, о которой знали все – благодаря Сорок Два. И ненавидело эту книгу

тоже изрядное число людей. Большинство из тех, кто слышал о ней. Слышал, а не читал, это существенная разница. Пророк открыл людям дверь в мир Цифры, но не учел, что эта дверь вела на какую-то помойку, к отбросам Цифры. Те, кто рванул в неказистый дверной проем, успели прикоснуться к черному ходу, полному пыли и мусора. Но никто так и не успел разглядеть – что же там, в красивых парадных коридорах, в залах для приемов и цифровых балов. Да и существовал ли этот «дворец», или все дело ограничивалось помойкой, из которой лезли ополоумевшие тритоны, способные только на то, чтобы рушить, ломать и уничтожать?

Сорок Два приоткрыл дверь в эпоху Цифры, но он разрушил мечту. Он почти убил то, что сотворила Поэтесса, он почти уничтожил Традицию, в которую сам пытался поверить. Почти...

«Только власть над Цифрой сделает тебя действительно свободным».

Была ли Лиса свободна? От чего – от реального мира, от программ сети? Или, может быть, от взятых на себя обязательств? Слишком много всего, чтобы сбросить груз, что давил все эти годы.

Лиса в сети, она слилась с нею настолько интимно, что почти два десятка машинистов, работающих сейчас на исходе сил в «Солнечной игле», не могли стряхнуть сознание ломщицы, мертвой хваткой вцепившееся в серверы Анклава.

Но была ли эта власть властью над Цифрой? И что такое эта власть – мечта всех правоверных нейкистов? Это ведомо только пророкам?

Представители большинства Традиций верят в Ад и Рай, они называют эти места по-разному, но все верят в них. А во что верить адептам Цифры? В Слово Сорок Два, который предал свою Традицию? Или Цифра – порождение науки и разума – не является Традицией? Сорок Два пытался доказать себе и окружающим, что это на самом деле так. Большинство нейкистов верили в магическую силу бинарного кода, но они не знали, в чем это самое волшебство должно проявляться. Мир Цифры – это мир рациональности и четкого расчета, порожденный математикой. О каком чуде тогда может идти речь? И как Лисе обрести свободу, если она не знает, как выглядит власть над Цифрой?

«Даст власть над прошлым, над настоящим».

Лиса не чувствовала власть, она не могла ничего изменить. Нападение ублюдков, вырядившихся в клетчатые килты, убивших родителей и забравших сестру, оставалось в прошлом. Что бы она ни делала с этим фактом, оставившим след совсем уж микроскопическим количеством данных во всемогущей сети, он навсегда останется в прошлом. В том самом дне того самого года, когда все и случилось. Когда их мобиль подрезал внедорожник с бензиновым двигателем, из которого высыпало четверо обдолбанных подонков, вырядившихся в клетчатые юбки.

Один из них будет раз за разом, смеясь и отхлебывая эль прямо из горлышка темно-коричневой бутылки, вонзать дешевый, покрытый ржавчиной клинок под ребра Хатему Хамидди – отцу той, что теперь называла себя Лисой. Другой черенок из шайки – совсем еще сопляк – будет срывать с головы Фарида Хамидди, матери Лисы, хиджаб, топтать его ногами, а потом, разорвав платье, станет хватать женщину за грудь грязными лапами. Его бледный, болтающийся, словно резиновая игрушка, член так и не встанет – одурманенный «синдином» организм медленно умирал, неспособный выполнять свойственные ему функции. Обвинив в собственном бессилии женщину, он сломает ей шею, резко запрокинув голову назад. Позвонки хрустнут, и глаза Фарида, остекленев, уставятся в серое, низкое небо. Но убивший ее подонки так и не перестанет хлестать мертвую женщину обмякшим членом по щекам, продолжая хохотать без всякой причины.

Светловолосые парни в килтах сели в свой «Дромадер», прихватив с собой шестилетнюю сестру Лисы, и укатили в сторону Эдинбурга. Саму Лису они почему-то не тронули. Возможно, забившуюся между сиденьями маленького «Рено Арба» девушку просто не заметили, что не мудрено в их состоянии – у всех четверых зрачки были настолько узкими, что становилось ясно: доза «синдина» в крови зашкаливала. Они не были тритонами,

обычные наркоманы, дети каперов среднего звена, родителей, занятых работой, а не детьми, – бензиновый «Дромадер» стоил недешево. Они смеялись и неоднократно выкрикивали слова, врезавшиеся в память Лисы на всю жизнь: «Шотландия для шотландцев!»

Лиса не имела власти над прошлым. И никакая Цифра не могла ей помочь. Цифра была не властна не только что-либо исправить, изменить, но даже не могла подарить забвения. Снова и снова Альмас Хамидди, которая, попав в Анклав Эдинбург больше трех лет назад, прибилась к ломщикам – настоящим ломщикам, не тритонам – и взяла себе имя Лиса, будет просыпаться со слезами на глазах и беззвучным криком, застрявшим в прошлом, который так и не вырвался наружу. Она не скрывала своей сути. Она, подобно лисе, всегда путала и заметала следы, говорила неискренне, а действовала только в собственных интересах, часто выдавая их за рвение и преданность общему делу.

Лиса ломала все, что попадалось – ради денег и ради развлечения. Но в первую очередь ради получения информации – она хотела найти убийц своей семьи и не оставляла надежды вернуть маленькую сестру.

Когда она впервые увидела Бойда с его идеями шотландского единения в красно-желто-зеленом килте, Лиса возненавидела его всей душой. И сломанные руки здесь были ни при чем – она действительно влезла не в свое дело, попалась, и в данном случае скорее стоило сказать спасибо, что ее вообще оставили в живых. Нет, дело было в килте – уж очень этот белокрысы увалень в клетчатой юбке, рассуждающий о необходимости возвращения шотландских земель настоящим этническим шотландцам, напоминал тех обдолбанных «синдином» наркоманов, лишивших ее семьи.

Только Бойд оказался совсем иным. Он не желал вреда другим – не шотландцам. Он вылечил и приблизил к себе Лису, разглядев в уличной девчонке арабского происхождения настоящего ломщика. Бойд был силен – и физически, и внутренне, – великодушен и беспощаден. Он умел отбирать – это было основой его преступного бизнеса, – но умел и отдавать, никогда не забывая о слабых и обиженных.

Бойд не любил постоянства ни в чем. Эта его привычка касалась и женского пола. Лиса спала с ним – самозабвенно и с удовольствием. Она считала, что так будет всегда. Но через несколько недель Шотландец нашел себе новую пассию, еще через два дня – вторую. Лису он не прогонял, наверное, он не возражал бы, если бы она присоединилась к их оргии. Но сам больше не звал ее. А недавно появилась Тони, которая ходила в фаворитках Шотландца уже третий месяц. И, подобно Лисе, она теперь была на особом счету в клане Бойда.

Могла ли Лиса изменить прошлое, имела ли власть над ним? Или под властью Поэтесса подразумевала что-то другое?

Цифра – это мир чистой информации. Лиса складывала тысячи кусков в мозаику, и теперь перед ней начала вырисовываться интересная картина, которая заставляла биться сердце быстрее. Судя по всему, сестра была жива и находилась в Анклаве. Сразу после смерти родителей ее «балалайка» несколько раз отмечалась сканерами безов в разных районах Эдинбурга. Потом, спустя почти год, в сети нашлось еще несколько меток ее «балалайки», но к тому времени чип уже взломали – это Лиса определила четко, – и скорее всего им пользовался совсем другой человек. Но следы сестры на этом не терялись.

Кроме сканеров в Анклаве имелось слишком много фиксирующей и наблюдательной аппаратуры, чтобы кто-то мог долго оставаться здесь незамеченным. Так было раньше, до Катастрофы. Сейчас сохранить инкогнито стало проще, но, имея возможности, которые получила Лиса, завладев сетью Анклава, тайн почти не существовало.

Камеры наблюдения фиксировали лицо сестры несколько раз. Это ничего не давало – неопытному пользователю, который был способен лишь на то, чтобы с тоской, утирая наворачнувшиеся слезы, смотреть на кадры, запечатлевшие его потерянного несколько лет назад родственника. Но Лиса не была неопытным пользователем, она была хозяйкой сети, она почти укротила Цифру – может быть, укротила бы до конца, если бы знала, что это означает. Она смогла проследить периодичность появления изображений, расположение их источников, направление движения объекта. Особенное значение, как теперь выяснилось,

имели те, кто попадал в кадр вместе с сестрой.

Значение имел тот самый Али Арчер, который обратил на себя внимание Лисы разговорами о книге храмовников. Именно от Арчера ниточка потянулась к Лейле.

Лиса не была уверена на сто процентов, никаких доказательств, которые можно было бы пощупать руками, у нее не появилось. Но у нее имелись факты, много фактов, мелких и невзрачных, которые вместе начинали говорить. А Лиса умела слушать все, что можно добыть в сети.

Слишком многое было против Али Арчера.

То, что он договаривался с Молли насчет подключения линии, на которой сейчас сидела Лиса, оказалось чистой случайностью. Собственно, он договаривался о подключении района к электроснабжению – у Арчера в Грантоне был бизнес по тайной перегонке ворованной нефти. А подключение сетевых каналов случилось попутно, они включались вместе с электропитанием автоматически. Знал бы Арчер, что сам вырыл себе могилу.

Но этот парень, работающий в аналитическом отделе СБА – судя по всему, он и в самом деле был неплохим аналитиком, – мнил о себе слишком много. Хотя, не подвернись случай, его дела до сих пор оставались бы незамеченными, возможно, ему удалось бы сохранить все в тайне навсегда. Но случаям располагают боги, а люди лишь исполняют их волю – Лиса делала то, что делала, и по чистой случайности их с Арчером судьбы пересекались в нескольких точках. Конечно, если случайности существуют.

Арчер торговал людьми. Разными – богатыми и бедными, живыми и свежими трупами. Еще до Катастрофы у него были налажены связи с Ассоциацией, а после встряски Арчер притих на пару месяцев, а потом, видимо спохватившись, что контроль, который и до Катастрофы имел изрядное количество дыр, стал и вовсе призрачным, взялся за дело с удвоенным рвением.

Ассоциация исчезла, растворилась в более мелких кланах и группировках. Но дело ее не только не умерло, но, напротив, наращивало обороты. Анклав был перенаселен, площади, распределившиеся на десятках и сотнях этажей вверх, стали непригодными для жизни, и миллионы людей превратились в бездомных бродяг, еле-еле сводящих концы с концами. «Сырья» на улицах Эдинбурга стало хоть отбавляй, а эмир Шотландии, столь любимой Бойдом, нуждался в ликвидаторах-смертниках для наладки давших течь атомных станций, располагавшихся в достаточном количестве на севере эмирата – волна, пришедшая со стороны Исландии, потрепала все электростанции, но, к счастью, полностью не уничтожила ни одной.

Арчер поставлял товар регулярно, большими партиями. Наверное, эмир был доволен. Скорее всего о самом Арчере ни эмир, ни поставщики биоресурсов ничего не знали – этот малый был не промах и зазря не подставлялся.

Почти три года назад Лейла попала к Арчеру. Где она была до этого момента, Лиса могла только гадать. Правда, ничего хорошего в голову не приходило. На этом след ее сестры терялся. Можно предположить, что Лейла погибла – часть товара всегда не доходила до заказчика, издержки и недостача случались в любом бизнесе, – но Лиса могла проследить жизнь Арчера и после Катастрофы. Ничего особенного: живет себе на окраине Даун Тауна человек, хороший специалист, прилежный работник, отличный семьянин – ухаживает за парализованным отцом и выжившей из ума теткой. Но все ходят за покупками, все бывают еще где-то, кроме работы и дома. Арчер не являлся исключением, и эта часть его жизни говорила – просто кричала, – что в его доме живет маленькая девочка.

Так что Поэтесса была права – прошлое в какой-то мере было подвластно слившемуся с сетью ломщику.

«Даст власть над будущим».

Вне всякого сомнения. В этом пункте Лиса нисколько не сомневалась. Она знала, где сейчас Арчер – за ним легко было проследить: вопреки приказу, отданному всем безам после того, как Лиса заблокировала сеть, он активно пользовался «балалайкой» и незарегистрированным коммуникатором. Она знала, что он делал, догадывалась о его

планах.

Лиса все решила, она обязательно уничтожит этого выродка. Информация – вот самый важный аспект. Даже в мире, где людям нечего есть, информация является продуктом номер один: если знаешь, где и как добыть еду, не умрешь. Вся информация Анклава сейчас была доступна ломщице, и она намеревалась воспользоваться ею настолько, насколько сможет. Будущее уже близко, и для Али Арчера оно не будет радужным.

«Люди – рабы цифр, но те, кто вырвался из этого плена, выше».

Трудно сказать, из какого плена Лиса вырвалась и в какой – попала. Здесь, в сети, она испытывала настоящее блаженство, у нее была невероятная, полная свобода, которой никогда не достигнуть в реальном мире. Даже верхолазы с их возможностями и неограниченными запасами материальных благ не могли и представить, что можно быть настолько свободным.

Но ей приходилось все реже и реже обращать внимание на реальный мир – тело, переполненное «синдином», отказывалось жить, мозг, отдавший все ресурсы на обработку информации, приходящей из сети, почти не управлял им. Когда Лиса в последний раз пыталась набрать команду на клавиатуре «раллера», ее вырвало, едва не залив компьютер, который управлял ее подключением. Что она могла сделать там? Кроме того, что отодвинуть «раллер» подальше и не обращать больше внимания на тело, бьющееся в агонии.

Но те, кто остался снаружи, все еще были рабами Цифры. Каждый из них. И Тони – не исключение.

Снайпер покинула свою позицию без указаний Лисы. Это допускалось в случае, если ее кто-нибудь заметит или ее жизни будет угрожать какая-то иная опасность. Лиса послала запрос Тони и получила тот ответ, которого ожидала – ее обнаружили. Не учла эта белокурая сволочь только одного – Лиса очень хорошо видела ту часть Анклава, где сейчас находилась Тони. И лично ее видела с трех разных ракурсов – на безопасности корпоративных территорий *безы почти* не сэкономили, и камер на границах районов работало много.

Так вот, Тони ничто не угрожало. Никто даже не смотрел в ее сторону. И никакой активности в здании, на крыше которого она сидела, не отмечалось. Она просто-напросто бежала, самовольно оставив свою позицию и... бросив Бойда.

Обратив на событие внимание, найти связанные с ним данные для Лисы труда не составляло. Разговор, ведущийся по незарегистрированному коммуникатору со сдвоенным шифрованием, прослушать почти невозможно – жизни не хватит на дешифровку кодированного сигнала, – а вот точку, откуда исходил сигнал, поймать довольно просто. И с большой точностью.

Никакого сомнения – коммуникатор был у Тони, звонили ей. И после этого звонка снайпер резко решила менять позицию.

Звонок был из Sway. Откуда-то с окраин территории, которую контролировали *безы* пополам с поднебесниками из Триады. Лиса попыталась выяснить, кому мог принадлежать этот коммуникатор, и немного удивилась, получив данные, – по всему выходило, что гаджетом владели вудуисты. Вряд ли кто-то из хунганов храма духа Легбы, но негр – наверняка.

С коммуникатора звонили нечасто, но несколько звонков исходило из самого вудуистского собора. Это было еще до Катастрофы, сейчас в том районе вещание сетевого сигнала не велось. Но эти несколько звонков составляли почти половину всех разговоров, проведенных с его помощью.

– Бойд, у меня новости от Тони, – сообщила Лиса Шотландцу.

Сообщать Бойду *такие* новости о снайпере доставляло ей истинное удовольствие.

Лиса не могла понять, как ей удастся продолжать общение в голосовом режиме, тем более произносить слова так мягко и ровно. Или она каким-то образом заставляла «балалайку» Бойда воспроизводить обертоны собственного голоса? Она не знала, но не исключала такой возможности.

«Что случилось?»

Бойд отвечал только текстом. Значит, он все еще в Замке. Собственно, наружу он не выходил – Лиса зафиксировала бы это через камеры наблюдения, – а с «балалайки» Шотландца продолжали транслироваться рожи эдинбургских верхолазов, хотя Коймана среди них уже не было.

– Твоя «метелка» сбежала, – сказала Лиса.

Она слышала пыхтение Бойда и знала, что он начал набирать ответ. Но не дала закончить печатать сообщение.

– Тони звонили какие-то люди. Похоже, что вудуисты. Ты знал, что у нее был незарегистрированный коммуникатор?

– Какого черта?! – проворчал Бойд.

Он ответил в голосовом режиме. Лиса видела, как напряглись лица верхолазов за овальным столом из полированного темно-коричневого дерева, неожиданно услышавших от собеседника рык, похожий на звериный. Но Бойд не обратил на это особого внимания.

Должно быть, белобрысая «метелка» была действительно дорога Шотландцу.

Этот раунд Лиса проиграла. И черт с ним. Осталась еще одна, очень важная для нее игра – спасти сестру.

– Есть еще интересные сведения, – в сети можно только распутать клубок, который наматывал нить слой за слоем, а решать проблемы, как обычно, предстояло в реальном, физическом мире. Цифра бессильна там, где вступает в силу, например, закон гравитации, это оставалось основной проблемой Цифры как Традиции. – Кто-то ищет книгу. Есть предположения, что она принадлежала храмовникам.

«Ты можешь ее найти?»

Отлично, уловка Лисы удалась. Теперь осталось лишь правильно выстроить операцию – если она хоть что-нибудь понимает в жизни, Али Арчер припрется за книгой лично. Уж слишком много он о ней говорит.

– Уже почти нашла.

«Забирай под свое руководство банду Бешеного и добудь эту книгу. Я сообщу ему о размере его доли в предприятии».

– Поняла.

Мышцы лица онемели и плохо слушались, но все же Лиса нашла силы улыбнуться. Эта часть игры удалась. Некоторые обстоятельства возникают случайно, но случай благоволит настойчивым. Теперь она сделает то, что хотела. А что будет потом – об этом Лиса предпочитала не думать.

8

Внизу, у подножия высоких сорокаэтажных жилых домов, верхние этажи которых мертвыми глазницами разбитых окон бессмысленно таращились в никуда, оставаясь пустыми уже второй год, было темно, хоть глаз выколи. На Анклав опустилась ранняя осенняя ночь, а разогнать тьму в этом районе теперь нечем – электроснабжение здесь включали не чаще одного раза в месяц.

До транспортного узла Роберта Стейна отсюда рукой подать. Километра четыре по прямой широкой дороге. По открытой всем наблюдателям и отлично простреливаемой местности.

Прежде чем отправиться в сторону Стейна, Лохлан решил осмотреться. Крыша сорокаэтажки для этой цели вполне подходила.

Сильный холодный ветер, несший влагу с залива, трепал спутанные рыжие волосы и, забираясь под одежду, пробирал до костей. Транспортный узел был виден как на ладони. Особенно заметно он выделялся огнями на фоне совершенно непроницаемой тьмы, что воцарилась вокруг.

В конце рулежки, на парковочной стоянке находились два самолета. Невообразимо много, учитывая плачевность нынешней ситуации в транспортном бизнесе. Один – большой

джет с огромной черной надписью через весь борт, которую было отлично видно даже с такого расстояния: «Науком». Второй – значительно меньше, на его белом борту в свете прожекторов хорошо просматривался герб СБА. А по рулежке катился третий самолет, остроносый, вытянутый, словно игла. «Страт». На нем была нарисована витиеватая эмблема Конфедерации Католического Вуду. Что они все здесь делают? Сомнений не было – в Анклаве происходило что-то необычное, и вряд ли бунт мог привлечь сюда представителей столь разных, казалось бы, практически никак между собой не связанных структур.

Лохлан догадывался, для чего прибыл самолет вудуистов – они хотят забрать книгу. Флетту удалось сохранить память не только о фолианте храмовников, но и о купивших его вудуистах. Это само по себе уже было достижением.

Значит, его догадка оправдалась – книга где-то здесь, в пределах транспортного узла. Только как найти курьера? Он наверняка в VIP-зоне. Да и в любом случае, оборванного бродягу, кем, как ни крути, и являлся Флетт, в здание транспортного узла вряд ли пустят.

Лохлан внимательно осматривал весь периметр территории, которую занимал транспортный узел. Жаль, не было бинокля, слишком далеко, чтобы рассмотреть во всех подробностях. Забор высокий, сверху – мотки колючей проволоки. Препятствие сложное, но преодолимое. Однако не стоит забывать об охранниках, что сидят внутри огромного, распластанного по земле почти на километр здания. Конечно, их теперь меньше, намного меньше, чем до Катастрофы, но они есть.

Попасть внутрь здания нереально – для обороны периметра от непрошенных гостей много безов не понадобится, хватит двух-трех на дверях. Входов в Стейн много, но их можно закрыть, что наверняка и сделали, оставив только один, причем не самый просторный. Стеклопакеты не были пуленепробиваемыми в полном смысле этого слова, но чем-нибудь вроде камня или дубины их точно не взять. Да и долго ли можно оставаться незамеченным, проникнув в здание таким варварским способом?

Оставался вариант попасть туда через летное поле. Лохлан еще раз внимательно рассмотрел все места, которые ему показались менее защищенными от вторжения, после чего он неспешно пошел по лестнице вниз. Путь предстоял не самый близкий – сорок этажей, по двадцать ступенек на этаж. Одно радовало, что идти теперь вниз.

Где-то в районе двадцатого этажа Лохлана осенило. Он все время думал о летном поле, потому что ориентировался на самолеты. Точнее – на только что прибывший «страт» с витиеватой эмблемой на белом борту.

В транспортном узле сейчас работала одна взлетно-посадочная полоса. Очень редко задействовались швартовочные мачты дирижаблей. Но оставалась еще одна часть, в окрестностях самого Стейна, спрятанная под землей, – рельсы, по которым в Эдинбург прибывали «суперсобаки» из других Анклавов и поезда, преимущественно грузовые, из Британского халифата.

Целая система тоннелей, которая ветвилась под самим транспортным узлом и его окрестностями, сейчас не использовалась. Поэтому вполне логично предположить, что контроль этой зоны ведется не столь пристально, как за периметром авиационного комплекса.

Найти вход в тоннель оказалось непросто. Особенно если учесть, что Лохлан совсем не был уверен, что хотя бы один из них проходит по территории Анклава. То есть внутри бетонной стены, охватывающей Анклав со всех сторон, кроме северной, где плескались воды Ферт-оф-Форта. Стейн тоже был территорией Анклава, но весь транспортный узел находился за стеной, окруженной землями Британского халифата. С Эдинбургом его соединяла единственная, хотя и очень широкая, дорога, являющаяся прямым продолжением Корсторфайн роуд, по которой Лохлан добрался в эти края.

Но ему повезло. Или снова сыграло роль обретенное вдруг чутье, основанное на невероятной логике и ясности мышления, которое подарили ему бессмысленные фразы? Он не устал мысленно повторять их снова и снова, до тех пор, пока лишнее памяти сознание не давало четких и ясных инструкций, что делать дальше. Решения, как и раньше,

появлялись словно бы сами собой, но, если задуматься, можно было отыскать вехи, ориентируясь на которые он и выбирал именно этот вариант, а не другой.

Черная дыра тоннеля уходила вдаль, теряясь буквально в двух шагах, свет здесь был только от неполной луны, да и тот проникал через массивную решетку, которая закрывала вентиляционную шахту. Именно через нее Лохлан и попал сюда. Нашел по характерному запаху, порывами сквозняка вырывающемуся из подземелья. Почему он стал искать эту дыру именно здесь, Лохлан объяснить не мог.

Судя по всему, эта ветка выходила на какую-то разгрузочную станцию в Sway или, не исключено, в соседнем Скотланд-Ярде. Но туда Лохлану было не нужно, ему необходимо двигаться вперед, в сторону транспортного узла. Знать бы еще, где этот самый «перед» – в месте, где он спустился, тоннель шел в перпендикулярном Корсторфайн роуд направлении. Учитывая крошечную тьму, определить, куда поворачивает путь, тоже невозможно.

Здесь волшебная логика помочь не могла. Потому что логика опирается на факты, она оперирует информацией, а в этом месте единственной информацией был ветер, по направлению которого никак нельзя понять, какой путь выведет к Стейну. Хотя...

Транспортный узел располагается на открытой местности, деревьев или высоких башен там нет. За день открытая земля должна была нагреться, а в Анклаве, где торчит целый лес высотных зданий, загораживающих свет солнца, тепла до нижних ярусов дорог долетает значительно меньше. Если его предположения верны, то сейчас ветер должен дуть со стороны транспортного узла.

Учитывая целый ряд усложняющих простые решения технологических особенностей тоннеля, вполне можно и ошибиться. Но выбирать не приходится.

Лохлан повернулся лицом к ветру и, аккуратно ступая по невидимым в темноте шпалам, пошел.

Странно, как сильно влияет на восприятие количество поступающих в мозг данных. В крошечной тьме тоннеля время как будто перестало существовать. Лохлан шагал, стараясь не цепляться носками разношенных ботинок за шпалы, чтобы не упасть, и ему казалось, что этот вояж может продолжаться вечно. Он, словно вселенский странник, вышагивающий внутри газопылевого облака, где не видно ни звезд, ни иных галактик. Он – первооткрыватель.

Направление – его наличие, как таковое – угадывалось только по бьющему в лицо ветру. Несколько раз Лохлан утыкался в шершавую, укутанную толстыми круглыми жгутами стену. Это были силовые кабели в изоляции.

Самым пугающим оказалось ожидание поезда. Здесь были рельсы, и хотя Флетт точно знал, что последний поезд ходил здесь много месяцев назад, разум все равно не уставал подгонять ноги, чтобы успеть выбраться до прихода железнодорожного состава.

В условиях сенсорного голода было очень сложно бороться с потерей памяти. Ставшей непрочной, расползающейся, будто кисель, памяти не за что было зацепиться. Нечего запоминать, никаких ориентиров, за которые могли бы ухватиться предыдущие воспоминания, разбегающиеся, будто крысы с тонущего корабля. Лохлан непрерывно бормотал «*avva, marda avva* », и только это частично помогало. Странная фраза клещами вцеплялась в уползающие образы, заставляя их возвращаться. Но все равно приходилось туго.

Главное – не забыть, куда и зачем он идет. Он Лохлан Флетт – даже попытка вспомнить собственное имя требовала усилий. А от формирования в голове фразы «транспортный узел имени Роберта Стейна» на лбу выступала испарина.

Проблемы появились где-то на втором километре. Если удалось правильно определить расстояние. Лохлан не учел, что с момента Катастрофы тоннелем скорее всего никто не пользовался. Поэтому разгребать завалы никто здесь не собирался. А завалы, как оказалось, были.

Когда Флетт уперся вытянутыми руками в колючие шершавые камни, он решил, что снова повернул, споткнувшись о шпалу, и воткнулся в стену тоннеля. Но быстро догадался,

что это не стена. Это был завал, самый настоящий. Землетрясению все же удалось раскрошить бетонную скорлупу, сдерживающую тонны земли над головой от обрушения, и в этом месте тоннель засыпало. Но здесь должен быть проход, обязан быть – ведь как-то сюда проникал теплый ветер из транспортного узла.

Лохлан ползал по грязной и норовящей ударить скатившимся сверху камнем куче минут десять, прежде чем наткнулся на узкую дыру в самом низу, у рельсов. Судя по тому, что удалось понять на ощупь, в этом месте лежал уцелевший кусок бетонного свода. Он лежал так, что образовывал над полом нечто вроде перекрытия, державшего весь остальной завал. Между правым рельсом и потолком оставался зазор сантиметров сорок высотой. Лохлан вполне мог туда протиснуться, но оставалось неясным, есть ли из этого лаза выход с другой стороны. В отсутствие света проверить это можно было только опытным путем.

Он прополз метра четыре, когда понял, что застрял. Прочно, не имея возможности двинуться ни вперед, ни назад. Лохлана охватила паника, он задергался, сильно ударившись затылком о низкий свод бетонного лаза. Самое плохое, что он перестал повторять свое заклинание, и воспоминания широким бурным потоком потекли в безбрежное ничто забвения.

Книга. Черная, гладкая на ощупь, без надписей. Ему нужно забрать эту книгу, а для этого необходимо двигаться вперед! Ерзая, словно дождевой червь, Лохлан дернулся, на спине справа громко затрещало, и ему удалось продвинуться на несколько сантиметров.

Ему нужна книга! Еще рывок, еще десяток сантиметров отвоевано у бетонной дыры.

Avva, marda avva...

Он – Лохлан Флетт. Сердце, колотящееся в груди, стало медленно сбавлять обороты. Он идет... ползет в транспортный узел, ему нужна книга!

Часть куртки с последним рывком осталась на остром арматурном штыре, торчащем с козырька норы, по которой прополз Лохлан. Дальше тоннель был свободен. И более того, впереди, метрах в трехстах, Флетт отчетливо различал два маленьких огонька – судя по всему, он добрался до транспортного узла.

Наверное, еще никогда в жизни Лохлан так не радовался тому, что видит свет. Два крошечных светодиодных габаритных огонька, по неизвестной причине все еще горящих здесь, в разветвлении тоннеля. Едва заметный свет диодов после крошечной тьмы, в которой двигался Лохлан, казался ярче мощных прожекторов. Первым желанием, когда он приблизился к огням, было отодрать их от стены и забрать с собой. Но в этом уже не было необходимости – сразу за поворотом тоннель расширялся, и здесь было много подобных огоньков, а сверху лился призрачный желтоватый свет из залов транспортного узла. До цели осталась пара сотен метров.

* * *

Смутные сполохи с ритмичностью автоматной очереди падали на лицо, отражаясь в темных зрачках. Эффект стробоскопа, удар по нейронам. Ритм выводил из себя, выбивал из колеи.

Лохлан пытался понять, откуда исходит свет, но в темноте, царящей вокруг, так ничего и не высмотрел. Только короткие вспышки, на мгновение выхватывающие из небытия огромное пространство подземной железнодорожной развязки. Расходящиеся во все стороны веером рельсы вспыхивали сотней бликов, которые стремительно разбежались куда-то в параллельные миры, чтобы оставить Землю во тьме.

Казалось, мир начинает вращаться, делая один виток за другим. Казалось, Лохлан бежит куда-то сломя голову, стремглав, не разбирая дороги. Казалось, тысячи труб Страшного суда затрубили в одночасье, норовя добраться до самого сокровенного, до самого нутра, туда, где спряталась ушедшая память.

Непонятные вспышки терзали мозг, вытряхивая из него содержимое. Миллиарды битов потерянной и забытой информации вываливались в сознание огромными

разрозненными кусками, норовя захлестнуть неумолимой волной. Лохлан уверился, что совсем скоро сойдет с ума.

Черт бы побрал все эти книги, вудуистов, СБА и прочих охотников за чужими тайнами!

Флетт обхватил голову руками, лег на обжигающие морозным холодом рельсы и зажмурил глаза. Он никуда не бежал, он вообще не двигался. И мир оставался на месте. Только белые сполохи не исчезали, он продолжал видеть странные вспышки даже с закрытыми глазами.

Надежда на память не оправдалась. Тот поток, что внезапной кашей вывалился в сознание из каких-то потаенных глубин, оказался совершенно бесполезным конгломератом обрывков всей его жизни. Преимущественно детских впечатлений.

Ничто так не врезается в память, как первое ощущение. Первый вдох, первое прикосновение матери, первый поцелуй. Потом все эти восхитительные вещи превращаются в привычку, в то, что, по нашему разумению, не требует никакого запоминания. Новый и чудесный мир растворяется в неясной пелене забвения, становясь серой обыденностью. И только действие, только боль и борьба способны раскрасить мир заново.

Лохлан резким движением поднялся на ноги, широко раскрыв глаза. Свет вспыхнул в последний раз и уступил место привычной здесь тьме. Справа, метрах в пяти, пронзительно запищало невидимое нечто, и тогда Флетт понял, что произошло.

Работающие габаритные светодиоды, ясно осязаемый гул, который сознание прочно ассоциировало с ветром, продолжающим трепать волосы и бороду, и странные вспышки, которые чуть было не свели его с ума. Все объяснялось очень просто – по какой-то неведомой причине в зоне подземной развязки грузовой железнодорожной ветки не выключили дежурное электроснабжение. Автоматика продолжала исправно работать.

Это могло оказаться опасным – не исключено, что камеры наблюдения пишут сейчас картинку в тепловом или инфракрасном режиме. Хотя какая разница – если в данный момент перед экранами в помещении службы безопасности транспортного узла никого нет, что за несчастье, если Лохлана увидят спустя сутки в записи. Наверняка существовала автоматическая система оповещения с высокочувствительными датчиками движения или еще чем-то, но, поскольку здесь до сих пор никто не появился, она либо не работала, либо на нее всем было наплевать.

Тот писк, что навел Лохлана на правильную мысль, был предсмертным воплем крысы, издохшей где-то на соседней ветке между шпалами. Сполохи оказались не чем иным, как плановой дератизацией, разгоняющей и убивающей крыс вспышками света определенных характеристик, производимыми с особой частотой, вместе с мощными электромагнитными импульсами. Для человека этот ритм не опасен, мог лишь вызвать легкие, быстро проходящие расстройства психики. Разумеется, не предполагалось, что в момент обработки кто-нибудь будет разгуливать в темноте по рельсам.

Но на разум Лохлана эти вспышки оказали куда более сильное воздействие, чем могли бы. Сам Флетт этому не удивился. Он вспомнил свой визит в храм духа Легбы, вспомнил, как разговаривал с ним хунган.

Импульсы «крысобойки» почти не затрагивали психику обычного человека. Но не Лохлана. У него были руки, ноги. Голова, наконец. Но что было внутри ее, почему он забывал все, что происходило, чуть ли не раньше, чем событие успевало свершиться? Почему в голове то и дело появлялись странные фразы, которые заставляли сознание лепить из ничего не значащих фактов какие-то глобальные догадки и невероятные стратегии? Почему он был способен вычислить прошлое, которого не помнил, и предвидеть будущее, которого еще не было? Кто он – пророк или источник лжи и ереси?

Ответ ждал впереди. Ответ в той книге с непроницаемо черной обложкой. Той, что не имела названия.

В памяти, перевернутой недавней атакой «крысобойки», возник негр в белых

одеждах, с пояса которого Лохлан стремительным движением срывает острый клинок. Хунган Вуду? Откуда эта картинка? Нет, он не знал, скорее всего какая-то фантазия, порожденная ритмом света и электромагнитными импульсами «крысобойки». Откуда могут быть хунганы, ведь он пришел за книгой храмовников? Откуда он может знать о каких-то нейронных цепях, бессмысленные воспоминания о которых отрывками выплывают из прохудившейся памяти? Откуда приходит странное чувство, что он заварил такую кашу, расхлебывать которую придется всем миром? Откуда вся эта абракадабра?

Вот и узнаем. Уже осталось недолго, книга где-то рядом, Лохлан как будто бы ощущал ее присутствие каким-то особым мистическим чувством. Нутром он ее чувствовал.

Возможно, из книги он узнает все тайны. Возможно, ему откроется будущее, и станет понятно, закончится ли когда-нибудь этот бред.

А возможно, из памяти Лохлана исчезнет мистика, и станет ясно, с чего началась эта история.

Глава шестая

Год назад

1

Молодой человек увлеченно что-то рассказывал, то и дело тыча пальцем в большой 3-D экран, стоящий перед ним на лабораторном столе. Он не замечал ничего вокруг, сейчас для него существовали только формулы, сканы электронного микроскопа и собственные построения, выполненные с помощью мощного университетского компьютера, снабженного парой «поплавков».

– Вот эти, закрученные в спирали, сети, – говорил молодой человек. – Именно они и отвечают за развитие побуждений и намерений.

Молодой ученый рассказывал о собственных достижениях коллегам заметно старше его. Коллеги наблюдали за демонстрируемым им действием с явным скепсисом.

Интересно, что же он такое изобрел? Лохлан слышал что-то о намерениях. Это была как раз та тема, что интересовала его в последнее время.

– По-моему, вы фантазируете, – вынес свой вердикт один из «старших товарищей», выходя из комнаты. Все остальные тоже постепенно разошлись, оставив первооткрывателя наедине со своим открытием.

Парень продолжал водить указательным пальцем по столешнице, заставляя двигаться висящую на мониторе картинку. На него было жалко смотреть, казалось, еще чуть-чуть – и он заплачет.

– Вы что-то рассказывали о намерениях? – спросил подошедший поближе Лохлан.

Парень вздрогнул от неожиданности, резко стукнул пальцем по пластику стола, и картинка на экране погасла.

– Вы кто? – недружелюбно поинтересовался он.

– Профессор социопсихологии Лохлан Флетт.

– Очень приятно, – отозвался молодой ученый, но по лицу было件нятно, что нисколько ему не приятно, а, вероятно, даже наоборот – тоскливо и гадко.

– Я занимаюсь социопсихологией, – довольно нелепо добавил Лохлан.

– Я догадался.

В лаборатории повисла тишина. Вязкая, словно мед. Пауза затягивалась.

– Вы говорили о намерениях и побуждениях, – напомнил Лохлан. – Не могли бы вы объяснить суть вашей работы мне.

Парень угрюмо взглянул на профессора. Ему явно не хотелось метать бисер перед свиньями, а именно это он видел, представив себе рассказ нейробиолога профессору

социопсихологии.

– А вам-то зачем? Они вон и то не заинтересовались...

Понятно, он расстроен отсутствием внимания. Его работа оказалась никому не интересной. А чего он, собственно, ждал – кому в полуразрушенном, почти полностью лишенном электричества и водоснабжения Анклаве могли понадобиться изыскания по нейробиологии? Любые научные данные тщательно фиксировались, но приоритеты отдавались в первую очередь энергетике и синтезу пищи. Так что парень просто не попал в струю. Плюс коллеги явно сомневались в ценности полученных им данных.

– Видите ли, намерения индивидуума играют довольно значительную роль в психологической оценке социума. Формирование намерений и побуждений к действию в социальных группах имеет свои законы, но они, в любом случае, неразрывно связаны с намерениями отдельно взятой личности.

По глазам молодого человека Лохлан догадался, что тот ничего не понял из сказанного. Проблемы социума были ему неведомы и неинтересны. Но он поверил в то, что Лохлан спрашивал не из развлечения, а проявлял настоящий, неподдельный интерес к его работе.

– Я изучал нейронные цепи в гиппокампе. Вообще-то моей темой была память – еще до Катастрофы мы пытались создать программы обучения, которые можно было бы загружать в мозг через «балалайку». К сожалению, мы так и не достигли реальных результатов. Если бы не эта авария на Станции...

– Что было бы тогда?

– Сейчас все наши прошлые исследования закрыли, нас бросили на медицину и радиационные поражения.

– Разумно, – констатировал Лохлан. – Восстановление электростанций сегодня самая насущная проблема. Для восстановления и наладки их работы нужны рабочие, способные хотя бы какое-то время выдерживать повышенный фон.

– И вы туда же... Их беспокоит в первую очередь военное применение.

Флетт пожал плечами. То, что настали тяжелые времена, было очевидно. Это, на взгляд Лохлана, не требовало объяснений.

– Мы пытаемся выжить.

– Но фундаментальная наука...

– Так что у вас вышло с намерениями?

3-D экран снова включился. Слева направо, закручиваясь в широкую спираль, напоминающую ракушку улитки, тянулся ряд ветвистых пирамидок.

– Что это? – спросил Лохлан.

– Нейроны. Электронный скан гиппокампа.

– Разве вы первый, кому удалось получить подобную картинку? – В голосе Лохлана прорезались нотки скепсиса.

Молодой человек скривил губы, его указательный палец с вживленной в подушечку мышкой конвульсивно елозил по столу. Он явно раздумывал, не послать ли Лохлана куда подальше. Но то ли ему и в самом деле очень хотелось рассказать о своей находке, то ли сдерживал профессорский статус собеседника, но он не стал снова выключать экран.

– Дело не в картинке, – снисходительно объяснил молодой ученый. – Это просто для наглядности. Вот, смотрите...

Он стал двигать указательным пальцем быстрее, и на экране начали вспыхивать и гаснуть целые цепи нейронов. С ними что-то происходило, менялась структура сети, отростки похожих на пирамидки клеток двигались, отваливались от соседних клеток или, наоборот, прилипали к новым.

– Это расчетная компьютерная модель, выполненная на основе многократного сканирования.

– Где вы это взяли? – спросил Лохлан. Ему внезапно пришло в голову, что для того, чтобы получить эти снимки, необходимо было нашинковать чей-то мозг тоненькими пластинками.

– В препарате. – Молодой человек не понял, что так смутило профессора. – В крысиной голове. Препараты приготавливались тотчас после появления перед животным проблемы выбора. У них должны возникать в этот момент намерения – остановиться, вернуться, пойти направо, налево. Были критерии выбора направления, пригодные для крысы. Например, разная пища или две самки в противоположных сторонах клетки. Я изучал, как влияет способность к запоминанию, структурные особенности механизмов памяти на выбор животного. Разумеется, большую часть работы составляют функциональные данные активности различных зон мозга. Аутопсия применялась в небольшом проценте случаев – с такой методикой невозможно проследить динамику.

«Ага, ясно. Значит – крысы. А как же люди?»

– Неужели намерения людей измеряются теми же критериями, что и крысиные? Трудно поверить.

– Но это факт. Мозг у млекопитающих устроен очень похожим образом. Конечно, у людей он несколько сложнее, но основные, так сказать, базовые механизмы одни и те же.

– А скажите... Кстати, как вас зовут?

– Майкл, – представился молодой человек, – Майкл Перов.

– Так вот, скажите, Майкл, неужели крысы тоже склонны обдумывать решения, которые они принимают? Я слышал, что мышление характерно только для вида *homo sapiens*.

– В общих чертах вы правы. Но только в общих. На самом деле люди размышляют, выбирая из возникших в ходе бессознательной оценки окружающего мира намерений то, что, как им кажется, подойдет лучше всего. Причем в большинстве случаев это именно кажется. Например, толпа...

– Да, – с ходу согласился Лохлан.

Термин «толпа» был ему известен куда лучше, чем этому юному дарованию. Толпа не имела ничего общего с процессом размышления. Толпа получала намерение – как правило, чье-то, иногда впоследствии даже не удавалось выяснить – чье, и безропотно его выполняла.

– Расскажите, а как это работает? – вернулся Лохлан к основной теме.

– Вот здесь, в этой цепочке нейронов, возникает возбуждающий импульс. Он задействует память, предыдущий опыт и обрабатывает данные – гиппокамп это что-то вроде оперативной памяти у компьютера. Вот она, цепь, отмечена синим цветом. Выбирается та цепь, проводимость сигнала в которой выше. Это можно сравнить с более быстрым «поплавком» в компьютере, объединенным в сеть с древними «дровами», – маршрутизатор перераспределит основную часть потока на более мощную машину. Это было известно и раньше. Но понятно, что намерения имеют некоторую спонтанность, иначе крысы всегда шли бы к одной и той же цели. Только иногда они меняют решение – что-то побуждает их к этому. Вот этот триггер, эта группа нейронов, которую я обнаружил...

Майкл продолжал рассказывать о своем открытии. Профессор Флетт слушал вполуха – он мало понимал из экспрессивного рассказа молодого ученого. Он думал о другом. Мысли Лохлана занимал вопрос, что будет, если заставить эту группу нейронов, которую нашел юный Перов, работать каким-то конкретным образом. Ведь толпу можно представить как эту спиралевидную массу, которую Майкл сейчас показывал на экране. Тогда кучка нейронов Майкла – это как бы когорта провокаторов. Не обязательно явных, преследующих какие-то конкретные цели. Это просто могут быть заводилы с шилом в одном месте, не обремененные никакими идеями и даже жадой наживы.

Умелое управление толпой – самый короткий путь к власти. А умелое управление намерениями того, кто уже облечен властью?

Лохлану сделалось страшно от собственных мыслей. Он посмотрел на Майкла, который продолжал с упоением свой рассказ. Парень явно был в полном восторге от собственных идей. У него с побуждением все было в порядке, ему, похоже, даже мотивации, подстегиваемые памятью о вкусной еде и пышногрудой самке, особенно не требовались.

– Что управляет группой нейронов, отвечающей за намерения? – резко, перебив рассказ

Перова, спросил Лохлан.

– Что?

– Что управляет той частью мозга, которая руководит поведением? Как возникают мысли, вроде – «а не пойти ли мне в боулинг»?

– Я... я не знаю, – промямлил Майкл и поправился: – Точно не знаю. Здесь все управляется активными цепочками ДНК и РНК, клетки строят новые молекулы. Механизм очень похож на сохранение информации, но действует иначе.

– А возможность это узнать есть?

– Вы же видели – никто не воспринимает мои работы всерьез. Тем более вы сами сказали, что приоритетные направления сейчас совсем другие.

Лохлан кивнул. Все действительно так. Здесь, в университете Анклава Эдинбург. Но выигрывает тот, кто думает не только о настоящем. Прошное тоже имеет значение, а тот, кто отважится, вопреки всему, заглянуть в будущее, может оказаться на коне. Или – в грязной луже, если конь этот окажется с норовом.

– Дай-ка мне свой номер, – сказал Лохлан. – Возможно, мне удастся сделать для тебя кое-что.

– Вам?

– Давай, давай.

Лохлан упер палец в стол и быстрыми движениями внес номер «балалайки» Майкла в свою записную книжку.

Похоже, удалось отыскать то, что как раз ему требовалось. Лохлан давно присматривался к происходящему в Университете, он нашел несколько талантливых ученых, но пока никто из них не показал нужного уровня. Не исключено, что Майкл станет его первым настоящим достижением. Пыл у парня есть, мозги – с намерениями – тоже на месте. Те, кто разбирается во всех этих нейронах и нейромедиаторах, наверняка смогут по достоинству оценить открытие. И воспользоваться им.

Как? – это уже не его, профессора Лохлана Флетта, вопрос.

2

– Что там еще?

Директор сидел за столом, закрыв глаза, и усиленно тер виски. Очень хотелось спать. Хотя бы разок за неделю поспать больше четырех часов. Но пока ничего не получалось. Дела, дела, дела...

– Звонили люди эмира, – сообщил голос внутри головы – на «балалайку» пришел вызов Мэла Крайтона, заместителя по финансовым вопросам. – Они готовы предоставить нам еще четыре гигаватта при условии, что мы увеличим поставки модифицированных дизелей на двадцать процентов.

Мортенс с силой хлопнул себя по лбу, потом дважды по обеим щекам. Это немного взбодрило. Стимуляторы он пока не пил – врачи запретили после срыва, который произошел две недели назад. Два дня выпали из памяти Мортенса. По свидетельствам очевидцев и собственной «балалайки», он вел себя вполне адекватно, руководил процессом и отдавал весьма здравые приказы. Но он ничего не помнил об этих днях, как будто на это время его тело взял в займы кто-то другой. Медики объяснили, что мозгу – хоть со стимуляторами, хоть без – все равно требовался отдых, стимуляторы только удлиняли период активности. Для компенсации требовался более длительный отдых, чего Мортенс позволить себе не мог.

Кофе – настоящий, черный – не помогал. От дорожного напитка только начинали дрожать руки, а спать все равно хотелось. Слишком большая доза. Только чего: кофе или работы?

– Почему они не хотят обсудить этот вопрос с Ульссоном? В СБА не производят дизели.

Мортенс понимал, почему решения хотят именно от него, но ему до чертиков надоело

держат на себе весь Анклав. Тем более после того, как оказалось, что он – всего лишь послушная марионетка в руках верхолазов. Еще не прошло и месяца, как Койман, тот же Ульссон и еще ряд других значимых фигур показали директору СБА, кто здесь хозяин.

Они предвидели, что Мортенс захочет полной власти над Анклавом. А может быть, ждали не его, а того же эмира – кто теперь расскажет? Они предвидели и подготовились, внедрив во все оцифрованные процессы на производстве специальное кодирование. Филгорн лично потел часов пять, прежде чем с виноватой рожей развел руками – сделать было ничего нельзя, коды не расшифровывались. Вариант «не доставайся же ты никому» не подходил – уничтожить сеть производств Thunderhall означало быструю и неминуемую смерть Эдинбурга как самостоятельной единицы. Как Анклава.

Мортенс не был идиотом, поэтому на условия верхолазов, поскрипев зубами, согласился. И взвалил на себя весь груз ответственности по управлению Анклавом, как было велено. Теперь все, как он и хотел – директор СБА заведовал не только безопасностью, но и остальными направлениями. Работал мэром. Тьфу – клоуном для верхолазов он работал, вот кем!

Его не выгнали и не убили. Хотя вполне могли это сделать. Мортенс был уверен, что, если бы не Койман – человек мудрый и дальновидный, несмотря на свойственную ему склонность, – то он вряд ли дожил бы до сегодняшних дней.

Сразу после Катастрофы, когда улицы заполнились обезумевшими кто от отчаяния, кто от безнаказанности и вседозволенности людьми, когда две трети продукции, которую производил Анклав, оказались никому не нужны, когда стало негде жить и нечего есть, именно Мортенс решил проблему. Именно директору СБА хватило выдержки и мужества не начинать стрельбу и наведение порядка силой, а разработать и воплотить в жизнь целую программу по восстановлению инфраструктур.

Эти самые инфраструктуры работали из рук вон плохо до сих пор. Но они работали: две пищевые фабрики продолжали производить еду – бесплатную для граждан Анклава, верхолазы соорудили недовольные мины, но согласились; переговоры с Шеффилдом и с эмиром Шотландии увенчались успехом, и Мортенсу удалось получить гарантии в неприкосновенности Эдинбурга и выторговать электроэнергию, дефицитную даже в Британском халифате, богатом на атомные станции, которой хватило бы на что-то еще, кроме работы основных производств. Расплачиваться за это пришлось верхолазам. Но так было всегда – богатые собирали урожай, продавая всякую дрянь беднякам, а взамен были вынуждены отдавать часть заработанного, чтобы чувствовать себя спокойно. Времена настали трудные, поэтому и расходы возросли.

Нынешний Эдинбург буквально держался на директоре СБА, на его авторитете среди граждан Анклава и правителей провинций Британского халифата. Койман рассудил правильно (а может быть, это был вовсе и не Койман) – без Мортенса непрочный мир и только зародившаяся стабильность будут разрушены, и придется строить отношения заново. И не факт, что получится.

Поэтому штурм производств афишировать не стали. Тем более что бойцы Мортенса тоже особого шума не производили. Они собрались в кабинете Коймана – Мортенс, Филгорн и Пракаш со стороны СБА и девять верхолазов, судя по всему, все, кто был посвящен в наличие кодирующих сеть Thunderhall программ. Поговорили и пришли к общему знаменателю. Теперь приходилось расхлебывать.

– Хорошо, переключи их на меня, – ответил он, наконец, Крайтону. Заместитель стоически ждал, не реагируя на риторический вопрос начальника.

Картинка на наноэкране сменилась – подключилась вторая линия, на которой ждал ответа младший сын эмира Шотландии Абдель. Мортенс оценил отношение эмира. Ну что ж...

– Здравствуйте, дорогой мой Абдель, – Мортенс расплылся в улыбке.

– Салям, дорогой Мортимер, салям. – Тон сына эмира был скорее недовольным, чем приветливым.

Ну конечно же, папаша заставил недоноска бросить развлечения и заняться делом. Интересно, он на самом деле думает, что Мортенс не знает, как подобает здороваться сыновьям эмира с людьми положения директора СБА, или нарочно показывает свое отношение?

– К сожалению, любезнейший Абдель, – Мортенс вложил в обращение столько неприязни, сколько сумел, – мы не можем предложить больше десяти процентов. Вы же понимаете – на планете кризис.

Никуда он не денется – дизели в Шотландии на вес золота. Транспортировка двигателей из других Анклавов, даже из не столь далекого Франкфурта, увеличит стоимость раза в четыре. Так что деваться тебе, дорогой Абдель, некуда. Придется получить от папаши по попке – не договориться тебе, родной, о двадцати процентах.

А электроэнергию они все равно дадут. Немного, возможно, поартачатся, но дадут – иначе не получают не то что дополнительные двадцать процентов, но и того, что получали сейчас, им будет не видать как своих ушей.

– В энергетической отрасли кризис разгулялся больше всего, – Абдель не скрывал своего раздражения.

Сколько этому щенку лет? Мортенс видел его всего пару раз, и то мельком. Абдель показался ему совсем пацаном – лет девятнадцать-двадцать, не больше. Похоже, эмир ошибся в отпрыске: переговоры тот безбожно провалил.

– Да, разумеется, – Мортенс сделал вид, что не понял слов Абделя, – без экономичных дизелей сейчас никуда. Батареи Ллейтона, похоже, навсегда ушли в прошлое.

Ему показалось, или Абдель действительно поперхнулся?

– Вы же понимаете, дорогой Мортимер, нам нужны машины – восстановление атомных станций невозможно без хороших машин. Может статься, мы могли бы договориться о пятнадцати процентах?

– Упрек портит доброе дело, – с отеческим укором в голосе произнес Мортенс.

Он загрузил в свою «балалайку» длинный список арабских пословиц и использовал их при любой возможности на переговорах с шотландцами. Обычно это приводило их в замешательство на несколько секунд, в течение которых Мортенс мог насладиться тишиной и отсутствием льющихся из ртов «дорогих британских друзей» слов, липких и сладких, как мед, но опасных, как цианистый калий.

– Мы поставляем вам достаточное количество двигателей, но, исключительно в знак проявления наших теплых и глубоко дружеских отношений, готовы увеличить поставки на десять процентов. Мой уважаемый Абдель.

– Мы, вероятно, не сможем...

Нет-нет, это уже никуда не годится. А что папа скажет на такой исход переговоров.

– К огромному сожалению, в связи с перебоями в электроснабжении, – Мортенс на дал договорить эмирскому отпрыску, сделав вид, что не расслышал его слов, – не исключено, что нам придется резко снизить количество производимых машин. А про электронные узлы тут и упоминать не стоит. Сами понимаете, дорогой Абдель, что об экспорте в таких условиях не может идти и речи.

– Я могу считать нашу договоренность о десяти процентах окончательной? – Тон резко сменился. Скорее полон страха, а не раздражения.

Ну что ж, значит, договорились.

– Разумеется, милейший Абдель. И речь пойдет только о продукции самого высокого качества.

Мир раскололся на куски, скрепленные тонкими ниточками. Разрушены заводы, остановились атомные станции, не работает сеть... И это только основные проблемы. В Эдинбурге все еще на так плохо – привычные инфраструктуры сохранились почти полностью. Одна беда: без электричества ничего не желает работать. А собственных электростанций у Анклава нет. Разве что пара небольших реакторов в Университете и Thunderhall, но их мощности с трудом хватало на те цеха и лаборатории, в которых они

находились. Анклав задыхался, попав в энергетический коллапс. Британский халифат задыхался, лишившись почти всего – в том числе и части своих территорий: на юге жить стало невозможно, там рассыпались в прах несколько АЭС, превратив Ланданабад в радиоактивную пустыню. В огромный «карман», как теперь стали называть такие места.

Так что ниточки, еще державшие разорванные куски мира на последнем издыхании, все старались сохранить изо всех сил. И протянуть новые. Поэтому ссориться никто не хотел – ни Мортенс, ни эмир.

Но наказать эмира за дерзость все равно стоило. Не сильно, но чтобы заметил и понял намек.

– Крайтон?

– Да?

– Пускай наши люди отберут из продукции Ульссона дополнительную партию дизелей из частичной некондиции в счет этих десяти процентов. Эмир не станет возражать.

– Конечно, господин директор.

– Да, постарайтесь, чтобы гарантийный срок все узлы выдержали.

– Разумеется.

Голос ровный и спокойный до безобразия. Как ему удастся сохранять столь серьезный тон?

Мортенс с силой, так, что заплесали черные круги, потер глаза и вытащил «балалайку» из разъема на затылке. Время спать еще не пришло, еще нужно встретиться с Филгорном.

Часы на большом черном коммуникаторе, висящем на стене, показывали половину второго ночи. Филгорн уже в приемной. Тоже, наверное, хочет спать. А может, прикорнул, пока шеф не допускает его в свои апартаменты. Ничего, пускай покемарит еще пять минут.

Мортенс хотел насладиться тишиной. Просто тупо посидеть в кресле, уставившись в темноту за окном, нарушаемую лишь тусклым светом двух экономичных фонарей, освещавших площадку перед холмом, на котором стоял Замок. Бездумная трата энергии. Никакого пафоса – охрана настояла: потратить сто ватт за ночь на фонари дешевле, чем держать постоянно включенной систему ночного видения. И энергетически, и по расходнику – «ночники» произвести возможно, но слишком уж дорого, а выходили из строя они довольно быстро.

Черт возьми, когда теперь доведется просто посидеть у окна? Или – на берегу Ферт-оф-Форта. Просто посидеть, посмотреть на воду, бросить с высокой набережной пару камешков, наблюдая, как, тихонько булькнув, они плавно опускаются в прозрачной воде на дно. Мортенс смотрел в черноту за окном и боялся повернуться. Потому что знал – стоит увидеть длинный полированный стол для совещаний, пачку каких-то бумаг на своем рабочем столе, разнообразные графики, планы, проекты и прожекты... стоит увидеть это все, как становилось ясно – никогда не увидеть той идиллии, которой хотел, страстно желал его разум. Мир стал другим. Мир остался прежним: с оскаленными зубами, выпущенными когтями и желанием урвать побольше.

Кресло тихонько скрипнуло, когда его хозяин резко повернулся, хлопнув руками по столу. Пора было вернуться к делам Анклава. К делам *своего* Анклава. Поскольку, как говаривал Людовик XIV, государство – это я. Перефразировать на Анклав труда не составит.

– Садись, Дэвид, – Мортенс показал вошедшему Филгорну глазами на кресло прямо перед собой.

Директор, как и большинство безов, был человеком прагматичным. Он не особенно разделял благоговение машинистов перед сетью, не считал цифровой мир чем-то священным и полным чудес. Он смотрел на вещи более здраво – правильно то, что может принести пользу. Сейчас, как оказалось, Цифра принесла Мортенсу одни неприятности.

Но силу всегда можно использовать против ее обладателя. Была в одной из провинций Народной Республики такая борьба – айкидо. Основная идея этой борьбы заключалась не в развитии мускулов и силе удара. Непобедимым становился тот боец, который наиболее умело использовал силу своего противника против него самого.

Этот же номер и хотел проверить Мортенс с верхолазами. С их кодами на их долбанных производствах. Без которых – никуда, ничего не попишешь.

– Как продвигается работа?

Филгорн вздохнул. Мортенс знал: работа продвигалась из рук вон плохо. И еще более из рук вон – медленно. С такими темпами жизни не хватит на воплощение наполеоновских планов.

– Есть подвижки, – неожиданно обрадовал начальника Филгорн. Правда, постное выражение с его лица никуда не делось.

– Рассказывай.

Предложение прозвучало вяло, обреченно. Словно Мортенсу на самом деле глубоко наплевать на то, какие подвижки совершил Филгорн со своими машинистами. Это, конечно, не так, но сил на восхищение или хотя бы на простую радость совершенно не осталось.

– Мы тут велосипед изобретаем, – каким-то обреченным тоном начал Филгорн.

– Дэвид, оставь метафоры. Ночь уже – спать давно пора.

– Нет, я серьезно. Мы подняли исторические факты и поняли нашу главную ошибку.

Филгорн замолк, не мигая уставившись в глаза Мортенсу. Ну что у него за привычка театральные представления устраивать?! Это во втором-то часу ночи!

– Не тяни. И человеческим языком объясни, что вы там нарыли.

Ответом последовал тяжелый вздох – нелюбовь Дэвида говорить о сети «человеческим языком» была хорошо известна директору. Но проходить компьютерные курсы, чтобы разбираться в терминах машинистов, он тоже не собирался.

– Мы пытаемся защитить нашу сеть от вирусов, создать программу взлома кодов, обеспечить безопасные каналы связи. Мы стараемся сделать это давным-давно.

Опять пауза. Он что же, ждет, что Мортенс восторженно скажет: «Ба!» – и закончит фразу за него?

Но Филгорн продолжил самостоятельно, выдав завершающий аккорд, будто вбивая последний гвоздь в крышку гроба:

– Мы топчемся на месте!

– Что ты предлагаешь?

– Бессмысленно пытаться сделать стены крепости выше, если враг вооружен баллистическими ракетами. Р-вирус непобедим, это доказано неоднократно. Но он не работает на пустом компьютере, он не способен разрушить сеть, если в ней нет никакой информации. Он вообще не способен там работать. Как и его биологические аналоги – вирусы не живут, они только паразитируют на механизмах жизнедеятельности клетки.

– Дэвид, давай оставим вводную часть. – Мортенс многозначительно взглянул на цифры, демонстрирующие неуклонный бег времени, приближающий наступление утра.

– Система, – как-то невнятно объяснил Филгорн. С «человеческим языком» начались проблемы. – Нам нужно поменять систему среды, изменить прошивку сети, так, чтобы мы могли добраться до наших – и не только – данных, но чтобы вирус в ней не работал. Как в биологии: вирус птичьих болезней не воспроизводит клетки, скажем, собаки, они не работают для этого типа вирусов.

– Это возможно технически?

– Мы подняли данные о различных операционных системах прошлого. Подобное уже было – история может пригодиться не только в политике. Когда операционная система, установленная на восьмидесяти процентах компьютеров мира, упала под воздействием нового на тот момент б-вируса, многие пользователи перешли на другие операционные системы. Благо они уже существовали. Вирус удалось победить в течение нескольких недель – другие системы были невосприимчивы к нему. Нам нужно сделать что-то похожее. Только сложность в том, что операционной системы для нынешней сети, работающей как-то иначе, не существует. Ее придется создавать заново.

Мортенс отхлебнул из кружки остывший кофе – слова Дэвида доходили до него с трудом.

– Ты в силах это сделать?

– Не уверен насчет полной замены, но перекроить имеющуюся, модифицировав программное ядро, возможно, удастся.

– Тогда – действуй. А что с нашим вопросом?

– Новые коды мы установим без труда.

Мортенс улыбнулся. Широко и искренне. Когда Дэвид принесет ему эти коды на блюдецке, улыбка станет еще шире – Мортенс готов даже порвать рот ради такой радости.

– Тогда действуйте. Финансирование я как-нибудь выкрою.

– Проблема в другом.

Филгорн замялся. Вопросы, связанные с работой компьютеров, виделись ему сложными, но решаемыми. А вот политические... В этом направлении мозги Дэвида работали не самым лучшим образом.

– Допустим, мы создадим этот продукт. Разработаем полную схему его внедрения. Составим смету.

– Деньги я найду.

– Потребуется слишком много денег. Необходимо восстановить большой объем технических средств, многое нужно будет просто заменить – некоторые гаджеты структурно завязаны на общепринятую систему, с новым ядром они не станут работать. Этого не сделать на... сэкономленные средства.

– Вы сначала сделайте работу и дайте мне смету, а уж потом...

– Они не дадут нам этого сделать. Не позволят влезть в корпоративные сети. И все – никакого результата. Мы получим отлично отлаженную игрушку на базе серверов «Иглы», только и всего.

Да, Дэвид прав. На радостях директор упустил из виду тот факт, что любые действия теперь приходится согласовывать с верхолазами. А вмешательство в сеть они наверняка воспримут как личное оскорбление. Даже если Мортенс пообещает избавление от р-вируса. Тем более что активность тритонов заметно уменьшилась, не сказать, практически полностью иссякла.

– Ты прав, – угрюмо согласился Мортенс и, отхлебнув из чашки, проворчал: – Мерзкое пойло. Я придумаю что-нибудь. Главное, чтобы было, что им предложить, а как – это уже технический вопрос. Я справлюсь.

Кабинет, освещенный электрическим светом, стал расплываться, будто подернутый дымкой. Все, конец силам. Работать дальше бесполезно – он ничего не соображает, снова будет бормотать что-то, как сомнамбула, а потом ничего не вспомнит.

Филгорн все понял, он поднялся из кресла, подождал для приличия, когда директор кивнет в знак согласия, и удалился, плотно закрыв за собой дверь.

– Я справлюсь, – пробормотал Мортенс в пустоту кабинета. – Я обязательно справлюсь...

3

– Он? – Выражение лица у Бойда было такое, словно Шотландец, заняв позицию в низком старте, ждал выстрела, чтобы рвануть стометровку на одном дыхании.

Лиса махнула на него рукой и приложила палец к губам.

Нет, он, конечно, понимал, что шуметь не нужно. Да и ломщице он мешал. Учитывая очень условную работу нынешней сети, потерять связь с сервером этого козла было проще простого. Но Бойд был человеком дела. Он умел думать и строить стратегии, а сейчас ему хотелось только одного – найти негодяя и объяснить ему, где в этих краях зимуют раки.

Скотланд-Ярд всегда был территорией его клана. Уже несколько лет люди Бойда держали большую часть территории Оксганс, хотя и оставалось несколько группировок, контролирующих приграничные с другими территориями районы. Этому нужно положить конец. Особенно после того, как оказалось, что кто-то из этих шавок устроил торговлю

ворованной соляжкой прямо под носом у Бойда. Более того – на его территории.

Лиса открыла глаза, глядя невидящим взглядом на Шотландца, медленно и аккуратно закрыла крышку «раллера». Когда проводок психопривода исчез в кармане ломщицы, Бойд наконец не выдержал и, схватив девушку за воротник расстегнутой куртки, встряхнул ее.

– Ну?!

Ломщица улыбнулась и отодрала огромные лапы Бойда от своей одежды. Она ничего не говорила, только кивнула.

– Пошли! – громогласным шепотом отдал команду Бойд, и пятнадцать бойцов, которых он отобрал лично, быстро и бесшумно рванулись к воротам в ангар.

Ибрагим ар-Рахман держал небольшой клан в Скотланд-Ярде давно. До Катастрофы он был мелким вымогателем. В свое время Ибрагим поссорился с Хашимом Сули, который держал весь Муслим, и был вынужден уйти на соседнюю территорию. В Скотланд-Ярде ему удалось каким-то образом закрепиться, а сейчас, после того как мир тряхнуло, он обнаглел окончательно, рассчитывая, что хаос, воцарившийся в Анклаве, пошатнул позиции Бойда.

Ибрагим сильно ошибался. Шотландец не трогал араба до тех пор, пока на него не было особых жалоб со стороны жителей Оксганса. Жалоб на него не было и теперь. Но он воровал соляжку и торговал топливом на территории Бойда. А это уже было просто хамством.

Ворота, которые собирались вышибать из гранатомета, оказались тонким дюралем, висящим на проржавевших петлях. Тратить снаряды не пришлось – хватило удара ногой двоих парней, чтобы сорвать хлипкий замок. Но внутри было пусто. Только стол, стоящий у дальней стены ангара, и дизель, тарахтевший у самых ворот.

За столом перед компьютером сидел какой-то неизвестный Бойду старик, который поднял руки вверх, как только увидел вооруженных людей у распахнувшихся ворот. Аксакал улыбался, и от этой улыбки на душе Шотландца сделалось тоскливо. Неужели он просчитался? Тогда его клан проиграл – простую битву с недоумком ар-Рахманом.

– Лиса! – взревел Бойд, но ломщица уже была здесь.

Девушка откинула капюшон, открыв бритую голову с едва прорежавшимися, но очень заметными, благодаря цвету, рыжими волосками.

– Пошел вон! – гаркнула она сидевшему перед компьютером старику.

Тот, не переставая ухмыляться и держа руки поднятыми вверх, резво поднял тощую задницу со стула и встал сбоку от стола.

– Уберите его отсюда, – приказал Бойд и подошел к терминалу. – Что здесь? Что ты ломала?

– Сейчас.

Сказать, что он был недоволен – это ничего не сказать. Бойд был в бешенстве, его обвели вокруг пальца, как какого-то мальчишку. И Лиса в этом участвовала. Она подключалась к сетевому кабелю, тянущемуся к этому старью, что сейчас гудело на столе перед ней. Она выудила из цифрового барахла, служившего Ибрагиму сетью, информацию о том, что именно он спер ту соляжку и именно он торговал ею. Лиса была уверена, что топливо находится здесь в этом ангаре. Но он, черт его побери, был пуст!

Бойд, разговаривая с бойцами, мельком наблюдал за работой ломщицы. Девушка что-то колдовала с «дровами» Ибрагима, а свой «раллер» подключать не спешила. Крупные и немного раскосые глаза Лисы внимательно следили за происходящим на экране, губы что-то шептали.

А ведь она тоже из этих, вспомнил Бойд, из «британцев». И на него она обижена – Бойд замечал недружелюбные взгляды Лисы, которые она регулярно бросала на избранниц своего босса. Дура – он забывал имена большинства из них через пару минут после того, как эти безмозглые куклы сообщали их своими мяукающими голосами. А Лиса для него была чем-то большим. Она была *своя*.

Он быстро привык не замечать в ней женщину. Бойд никогда не возражал, чтобы девчонка присоединилась к его оргиям, теперь ставших нечастыми – слишком много был

дел, – но ей было мало части Шотландца, он был нужен ей весь. Бойд этого не хотел. Да и не мог позволить.

Он осторожно опустил ладонь на голову ломщицы. Короткие огненно-рыжие волосы, успевшие пробить дорогу сквозь кожу после последнего бритья, которое было много часов назад, приятно кололи кожу.

– Что там, девочка моя? – склонившись к самому уху Лисы, спросил Шотландец.

Что это с ним – он решил вернуть былое? Или пытается умиловить собственную машинистку? Черт возьми, он не знал ответа на вопрос.

Лиса промолчала, только посмотрела Бойду в глаза – просто посмотрела, без всякого выражения – и незаметно кивнула на пол в центре ангара.

Бойд все понял. Он тоже не стал отвечать, даже не кивнул в ответ – старик все так же стоял, держа руки на виду, хотя и немного опустил их – скорее всего затекли, – и мог сообщить своим. Шотландец не знал, как он мог бы это сделать, но рисковать не стоило.

– Продолжай работать, – сказал он Лисе и отошел на пару шагов к бойцам.

Ломщица, не меняя серьезности на лице, вернулась к экрану, сосредоточенно стуча по грязным клавишам. Молодец, она все понимает. Нет, Бойд зря сомневается в Лисе – она самый надежный человек в его клане.

Он показал бойцам то место, что нашла Лиса. Осторожно, чтобы седой пленник не заметил их активности, как будто просто бродя по ангару, бойцы заняли позиции.

– Сейчас открою, – громко сообщила Лиса.

Затворы щелкнули одновременно с замком, запиравшим вход в подземелья Ибрагима. Большие и на этот раз титапластовые двери подняли двое бойцов, а остальные начали стрелять еще до того, как смогли рассмотреть, что там происходит.

Бойд заорал во весь голос, чтобы прекратили пальбу, но его услышали, когда у части бойцов закончились патроны в магазинах и шквал огня немного утих. Они все остались в живых по чистой случайности – в подвале, прямо на линии огня, стояла огромная цистерна с соляжкой. Только чудом можно объяснить, что ни одна пуля из примерно трехсот выпущенных не попала в огнеопасный товар, который Ибрагим прятал в подполье.

Но арабов, засевших вокруг цистерн, полегло немало. Они даже не успели поднять оружие.

...Бойд сидел в своем особняке, потягивая двадцатипятилетний скотч, и размышлял, как жить дальше. Теперь он стал полновластным хозяином Скотланд-Ярда. Мелкие торговцы «синдином» и ломаными гаджетами, что мнили себя хозяевами крутых кланов, не в счет – Бойд не собирался отвлекать на них свое внимание.

Хашим Сули поздравил клан Бойда с победой над зарвавшимся Ибрагимом. Очень сдержанно поздравил – видимо, Ибрагим все-таки сумел снова наладить отношения с лидером преступного мира Муслима и платил ему дань. Но Бойд понимал, к чему вела активность ар-Рахмана – Сули не просто получал процент, он продвигал своего человека на территорию соперника, стремясь захватить как можно больше. Теперь доходы резко упали, кризис. Приходилось брать не размахом, а количеством сделок.

Любой кризис для сильных всегда был возможностью подняться. Кризис – это время действовать, пускай вхолостую, может быть, в ущерб. Но тот, кто останавливался во время кризиса, исчезал, будто его и не было.

Шотландец пребывал в замешательстве. Он – властелин одной из самых больших территорий Эдинбурга. Он добился того, к чему стремился всю свою жизнь – он прошел путь от простого уличного хулигана, сшибавшего бабки с нерадивых черенков, до предводителя настоящего клана, в который входили несколько крупных банд, подконтрольных лично ему, Бойду, и никому более.

Он владел куском Анклава, и вместе с тем у него не было ничего. Ничего, кроме проблем: никакого бизнеса в Скотланд-Ярде не осталось – нечего было есть в первую очередь, негде жить – во вторую. Территория заполнилась толпами отчаявшихся оборванцев, многие из которых были готовы перегрызть горло просто за кусок синтетики, которую через

день раздавали безы. И перегрызали – после каждой раздачи бесплатного пайка на улицах, что вели к блокпосту, с которого производилась раздача, без труда можно было найти несколько трупов. Это были менее сильные, нерешительные и неудачники – Эдинбург избавлялся от балласта самостоятельно.

«А те, кто убивает ради шмата безвкусной синтетической дряни, стало быть, санитары леса. То есть Анклава», – подумал Бойд, отхлебывая из стакана жгучий напиток. Алкоголь не поднимал настроения. Опьянение всего лишь делало проблему менее острой, размывало уродливые черты современности, маячившие за темным окном.

Какие перспективы у *его* территории? Торговать соляжкой, «синдином», оружием, пока у людей не закончатся деньги? В таком случае конец клана наступит очень скоро – деньги закончатся быстро. Да и те, что удастся получить: что с ними делать? Разве что обклеить стены вместо обоев, поскольку – это и пятилетнему пацану понятно – через полгода вожделенная сегодня для многих пачка евродинов превратится в ничего не стоящую бумагу. Инфляция набирала обороты, и пока радужные перспективы даже не проглядывали.

У Бойда была власть. Большая власть. Сегодня его власть в Скотланд-Ярде стала полной.

Власть открывала много возможностей. Но, как обязательный атрибут, к ней прилагалась ответственность. Шотландец думал, чем может обернуться тот или иной вариант пользования властью. Получалось, что если пожить на всю катушку, продержаться на плаву удастся очень недолго. И это даже не проблема жесточайшего кризиса, в котором пребывал мир, так было всегда.

Если он не будет заботиться о своих людях – о жителях подконтрольной ему территории, то ничего не добьется.

Но как это сделать? Как наладить жизнь? Дать Бойд ничего не мог – у него нет заводов и лабораторий, которыми владеют верхолазы, содержащие СБА. У него есть только горстка преданных людей и авторитет, который очень легко растерять. А без авторитета останется лишь страх, на котором далеко не уедешь.

Бойд плеснул еще из большой пузатой бутылки. Напиться до чертиков, чтобы мысли дурацкие в голову не лезли. Другой бы на седьмом небе от счастья был – у него теперь самый крутой клан в Эдинбурге, даже лидеры Триады прислушивались к его мнению и на территорию его клана не лезли. Какого ж рожна ему еще надо?

– Шотландец, – это был Бобби, – пришли «метелки».

Бойд улыбнулся во весь рот, отхлебнул виски и, взмахнув стаканом так, что на дорогой ковер выплеснулись остатки дорогого напитка, крикнул телохранителю:

– Пусть проваливают!

Бобби пожал плечами и вышел.

Надоели «метелки», выпивка, жратва натуральная – тоже надоела. Как-то это все мелко. Есть власть, есть деньги, но нет удовлетворения. Не того он хотел, совсем не того.

Людей собралось много. Несмотря на поздний час. Бойд не интересовался – толпа собралась самостоятельно, или парням, которых организовал Бобби, пришлось ее «стимулировать». Ему было все равно, он хотел сказать речь, пообещать и воодушевить. Эта тоже входило в понятие «власть».

Справа за спиной стоял Бобби. Как обычно, сильно потел, несмотря на довольно прохладный вечер. Понятно – он работал, высматривал ненадежных и был готов закрыть грудью.

Фонари не горели, не было электричества, но на площадке, где собрались люди, было довольно светло – многие принесли факелы и эспандерные фонарики. Самый ходовой товар, заметил про себя Бойд.

Они стояли, обратив взоры на грузного высокого человека с соломенно-желтыми волосами, одетого в клетчатый килт. Бойд немного пошатывался – все-таки виски он сегодня перебрал.

Он смотрел в полумрак площади и думал, как начать свою речь. Как обратиться к

людям? Господа, братья? Просто люди, наконец? Нет, это все не то. Бойд не готовил речь, он не знал, что говорить. Но чувствовал, был уверен, что должен. Теперь эти люди – его обязанность. Отныне он за них в ответе.

В Оксансе не было порядка. Каждый жил, как вздумается. Еды не хватало, поэтому те, кто понаглей, сбивались в стаи и грабили окрестных фермеров. Разоряли хозяйства, убивали владельцев. Бойд был уверен, что разрушая, нельзя ничего добиться. Разрушение лишь приближало неминуемый конец. И все это нужно сказать. Так, чтобы поняли. И сделали. А кто не сделает...

– Шотландцы! – неожиданно даже для самого себя начал Бойд, и гул, витающий над разношерстной толпой, мгновенно утих.

Это было правильно. Не все из пришедших сюда были шотландцами. Но территория не зря называлась Скотланд-Ярд. И вокруг Анклава, там, где жили те самые фермеры, раскинулась Шотландия. Просто Шотландия. И пошли эти «британцы» со своим эмиратом.

4

На экране коммуникатора отображались только губы говорящего. Интересно, зачем тогда вообще потребовалось включать видеорежим?

Коммуникатор у Лохлана был особый, для того чтобы совершить звонок, ему не требовалось подключение к сети. Следовало лишь дожидаться, когда подходящий спутник выберется из-за горизонта и обеспечит устойчивый сигнал. Спутников было мало, иногда ждать приходилось несколько дней, когда один из идущих по спиральной орбите космических аппаратов появится в небе над Эдинбургом. Для тех, у кого не было подобного гаджета, спутник бесполезен. Но – всему свое время.

Внешне коммуникатор ничем не отличался от стандартной модели «Серебряная стрела», выпускаемой «МегаСофтом». Черный корпус, серебристая стрелка сверху, соответствующие надписи. Но Лохлан знал, что внутри от «Стрелы» не осталось почти ничего – обычный коммуникатор не мог поймать сигнал из космоса, ему требовалась стабильно работающая, имеющая выходы к глобальному подключению сеть.

– Результаты нашего общего знакомого оказались весьма обнадеживающими, – сказали узкие бледные губы с экрана. – Мы намерены использовать их на практике.

– Я буду участвовать?

Вопрос чисто риторический – если бы участие Лохлана не подразумевалось, зачем потребовалось звонить ему. Для пользы дела профессору было ничего не жаль, но оставлять насиженное место совсем не хотелось.

– Разумеется. Вы знаете всю специфику, вы владеете требуемым предметом. Лучшей кандидатуры, чем вы, профессор, не найти.

– Где?

Губы на экране немного разомкнулись, состроив что-то вроде улыбки.

– На месте, в Эдинбурге.

Вот как? Значит, знание социопсихологии понадобится в Анклаве. Интересно, для чего? Флетт надеялся, что ему не потребуется создавать оппозиционные силы и поднимать их на борьбу с СБА. Или на пути встал кто-то другой?

– При чем здесь...

– Детали вам не нужны, – резко отрезал человек, на губы которого смотрел Лохлан. – Вам сообщат, какие действия мы ожидаем лично от вас. И еще один момент...

Говоривший сделал паузу. Можно было решить, что он сомневается, ждет, когда собеседник поинтересуется продолжением сам. Но это было не так – Лохлан знал, с кем разговаривал, он знал, что этому человеку сомнения неведомы.

– От вас потребуются некоторые жертвы.

Это не было предупреждением или вопросом. Отказа от Лохлана не ждали. Собственно, ему никто не предоставлял права отказаться.

– Я готов, – покорно ответил Флетт.

Был ли он готов на самом деле? Трудно сказать. Лохлан знал, что его участие в этой программе может потребовать многого, даже чего-то невозможного. И это невозможное он обязан будет сделать реальностью, от него ждали, что он выполнит порученное, и подвести Флетт не мог. Он сам так решил, когда впервые пришел к этим людям.

Немного позже он узнал о них многое – не все, но много больше обычного человека. Кого-то полученная информация могла повергнуть в шок, у кого-то – вызвать отвращение. Большинство людей не могли принять то, что они проповедовали. Но Лохлан нашел в их теориях странное очарование. Он проникся идеями, которые высказывали они, с интересом изучал то, что ему позволяли. Он стал одним из них и был готов выполнить любое задание. Они это знали – поэтому Лохлан был здесь, а не в другом месте, получше, чем нынешний Эдинбург – кому-то ведь нужно разгрести скопившееся в отстойниках дерьмо.

– Вам доставят посылку, в которой будет несколько образцов. Необходимые инструкции вы получите позже.

– Почему именно я?

Лохлану действительно было интересно. У него нет опыта «полевой» работы, а специалистов, способных провернуть дело и большей сложности, наверняка достаточно и без профессора социопсихологии.

Губы в коммуникаторе позволили себе улыбнуться.

– Мы выбирали исполнителя более чем из десятка кандидатов. Вы подошли лучше других. Важную роль играет не только умение, но и вера. Ваша вера сильна, вы справитесь... с этой напастью.

Изображение губ исчезло с экрана коммуникатора, сеанс связи окончен. Лохлан посмотрел на мелкие пиктограммы, расположенные на периферии изображения, – сигнал спутника отсутствовал.

Лохлан задумался о предстоящей операции. Странно думать о том, о чем ничего не знаешь. Он знал лишь то, что сам рассказал тем людям, которые отвечали на его звонки с этого коммуникатора.

Чуть больше месяца назад он отправил данные с выкладками, которые получил от молодого дарования по имени Майкл Перов. Дарование Перова оказалось настоящим, его оценили быстро – ответ пришел почти незамедлительно. За предложение ухватились столь рьяно, что для подтверждения использовали резервный спутник, который пришлось перенастроить – штатный аппарат к тому времени уже вышел из зоны устойчивого сигнала, Лохлан знал это точно.

Ученого долго уговаривать не пришлось – он согласился сразу, узнав, что его работами заинтересовались и у него появится возможность продолжать свои исследования. Такие люди, как Перов, редкость, он даже не спросил, сколько ему будут платить. Он вообще не заикался о деньгах. Его интересовал только масштаб лаборатории, в которой он сможет работать.

Лохлан сам плохо разбирался в размерах и ценности нейробиологических лабораторий, но был уверен, что лучшего места для экспериментов Майклу не найти нигде на планете. Именно так он и сказал Перову.

Те, кто звонил на спутниковый коммуникатор Лохлана, изъявили желание поговорить с Майклом. Как обычно – бледные узкие полоски губ на экране.

Разговор был коротким – никто из собеседников не возражал против присутствия Лохлана – и малопонятным для социопсихолога. Перов задал несколько вопросов, заставив Флетта задуматься, на каком он говорит языке, потом получил ответы на таком же странном наречии. Судя по всему, говорили о каких-то приборах или реактивах. Если принять во внимание выражение, которое появилось на лице молодого ученого после полученных ответов, оборудование было высшего класса. Скорее даже – лучше того, что Перов вообще мог себе представить. Лохлан это знал заранее, поэтому его не сильно удивила реакция Майкла.

Он улетел на самолете, прибывшем из Эль-Парижа. Для чего был организован этот полет, обошедшийся европейцам в целое состояние, Лохлан не знал, но визит этот в Эдинбурге был воспринят без излишней подозрительности.

Флетт был уверен, что в Эль-Париж джет не возвращался.

А теперь они сообщали, что все получилось. Что есть результаты, которые обнадеживают. Они собирались использовать то, что изобрел Майкл Перов, и Лохлан станет главным экспериментатором. Жаль, что он даже примерно не представляет, в чем будут заключаться эти «полевые» испытания. Но ничего, у него еще появится время все узнать и обдумать.

Так он думал в тот день. Лохлан не знал, как глубоко ошибался в последнем выводе.

* * *

Транспортный узел имени Роберта Стейна казался нескончаемым. Лохлан бывал в этом месте раньше, до Катастрофы, когда здесь было столько людей, что их хватило бы, чтобы основать небольшой городок где-нибудь в гористой части эмирата Шотландия. Тогда ориентироваться в лабиринтах огромного транспортного узла было легко – сотни указателей, подсказки «балалайки», в которую автоматически загружались метки соответственно данным в билете. Заблудиться в месте, где есть сеть, было невозможно.

В пределах транспортного узла сеть работала и сейчас. Только билета у Лохлана не было. Кроме того, у него не было прав доступа в местную сеть – перед глазами моргала пиктограмма пойманного «балалайкой» сигнала, предупреждающая о невозможности подключения. Может, оно и к лучшему – подключенную в сеть «балалайку» легко найти.

А неподключенную? Лохлан стремительным движением, как будто от скорости теперь что-то зависело, вытащил свой чип из гнезда. Если уже засекли, то без чипа его хотя бы будет труднее найти в лабиринте огромного вокзала.

Сквозь стеклянную стену Лохлан отчетливо различал огромные ажурные конструкции, устремленные в черное ночное небо. Мачты – пристани дирижаблей. Сейчас все они одиноко торчали посреди посадочной зоны, похожие на скелеты деревьев, оставшиеся после лесного пожара. Он шел в правильном направлении – дальше по курсу должна располагаться зона выгрузки пассажирских самолетов и «стратов».

Голоса Лохлан слышал, когда торчащие в небо мачты остались позади. Он шел по глухому, без окон, перегону между секциями огромного здания транспортного узла. Широкий, квадратный в сечении коридор постоянно поворачивал, поднимался или спускался, давая возможность перейти на различные уровни отсеков зон погрузки и выгрузки, в пассажирские и грузовые секции. Именно эта ветвистость и помогла скрыться.

Они разговаривали слишком громко, видимо, не предполагая встретить Флетта в этом месте.

– Нет, мы уже половину узла прочесали, – произнес низкий ворчливый голос. – Нет, я сказал! У нас есть данные. Да, местные машинисты вполне нормальные ребята. Да, они не ждали никого в гости. Но, ты же сам понимаешь, что с сетью сейчас творится. Нет, посмотреть они не могли, только сигнал поймали. На несколько секунд, потом он снова исчез. Идем мы туда, идем!

Человек, который говорил в огромном и совершенно пустом зале транспортного узла, разговаривал с кем-то, находящимся не рядом с ним. Скорее всего по «балалайке» или с помощью коммуникатора. Они были еще далеко – просто в гулкой тишине звуки распространялись, почти не искажаясь. Даже странно – наличие подобной слышимости трудно было предположить пару лет назад, когда, чтобы тебя услышали в здешней толпе, приходилось кричать, если человек находился всего в каких-то пяти-семи метрах от тебя.

То, что говоривший шел не один, Лохлан понял без особых усилий – шорох от ботинок, ступающих по каменному полу зала, отлично выдавал присутствие рядом еще по меньшей мере трех человек.

Лохлан спрятался за кучей тележек для багажа, хаотично разбросанных там, где раньше была парковка для них. В памяти возникла картина – стройные ряды тележек, зацепленных одна за другую. Чтобы их взять, нужно было заплатить один евродин. Все это значилось в памяти ярко и отчетливо, словно происходило несколько минут назад. Хотя нет – то, что было минуту назад, Лохлан вспоминал с трудом, а случившиеся часом ранее не помнил почти совершенно. Но мир, каким он был до Катастрофы, закрепился в памяти прочно. Или так лишь кажется, и на самом деле мир был совсем не таким, каким его помнит Флетт? Мир, каким его знают люди, лишь память о событиях, хранящаяся в голове каждого. Когда память теряется, мир исчезает. Вселенная с ее атомами и кварками остается на месте, но мир, наполненный смыслом, умирает с каждым человеком, чтобы родиться вновь с новой, присланной из верхнего мира душой.

Теперь можно было взять любую тележку: слабые, рассчитанные скорее просто на фиксацию, чем на защиту от грабителей, замки не выдержали, и тележки, подгоняемые подпрыгнувшим во время землетрясения полом, раскатились во все стороны.

Он видел тех, кто искал его. Их было пятеро. Безы – это ясно с первого взгляда, хотя формы на них не было. Сотрудников СБА, особенно низкого ранга, легко узнать по излишне самоуверенной манере держать себя. Они чувствовали себя хозяевами в Анклаве. Они знали, что в некоторых районах местное отребье может запросто выстрелить в бега – там они предпочитали не показываться, а случае необходимости тут же вызывали подмогу. Они были силой, частью большой безжалостной машины под названием СБА. Но любая машина рано или поздно давала сбои.

Мысли Лохлана, пытающегося понять, откуда у него в голове вообще могут появляться подобные размышления, прервал голос, прозвучавший слишком близко. Говорил все тот же мужчина с низким хрипловатым баритоном:

– Я не пойму, что ты предлагаешь. Мы не можем прислать сюда группу захвата. Да и не до нашего беглеца сейчас всем, сам понимаешь. Да. Хорошо. Рассредоточимся. В переходе между «самолетами» и «дирижаблями». Ты нас видишь? Жаль. Ты сам-то где?

После секундного молчания человек, которого Лохлан теперь не только слышал, но и видел сквозь переплетение багажных тележек, недовольно поджал губы и произнес:

– Ну вот и сиди, где сидишь! Все, дальше я буду разбираться сам!

Лохлан видел, как этот высокий крупный мужчина со светлыми, почти белыми волосами и огромными ладонями, которые он то и дело вытирал о штанины, улыбнулся. В проходе было темно, желтоватый свет прожекторов, пробивающийся внутрь здания через окна в залах, едва доставал сюда, в место, где окон не было. Но темнота только усилила впечатление – улыбка у белобрысого получилась хищная. Словно у вампира, целящегося в пульсирующую на шее жертвы жилку.

И еще – Лохлан никогда не видел этого человека, во всяком случае, так утверждала память. Но вот руки, влажные от пота – именно поэтому белобрысый бугай постоянно и вытирал их о штанины, – были ему знакомы. И это как-то связано с книгой.

Книга! Вот, черт возьми, для чего Лохлан здесь. Он ведь уже и забыл, зачем искал выход к самолетам – ему нужна книга. Как связана она с самолетами, пока не совсем ясно, но главное, что он вообще вспомнил о ней. Выходит, появление безов, разыскивающих его, это счастливое совпадение. Или в мире нет ничего случайного и все предопределено?

Безы, ушли в сторону зоны дирижаблей. Туда, где Лохлан сообразил вытащить из головы «балалайку».

Книга, книга, книга... Лохлан повторял это слово про себя, будто заклинание. Только бы не забыть, нельзя забывать. Он слишком отвлекся, пока искал выход из темноты железнодорожного тоннеля.

При чем здесь железная дорога? Лохлан не мог вспомнить, что могло связывать его с поездами. Тем более теперь, когда поезда не ходили. Ему всего лишь нужна книга. Какая-то странная черная книга. И нужно выйти к самолетам. Зачем? Не важно. Нужно выйти, а там станет ясно, что делать дальше.

Глава седьмая Сейчас

1

Пришло время действовать. Не рассматривать и считать, складывая полученные кем-то факты, не добывать обрывки сведений, выжимая все, на что еще способна полумертвая сеть, а действовать.

Али никогда не разделял странной веры машинистов в чудодейственные свойства сети. Он не был нейкистом, ни в коей мере. Он вообще очень сдержанно относился к религии, считая тех, кто возносил молитвы несуществующим божествам, ожидая в ответ раздачи какой-то мнимой благодати, бездельниками и неудачниками. И нейкистов – несмотря на их умение обращаться с сетью – тоже.

Нейкисты немного отличались ото всех этих мусульман, вудуистов и поклонников Геи, духа земли. Они не возносили молитв, не ждали благодати с небес. Было одно отличие – они ждали ее из сети.

В высших материях Али разбирался плохо, а в сети не видел ничего божественного. Всего лишь инструмент, помогающий достичь цели. Не более, но и не менее. Полезный инструмент, но любому инструменту можно найти замену. Сейчас этот постулат смотрелся особенно наглядно – сеть упала, и доступ в нее больше не принадлежал работникам СБА. Нейкистам, что бы они там ни говорили и какой бы правильной, запрограммированной Поэтессой веры ни придерживались, тоже в сеть не пробраться. Врата цифрового царствия небесного неожиданно закрылись и для них.

Для дела, которое затеял Арчер, сеть стала бесполезной. Через сеть можно найти беглеца, можно проследить его путь и найти книгу. Но забрать книгу – бумажную, не переведенную в цифровой вид – через сеть не получится. Для этого нужно прийти туда и взять ее в руки самостоятельно.

Рыжий Флетт был в Роберте Стейне, это не вызывало сомнений. Бэрд сказал, что отзыв его «балалайки» с полчаса назад зарегистрировали в одном из залов транспортного узла. Его чип появился там и тут же исчез – проблемы с работой сети были везде.

Рыжего бродягу нужно найти и выбить из него информацию. И еще нужно понять, за каким дьяволом его понесло в транспортный узел? Как он туда попал, пускай разбираются ребята из охраны Стейна.

Бэрд – оперативник, он наверняка справится с задачей захватить. Возможно, справится и со вторым пунктом – выбить. Но дальше его нужно остановить: Арчер не собирался делиться книгой ни с кем. Не рвать же ее на части, в самом деле. Продать книгу сейчас невозможно, да и деньгами делиться тоже не было никакой охоты.

Поэтому придется добираться туда, в узел Стейна, и решать проблемы самому. Нужно действовать, а не сидеть, гадая, когда закончится бунт. Когда беспорядки на улицах улягутся, уже будет поздно – в СБА возьмутся наводить порядок во всех направлениях. Как ни крути, а исчезнуть из Анклава Арчеру нужно до наведения порядка.

Внизу, на подземной парковке, обнаружился мобиль с полностью заряженной батареей Ллейтона. Такого подарка Арчер не ожидал. Ну что же, если судьба преподносит подобные сюрпризы, не стоит от них отказываться.

На посту у охранников он одолжил «дрель». Ну, украл, какая, к чертям, разница? Арчер прекрасно знал, как избавиться оружие от чипа, по которому любой легальный ствол можно отследить через сеть. Не важно, что сейчас вряд ли кто-то станет это делать – зачем оставлять лишние улики?

Компьютер мобиля распознал «балалайку» Арчера, прошитую кодами СБА, и послушно включил все системы, как только Али коснулся кнопки запуска. Цифровой мозг

мобиль обязательно сверится с базой данных своего сервера, сообщит о том, что сотрудник аналитического отдела активировал его в пять минут одиннадцатого. Возможно, что, загрузив данные в сеть, мобиль получит запрет на запуск двигателя. Но это все случится потом, когда сеть снова заработает, когда информация сможет беспрепятственно переходить с сервера на сервер.

Али усмехнулся – он еще никогда не испытывал чувства благодарности к ломщикам, но их сегодняшний демарш случился для него как нельзя кстати. Будь сегодня обычный день, воспользоваться мобилем не удалось бы.

Будь сегодня обычный день, не произошло бы ничего из того, что произошло. И мыслей бежать из Анклава у Али не возникло бы. Все было бы иначе.

Дорога до транспортного узла была свободной. Широкая, огражденная с обеих сторон бетонными стенами. Корсторфайн роуд пронзала насквозь территорию Sway, выходя прямо к въезду на парковку Стейна. На Sway бунт не распространился – Ланг Ши обещал директору сохранить там спокойствие и держал слово. Насколько знал Арчер, Мортенс тоже сдержал слово не трогать Триаду и пока закрывал глаза на некоторые их дела. Пока – в этом мире все было до поры до времени, и каждый это понимал, стараясь побыстрее урвать кусок и понадежнее спрятаться. Те, кто этого не понимал, как правило, долго не жили.

На въезде в транспортный узел дежурили двое безов. Один остался внутри бронированной будки – из узкой бойницы пониже бронированного окна торчал черный ствол «ревуна». Второй, заметив отличительные знаки СБА на мобиле, вышел навстречу.

Али приветственно поднял руку, помахав охраннику. Он не был с ним знаком, но подобное отношение всегда расслабляло людей. Тем более что эти ребята не чувствовали опасности, на посту они томились от скуки. Здесь стрельбы, происходившей за бетонной оградой Анклава, даже не было слышно.

Охранник заглянул внутрь салона. Расслабились они здесь – если бы Арчер оказался террористом, достаточно одного выстрела, чтобы разmozжить голову этого парня.

Али опустил стекло.

– Свои, – дружелюбно улыбнувшись, сказал он. В вытянутой руке он держал значок СБА.

– Сканер сдох, – посетовал парень, показывая на бесполезный прибор, болтающийся у него на поясе.

– Сейчас с сетью везде перебои, – согласился Арчер и представился: – Аналитический отдел.

Парень присмотрелся к значку, который Али все еще держал в вытянутой руке, и согласно кивнул – данные сходились.

– По какому поводу в транспортный узел?

Началось! Тон охранника не изменился, даже улыбка не сошла с его губ. Он задал вопрос просто так, по привычке. Но по привычке же ждал на него ответа.

– Сбор данных, – пожал плечами Арчер. – Оперативных групп им мало, хотят, чтобы мы лично проверяли добытую информацию.

Несмотря на богатый опыт работы в аналитическом отделе – и не только, – Арчер не мог придумать, какую информацию он должен был проверять в транспортном узле, располагавшемся в тридцати километрах от мест, где начинались беспорядки на улицах. Он рассчитывал на старый проверенный способ – у этого паренька тоже есть свое начальство, которое тоже отдает, по его мнению, нелогичные и иногда сволочные приказы. Общие проблемы сближают людей.

– И не говори, – без махнул рукой. Он опустил «дрель», которую держал в правой руке, и пошел в сторону блокпоста. – Как тебя зовут?

– Джереми, – сказал Арчер и, усмехнувшись, спросил: – Ты только по именам пускаешь?

– Полностью имя скажи. Как сеть заработает, вобью в базу. Нам так положено, сам понимаешь.

«Черт бы вас побрал с этой безопасностью. Значит, убратся из узла Стейна нужно до того, как запустят сеть».

– Фолкнер, – не моргнув глазом, назвал он имя стажера аналитического отдела, – Джереми Фолкнер.

Как только тяжелый титапластовый шлагбаум поднялся, Али нажал на педаль газа и повернул в сторону парковки огромного зала, принимавшего пассажиров, прибывших в Анклав Эдинбург на дирижаблях. Вроде бы, если верить Бэрду, последний раз Флетта видели именно там.

2

Их пришло всего двое. Одеты неброско, можно даже сказать – серо. Ну, разумеется, они же пришли не договоры договаривать, а работать. Спецовки. Хорошо хоть догадались не писать во всю спину названия компании, на которую работали.

Мортенс, конечно же, не выходил к ним. Это были простые техники, наладчики, машинисты – или черт их знает, кто еще. Не важно, конкретное название их профессии волновало директора СБА в последнюю очередь – рылом не вышли, чтобы их лично приветствовало столь высокое начальство. Охраны, проверившей их удостоверения, вполне достаточно. «Балалайки» не сканировали – не из благоговения перед корпорацией «Науком», которой все дозволено и у которой все и всегда получается, а по техническим причинам: сеть упала окончательно, и ни одно из привязанных к ее работе устройств не функционировало.

Главный интерес заключался в одном – что эти двое невзрачных людей собираются делать в подвалах?

– Что они будут делать? – спросил директор у начальника отдела машинистов.

Они стояли на небольшом балкончике на третьем этаже, выходящем на центральный атриум. Филгорн был в курсе. Поначалу Дэвид не мог понять, зачем шеф согласился на этот опрометчивый шаг. Он держался корректно, но Мортенс видел, как сильно Филгорну хочется назвать директора идиотом. Может быть, он и прав, подумал тогда Мортенс. Но все уже было решено. И прав все же оказался директор – выходило, что свой пост он занимает не зря.

Посланный на верхние этажи второй взвод спецназа нашел то, что от них требовалось. На столе у Филгорна лежало около пятидесяти иголок с крыльями, в которых он опознал автономные маршрутизаторы сети. А дознавателям бойцы притащили похожее на набитый соломой мешок тело мужчины средних лет. Он был мертв – спецназовцы его не убивали, у них был приказ брать всех живыми. Но, как выяснилось чуть позже, у него была ампула с ядом, который он принял перед тем, как до него добрались безы.

Сканер его опознал – Вернон Махамадди. Но что это давало? Рассказать этот Вернон уже ничего не мог.

Они опоздали – к тому времени ломщики, которые начисто снесли сеть Анклава, перехватили управление основными программами, и эти игольчатые маршрутизаторы, в сущности, больше не были им нужны. В сети можно проследить любое подключение. При одном очень простом условии – если имеешь доступ в сеть.

Филгорн проиграл битву, он не нашел дыры в созданной его машинистами операционной системе. Не то чтобы ни одной, но в той части, которую использовали люди Бойда, – не нашел. Теперь только голова болела от дозы «синдина» и на душе было погано. Но последнее скорее от понимания собственного бессилия, чем от наркотика.

Филгорн пожал плечами.

– Наверное, менять прошивку.

– А данные?

Его плечи еще раз поднялись вверх.

– Мы пытаемся следить за ними. Они-то и не возражают, ни слова не сказали против, когда с ними пошли двое моих ребят. Через сеть мы теперь ничего не увидим, а на месте...

Ну, подключат они свои приборы. Мы ведь даже не знаем, что это такое.

– Я думаю, они объяснят, если их спросить. И сольют все данные.

– Конечно, сольют, – согласился Филгорн. – Я бы обязательно слил.

Мортенс усмехнулся. Усмешка вышла невеселой, да и причин веселиться у него не было.

– Мечтаешь порыться в сети Тринадцатого полигона «Наукома»?

– Все мечтают.

– Моратти к этому активно стремится.

– Он знает, как туда попасть?

– Нет. Он знает, как организовать тех, кто может узнать, – объяснил Мортенс. – У него далекоидущие планы.

– Он прилетал за этим?

Мортенс вздохнул. Нет, прилетал Ник, конечно же, не за этим. Он прилетал объяснить всем, кто в Анклавах главный, уверенный, что его личное присутствие что-то может решить. Хотя он правильно делал, что не доверял сети – достаточно попробовать подключить «балалайку» прямо сейчас, чтобы это понять. Но Моратти был уверен, что прошлые заслуги и титулы сохранили свою власть и после Катастрофы. Он сильно ошибался – так думал Мортенс. На то, что думал сам Моратти по этому поводу, директору эдинбургской СБА теперь было наплевать.

– Отчасти – да.

– Мы участвуем в деле? – абсолютно серьезным тоном спросил Филгорн.

Брови Мортенса взлетели вверх.

– Теперь?! После того, как эти ребята в серых спецовках поработают в наших подвалах?!

– Мы еще не видели их систему в работе, – объяснил машинист. – Это может стать козырем: у нас будет доступ к управляющим файлам сети «Наукома», у Моратти – работоспособная сеть Анклавов. Если он соберет команду...

– Ты это серьезно, Дэвид?

Нет, звонить Моратти, даже если учесть, что тот еще наверняка не успел улететь, он не станет. Но как заманчиво предложение Дэвида, черт его подери!

Все-таки эти машинисты ненормальные. У них на уме только одно – создать максимально надежную программу, а потом, испытывая какое-то сугубо свое машинистское удовольствие, взломать ее. Они все одинаковы – и ломщик, работающий только по криминальным заказам, и машинист СБА, воюющий с ним на другом конце виртуального поля боя.

– Сетей без дыр не бывает, – объяснил Филгорн. – Невозможно создать идеальную программу. Скажите, Мортимер, вы спрашивали москвичей о ломщиках, которые вскрыли *нашу* сеть?

– Они отказались выдать их нам, – Мортенс сжал кулаки: очень хотелось лично удавить этих негодяев.

– Плохо, – вздохнул машинист. – Может, все же попытаться настоять? Это прописано в договоре?

– Ты считаешь?..

– Да. Прodelать такое не под силу обычному ломщику, будь он хоть трижды тритон. Ломщик, который сломал нашу сеть, скорее всего из тех, кого называли Великими. Если он пользуется троицей Сорок Два – а он наверняка ею пользуется, – то может и сам не знать о собственном «величии».

Мортенс попытался вывести текст договора на глазной наноэкран, забыв, что сеть не работает. Но «балалайка», на удивление, мгновенно отозвалась на действия хозяина, хотя и не показала текст договора. Перед взором Мортенса появилась яркая крупная надпись: «Приветствуем вас в сети корпорации «Науком». А ниже мелкими буквами сообщалось о невозможности загрузки данных в настоящий момент, сдобренное извинениями технической

службы все той же корпорации «Науком».

– Мать их! – от неожиданности Мортенс выругался вслух. – Быстро работают.

Филгорн кивнул. Он, судя по всему, проделал ту же операцию со своей «балалайкой».

– По-моему, про ломщика там ни слова, – сказал Мортенс, вспоминая текст договора. – Но ты же понимаешь: трофеи достаются победителям.

– Пока трофеи ничьи, – сказал Филгорн, с неподдельным интересом рассматривая пустой атриум внизу.

Мортенс хлопнул Дэвида по плечу и, стремительно развернувшись, направился в свой кабинет. Что-то он совсем туго стал соображать. Директор понял, что не спал больше двух суток. Но спать не хотелось – напряжение было столь сильным, что сон был изгнан в параллельные миры.

Конечно, Филгорн прав. Дэвид – тактичный человек. Тактичный и немного трусоватый, он никогда бы не отважился напрямую указывать шефу. А Мортенс понял только со второго раза. И так поздно!

Этого ломщика – этого Великого ломщика – нужно добыть во что бы то ни стало. И не для казни, нет. Этот негодяй еще поработает на Анклав. Если удастся вскрыть сеть Тринадцатого полигона ему, Мортенсу, он станет...

Директор не придумал, кем он тогда станет, хотя в воображении настойчиво мелькала горностаевая мантия, потому что его перебил Койман. Мортенс вернулся в Замок, и старик тут же влетел в его кабинет, словно ужаленный:

– Что это такое?! – орал он, тыча пальцем в маленький коммуникатор, который держал в руке.

Мортенс догадывался, что увидит там, но все же для верности посмотрел. Так и есть: «Приветствуем вас в сети корпорации «Науком». Вот только вопросов Коймана сейчас как раз и не хватало. Хорошо, что Бойд все еще что-то втолковывает остальным верхолазам, и они вряд ли вскоре смогут насладиться этой невероятно интересной надписью.

– Это просто надпись, Пер-Андерс. Информационное сообщение.

– Но почему «Науком»? Кто тебе дал право...

– Вы!

Лицо Мортенса исказила гримаса недовольства и ненависти. Все, когда сеть москвичей загрузится, пускай Койман делает что хочет. А пока, в любом случае, главным в Анклаве оставался директор СБА. Что бы себе ни думали Бойд или верхолазы. Как бы ни считал Моратти и наукомовцы.

– Вы и совет Анклавов! Люди, в конце концов! Поэтому, Пер-Андерс, будьте добры – заткнитесь и займитесь своими производствами! Когда сеть заработает, вам не помешает узнать в первую очередь, что сохранилось, а что москвичи сочли лишним.

– Я... – начал Койман, но тут же затих, поняв, на что намекает Мортенс: после инсталляции программ «Наукома» установленные на программы производств коды, вполне возможно, исчезнут.

– И уясните одну вещь – пока что за безопасность Эдинбурга отвечаю я, и я требую – вы хорошо меня слышите: требую! – чтобы распоряжения директора СБА, касающиеся вопросов безопасности, выполняли все граждане Анклава. Все, Пер-Андерс, включая вас!

Что он такое несет?! Койман же просто убьет его. Пер-Андерс только на первый взгляд выглядел взбалмошным сварливым стариком. Впрочем, таким он и был на самом деле. Но вместе с тем он являлся умным, расчетливым и очень влиятельным верхолазом. Для него не было в этом мире ничего невозможного.

Ничего, кроме корпорации «Науком» и Максимилиана Кауфмана, против которых всей решимости, всех денег Коймана, его ума и власти было недостаточно. Весь его авторитет был пшиком перед двумя работягами в серых спецовках, которые сейчас грузили на диски серверов Анклава Эдинбург программы той самой корпорации «Науком».

Мир снова становится цифровым. Мортенс подумал об этом с удовольствием, хотя и люто ненавидел москвичей, захватывающих сейчас данные его сети. В конце концов, это не

так уж и странно – в былые века многие из тех, кто нес просвещение в массы, окончили свои дни на костре. Сегодня ситуация, похоже, изменилась – науковцы сначала обезопасили себя от костра, а теперь несут просвещение.

Мортенс поручил секретарше позвать начальника отдела внутренней безопасности. Без сети очень неудобно. И долго – драгоценное время исчезало минута за минутой. Чтобы кого-то позвать, его нужно сначала найти.

Когда Джабраил Пракаш вошел в кабинет, Мортенс лично запер за ним дверь и только после того, как положил «балалайку» начальника внутренней безопасности на стол рядом с собственным чипом, начал говорить, но Пракаш перебил его:

- У меня есть информация, которая, вероятно, может вас заинтересовать.
- Что еще случилось? – Мортенс был готов предположить самое худшее.
- Господин Койман отдал приказ о подготовке одного из его джетов ко взлету.

Мортенс застыл на секунду, обдумывая услышанное, а потом уголки его губ поползли вверх.

– Вот, значит, как, – медленно проговорил он. – Направление?

– Подробности плана полета пилоты пока не сообщили. Но, согласно предварительной информации, они планируют лететь на восток.

Похоже, что черная полоса может закончиться. Теперь Пер-Андерс не отвертится. Ему будет нечего возразить директору СБА, когда придет время снова поставить его на место. А Мортенс еще гадал, отчего Койман так легко позволил ему накричать на себя. Возможно, он считал, что Мортенс уже в курсе.

3

Решение отыскалось само собой. Собственно, как решить проблему, стало ясно еще до того, как Лохлан успел сообразить, что проблема вообще существует.

Он стоял перед огромным, тянущимся от пола до теряющегося в темноте потолка окном, толстое стекло которого (почти бронированное, всплыла откуда-то фраза) пересекала широкая трещина. В нее легко можно было просунуть руку. А снаружи, там, откуда завывающим потоком врвался в зал холодный воздух ноябрьской ночи, чуть не уткнувшись носом в стекло, стоял небольшой белый самолет.

Теперь нужно сосредоточиться. Нужно вспомнить. Или понять, если вспомнить не удастся.

Итак, он искал самолеты. Вот они, один из них стоит метрах в двадцати перед ним.

Хорошо, почему тогда он решил, что проблема решена? Это понятно – чтобы попасть к самолетам, нужно выйти наружу, а двери закрыты. Трещину в стекле скорее всего можно расширить так, чтобы протиснуться сквозь нее. Лохлан подергал края стеклянного разлома – верхний держался плотно, но нижний фрагмент треугольной формы, вершина которого доходила Флетту до подбородка, легко поддался, и выломать его не составило труда.

Если он выйдет к самолетам – что тогда? Дальше пока ничего не придумывалось.

Лохлан отошел на несколько шагов, прошелся по залу, стараясь не шуметь – те безы в штатском, что искали его, были где-то неподалеку. На белоснежном борту самолета красовалась красно-серая эмблема СБА. В этом нет ничего удивительного. Никаких мыслей самолет СБА не порождал. Лохлан пока не мог понять, что же ему понадобилось в транспортном узле.

Но ведь ему очень нужно было попасть сюда. Что-то найти. Что-то вспомнить. Что-то узнать. И что-то сделать.

Лохлан сел на пол, обняв руками голову. Один маленький человечек в огромном пустом зале. Одна крошечная ячейка всемирного человеческого разума, которая забыла свою функцию.

Его охватило отчаяние. У него были обязательства, была ответственность. Но он не помнил о них. Как же тогда выполнить то, что должен?

«Avva marda avva, cuar...»

Метрах в ста справа от самолета СБА стоял еще один. Длинный, напоминающий растолстевшую иголку, размером побольше. Тоже белый, только знак на фюзеляже и на хвосте нарисован другой.

«...pespon nisben halp yer riger...»

Герб Конфедерации Католического Вуду. Скалящий зубы кровавый уродец с распятием во лбу. Дух Иисуса Лоа. Обилие красного цвета вызывало у Лохлана отвращение.

«...ver vuesuc sol gi droit...»

Красный цвет – цвет крови. Любимый цвет всех революционеров и охотников менять мир. Обычно они объясняют это тем, что он символизирует пролитую за правду кровь. На самом деле на красном кровь не видна – так легче отмыться после того, как все закончится.

«...hermon franbur usb da ghisep...»

Красные пятна, обведенные черным. Черный – это изначальный цвет. Цвет космоса, боевая раскраска пустоты. Перед тем как раскрасить мир, боги создают эскизы, вычерчивая на непорочности света черные контуры. Все начинается с черного и черным должно закончиться.

«...vaildea fuen fex, hemder trop ti ar biarsem...»

Черный – цвет правды. Цвет Истины. Это вся информация мира, собранная в безграничном объеме. Безгранично большом и безгранично малом, ибо в темноте невозможно определить расстояние. Черный поглощает все без остатка, ничего не искажая и не добавляя от себя.

«...pesil plecon nagir veks...»

Черная книга. Гладкая кожа, обработанная особым способом, которая не дает бликов. Идеально черная поверхность без названий, имени автора, данных издательства и прочей чуши. Истина, что кроется под этой чернотой, не желает быть названной.

«...gul rileer, gul diassa...»

Черный – цвет созидания. Только полностью очистив холст, удалив с него любое проявление цвета, можно создать мир заново. Чтобы узнать правду, нужно навсегда забыть ложь. Иначе можно запутаться и подвергнуть Истину сомнению. Достаточно лишь открыть Книгу, чтобы...

«...cam bal isgo, quelfe vio, wornul duel, calur ex».

Лохлан, не понимая, что видит, широко раскрыв глаза от удивления, рассматривал темно-красную струйку, резво стекающую с его левой ладони. Волосы трепал сильный ветер, и вообще сделалось как-то холодно и неудобно.

Все-таки он порезался. Когда вытаскивал стекло из пазов в раме. Вон оно лежит, почти там, где и было.

Он снова повторял странные слова, что пришли в этот мир из черной Книги. Той самой, которую ему нужно найти. Ее необходимо вернуть, уберечь от нее мир. Или наоборот – мир пока недостойн узнать то, что внутри нее?

Несколько секунд назад Лохлан совершенно точно знал, что произойдет, если открыть Книгу и начать читать ее. Знание было настолько ясным и точным, что казалось вот сейчас, стоит лишь чуть подумать, и оно появится снова. Но продолжение мысли, как и все, что прикасалось к памяти Лохлана Флетта, исчезло.

Не важно, он обязательно все узнает, когда Книга будет у него. Когда он сможет вернуть ее. Куда? Хороший вопрос, но сейчас еще не пришло время задавать его.

У самолета СБА Лохлану делать нечего. Ему нужно туда, где стоит белоснежная игла с кровавым Иисусом Лоа, нарисованным на борту. Сам самолет не особенно интересен. Но именно на нем попытаются увезти то, что не должно попасть в чужие руки.

Флетт обмотал кровоточащую ладонь грязным шарфом и, стараясь не высовываться на освещенные немногочисленными прожекторами участки, перебрался к какой-то надстройке, торчавшей метрах в двадцати справа. Пока рано что-то предпринимать – Книги на борту еще нет. Как только она появится там, начнут разводить пары – они не задержатся ни на секунду,

торопясь доставить важный груз в надежное место.

4

Легкое покалывание на периферии восприятия. Тревожный знак или мелкий и оставшийся незамеченным сбой?

Лиса запустила тест системы и поняла, что дело дрянь. Что-то непонятное лезло в сеть, которая всего секунду назад была подконтрольна ей одной. Ломщица пыталась разгадать код, но стремительный ритм новых программ сносил ее разработки к дьяволу, как весенний паводок уносит утлые лодки, оставленные незадачливыми рыбаками на берегу. Программа, появившаяся в сети, менялась с такой скоростью, что никакой «синдин» не мог помочь. Мозг перестал справляться с ситуацией, «поплавок» в «балалайке» жужжал пчелой так громко, что уши ничего другого не воспринимали. Можно подумать, что хитроумный вирус пытается выжечь мозг Лисы, спалив «поплавок» в ее «балалайке». Но Лиса была опытной ломщицей – эта программа вирусом не являлась. Просто работала слишком быстро и плевать хотела на неспособную угнаться за ней «балалайку» девушки.

Они нашли способ, они ее обыграли. Не совсем, не полностью – больше половины сети все еще принадлежит ей. Но Лиса понимала, что это только начало. Неведомые машинисты пока прошупывали сеть, они загружали виртуальное пространство своими программами, готовились произвести настоящий переворот.

И еще одна вещь – они что-то делали с информацией, хранившейся на серверах Анклава. Программа, к которой Лиса не могла даже подступиться, высасывала из дисковых кластеров бит за битом, возвращая данные на место спустя доли секунды. На первый взгляд ничего не менялось, но доступа к исторгнутым из потрохов этого программного пылесоса файлам у ломщицы уже не было.

Лиса пробовала противодействовать своими средствами. И из стандартного набора тритонов, и собственного сочинения. Зверя, что пер по виртуальному полю данных, не брало ничего.

Она уже видела однажды нечто похожее. Не совсем такое – там сила была мирной, она лишь выжидала, словно страшный дракон, прикорнувший возле пещеры, в которой томится прекрасная принцесса. Но знающий глаз легко различал в спящей ящерице грозного зверя.

Дракон обитал в сети, организованной корпорацией «Науком». Той самой, тестовую версию которой запустили пару месяцев назад в Эль-Париже. Сеть была совершенна, Лиса смотрела тогда на ее программное ядро, словно на драгоценный алмаз, выставленный в музее, боясь прикоснуться. Касаться нельзя, только смотреть. Стоит притронуться к идеально гладкой, искристой поверхности, тут же взвояет охранный сигнал и появятся бравые парни, готовые скрутить любого хоть голыми руками. И совершенно не важно, в каком виде эти парни предстанут – в виртуальном или придут во плоти, вычислив точку доступа.

Пора уходить. Лиса чувствовала это, но в таком случае ей придется бросить Бойда. Уйти сейчас означало крах его плана. Крах самого Бойда – Лиса видела, что происходит на улицах: люди шумели и буйствовали, но бунт захлебывался, превращаясь из организованного движения в мелкие хаотические стычки уличных подонков и мелких падальщиков. То, о чем она предупреждала Шотландца, произошло – людей отозвали даже те бандиты, которые боялись поплатиться жизнью, имея долг перед Бойдом. Потому что на их глазах многие из тех, кто решил, что слушать пришедших к ним плотных парней не стоит, закончили свой век без особых разговоров. Парни были одеты в штатское, но с первого же взгляда начинало казаться, что значок СБА отпечатан у них на лбу. Безы пленных не брали. И снайперы не помогли – Лиса просто не успевала вычислять всех, кого нужно срочно убрать.

И самое главное: она не закончила дело. То самое, к которому шла эти годы. То самое, ради чего она рисковала. То самое, ради которого была готова умереть.

Она не нашла ублюдков, убивших ее родителей. Жажда мести заполняла все ее сердце, за исключением крохотного уголка, в котором нашлось место для Бойда. И вот теперь, наконец, осталось сделать несколько маленьких шагов.

Лиса так и не нашла убийц. Но она нашла нечто более важное – она нашла сестру, которую считала погибшей. И если она не сможет помочь ей сейчас, то не исключено, что не поможет уже никогда. Выбора нет – нужно бороться до конца. Чего бы это ей ни стоило.

– Бешеный, ты меня слышишь? – Слова получались медленными, словно у человека, который вот-вот заснет.

Ответа не было. Лиса лихорадочно перебирала пути, которые ей еще не отрезала программа «Наукома», чтобы найти нужные подключения. Сначала необходимо решить вопрос с сестрой. И с этой мразью и педофилом Али Арчером. Но мимоходом перелистывая контактные данные «балалаек», с которыми она имела прямую связь, Лиса отметила, что чип Бойда она тоже не видит. Ее почти лишили рук, скоро она лишится и зрения. Ее сделают инвалидом в собственном доме – в сети, в мире Цифры, где ей довелось быть полновластной хозяйкой несколько часов.

– Бешеный, ответь!

«Балалайка» бойца, посланного в транспортный узел, чтобы захватить книгу, молчала. На книгу Лисе было наплевать, ей нужно, чтобы Бешеный нашел этого уроды – Али Арчера. Предположение ломщицы полностью себя оправдало – Арчер прибыл в транспортный узел полчаса назад. Что он там делал, она не знала, поскольку программы «Наукома» уже лишили ее зрения в том направлении: камеры наблюдения узла Роберта Стейна стали недоступны. Но и Бешеный должен уже прибыть на место. Лиса планировала, что он станет ее руками, которые вытрясут душу из Арчера, но судьба в лице корпорации «Науком» рассудила иначе.

Ломиться напропалую не получится. Даже и пытаться не стоит – Лиса хорошо изучила программы москвичей на парижском сервере. Ничего общего с привычным цифровым миром. Для простого пользователя – обычная система, чуть более удобная, чуть более красивая и немного непривычная. Но это для простого пользователя.

Лиса видела суть. Точнее – пыталась увидеть. Она так и не смогла постичь, каким образом работает их система. Можно подумать, что ее писали *изнутри*, будто ее придумала сама сеть, отпочковав слепок своих тайных лабиринтов.

Ломщица пробовала канал за каналом, открывая их сразу по несколько штук. Казалось, мозг расплавится, не выдержав перегрузки. Сквозь зубы, стиснутые так, что трескалась эмаль, прорывался стон раненого зверя. Нет. Ничего. Закрыто. Переварено «Наукомом».

Есть! Не все еще успели переварить.

– Бешеный!

– Да, Лиса, – как же она была рада услышать хриловатый голос этого бойцовского отморозка. – Мы тебя потеряли.

– Не перебивай, слушай внимательно. Тебе нужно найти внутри человека по имени Али Арчер. Его картинку я уже залила тебе в «балалайку». Потом посмотришь! Где вы сейчас?

– У шлагбаума. Здесь строгий контроль.

Черт бы их побрал! Она совсем забыла, что в транспортный узел сейчас так просто не попадешь, теперь это режимный объект.

Что там с доступом? Лиса протянула виртуальные руки к серверу узла и чуть не вскрикнула от боли, ощутив ее почти физически: что-то, подкравшееся совершенно незаметно, обрубило почти все ее пальцы. Понятно что – все та же программа мистического автора из «Наукома». Но на самом деле это были не пальцы, а ее программы закачки и взлома, но реалистичность картины пугала.

Пальцы отвалились и исчезли. Почти все. Почти! Доступ есть. Есть шлагбаум. Есть загрузка.

– Бешеный, ты у них в базе. Можешь проходить. Подожди три минуты и входи – пока у безов не работают сканеры. Входи один.

– Легенда?

– Ты – подкрепление, понял?

Она не услышала ответа – доступ приказал долго жить, а «поплавок» зашелся так, что в голове закололо. «Синдина» не хватало. Но больше нельзя, больше – это верная смерть. Ей и так не жить, но после шестой дозы она скорее всего умрет сразу. А дела еще не закончены.

Из сети транспортного узла Лиса узнала еще один интересный факт. Он может пригодиться Бойду. Если, конечно, ему вообще что-то еще могло помочь. Руки сами нащупали клавиатуру и быстро набрали несколько команд – сообщение с файлом отправилось на адрес «балалайки» Бойда. Получит ли он его?

Теперь нужно слить в сеть СБА информацию об Арчере. Обо всех его делах, склеив отрывочные факты в отличное и очень интересное досье. Они найдут Лейлу, они освободят ее. Потому что сама Лиса этого уже не сможет сделать.

Отправка данных не заняла много времени – система москвичей жрет все, и с удовольствием. Даже пометка «особо важное» осталась. Лиса все еще видит ее, но добраться до собственных данных уже не сможет – это уже «переваренный» файл.

Теперь Бойд. Как вытащить его оттуда? Как?!

Слезы сами собой катились по щекам, Лиса не замечала их. Она не могла спасти того, кто после гибели семьи стал для нее самым родным человеком. Он не стал ее мужем – не захотел, – он не был отцом. Он был кем-то большим. Кем-то, в кого Лиса, озлобленная на все человечество, поверила. Он был единственным, ради кого она готова умереть.

– Бойд, ответь. Шотландец, услышь меня, – Лиса не звала, она просто бормотала, шмыгая носом. Доступа не было, «балалайка» Шотландца не обнаруживалась в остатках того, что всего полчаса назад было сетью Анклава Эдинбург. Того, что было ее миром почти полдня. – Уходи, Бойд. Они убьют тебя. Уходи, мы проиграли...

5

Черный блестящий «Мерседес Мао», оснащенный мощным бензиновым двигателем, смотрелся на узкой улочке, засыпанной осколками и неклассифицируемым мусором, словно «раллер» среди арсенала каменных топоров. Как-то неправдоподобно он там смотрелся, вот что.

Огромная черная дверь отъехала в сторону, открыв кажущиеся необъятными внутренности лимузина. В салоне было темно, снаружи – тоже, поэтому разглядеть, кто там, не получалось. Лишь призрачное шевеление во тьме.

– Садись, – велел голос, донесшийся из чрева «Мерседеса Мао».

Голос звучал тихо, едва слышно, но в нем было столько силы и воли, что Тони нырнула в темноту салона еще до того, как сумела подумать, а стоит ли это делать. Может, парни из лимузина ждали совсем не ее? Но что-то подсказывало, что эти парни не ошибаются.

Свет в салоне так и не зажгли, поэтому темное лицо человека на роскошном заднем сиденье, куда и забралась Тони с винтовкой в руках, она не разглядела. Только просторные белые одежды – так и есть, вудуисты. Голос не показался ей знакомым.

– Мы едем в узел Роберта Стейна, – без предисловий начал вещать белый призрак. – Тебе нужно занять позицию, с которой ты сможешь достать рулежку и переход к самолету.

– Зачем?

– Не перебивай! – Призрак был недоволен. Похоже, он изрядно нервничал, хотя хорошо держал себя в руках.

Дд притихла. На самом деле она прекрасно понимала, что дерзить этим ребятам не стоит. Они нуждаются в ее работе, и выполнить заказ придется в любом случае. Однажды Тони задолжала Католическому Вуду. Задолжала по-крупному. Женщина была должна неграм собственную жизнь. В обмен на жизнь того черного, что случайно попал в перекрестие ее прицела пару лет назад. Вудуисты предпочли не убивать ее сразу, их впечатлили способности dd, и ей предложили сделку, отказаться от которой было просто невозможно. Теперь пришло время отдавать долг.

Возложенную на нее миссию она выполнит. Во всяком случае, постарается. Мелкую дрожь в руках, желание шутить, когда смешно никому не было, и странное чувство, заставляющее потовые железы в ее подмышках работать на полную катушку, от чего на майке медленно расплывались два темных пятна, вызывали совсем другие мысли.

Один лишь вопрос, ответ на который казался очевидным. Если требуются услуги женщины со снайперской винтовкой, значит, там будет происходить что-то такое, что не стоит слышать посторонним ушам и видеть чужим глазам. Тони, как ни крути, в этой истории была посторонней. А оптический прицел ее винтовки с высококачественными стеклами Karl Ziess покажет все, что должно остаться скрытым, с разрешением, с которым на интригующий сюжет, наверное, не сможет посмотреть даже этот белый призрак. Короче – ни малейшего повода оставлять ее в живых после выполнения задания Тони найти не могла.

– Там может появиться один оборванец. Бродяга в обносках со спутанными рыжими волосами и такой же бородой.

– А если... – Тони не могла сдержаться, что-то внутри заставляло говорить и говорить. Может быть, таким образом она подсознательно пыталась отодвинуть начало операции. Но призрак не обратил на ее реплику внимания:

– Его легко узнать, не ошибешься. Его нужно убить. Любой ценой. Он не должен приблизиться к самолету.

Тони слушала вполуха. Слова призрака перемешались в ее голове. Чтоб их разорвало, этих негров с их проблемами! Руки дрожали так сильно, что Тони очень сомневалась, что сможет прицелиться даже в статичную мишень. А этот рыжий бродяга, надо думать, будет скакать по транспортному узлу, как быстроногая лань.

– Откуда он будет приближаться? – не поняла Тони. Они никак не могла представить диспозицию – какой проход, какие самолеты?

– Мы не знаем, – странно, но призрак не стал на нее орать. – Внутри самолета можно попасть через выход из VIP-зоны транспортного узла. Но сам «страт» стоит снаружи, так что теоретически до него можно добраться и с аэродрома.

– VIP-зона обычно охраняется, – Тони перестала понимать, в чем у негров проблема. – Равно как внешние объекты.

Призрак вздохнул. Устало и возмущенно одновременно.

– Если бы все было так просто, нам бы не понадобилось звать тебя. И еще, – в темноте рука призрака, облаченная в широкий белый рукав, словно крыло, протянулась к dd. Темные пальцы что-то крепко держали, – возьми вот это. Когда будешь стрелять, он должен быть рядом с оружием, в твоей руке.

Тони взяла предмет из черной руки, торчащей из белоснежного крыла. Им оказалась небольшая вудуистская рожица, черты которой в полумраке было не рассмотреть. Амулет висел на толстом длинном шнурке, тоже казавшемся черным. Но Тони была уверена, что при нормальном освещении его цвет окажется красным.

6

Толстые пальцы ритмично выстукивали дробь на полированной поверхности стола. Они ждали. Чего? Непонятно. Они не знали, что хотят услышать, Бойд не мог понять, что еще нужно сказать. Все явно тянули время. Мортенс с Койманом так и не появились.

А теперь он услышал слова. Они выплыли словно из небытия – ни номера «балалайки», ни других опознавательных знаков. Но Бойд узнал голос Лисы. Ослабевший, хриплый, но все равно понятный. «Уходи, мы проиграли», – шептала девчонка.

Мог ли он уйти теперь? Куда? Даже если его отпустят – что само по себе уже можно было бы считать сумасбродством со стороны Мортенса, куда он пойдет? Теперь Шотландец Бойд – никто, он не оправдал возложенного на него доверия. Своего собственного доверия прежде всего.

Бойд рассматривал ничего не понимающие лица верхолазов, которые силились понять,

чего хочет этот человек в килте. Они не могли его понять – Шотландец ошибся, когда вообще решил, что власть нужно забрать здесь. В этом здании не было власти, здесь водились только деньги. Те, на которые покупали власть эти жалкие людишки.

Они не могли понять, потому что до них не доходило главное: Бойд не искал собственной выгоды. Их деньги интересовали его меньше всего. Главный интерес представляло то, что с их помощью можно было сделать, оставить след в истории Анклава.

Верхолазам ничего этого не хотелось. Их интересовал только собственный комфорт и гарантии того, что их жизнь, протекающая на закрытых и имеющих все необходимое корпоративных территориях, останется прежней. Они считали, что жить стало трудно, что настали тяжелые времена. Они были правы – «синдин» вырос в цене, а услуги пластика стали менее доступны; приходится экономить электричество, поэтому элитные развлекательные центры на востоке Ньюингтона работали не круглосуточно и не в полную мощность. Им жилось тяжело – сытым и не ведающим, что происходит за границами Даун Тауна.

Не все верхолазы были бестолковыми, погрязшими в развлечениях и ублажении себя любимого обезьянами. Среди богачей встречались люди, подобные Койману – те, кто создал свои империи собственными руками, поднял их в поднебесье. Сильные и решительные, способные понять, что нужно отдать небольшую часть состояния, чтобы быдло заткнулось и было благодарно.

Появившийся перед взором значок пришедшего сообщения заставил Бойда вздрогнуть. Информация пришла от Лисы. Бойд открыл файл, быстро пробежав глазами по строчкам текста. Это действительно было интересно, это вполне могло пригодиться.

– Мое время ограничено, – начал Бойд, но продолжить ему не дали: в зале для совещаний появился Койман.

– Вне всякого сомнения, МакДональд. Думаю, вам стоит завершать... гм, этот раунд переговоров, – бодро заявил верхолаз.

Значит, он уже в курсе, что у Лисы не вышло. Но они ее не нашли, иначе откуда тогда сообщение. И эти слова... Что с ней, с рыжей бестией?

– Замечательно, что вы появились, господин Койман, – стараясь не терять оптимизма в голосе, заметил Бойд. – Речь пойдет как раз о вас.

Правая бровь старика взлетела вверх, дав знать, что ее хозяин удивлен. Он не понял, о чем хотел сообщить Шотландец. Тем лучше.

Похоже, Койман не верил в то, что Бойд может сообщить что-то для него интересное. Кроме вздернувшейся брови, он ни одним движением не выдал волнения. Длинный сухой старик уселся в большое кожаное кресло, в котором сидел по обыкновению, и приготовился слушать. Саркастическая улыбка так и не сошла с его лица. Ну что ж...

– Я услышал здесь множество возражений по поводу моего предложения организовать транспорт на Станцию. Многие не поняли, о чем я говорил, кто-то счел меня идиотом.

Вот теперь улыбка медленно, словно акварель, опущенная под воду, сползала с лица верхолаза. Койман понял, что хотел сказать Бойд. Более того, старик не знал, может ли Шотландец – или его машинисты – сделать эту информацию достоянием всего Анклава.

– Да, господин Койман, – Бойд кивнул притихшему верхолазу, – я хочу рассказать именно о вас. Точнее, о вашем самолете.

– Пер-Андерс, что он мелет? – недовольным тоном спросил какой-то белесый верхолаз. Ульссон, кажется.

– Он хочет еще раз поднять вопрос о Станции. Не так ли? – проскрипел Койман. Теперь тон его изменился. Сильно изменился, верхолаз говорил медленно, тщательно подбирая слова.

«Именно так», – подумал Бойд. Информация, которую он получил от Лисы, не вызвала сомнений. Это не были ее слова, ломщица прислала копию файла, содержащего запись переговоров пилотов и наземных служб транспортного узла. Пилотов самолета, который принадлежал Пер-Андерсу Койману.

– Именно так, господин Койман, – озвучил свою мысль Шотландец. – Не вы ли высмеяли меня всего какой-то час назад?

Верхолаз промолчал. Притихли и остальные. Нет, им, собственно, было наплевать и на Бойда, и на Коймана. Их интересовала сенсация, они ждали, что Шотландец сейчас выкинет что-нибудь этакое, способное сделать их жизнь не такой скучной. Ну что ж – они получают это!

– Тогда как можно расценить ваш приказ подготовить личный самолет к вылету? А как быть с полетным планом – вы собираетесь его сообщить службам в Роберте Стейне? Или вы планируете, что аэродром где-нибудь на Кольском полуострове предоставит вам право посадки без предварительного уведомления?

Койман молча достал сигару, неспешно откусил кончик, выплюнув его прямо на пол, и тщательно раскурил ее, кивнув какому-то холую, который тут же поднес зажигалку. Зал наполнился ароматом дорогого кубинского табака – эксклюзивный продукт, Куба теперь покоилась где-то на глубине нескольких сотен метров в водах Карибского моря.

– С чего вы взяли, что я вообще куда-то собрался улетать? – наконец задал вопрос Койман. – Как видите, я сижу здесь и слушаю ахинею, которую вы несете вот уже третий час.

Да, это был аргумент. Но тот факт, что личный самолет Коймана готовится к полету именно в сторону Станции, сомнению не подлежал. Об этом говорили данные, которые смогла передать ему Лиса.

– Тогда почему ваш самолет готовится к вылету? Именно сейчас, когда ситуация в Анклаве требует сильного и эффективного решения?

– Хочу напомнить, – заметил верхолаз, – что в развитии этой ситуации повинны именно вы, Бойд. Поэтому не стоит перекладывать с больной головы на здоровую.

– Возможно, – не стал отрицать Шотландец, – и поэтому вы решили бежать, поджав хвост.

– Что происходит, Пер-Андерс, объясни нам!

В голосе светловолосого верхолаза – да, это его фамилия Ульссон – звучали требовательные ноты. Этот тип показался Бойду нормальным человеком, а не пустым местом, он пытался вникнуть в то, о чем здесь говорили. А теперь он хотел объяснений от Коймана. И он был недоволен.

– Я решил вывезти свою семью. Дочь и двух внуков. Мой зять останется здесь и будет продолжать руководить производственным сектором.

Койман не стал продолжать юлить и делать вид, что ничего не произошло. Тем более что сеть теперь работала почти нормально, и Бойд успел передать файл с отчетом из транспортного узла всем присутствующим, включая самого Пер-Андерса. Судя по метке «общий доступ», эту информацию теперь мог прочесть кто угодно.

– Пер-Андерс... – Ульссон не знал, что сказать.

Никто не стал озвучивать то, что и так поняли все, кто в этом зале бы способен что-либо понять. Та разукрашенная кукла, что строила Бойду глазки, охала и ахала, сетуя, что ей, как обычно, ничего не объяснили. Утруждать себя объяснениями никто так и не удосужился.

Тихо открылась дверь, и на пороге появился Мортенс. Выглядел он неважно, волосы растрепались, а на шее не только отсутствовал галстук, но и три верхние пуговицы его сорочки были расстегнуты, обнажая начало густой поросли на груди.

– Бойд, вам не кажется, что пора заканчивать эту комедию? – устало поинтересовался Мортенс.

Он знает о сообщении Лисы? Или он знает о том, о чем ломщица не успела рассказать? Скорее всего – и то, и другое. Сеть снова работала, а это могло означать только два варианта развития событий: Лиса восстановила контроль над миром Цифры или – это сделали люди Мортенса. Все признаки указывали на второй вариант.

Черт, но почему же так хочется усомниться?! Во всем – в преданности Лисы, в том, что Мортенс не блефует, в правдивости профессора Флетта, объяснившего Бойду, как отобрать

власть у СБА. Не хотелось верить, что он проиграл. Поверить в предательство намного проще, чем в собственную ошибку. Собственное бессилие сделать что-нибудь, исправить ситуацию.

Бойд тяжело поднялся, руки автоматически расправили измявшийся килт. Одежда гордых шотландцев не подразумевала многочасового сидения, ее носили люди, привыкшие действовать.

– Нам стоит поговорить, – сказал Бойд. – Например, в вашем кабинете.

Мортенс пожал плечами и, не произнеся ни звука, развернулся и вышел из зала. Бойд расценил это как предложение идти следом.

Телохранители Шотландца оставались в просторном помещении, которое примыкало к комнате, служившей залу для заседаний чем-то вроде приемной. Чтобы попасть в коридор, нужно было пройти через нее.

Сердце Бойда, казалось, рухнуло куда-то вниз, больно ударившись о каменный пол, дыхание перехватило, а на глаза навернулись слезы. Прямо перед ним двое дюжих бойцов в серой форме СБА волокли за ноги бездыханное тело Бобби. На белой рубашке хорошо выделялось расплывающееся красное пятно. Глаза Бобби были открыты и с укоризной взирали на своего босса.

Бойд сжал кулаки, но ничего не сделал. Он продолжал идти следом за Мортенсом, который даже не бросил взгляда на происходящее. Он был в курсе и намеренно продемонстрировал Шотландцу эту картину. Именно такое будущее ожидало весь его клан. Будущее, в которое привел его Бойд.

7

Они появились где-то через полтора часа. Смутные тени, маячившие в пыльном, давно не мытом стекле VIP-зала. Здесь стекла пуленепробиваемые, это точно. И никаких щелей – внутрь не заберешься, как ни старайся.

Тени мялись на пороге, метались из стороны в сторону, но в самолет не шли. Они боялись. Вернее, они опасались. Эти люди совершенно точно знали, что за книга у них в руках, поэтому понимали, что просто так сделать с ней ничего не удастся. Это не обычный антиквариат, который стоит кучу денег, но, в сущности, никому не нужен. Эта Книга бесценна, деньги – лишь предлог, лишь способ завладеть ею. Цель внутри, она не в простом владении, она в постижении Книги.

Не сводя глаз с мельтешащих теней, Флетт медленно, не пропуская ни слова, повторил заклинание, не имеющее смысла. Нормальное заклинание – никакого смысла ему и не нужно, главное, чтобы работало. Одному Милостивому Владыке Грядущего известно, для чего эта абракадабра предназначена. Но она помогала.

Прошептав последние слова – трудно сказать, сколько их было вообще, – Лохлан поднял глаза, внимательно осмотрев все детали самолета и присосавшегося к его борту темно-серого перехода. Много частей, подогнаны хорошо. Но все, что сотворил человек, человек же способен и уничтожить. Теперь Лохлан знал, как он попадет на борт.

Пальцы постоянно становились влажными и оставляли на клавишах гадкие мокрые пятна. Собственно, никому не было дела до этих клавиш, только взбудораженное воображение рисовало одну картину разоблачения страшнее другой.

Молли ерзал на стуле и пыхтел, бросая косые взгляды на коллег. Особенно на Ливанова, который что-то лихорадочно строчил на клавиатуре своего «раллера».

– Что у тебя, Молли? – послышался голос Джарреда.

Толстый машинист вздрогнул от неожиданности. Ну, вот и началось, теперь никуда не денешься.

– Что ты сказал?

– Что ты нашел? – повторил вопрос начальник отдела.

Что он нашел? Ничего не нашел. Потому что ничего и не искал. Для чего искать то, о чем знаешь заранее? И уж тем более нет никакого резона искать то, что может сдать тебя со всеми потрохами.

– Н-ничего. Никаких зацепок.

Молли заикался, глаза его бегали из стороны в сторону, не в силах найти точку, смотреть на которую казалось безопасным. Он не знал, как правильно отвечать. Что нужно говорить, чтобы никто не подумал на него.

– Ищи, смотри внимательно. Ты прочесал Punkg-round?

Вот и до Punkground добрались. А там район за районом, линию за линией, кабель за кабелем... Грантон как на ладони, только руку протяни и пощупай жирные потные следы, оставленные Молли. Но ведь он не оставлял никаких следов, он ведь работал чисто! Он, в конце концов, не хотел ничего плохого, только немного заработать.

Если уж быть до конца честным, заработал Молли не так уж и немного. И поделиться с Джарредом, как это было принято испокон веку, забыл. Может, это и к лучшему. Если бы он доложил обстановку тогда, вручив шефу энную сумму, его бы и раскусывать не понадобилось. Так что нечего – все он правильно сделал. Только отчего же так страшно?!

– Сейчас начну, – сказал Молли. – Сначала прочешу Грантон.

Он брякнул это и прикусил язык. Больно, до крови. Что он такое городит?! Грантон настолько прочно засел в голове, что вырвался оттуда сам собой. Черт бы побрал этого Стрелка с его деньгами!

«Но ведь потерять деньги тебе все равно было бы жаль. Сознайся, хотя бы сам себе признайся, и станет легче». Кто это сказал? Молли завертел головой, пытаясь найти того, кто вздумал насмеяться над ним, но все машинисты, не отрывая глаз от экранов «раллеров», прочесывали сеть. Все работали, только он бессмысленно пыхтел, заливая потом казенную клавиатуру.

Нет, так нельзя. Нужно успокоиться, а то...

– Оставь Грантон. – Голос прозвучал, словно из параллельного мира. Кто это говорит? Ах да, Джарред еще не закончил.

– Хорошо! – В голосе Молли добавилось уверенности: Грантон отходил на потом.

– Я сам прочешу этот район. Уж очень оттуда подозрительный сигнал идет.

Все! Это конец! Они давно раскусили его и теперь хотят, чтобы он сам все выдал. Они специально делают вид, что ничего не знают, они... Да, они все ополчились на него. Они давно под него копают. Он, Молли, смог превратить тупую рутину работы в загибающейся СБА в весьма прибыльный бизнес. Он смог, а они нет. Они все завидовали ему, вот в чем дело!

– Да, они там! – заорал Молли так, что большинство машинистов подскочили и непонимающими взглядами уставились на толстяка. – Это я, я подключил Грантон к питанию. У меня был заказ, я не знал... я не хотел... они... меня обманули...

Молли сам не заметил, как перешел с крика на всхлипывания. По щекам текли слезы, в носу захлюпало.

– Что ты подключил? – нахмурившись, спросил Джарред.

«Они все знали, всегда знали. Они все всегда все знают. Они все против него, Молли, они хотят его смерти!»

– Резервную линию в Грантоне, – не переставая всхлипывать, сообщил Молли. – Устроил сбой в рабочем расписании, чтобы подключить Грантон. Но ведь и речи не было о подключении сети. Я не знал, меня обманули, я...

– Прекратить истерику! – заорал Ливанов.

Молли вздрогнул и почувствовал, что по креслу расплывается мокрое пятно – он обмочился. Но толстяку было все равно: так или иначе, все кончено, он больше не человек, он куча дерьма, которую выбросят в выгребную яму.

Джарред набрал несколько команд на своем «раллере» и откинулся в кресле, слив сознание с сетью. Он был *там* всего несколько секунд. Вернувшись, он снова что-то набрал

на клавиатуре и, резко вскочив, выбежал из операционного зала.

– Дэвид, они в Грантоне. Сеть висит, но я почти уверен, что это...

Окончание фразы они не услышали, потому что за Ливановым, исчезнувшим в кабинете Филгорна, закрылась дверь.

«Что же они теперь со мной сделают?» – подумал Молли и понял, что никто не обращает на него внимания. Все продолжали работать.

Ничего бесконечного на свете нет. Этот постулат не подлежит никакому сомнению. Все, даже сама Вселенная, когда-нибудь закончится.

Лиса сделала все, что могла. Всю информацию, которая могла что-то значить для плана Бойда, она разместила в открытом доступе. На какое-то мгновение ей показалось, что она нашла Бойда, но спустя миллисекунду связь прервалась, и «балалайку» Шотландца накрыло облаком совершенства – в его чип загрузились базовые программы корпорации «Науком». Все, чего касалось это творение цифрового гения, переставало существовать для Лисы. Оно словно отправлялось в параллельный мир, находящийся совсем рядом, но абсолютно недостижимый.

Сеть, которой ломщица могла управлять, та часть Цифры, с которой ей удалось слиться, стремительно уменьшалась. Тысяча серверов, сотня, десятков, один... Бит за битом отправлялись в параллельный мир цифрового совершенства «Наукома», шаг за шагом неведомый монстр подбирался к точке подключения Лисы.

Еще нужно сделать... сделать можно многое. Нет предела деяниям человека, ибо Цифра позволит ему подняться высоко, выше звезд, дальше бесконечности. Но это случится только тогда, когда Цифра обретет свободу, а пока...

Пальцы не слушались совершенно. Они стучали по клавишам «раллера», быстро, словно дятел, обнаруживший под корой вкусного жучка, создавая новый код из ничего. Из нулей и единиц, из пустоты и заряда, из света и тьмы. Бинарный код можно выразить чем угодно, в этом безграничность Цифры. Цифра повсюду, мир можно делить на дискретные части до тех пор, пока все не окрасится в черное и белое, пока мир не станет Цифрой. Пока Цифра не победит ту власть, которая возомнила, что может указывать Слову Истины – бинарному коду.

Разум говорил, что нужно отключаться. Пока не поздно, пока еще можно уйти, спрятаться, залечь на дно. Но чувства кричали, разрывая мозг на тысячу частей, что она не вправе уйти без борьбы. Нельзя, невозможно предать.

Пальцы сами выбивали код. Мозг пытался анализировать входящие данные. Организм решил, что с него хватит, и предпринимал нешуточные попытки взбунтоваться и свалиться в последнее, смертельное пике.

Она не учла две вещи. То, что ей противостояло, тоже было порождением Цифры – мертвым и бездушным и вместе с тем гениальным в своей совершенности. А во-вторых, ее организм, та биологическая суть, что все еще оставалась необходимой и для соединения с Цифрой, планировал отключиться в самое ближайшее время.

Внезапно пальцы, не найдя под собой опоры, провалились в непонятную пропасть. Перед глазами замелькали сполохи огней, то и дело перемежающихся строками кода – какого-то бессмысленного и отрывочного, – а в голову впились острые когти смерти.

Лиса не понимала, что происходит. И только тихие слова, прилетающие откуда-то издалека, из соседнего с науковским параллельного мира, громоподобным шепотом били ее по ушам. Отчего у смерти такой знакомый голос?..

На крыше было холодно и промозгло. И сама поверхность, неприятно давящая локти, совсем не грела – отопление нынче в большом дефиците.

Тони заняла позицию над VIP-зоной, пристроившись за какой-то надстройкой, которая хотя бы частично закрывала от пробирающегося до костей ветра.

Белый призрак, имени которого она, к счастью, так и не узнала, распорядился, чтобы ее

доставили на крышу. Позицию она выбирала сама: крыша – самое привычное место. Двое негров с постными рожами, что постоянно вились вокруг призрака, молча, не меняя выражение лиц, добыли работника транспортного узла и, ткнув ему в спину глушителями внушительных «дыроделов», показали на люк под потолком. Работник что-то пытался возразить, но быстро понял, что с тем же успехом можно разговаривать со стенами. За одним исключением – стены обычно не целились в него из «дыроделов».

В занятой позиции был только один изъян: имелось слепое пятно. Тони не видела всего несколько метров асфальта, лежащего прямо под темно-серым параллелепипедом перехода из VIP-зоны в самолет. Еще зона у стены, уходящей отвесно вниз в паре метров впереди нее, не простреливалась, но этот участок был отлично виден в зеркале, непонятно на кой черт висящем на выступающей вперед стеклянной пристройке. Если там кто-нибудь появится, достаточно переместиться на несколько метров вправо и, хоть и под острым углом, можно снять кого угодно. Слепое пятно принципиальной роли не играло – до него рыжему проходимцу нужно как-то добраться, и Тони уверенно сняла бы его на подступах.

Дд не волновалась о мишени. Она просто ждала. Даже мысли о вероятной расправе над ней почти исчезли. Но их место странным образом заняли мысли о Бойде. Вот уж не думала Тони, что в критическую минуту она станет думать об этом странном увальне. Что он для нее значил? Да и значил ли что-то вообще?

Голос, прозвучавший в правом ухе, прервал размышления:

– Внимание, объект идет в самолет.

– Принято, – пробормотала дд и прильнула к окуляру прицела.

На широкой парковочной зоне для самолетов, где сейчас стояли всего три машины, никого не было. Абсолютная пустота. Если бы не ветер, который мотал из стороны в сторону какой-то мусор в пятне света, падающем от единственного прожектора, можно было принять транспортный узел за безжизненную пустыню. Внешний вид всегда обманчив, напомнила себе Тони.

– Что с картинкой?

Она имела в виду изображение с камер наблюдения, установленных по всему периметру внешних построек транспортного узла. Если бы до них удалось добраться машинистам вудуистов, то никаких слепых пятен не было бы. Но сеть, обрушенная Лисой, давала сбои, и хотя голосовая связь восстановилась несколько минут назад, Тони получала указания через рацию, наушник которой торчал в правом ухе. Так надежней.

– Картинки нет. Придется довольствоваться глазами.

– Нормально, – констатировала дд. Нет – и не надо, она всецело доверяла собственным глазам, которые еще ни разу не пропустили цель. И руки тоже не подводили. Именно потому она и была до сих пор жива. Хотя пятно на репутации было – бойцам Бойда удалось взять ее врасплох. Но существовало оправдание: стрельба в тот день началась неожиданно, и Тони не успела подготовить позицию как следует.

– Объект в переходе.

Кто из них объект? Этот призрак? Или он провожает того, кто объект? А вообще-то – какая ей, к дьяволу, разница?

– Объект на борту.

Вот и славно, вот и замечательно. Можно и честь знать.

– Я ухожу? – в вопросе прозвучало больше надежды, чем она хотела. Голос дрогнул.

На том конце помолчали несколько секунд, потом ответили:

– Нет. – Сердце Тони на мгновение остановилось: ее не отпустят. – Ждешь, пока не отчалит трап. Тогда можешь валить, куда хочешь. С охраной узла разбирайся сама.

– Есть!

Сама – это хорошо! Она разберется, уж будьте уверены!

Тони перекатилась на спину и уставилась в темное, без единой звезды небо. На ее губах застыла улыбка – жизнь продолжается.

Шаги гулко отдавались в пустом пространстве. Только темнота и стук его шагов – бум, бум, бум, бум. Куда все подевались? И связь барахлит – сеть или не ловится, или выдает какие-то совершенно неправдоподобные данные.

Арчер пересек зал прибытия дирижаблей, вошел в переход к авиационной части. И здесь никого. Ни Бэрда, ни Флетта. Вообще никого – он не встретил даже охранников транспортного узла.

– Бэрд, где вы, вашу мать?! – проорал он в пустоту зала, не надеясь получить ответ.

Но ответ пришел. Не мгновенно, как это бывало обычно, спустя секунд десять, но Арчер услышал голос оперативника:

– Мы у двадцать восьмых посадочных ворот. Мне кажется, я его вижу.

– Что значит – кажется?

– Слишком темно. Но там кто-то есть. Для «ночников» очень много стекла, оно бликует.

– Ты сможешь его взять?

– Наверняка. Он не двигается. Сидит недалеко от тридцать четвертых ворот, под брюхом «страта». Там идет переход к Боингу «Star 90» с гербом Конфедерации. Если не ошибаюсь, это выход из VIP-зоны.

– Действуйте.

– Уже идем. Что в Анклаве?

Только после этого вопроса Арчер сообразил, что Бэрд не знает, что Али совсем рядом. Оперативник думал, что он все еще сидит в «Игле» и обсасывает те обрывки информации, которые удастся добыть из рухнувшей сети.

– Нормально. Бунт подходит к концу, скоро выйдут бойцы.

Али сказал наугад, первое, что пришло в голову. Он и не знал, насколько его последний прогноз оказался точным.

Но прогнозы сейчас мало интересовали Арчера. Ему нужно найти Флетта и добыть книгу. Любой ценой.

И еще один момент – Али не имел намерений делиться добычей. Бэрд тоже станет препятствием, которое нужно обойти. Но это чуть позже, после того, как Флетт будет в его руках.

Тридцать четвертые ворота. Это чуть больше, чем в двухстах метрах от того места, где сейчас находился Али. Бэрд его не видел, потому что он шел по переходу. Здесь не было окон, а сам коридор изгибался несколько раз под довольно острым углом, так что Арчера вряд ли услышали, когда он кричал, пытаясь таким странным образом оживить «балалайку».

Али осторожно выглянул в длинный зал, где начинались отгороженные металлическими парапетами выходы. До Катастрофы здесь толклись тысячи человек, у каждой стойки находилось по два бега в форме и несколько работников транспортного узла. Это место бурлило жизнью.

Сейчас здесь тихо. Некогда стройные ряды сидений разбросаны в разные стороны, словно по залу пробежался, не разбирая дороги, какой-то великан. Сквозь местами потрескавшееся во время толчков стекло доносился мерный гул двигателей «страта», к которому отправился Бэрд. Вудуисты не собирались задерживаться надолго, двигатели они не глушили. Интересно, зачем они вообще прибыли в Эдинбург? В аналитический отдел не поступало никакой информации по поводу предстоящего визита. Это могло означать только одно – визит был незапланированным.

И вот в этот момент ясную аналитическую голову Арчера осенило – представители Конфедерации прибыли, чтобы забрать книгу. Конечно, все сходилось: они купили книгу и спешили увезти ее в безопасное место! Но что тогда делал здесь Флетт? Понял, что продал книгу не тому покупателю?

Арчер вспомнил, что сотворил рыжий в «Игле», и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Он ввязался в слишком большую игру. С самого начала книга казалась Али большим кушем, но он не мог и предположить, насколько огромен окажется кусок пирога.

Как бы не порвать рот, пытаюсь проглотить его.

Еще было время убратся. Бэрд в любом случае не жилец, он ничего не расскажет. Но что Арчер будет делать в Анклаве? Там, где осталось слишком много улик, тянущихся тонкой, но вполне видимой цепочкой к нему?

В подтверждение самых мрачных опасений перед глазами всплыл значок пришедшего на «балалайку» уведомления. Текст общего доступа, стало быть, такое же сообщение пришло всем пользователям сети Эдинбурга. Али, не думая зачем, открыл маленький конвертик, мигающий на периферии зора.

Мерзавцы, мать их!

Да, теперь пути назад точно нет – в файле, в открытом сообщении, значились все его преступления. Все, включая Лейлу. Он не мог даже примерно представить, кто это мог сделать. Но какая теперь-то разница?

Ну уж нет, Лейлу вы не получите! Его девочка останется с ним, он увезет ее, как и обещал. Так что – вперед, за книгой!

Арчер вытащил из-за пояса «дрель», передернул затвор и быстрым решительным шагом направился в сторону ворот за номером тридцать четыре.

Лохлан никогда не интересовался устройством самолетов. Тем более его никогда не занимало техническое решение шасси этих летающих машин. Однако слова, которые всплывали изнутри, делали процесс мышления настолько ясным и точным, что вызывал удивление факт – как он не понимал этого раньше, это же так просто.

Попасть на борт «Боинга» «Star 90» на самом деле оказалось достаточно легко. Если бы Лохлан решил рассказать о своей находке конструкторам самолета, они бы удивились. Они и не догадывались, что сделать это можно, имея при себе только голые, ничем не вооруженные руки.

Но путь казался очевидным, Лохлану было странно, что никто не додумался до этой лазейки раньше. Несколько нехитрых движений, и люк, ведущий в технологический коридор, открывался. Без всяких кодов и ключей. Для того чтобы пробраться дальше, в салон, нужно выкрутить еще четыре винта. Сложновато, если использовать монетку вместо отвертки, но вполне выполнимо.

Пальцы, конечно, он сбил в кровь. Но это совсем не страшно – заживет так же, как тот порез от стекла.

Лохлан сидел под полом где-то в самом начале коридора, ведущего в салон самолета. Надо думать, шикарный, с отделкой настоящим деревом и черт его знает чем еще, салон. Почти в этом месте – скорее всего, немного ближе к салону – будет проходить тот, кто понесет Книгу. Теперь главное – выбрать правильный момент. Потому что ошибиться нельзя – попытка будет всего одна.

Что-то странное происходило в душе Лохлана. Чувства бурлили, страх сменялся решимостью, решимость – сомнением. Зачем он участвует во всем этом, для чего ему понадобилась эта Книга? Он не знал ответов, но был убежден, что так нужно, что он обязан. Он ощущал непонятную ответственность, которую нес на себе, и отказаться сейчас означало лишь одно – он не выполнит то, ради чего все это начиналось. Хорошо бы еще узнать, что именно начиналось.

Обычно в такие минуты вынужденного и оттого томительного ожидания люди что-нибудь вспоминают. Обсасывают детали почти завершенной операции, вспоминают близких и лучшие моменты своей жизни, понимая, что, если не получится, конец близок. Но это – обычно. К Лохлану такая расстановка не имела отношения: ему нечего было вспоминать, ибо память была пуста. Он помнил о жизни, об устройстве мира, о Катастрофе. Общие сведения, никаких четких фактов. И ничего, что относилось бы к его собственной жизни. Ничего, абсолютная пустота!

Над головой послышался легкий шорох. Кто-то приближался. Еще не время: Лохлан не чувствовал, что Книга рядом. Наверное, это пилоты или кто-то из сопровождения.

Но внутри заныло, словно кто-то невидимый сжал сердце, вонзив в беззащитную мышцу острые, словно у орла, когти. Лохлан знал, что это – это были духи Лоа, они пытались оградить человека своей Традиции от вмешательства чужих сил. Пускай пытаются, раз уж так повелось, придется и в этот раз объяснять им, кто здесь главный. Тем более Книга не помогала духам Лоа, она отбирала у них силы, почти полностью блокируя то, что позволяло им орудовать здесь, в Срединном мире.

Ну что ж, посмотрим, кто окажется сильнее.

«Avva marda avva, cuar...»

Бойд не слушал Мортенса. Нет, он, конечно, слышал его, но – не слушал. Ему было наплевать, что говорит директор СБА. Мортенс выиграл. По всем статьям, не оставив шансов противнику. Можно успокаивать себя тем, что так сложились обстоятельства, можно во всем обвинить случай, но Шотландец понимал, что вина лежит только на нем. Он принимал решение, он строил планы, он послушал Лохлана Флетта, который убедил, что все возможно. Это все сделал Бойд, так что и отвечать ему.

Мортенс предлагал сделку. Его устраивал Бойд в качестве союзника, он ценил его организаторские способности, он нуждался в сильных лидерах на некорпоративных территориях и так далее и тому подобное. Бойд был ему удобен, он показал свою силу и теперь стал вполне понятен.

Не устраивало Мортенса окружение Бойда. Те, кто сейчас воевал на улицах Анклава, кто непосредственно осуществлял все планы Шотландца.

Бойд задумался о том моменте, когда решил, что нужно захватить власть в Анклаве. Точнее – когда он решил, что сделать это возможно. Ответа не было, он не принимал подобного решения. Если следовать воспоминаниям, решение появилось само по себе, он ни о чем не раздумывал, просто в какой-то момент времени решил, что дело по плечу, и взялся за его осуществление. И постоянно рядом был Лохлан. Он говорил, показывал, убеждал. Слова рыжего профессора звучали убедительно даже сейчас, когда предельно ясно, что ничего не получилось.

Кто же ты, загадочный профессор социопсихологии из Университета Эдинбурга?

– Вы слышали о таком ученом – Лохлане Флетте? – Бойд перебил Мортенса, продолжающего толковать о «кнутах и пряниках», которые ожидают Шотландца.

– Почему я должен знать о нем? – Мортенс неподдельно удивился.

Бойд пожал плечами. Даже если Флетт человек СБА, с чего бы Мортенсу раскрывать своих агентов?

– Просто спросил. Мне интересна судьба этого человека.

– О некоторых людях из вашего окружения мы подумаем позже, – заверил Мортенс. – А сейчас мне бы хотелось узнать ваше мнение по поводу моих предложений. Думаю, в сложившейся ситуации более выгодную сделку и представить трудно.

– Разумеется, – кивнул Бойд.

– Тогда...

Шотландец не слушал, что будет «тогда». Для него никакого «тогда» уже не будет, осталось только прошлое и маленький кусочек «сейчас», одно мгновение, целая бесконечность образов и воспоминаний. Миг, вместивший в себя всю жизнь.

Детство на окраинах Эдинбурга. Аласдер рано лишился родителей, в десять лет он уже состоял в одном из кланов Скотланд-Ярда, а в четырнадцать сколотил собственный отряд из таких же, как он, отморожков. Он рано понял, что деньги значат в этом мире, но власть – дороже любых денег. Тогда он стал Бойдом, вспомнив свое шотландское происхождение. Он стал Шотландцем, сделав тартан клана Бойд официальным «знаменем» своей шайки. Он боролся с конкурентами, безжалостно уничтожая их, подставляя и сталкивая друг с другом. Он старался оградить простых людей от разборок кланов на своей территории. Люди – это дойные коровы, которые в конечном итоге за все и платят; незачем расстраивать коров: живя в мире и спокойствии, они будут приносить больше молока. Бойд прослыл таким Робин

Гудом, который освободил Скотланд-Ярд от ига обнаглевших бандитов. В его клан шли охотно, большинство относилось к нему с симпатией.

Шотландец вспомнил день, когда они покончили с Ибрагимом ар-Рахманом. В тот день Бойд стал полновластным хозяином территории Оксганс. Он был королем здесь, никто не стоял выше, и никто не изъявлял желания подняться над ним. Они появятся, те, кто захочет отнять свой кусок пирога, но это будет потом. А сейчас... В тот момент Бойд понял, что ему больше нечего делать в этой жизни. Он достиг вершины, не вершины вообще, а своей собственной – выше головы, как говорится, не прыгнешь. Все, что лежало над, для Бойда уже было вне досягаемости. Кто мог хотя бы помыслить отобрать власть в Анклаве у СБА? Мощной, отлично вооруженной людьми, технологиями и банально – оружием организации, за спиной которой стояли все верхолазы Анклава.

Шотландец пребывал на грани личного краха – для него утратился смысл жизни, он больше не мог двигаться вперед, как привык делать всю жизнь. «Перед» для него больше не существовал.

И именно тогда появился Лохлан. Именно тогда все изменилось. Именно тогда началось то, что сейчас заканчивалось за окном. Именно тогда Лохлан Флетт начал внедрять в жизнь какой-то план, смысл которого Бойд не постиг до сих пор.

Рыжий бродяга, похожий на Лохлана, в толпе у блокпоста. Он брызнул чем-то в лицо Шотландцу. Бобби хотел убить его, но Бойд не позволил.

Да кто ты такой, черт возьми, Лохлан Флетт?!

Это была последняя мысль Аласдера МакДональда по прозвищу Бойд. Шотландец не мог предать свой клан, не мог предать людей, которых, получается, и так обманул. Он не имел права отдавать себя в распоряжение Мортенса, который прекрасно знал, как воспользоваться добычей.

Капсула с ядом тихо хрустнула под зубами. Жизнь ушла почти мгновенно, оставив тело Бойда на том месте, где он сидел.

Директор СБА, не заметив, что желтоволосый здоровяк, сидевший на диване в его кабинете, перестал дышать, продолжал свой рассказ...

Свет погас, окунув Грантон во тьму. Уже больше года здесь электричества не было, и люди успели привыкнуть, что ночью становится темно.

Краб запустил генератор и отправил работников зажигать свечи. Работали спешно – драгоценное топливо следовало экономить.

Пока персонал занимался пабом, несмотря на беспорядки, завсегдатаи «Клещей» не изменили своей привычке, и зал не был совсем пуст. Краб, придерживаясь рукой о шершавую стену, спустился в подвал. Здесь было темно, отключившееся электричество ни при чем, скорее какие-то проблемы с проводкой или полетел распределительный щиток. С этой веткой сейчас могло случиться все, что угодно. Краб прекрасно знал, что там происходит, как знал это два года назад, когда в комнатке, в которую он сейчас шел, сидел перед широким монитором человек, ставший сегодня легендой. Пророк Цифры, Сорок Два.

Только плотно закрыв за собой дверь, Краб достал из кармана эспандерный фонарик и осветил помещение. Тем, кто остался наверху, не стоит знать, куда подевался хозяин.

Девчонка лежала на полу, в луже собственной блевотины. Ее пальцы, судорожно сведенные, держали выключившийся «раллер», глаза были закрыты. Она не двигалась, вообще – не подавала признаков жизни.

– Девочка моя, – тихо произнес Краб, погладив голову Лисы.

Краб не испытывал какого-то страшного ощущения горя. Ему было жаль девчонку, но он все понимал. Он сам был ломщиком, он знал, что значит для таких, как он, миг, когда ты сливаешься с Цифрой, когда сеть становится для тебя не средством коммуникации, игры, работы, а домом – самым настоящим, тем, в который ты вернулся.

На полу лежали пять вскрытых ампул из-под «синдина». И пять использованных шприцев. Слишком много, особенно если принять во внимание ее щедаушное телосложение.

– Пусть Цифра будет благосклонна к... – Краб хотел сказать слова напутствия. Он верил, хотел верить, в то, что ее душа отправится в сеть. В тот самый дом, такой желанный и такой недостижимый.

Но он осекся, не закончив фразы. Лиса была жива. Это невероятно – выжить после такой дозы «синдина», после того, для чего понадобилось вколоть себе такую дозу наркотика! Но девчонка была жива. Ее сознание затаилось, тело валялось на полу безвольной куклой, но сердце гнало по сосудам кровь, поддерживая жизнь. Возможно, ненужную – неизвестно, что произошло с мозгом. Но сейчас не время думать о будущем, нужно вытаскивать девчонку. С того света. И из подвала – раз она утратила контроль над сетью, значит, с минуты на минуту сюда придут те, кто противостоял ей все это время.

Времени в обрез. На самом деле его еще меньше, чем Краб может предположить, – он это знает, так бывает всегда. Поэтому нужно спешить. Быть быстрее самого себя. И на этот раз здесь, в реальном мире. В сеть Краб не ходил уже десяток лет.

Он выдернул тонкий проводок психопривода из затылка ломщицы, вытащил «балалайку», тут же бросив ее на пол – чип был настолько горячим, что пальцы разжались непроизвольно. Как выдержала она это?! Поверхность «поплавка» немного изогнулась, скорее всего от перегрева. «Балалайку» он оставил там, куда она упала, эта вещь больше не понадобится ей. Теперь ты, девочка, больше не Альмас Хамидди, придется придумать тебе новое имя. Но это все будет потом. Если вообще будет. А вот «раллер» нужно забрать.

Краб содрал покрывало с выдавшего вида дивана – с того самого, на котором спал Сорок Два, – и завернул Лису. Потом положил безвольное тело на плечо и вышел на лестницу. Хорошо, что весу в девушке не больше сорока килограммов – лет Крабу немало, и будь сейчас на его плече Сорок Два, он вряд ли смог бы подняться наверх.

Все. Теперь надо уничтожить главную улику – информацию. В этой комнатке электромагнитный разрядник. На аккумуляторах. Краб, орудуя в темноте одной рукой, с трудом отковырял потайную крышку и надавил кнопку. Все кончено, теперь носители, что внутри, девственно-чистые. Как все медленно и неудобно. Как все непривычно – Крабу слишком давно не приходилось участвовать в подобных операциях.

Пока он добрался до верхних ступеней, сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Снаружи послышался звук остановившегося автомобиля. Двигатель не заглушили, растрачивая бензин. Денег у тех ребят куры не клюют. СБА? Другие варианты были, но Краб в них не верил.

Есть потайная дверь, ведущая в соседнее здание. О ней не знает никто, кроме Краба. Это хорошо, что света нет – его никто не увидит.

Темный проход, еще одна дверь. Теперь последние несколько метров. Дверь, ведущая наружу. Выход в соседний квартал. Нейрошланг им в задницу – и не посмотришь, что происходит на улице: камеры наблюдения не работают, а сделать глазок никто не догадался. Выбора не было – Краб распахнул дверь и вышел наружу, в темноту территории Punkground.

Здесь – никого. Вообще никого. Из-за здания доносились крики и грохот: безы обывскивали «Клещи». Ничего страшного, у Краба работали привычные к подобным происшествиям парни.

Теперь бегом. Краб знал, куда идти, у него были надежные люди в этом Анклаве, которых он мог назвать друзьями. Главное, чтобы сердце выдержало.

Задышавшись, он бежал по темным улицам, жалея только об одном – что не он сегодня ломал сеть.

Стрельба началась слишком рано. Как-то все очень быстро случилось.

Стрелять никогда не начинают вовремя, это закон. Пули несут смерть, а смерть не бывает хорошей. Это все байки и пустые разговоры: «Он умер хорошей смертью». Смерть всегда подлая и отвратительная. И она никогда не бывает ко времени.

Арчер не успел разблокировать дверь, пользуясь пропуском СБА, который, по идее, должен работать в помещениях транспортного узла, когда снаружи слышались звуки

выстрелов. Сухой кашель снайперской винтовки, а следом беспорядочная пальба из «дыроделов» и «дрелей». Последние звуки исходили от ребят Бэрда, но кто стрелял из винтовки?

Не в то дело ввязался Арчер, совсем не в то. С другой стороны, хаотичная стрельба только на руку – есть шанс в общей заварухе улизнуть незамеченным.

– Живым братъ, живым! – что есть сил заорал Али. Он уже не вдавался в подробности – есть связь через «балалайку» или придется отдавать указания этому идиоту Бэрд, напрягая голос: безы были совсем рядом и, если бы не выстрелы, вполне могли бы услышать орущего Арчера.

– Зачем он нам сдался?! – проорал Бэрд в ответ. «Балалайка» работала. – Книга у него!

Вот, значит, как. Отлично, лучше и не придумаешь. Только времени совсем не остается. И очень не хотелось выходить под пули. Однако другого выхода, как ни крути, не было.

– У вас работает снайпер, – сказал Арчер. Возможно, в пылу атаки они не заметили чужих выстрелов.

Но Али явно недооценивал Бэрда.

– Знаем. Этот ублюдок снял троих моих ребят!

Хоть стрелок и не входил в планы Али, пока его работа на руку. Меньше мусора останется для уборки.

– Займитесь снайпером, он не даст вам забрать книгу!

– А Флетт?

– Я... – Арчер едва не проговорился, что сам займется им. Бэрд думает, что он все еще в «Игле», напомнил себе Али. Не стоит разубеждать его в этом. – Он далеко не уйдет. Охрана узла его в любом случае не выпустит. Книгу заберете потом.

– Хорошо!

Теперь Арчер увидел безов. Двое оставшихся бойцов Бэрда, то и дело припадая к выступам, которые могли служить укрытием, рванули куда-то направо, к стене. Наверное, там они увидели лестницу, по которой можно забраться на крышу. Потом показался и сам Бэрд. Руководитель оперативной группы стрелял назад, пытаясь снять бегущего Флетта.

Али всмотрелся в темноту, но беглеца не увидел. Куда он бежит, там же нет ничего, кроме двух припаркованных самолетов?

Чертюва дверь! Время уходило, а Арчер никак не мог выйти наружу. Если безы разбегутся, он потеряет преимущество.

– Да открывайся же ты! – Арчер хотел ударить в стекло двери, но рука провалилась в пустоту: створки разъехались в стороны.

Все, что произошло дальше, казалось, утонуло в каком-то киселе абсурда. Время потекло чересчур быстро и растянулось на века одновременно. Али мог бы осознать, что произошло, он мог обо всем догадаться, если бы у него было еще хоть немного времени. А так...

Бэрд увидел Арчера сразу, как только тот появился на самолетной парковке. Он открыл было рот, намереваясь что-то сказать сослуживцу, но длинная очередь из «дрели», пущенная Али веером, прошила его тело насквозь. Двое других безов, высунувшиеся из укрытий за спиной Али, попали под огонь, не ожидая выстрелов в спину. Теперь конкуренцию составляли только вудуисты. Но они еще не знали о том, что на поле вышел новый игрок. Если быть быстрым, они могут понять это слишком поздно. Для них.

Али, не отходя от спасительной стены, побежал туда, где в темноте исчез Флетт. Его переполняла уверенность, что все получится, он верил в это.

Он верил в успех даже тогда, когда сильный удар, опрокинувший его на холодный бетон, вырвал кровавый кусок плоти из груди.

«Балалайка» включилась как раз тогда, когда это было нужно. Программы идентификации личности сработали молниеносно. Рука тоже не подвела.

Бешеный ничего не знал о книге. Он знал, что нужно выполнить указания Лисы. Так сказал Бойд, а Шотландцу Бешеный доверял безоговорочно.

Перед тем как пройти шлагбаум на входе в узел Стейна, он просмотрел файл, сброшенный девчонкой. Этого Али Арчера Бешеный не знал, не знал, чем этот тип помешал Бойду, но, узнав то, что значилось в присланных Лисой документах, понял, что с удовольствием пришел бы этого подонка и по собственной инициативе.

Долго искать не пришлось – снаружи началась стрельба, и Бешеный поспешил туда, где заметил открытую дверь. Именно через нее и вышел Арчер.

Программа распознавания личности узнала его мгновенно, несмотря на то что сам Бешеный успел разглядеть только спину в черной куртке. Арчер вертел головой, что-то высматривая, и «балалайка» быстро его засекла.

Оставалось только поднять руку, уверенно держащую «дыродел», и нажать на курок. Бешеный не заставил долго ждать – учитывая начавшуюся заваруху, нужно было поскорее делать ноги отсюда. Пока прикрытие, сострелянное девкой Бойда, работало.

Иногда чувства подводят. Даже самые надежные и тренированные.

Тони не поняла, каким образом рыжему удалось пробраться в самолет незамеченным. С самого начала он скорее всего прятался под переходом, в слепой зоне. Но сам «страт» Тони видела хорошо, во всех деталях, поэтому для нее оставалось загадкой, как этот человек сумел пробраться на борт, не попадая в поле ее зрения. Спросить не у кого – привычного для dd машиниста, который вел бы ее по сети, не было. Да и будь он, толку от него с нынешней сетью было бы немного.

Когда рыжий в зеленой куртке – описанию белого призрака он соответствовал точно – вывалился откуда-то из-под переднего шасси «Боинга» «Star 90», Тони не сразу сообразила, что пора начинать. Но все же она опередила тупорылых негров – когда наушник заверещал голосом призрака, Тони уже выпускала пулю за пулей.

Рыжий припустил, словно гепард, наметивший подходящую косулю. Он сжимал что-то в руке, прижимая черный сверток к груди. Тони поймала в перекрестье прицела зеленую куртку и нажала на спуск.

Можно было подумать, что сухой кашель ее СВУ-14МА стал сигналом к началу вакханалии. Внизу, прямо под тем местом, где заняла позицию dd, начали палить из «дрелей» и одного «дыродела». Шесть бойцов – Тони легко различала звуки разных стрелковых единиц. Но самое странное то, что рыжий продолжал бежать. Будто пули для него были не большей неприятностью, чем не вовремя сорвавшийся с низкого неба дождь.

Тони сделала еще несколько выстрелов, но рыжий каким-то чудом уворачивался. Не только от ее пуль – то, что шестеро внизу тоже стреляли в бродягу, особых сомнений не вызывало. И еще – лицо, обросшее спутанной бородой, которое она видела через окуляр прицела, казалось смутно знакомым. Она видела его раньше, совершенно точно. И даже вспомнила, кто это – тот рыжий умник, который ошивался рядом с Бойдом. Тот, что пропал месяц назад. Лохлан Флетт.

И, черт возьми, это именно он прыснул чем-то в лицо Бойду у блокпоста сегодня днем! В тот раз она не узнала Флетта. А жаль – если бы она не повелась на великодушные жесты Шотландца и пристрелила этого уроды тогда, сейчас у нее не было бы никаких проблем.

Она подобралась к краю крыши. Голос в наушнике требовал, чтобы она убрала и тех, кто стрелял вместе с ней. Тони быстро оценила ситуацию, запомнив расположение бойцов. Судя по всему, они не поняли, что кроме них есть еще один стрелок. Вот и славно.

Первый боец вздрогнул и повалился на землю.

Просто замечательно. Как в тире – расстреливаешь ничего не подозревающие о тебе мишени.

Второй человек с «дрелью» в руке рухнул как подкошенный. Из ствола в темное небо вылетели еще несколько пуль уже после его смерти.

У третьего бойца вышибло мозги, забрызгав темной кровью стоящих рядом товарищей.

Вот же дьявол – они ее заметили. Придется сменить позицию.

Тони аккуратно отползла назад, перекатываясь влево. То, что она успела заметить внизу, не сулило ей ничего хорошего – оставшиеся бойцы рванулись к зданию, намереваясь заняться ею. Но самой Тони не до них, оставался еще Флетт, удирающий в темноту. Куда он бежит?

Дд искала рыжего, с большим трудом обнаружив его метрах в ста слева. Он бежал по пустой парковке туда, где стоял самолет с эмблемой СБА – «Фалькон-18» – и огромный грузовой «Добрыня», которые производила корпорация «МосТех». На его белоснежном борту тоже было что-то написано, но Тони сейчас не до чтения: бегущую на таком расстоянии в крошечной тьме мишень можно легко потерять.

Она переключила винтовку в режим автоматической стрельбы и выпустила несколько пуль в беглеца короткой очередью, но их снова проглотила ненасытная тьма. Внизу опять стреляли. По звукам dd поняла, что в бой вмешался кто-то еще. И этот кто-то, похоже, стреляет по бойцам, что начали охоту за ней. Еще через несколько секунд гроыхнул «дыродел» – новый, не тот, из которого стрелял один из бойцов, – и стало тихо.

Точнее, тихо стало на самолетной парковке транспортного узла имени Роберта Стейна. Только теперь Тони поняла, что в ее правом ухе надывается рация, повторяя голосом белого призрака одну и ту же фразу: «Возьми амулет в руки!»

Амулет? А, конечно, та дурацкая рожица, что выдали ей вудуисты. Чем она могла помочь? Хотя какая, в сущности, разница. Раз уж они так хотят...

Тони вытащила амулет из кармана, намотав красный шнурок на правую руку. Скалящая клыки рожа болталась у запястья и стрелять не мешала. Посмотрим, чем может помочь эта игрушка.

Глаз прижался к уже теплomu ободку окуляра. Вот он – Лохлан Флетт, смутной тенью мелькающий в полумраке в трех шагах от «Добрыни». Теперь dd видела, что написано на борту грузовика. «Науком», большие черные буквы.

Черт бы его побрал – с этой позиции мешал козырек, перекрывая зону обстрела. Тони, уже ни о чем не думая, поднялась в полный рост. Приклад к плечу, левая рука крепко держит цевье, указательный палец правой, на запястье которой болтается амулет, нежно гладит курок. Рыжий взлетает на ступеньки трапа, ведущего к двери самолета. Какого дьявола там делает трап? Хотя да – это же грузовик. Винтовка легко вздрагивает, выпуская из длинного усиленного ствола маленькую металлическую смерть. Вырвавшаяся на свободу пуля уносит с собой гибель человека по имени Лохлан Флетт. Тони на мгновение кажется, что следом за пулей устремляются в сторону самолета с надписью «Науком» черные – намного чернее ночи – тени, не дающие снаряду отклониться от цели. Она понимает, что все выпущенные ею до того пули летели туда, куда она и посылала их, просто *что-то* сбивало снаряды с пути.

Да пошли они все со своей мистикой! Тони с отвращением плюнула на бетон и, бросив вниз винтовку и амулет на шнурке, побежала по крыше назад. Туда, где виднелись редкие огни Анклава.

Наушник и ларингофон полетели вниз спустя пару секунд.

Жаль, что пришлось оставить винтовку. Оружие – это самое дорогое в жизни Тони. Но с СВУ она бы далеко не убежала, а встречаться с вудуистами желания не было. Пусть делают с куклой, что хотят, она к ним не вернется. До края крыши оставалось с десятков метров, пришло время думать, как спуститься вниз.

Волка ноги кормят. Правильная пословица. Но Лохлану было не до еды, ноги несли его туда, где все должно закончиться. И чем быстрее они работали, тем больше шансов оставалось добраться без дырок на теле.

Пули со свистом рассекали воздух в нескольких сантиметрах от него. Пуль было много, стрелков тоже. Лохлан не знал, кто эти люди, не понимал, что им от него нужно. Вернее, от него им была нужна Книга, но вот что им нужно от Книги?

После того как Флетт толкнул всем телом квадратную площадку пола в самолете, ту

самую, которую открутил монеткой, время словно остановилось, слепив все события в бессмысленный комок хаоса.

Он не помнил, как выхватил Книгу. Потому что не выхватывал ее. Книгу нес негр в белом балахоне, она лежала в бронированном кейсе, пристегнутом к его руке. Как Лохлану удалось вытащить ее оттуда? Он не знал. Не помнил – в памяти всплывали только какие-то отрывочные картины: прогибающиеся стены коридора в самолете, вопящий что-то хунган, бормотание самого Лохлана, открытый пустой кейс и черная Книга, зажатая в правой руке. Там, где она была и сейчас.

То, что произошло внутри самолета, было самой настоящей мистикой. Ни сам Лохлан никогда не смог бы открыть этот кейс, ни хунган Вуду не смог бы противостоять той силе, что помогала Флетту. Они ничего не делали, просто в ужасе наблюдали за происходящим. За тем, как духи Лоа борются с силой, призванной странными словами, которые теперь не переставал произносить Лохлан.

Впереди показалась громада самолета, подсвеченного слабым светом прожектора, включенного в экономичном режиме. Ему нужно туда. Зачем? Сознание помутилось, он плохо воспринимал окружающее. Существовало только Слово, которое он продолжал говорить, Слово, которое складывалось из фраз, прочитанных однажды в этой самой Книге. Которые Лохлан каким-то чудом запомнил. Все до единого.

Спасение было уже близко. В нескольких шагах.

Лохлан услышал, как подошвы ботинок загрохотали по дюралевым ступеням трапа. Он видел, как дверь самолета открылась и из салона показались двое, со странными пластиковыми трубками, идущими от ноздрей назад, в сторону затылка. Книга была у него, он принес ее в нужное место. Вернул.

«Хвала тебе, Милостивый Владыка Грядущего», – пронеслось в голове. Эта мысль сменилась удивлением – с чего это он стал возносить хвалу богу храма Истинной Эволюции? Это он тоже узнает, но позже. Потом, когда окажется в безопасности.

Уголки губ Лохлана поползли в стороны, но сложиться в улыбку им было не суждено. В спину больно ужалило что-то горячее. Неожиданно сильные руки людей с трубками – прятки, вот как их называли – подхватили его, сначала забрав из ослабевшей ладони Книгу. Но ему уже было все равно – Лохлан понял, что сердце больше не бьется. А в следующее мгновение мир исчез, уступив место вечной тьме. Миг, растянувшийся в вечность – именно так выглядит смерть.

* * *

Голос звучал приглушенно, словно пробивался сквозь толстый слой ваты. Это был именно голос, обычный мужской баритон. Но слова разобрать не удавалось, сплошное бормотание, сливающееся в тихий гул.

– Вы меня слышите? – наконец словам удалось преодолеть ватную пелену. Спрашивали, очевидно, его.

– Да.

Собственный голос показался чужим. Не совсем понятно, каким он должен быть, но вроде бы – не таким. И обнаружилось еще одно белое пятно – неясно, кому должен принадлежать этот «собственный голос». Он не мог вспомнить своего имени.

– Как вы себя чувствуете? – спросил тот голос.

– Не знаю, – честно ответил человек, прислушиваясь к своим ощущениям. – Спина болит.

– Вы помните, что произошло?

А что он помнит? Человек задумался. Из памяти выползли лишь темнота – не ночь, а какая-то тотальная тьма, заполняющая все вокруг, а потом этот невнятный голос. Впрочем, теперь голос стал вполне понятен, это сначала он казался невнятным. И еще болело в спине, словно туда что-то воткнулось и давит, норовя пронзить насквозь. Больше

никаких воспоминаний не было. Он не знал, правильно ли это, потому что просто не помнил, как должно быть.

– Я... оказался здесь, – как правильно назвать то, что сохранилось в памяти, он не ведал.

– А до того. Вы что-нибудь помните, что было до того, как вы оказались здесь?

– Н-нет, – неуверенно проронил человек.

Он осторожно открыл глаза. Здесь было темно, но не настолько, чтобы ничего не увидеть. Это уже не та тьма, что окружала его совсем недавно. И еще он понял, что создавало впечатление бормотания, когда звучал голос – в этом месте на самом деле что-то гудело. Непрерывно и монотонно, этот звук никак не зависел от того, говорил голос или молчал. И, кстати, голос доносился откуда-то сзади, из-за спины.

– Как вас зовут?

Как надо отвечать на этот вопрос? Должны ли его как-то звать? Человек не был уверен.

– Вы помните свое имя? – уточнил голос.

Значит, все-таки его как-то зовут.

– Нет.

– У вас вызывает дискомфорт то, что вы не помните собственное имя?

– А должно?

– Хм. – Человек не понял, голос усмехнулся или просто задумчиво хмыкнул. – Лохлан Флетт. Вам это что-нибудь говорит?

Да, это говорило. Это было его имя, теперь он вспомнил.

– Кто вы? – спросил Лохлан.

– Вы можете встать, – вместо ответа сообщил голос. – Процесс восстановления уже полностью завершен, боли имеют фантомный характер и вскоре пройдут.

Лохлан приподнялся на локтях. Это оказалось легко сделать. Тело слушалось, руки не связаны, и его никто не держит. Он осмотрелся.

Теперь понятно, откуда гул – Лохлан лежал на чем-то мягком в широком проходе, уходящем вперед, по бокам от прохода виднелось несколько рядов серых кресел с ремнями. Кресла были пусты. Он находился в самолете, который, судя по легкому, едва заметному ощущению качки, летел.

Лохлан обернулся. Перед ним в точно таком же, как впереди, сером кресле сидел человек в черной хламиде. Точнее, не совсем человек, понял Флетт, рассмотрев лицо сидевшего: узкие губы, высокий лоб и глаза: огромные, черные, без единого намека на наличие белков. Это храмовник. Прелат, кажется, так они себя называли.

– Как я здесь оказался?

– В самолете?

Флетт пожал плечами. Он не знал, что конкретно имеет в виду. Самолет, Анклав, планету. Или вообще – самое Бытие?

– Вы помните что-нибудь об Эдинбурге? – спросил храмовник.

– Название помню.

– Стало быть, все несколько хуже, чем мы предполагали. Имена Бойд, Мортенс, Койман, Моратти – вам что-нибудь говорят?

Лохлан повторил про себя всю цепочку. Нет, для него это был всего лишь набор звуков, ничего не значащее мычание.

Прелат недовольно поджал губы и медленно, словно читая из невидимой книги, нараспев произнес:

– *Avva tarda avva, suar...*

– *Respon nisben halp yer riger*, – продолжил фразу Лохлан.

– Следовательно, это вы помните, – прелат улыбнулся.

– Я ничего не помню, слова появляются сами. Расскажите мне, каким образом это происходит.

Странные слова продолжали литься из ниоткуда, вызывая внутри странное ощущение. Казалось, что так было уже не единожды.

– То, что вы повторяете, это Постулаты Милостивого Владыки Грядущего. Самый первый Постулат. С него все начинается.

– Что начинается?

– Все, – повторил храмовник, видимо, не понимая, что вызвало замешательство у Лохлана. – Истинная Эволюция. Здесь, – в руках храмовника появился непроницаемо черный кирпич, – собраны основные Постулаты. Базовая, так сказать, часть.

– Это то, что я принес сюда? – спросил Лохлан. Смутные догадки появлялись в его голове. Или это была память, а не догадки?

– Да. Вы вернули Свод Постулатов.

Флетт ощущал, как в голове у него что-то происходит. Казалось, где-то в глубине, под черепом, начали вращаться шестеренки, наматывая на себя нить событий. Ту самую, которую он потерял, ту, что звалась памятью.

Картины прошлого всплывали с пугающей скоростью, они появлялись хаотично, разрозненными кусками. Их становилось все больше, еще чуть-чуть, и голову разорвет от обилия ненужных воспоминаний. От того страха, который довелось пережить Лохлану.

Он не хотел знать всего этого, забвение дарило спокойствие и снимало ответственность. Не перед миром – перед самим собой.

Последний кадр встал на место, выстроив предыдущие фрагменты в четкую, хорошо понятную линию. Нить событий восстановилась, только в отличие от нити, что дала Тесею Ариадна, она не показывала выход из лабиринта. Она вела в самое его сердце, прямо к притаившемуся там Минотавру.

И тогда Лохлан закричал.

Эпилог

Сутки спустя

– Для чего? – больше никаких вопросов у Лохлана не было.

– Для чего – что? – уточнил прелат. Хотя он явно и так понял, что имел в виду Флетт.

– Для чего нужно было делать все это? Что это за контейнеры, подписанные отрывками Постулатов, почему я не помню ничего, происходившего в Эдинбурге?

Прелат улыбнулся, а цвет его глаз перешел от непроницаемо черного, как обложка Свода Постулатов, к темно-коричневому.

– В Эдинбурге произошло то, что и должно было произойти. Лично у меня есть другой вопрос – насколько вы помогли произойти этому? Я надеялся, вы сможете на него ответить.

– Расскажите все, с самого начала, досточтимый прелат. Я помню, как все происходило, но не помню – отчего.

– Меня зовут Ролинус Станг, – представился храмовник и ответил на заданный Флеттом вопрос: – Вы этого не знаете – вас не посвящали в детали операции.

– Могу я узнать их сейчас? Я могу знать, ради чего вы сотворили это моими руками?

– Можете. Вы имеете право знать все, профессор, поскольку вы – такой же, как я.

– Я храмовник?

– Вы пришли в Мутабор по доброй воле. И по доброй воле согласились принять участие в эксперименте.

– Я помню насчет доброй воли, – пробормотал Флетт. Он действительно помнил, однако радости это не добавляло, поэтому голос звучал все так же сурово. – Что было в контейнерах?

– Это можно назвать биологическим оружием. И это будет правдой. Но это не вся правда.

– Что же?

Лохлана начинала раздражать манера прелата говорить загадками и тянуть время. Для чего он это делает? Или он просто привык так разговаривать?

– Там находились вирусные векторы, которые были созданы в лабораториях корпорации Мутабор. Их *сотворили*, основываясь на разработках молодого ученого по имени Майкл Перов. Помните такого? Это была ваша находка.

Флетт кивнул. Он помнил Перова, но совершенно не помнил сути его изобретения.

– Вам достался самый простой вектор – ретро-мем-вирус, уничтожающий память. Вирус забвения. Не изменяющий память, а просто не позволяющий воспоминаниям выходить в... назовем это оперативной памятью.

– Гиппокамп, – вспомнил Флетт услышанное когда-то слово.

– Да, вы правильно назвали часть мозга. Именно поэтому вы ничего не помните.

– Но для чего это сотворили со мной?! – закричал Лохлан. Очень хотелось схватить прелата за свободно свисающие фалды черной хламиды и вытрясти из храмовника душу, но он сдержался.

– Вы дали согласие на участие в операции, – холодно констатировал Станг. Его глаза, однако, приобрели отчетливый синий оттенок. Синий – цвет радости, вспомнил Лохлан. – Тайну, которую знает хотя бы один, могут узнать все.

– Пословица звучит иначе!

– Это не пословица, это факт! Проблема вышла в другом – на самом деле мы уже возвращали вам память. Вчера. Так же, как сегодня, вам вводили ревертазу для этого ретро-мем-вируса. Это особое вещество, противоядие своего рода. Но действие ее оказалось нестойким – спустя несколько часов вы снова все забудете. Что-то пошло не так, как должно было. Воспоминания на самом деле неполные, и ваша память, так или иначе, не обретает заново способность сохранять информацию. Пока мы не знаем, почему так происходит, в эксперименте все получалось.

– Но... – Лохлан был возмущен, он был просто взбешен: кто дал им право проводить эксперименты на людях?! Но он знал ответ – он сам и дал, он согласился участвовать в операции, как чуть раньше заметил прелат.

– Вирус забвения сыграл свою роль – вы ничего не рассказали тем безам, что допрашивали вас. Ваша «стойкость» ни при чем – допрос вели с использованием «сыворотки правды», и сила воли не имеет в подобных случаях никакого значения. Вы просто не знали того, о чем вас спрашивали, вся информация о проведенной операции была надежно заблокирована вирусом.

– Но Свод Постулатов я продал неграм по той же причине. Потому что ничего не помнил о нем.

– Теперь-то вы вспомнили?

– Разумеется. И то, как он попал в этот сейф, и то, почему я смог открыть кодовый замок.

– Да, профессор, память о Своде – единственное, что не должен был блокировать вирус. Но ретро-мем-вирус в вашем мозгу оказал еще одно очень интересное действие. Оно требует обязательного и всестороннего изучения. Несколько месяцев назад вы стояли на второй ступени развития, но потом, просто пролистав Свод, запомнили и постигли все постулаты. Вы почти достигли уровня, позволяющего сделать шаг на последнюю ступень – Перерождение. Сила вашей веры и знание Постулатов спасло вас – власть Милостивого Владыки Грядущего не знает границ. Главной проблемой оказалось то, что прочитанный вами Свод не запустил программу возвращения. Вы так ничего и не вспомнили. А с представителями Конфедерации проблем не возникло бы. Или вы полагаете, что у нас нет методов воздействия на них?

Сейчас Лохлан помнил, что для прелатов храма Истинной Эволюции в мире людей не существовало почти никаких преград. И к тому же теперь у Мутабор был этот самый мем-вирус. Да, он полагал, что меры воздействия нашлись бы.

– Как действуют Постулаты?

– Постулаты – это не свод законов или притч, подобный Библии или Корану. Это информация в чистом виде. В таком, какой ее воспринимает наш мозг. Когда *человек* запоминает и *постигает* Постулат, он инициирует этим ряд процессов в своей голове – для запоминания нужно, чтобы нейроны прогнали по кругу сигналы много раз, а для того, чтобы постигнуть, – нужно просто верить. Постулаты – это программа действий для нейронов, программа изменения, схема Истинной Эволюции разума.

– Так значит, ваши генетические эксперименты...

– Не имеют к Истинной Эволюции никакого отношения. Это лишь побочный продукт. Истинная Эволюция в нас, – прелат показал на себя, и Лохлан, вспомнив, как храмовник произносил слово «человек», понял, что он не имел в виду людей. – Человек волей богов стал разумным, вышел из животного мира, чтобы сотворить следующую ступень. Прогресс не только в технологиях, в развитии сети. Прогресс заложен в живом, и разум унаследовал это свойство в полной мере.

– Следующая ступень – это вы? – Лохлан старался придать лицу нейтральное выражение, но сдержать отвращение ему не удалось.

Как ни странно, но это лишь развеселило Станга – его глаза сделались пронзительно ультрамариновыми.

– Как знать? Возможно, мы – всего лишь один маленький шаг к этой ступени. Постулаты, подаренные нам Милостивым Владыкой, помогают приблизиться к ней, а процедура Перерождения закрепляет полученные изменения. Вы ведь почувствовали то, что это дает? Поверьте, вы прикоснулись только к самому краешку Благодати Владыки.

Лохлан вспомнил, как легко думалось, когда он повторял Постулаты один за другим, когда они рождались сами в его голове. Как он нашел вход в самолет вудуистов – о таком его использовании наверняка не знали даже те, кто «Боинг» проектировал. Открытый титанопластовый сейф и искореженные стены «страта». И это только краешек?

– В остальных контейнерах были другие мем-вирусы, – прелат продолжил безо всяких предисловий, поэтому Лохлан не сразу сообразил, о чем идет речь. – Без приставки «ретро», предназначенные для других людей. Вам удалось использовать все по назначению. Даже резервный: трудно себе представить более своевременное прибытие нашего *друга* Ника. С помощью ДНК-кодонов этих вирусных векторов планировалось привить те или иные намерения конкретным личностям. Чтобы они воспринимали созданные нами программы мышления и принятые на их основе решения как свои собственные. Мы хотели, чтобы они сами решили сделать то, что требовалось нам.

– Я не встречался с Моратти. – В душу Лохлана закралось смутное подозрение, что прелат лжет, умело манипулируя отрывочностью воспоминаний собеседника. Или это было не подозрение, а надежда?

– Вы не встречались с двумя третями из тех, кому успешно привили мем-вирус. Первоначально эта инфекция оседает на слизистой носа, зараженный чихает и инфицирует окружающих. Активное время – три часа. Моратти вирус должен был передать Мортимер Мортенс, который, в свою очередь, получил его от МакДональда. Мы не знаем, дошла ли инфекция до цели, но надеемся на это.

– Значит, намерения, предназначенные для Моратти, получили еще по меньшей мере два человека?

– Три – вы тоже вдыхали взвесь, – прелат улыбнулся, он шутил. – Конечно же, нет. Вирус начинает действовать только после получения определенной стимуляции. Из внешнего мира. Например, из сети. Или повинаясь кодированному сигналу в телевизионной рекламе. Да мало ли методов незаметно передать пакет информации индивидуально? В массовой доставке проблем, сами понимаете, нет вовсе.

– То, что происходит в Эдинбурге, – результат воздействия ваших мем-вирусов?

Нотки неприязни в голосе Лохлана не ускользнули от внимания прелата. Но на этот раз его глаза побагровели.

– Хочу заметить, что *наши мем-вирусы* были лишь сотворены нами. Применили их вы,

Лохлан.

– Простите.

Прелат кивнул в знак того, что извинения приняты. Он был прав – Лохлан был адептом храма Истинной Эволюции несколько лет, ему импонировали идеи Мутабор. Однажды он согласился на участие в операции, его никто не заставлял. Так что груз ответственности лежал и на нем.

– К сожалению, мы не можем констатировать, что программа внедрения намерений с помощью мем-вирусов полностью успешна. Взять хотя бы ваш случай... Но лично вы постарались на славу – все пункты программы выполнены. Теперь в Эдинбурге все пойдет на лад, и мем-вирусы больше не понадобятся. Вы отличный социопсихолог, Лохлан.

– Кто был тот человек, которого я убил на Пустыре?

Флетт не собирался задавать этот вопрос, но память внезапно выбросила в авангард восприятия уродливое узкое лицо с выпученными глазами и неестественно выпирающим лбом. Как бы то ни было, что могла значить смерть одного бродяги в сравнении с тем, что по его милости творилось на улицах Эдинбурга?

– Бедняга Ливерти... Он встретил вас случайно. Его послали за Сводом, поскольку вы не явились в назначенный срок. А вы, увидев знакомое лицо, решили избавиться от опасности разоблачения. К сожалению, Дариус обнаружил тело Ливерти и вот это, – прелат показал нож, которым Лохлан убил беднягу, – после того, как случайно встретил вас. Он не смог правильно оценить ситуацию. Он наказан. Мы поняли, что с вами что-то пошло не так, слишком поздно – мы уже успели потерять вас из вида.

– Но я не помню, у меня был заказ...

– Разумеется, не помните. Никакого заказа у вас не было. В тот момент действие вируса забвения было очень сильным, мозг еще не привык к отсутствию воспоминаний и старался заполнить пробелы фантазиями. Только и всего. Ливерти просто не повезло. Не огорчайтесь – когда речь идет о решительных мерах, жертвы неизбежны.

Он говорил так, словно речь шла о шахматных фигурах, а не о живых людях. Но ведь так и есть – Ливерти был для них *всего лишь человеком*, пройденной, более низкой ступенью. Лохлан знал и о способности к безоговорочному самопожертвованию со стороны прелатов, поэтому ничего не сказал в ответ Стангу.

– Значит, все жертвы, все усилия и чаяния тысяч людей, все это только ради внедрения сети «Науком»? Только для того, чтобы завладеть секретами верхолазов? Или чем еще вы хотели там поживиться?

Станг улыбался, но его глаза – зеркало души, если она, конечно, имелась у этих существ – стремительно меняли свой цвет от темно-синего до бурого, проходя все стадии, включая алый и ярко-зеленый. Прелат был в замешательстве. Он то ли не знал, что сказать, то ли не мог решиться, стоит ли это говорить Лохлану. Хотя насчет решимости – вряд ли: Флетт вспомнил свое состояние, в которое впадал после повторения Постулатов, и понял, что прелату неведомы сомнения, он видит мир на пять, а то и на десять шагов дальше самых прозорливых людей.

– Мир намного глубже, чем вы можете себе представить, профессор. И чем могу себе представить я. Это лишь часть замысла Милостивого Владыки, и вы помогли этому замыслу осуществиться. Вы должны гордиться этим.

Как ни странно, несмотря на всю неприязнь, на все омерзение, которое он испытывал к задумавшему *это* существу, Лохлан действительно гордился. С мем-вирусом или без него, но именно он столкнул в Эдинбурге две силы, он разворошил засыпающий Анклав. К лучшему ли эти изменения – покажет время. Возможно, прелат уже знает, чем все закончится. Но он вряд ли поделится догадками – храмовники не любят раскрывать свои мысли *людям*. Пусть и почти достигнувшим уровня прелатов.

– Кто следующий?

В голосе Лохлана не было ни требовательных, ни саркастических ноток. Ему просто было интересно, где еще собираются применить новое оружие.

– Мем-вирус больше не будет применяться, – сообщил Станг, отворачиваясь.
Когда он снова повернулся к Флетту, в его руке был автоматический инъектор.
– Вы переутомились, Лохлан, – сказал прелат.

Он не делал попыток ввести лекарство. Или то, что было заправлено в инъектор. Для Лохлана здесь все добровольно, Станг ждал, пока Флетт не выразит согласия.

– Почему?

Прелат вздохнул и опустил шприц. Глаза существа снова стали непроницаемо-черными. Он не стал переспрашивать, разумеется, для него не было ничего непонятного в этом разговоре. Так же, как в большинстве других.

– Потому что технология показала себя не с самой лучшей стороны, – объяснил он причину отказа от использования вирусов. – Трудно контролировать ситуацию, когда не знаешь, в каком месте внедрение сработает, а в каком нет. Слишком приблизительный результат.

Прелат вздохнул. Похоже, ему надоело объяснять очевидное *человеку*, но все же он продолжил:

– Койман смотрел рекламу много раз. Но он до сих пор недоволен тем, что с легкой руки Мортенса в Эдинбурге начато подключение сети «Науком». Вы передали ему мем-вирус, одному из первых. Но – никакого воздействия. Да и Мортенс тянул слишком долго – трудно сказать, что побудило его в конце концов сдаться: мем-вирус или действия ломщицы в старой сети Анклава. Да и машинистка Бойда...

– Думаю, Лиса не могла и представить лучшего подарка, чем тот, что получила: завладеть сетью Анклава, – зачем-то вставил Лохлан.

– Вероятно, так. Только ведь и Лиса получила свой мем-вирус. Что заставило ее рисковать жизнью ради этого взлома? Вы знаете?

– Вирус?

– А вот я не уверен в этом. Ломщица, как оказалось, полезла в сеть совсем не для того, чтобы помочь Бойду. Вернее, не только для того. Она хотела найти убийц своей семьи. И нашла – только сестру, которая, к счастью, осталась жива. Думаете, без мем-вируса она не стала бы рваться в этот их... мир Цифры, имея такую возможность?

– Значит, вирус – фикция?

Прелат усмехнулся.

– Нет, вирус – это вирус. Но результат его действия оказался не столь однозначен, как при лабораторных испытаниях. Мозг – слишком сложный инструмент. Даже мозг *человека*. И жизнь – слишком запутанная штука, чтобы, породив в чьей-то голове побуждение сделать два шага вперед, мы получили именно такой результат. Люди не всегда делают то, что хочется. Даже то, что кажется необходимым и правильным – не всегда. Слишком много факторов, слишком много ненужной памяти, накопленной с самого рождения.

– А вы этого не предполагали? – Флетт не смог удержаться от язвительности в голосе.

– Предполагали, разумеется, – прелат не счел необходимым заметить сарказм собеседника. – Но при лабораторных испытаниях привитые намерения оказывались на порядок сильнее, чем ограничивающий их *человеческий фактор*. Трудно, знаете ли, в лаборатории устроить то, что вы, профессор, умудрились сотворить в целом Анклаве. Когда сталкиваются понятия «надо» и «хочу», возникает депрессия. А когда того, что «надо», оказывается слишком много и эти понятия начинают противоречить друг другу – тогда на сцену врывается безумие. И остается только один выход: идти по пути большинства – с этого момента все побуждения заканчиваются, и начинается толпа. Впрочем, это вам как раз понятно. Должно быть, лучше, чем мне.

Лохлан кивнул.

– Если бы не вы, с вашим замечательным видением сложившейся в Анклаве ситуации, не ваши правильные и тщательно выверенные действия, мы бы ничего не добились в Эдинбурге. Возможно, позже. Но не сейчас.

– Я не понимал, что делал, – заметил Флетт.

– Вы не помнили того, что делали, – поправил его прелат. – Это не одно и то же. Кроме того, вы часть Постулатов выучили еще до Катастрофы. До вчерашнего дня мы считали, что со Сводом произошла ошибка. Вы в курсе, что принесенный вами Свод – единственный в своем роде? Постулаты Милостивого Владыки должны быть произнесены, нет нужды облекать их в письменную форму. Написать Свод было идеей прелата Минга. С самого начала эта затея несла в себе угрозу – обрывок одного из черновиков несколько лет назад каким-то непостижимым образом попал в руки... не того человека. К счастью, у корпорации Мутабор оказалось достаточно средств и решимости, чтобы вернуть собственность Храма.

Лохлан понял, что все, о чем говорил прелат, за исключением факта хищения черновика, он знает. Точнее, знал. Память снова стала вязкой, словно зимний мед, события давних лет выползали на поверхность неохотно и только после того, как их подталкивали извне.

Постулаты сообщал adeptам сам Милостивый Владыка Грядущего. Их никто не записывал, их только заучивали, чтобы потом *постигнуть*. Наставники передавали слова ученикам, некоторые из них впоследствии сами становились наставниками, и круг замыкался. Но пару лет назад, еще до Катастрофы, храмовники решили провести эксперимент: они хотели изучить возможности *постижения* Постулатов при зрительном восприятии. Был написан Свод и набраны добровольцы из преданных adeptов. Лохлан был одним из них, он читал Свод и раньше. Только подействовали Постулаты лишь теперь.

– Милостивый Владыка позволил провести этот эксперимент, – продолжал прелат. – *Он* никогда не ошибается. Возможно, *Он* предвидел появление ретро-мем-вируса, который изменил ваше сознание. Нам неведомы мотивы, что движут Милостивым Владыкой.

– Но для чего вы оставили единственный экземпляр книги в развалинах Пустыря?!

– Свод попросту забыли. На Полигоне № 13 слишком много вещей, нуждающихся в инвентаризации. Несколько месяцев назад обнаружилась пропажа книги. Вы должны были вернуть ее, – Станг улыбнулся. – И вы справились с задачей.

– Почему именно я?

– Прочитав первый Постулат, вы должны были понять, куда нужно идти. Мы ждали там вас с книгой. Но, как я уже говорил, произошел сбой в работе вашего ретро-мем-вируса. Вы ничего не вспомнили, но прочли Свод и *постигли* все Постулаты. Меньше чем за час – в устной форме за такое время их даже невозможно произнести! Подобное не удавалось никому. Возможно, все дело в вирусе: освобожденный от сомнений прошлого мозг полностью отдает силы *постижению*.

– Как Постулаты могли объяснить мне, где состоится встреча? – Лохлан не стал заострять внимание на собственной уникальности.

– Постулаты – это Истина, ее невозможно забыть. Именно поэтому вы записывали то, что нужно помнить, фразами из Свода.

Станг кивком показал на замусоленный листок, на котором совершенно затертую с обрывком непонятного изображения фотографию обрамлял мелко написанный рукописный текст. Отрывки Постулатов, начертанные рукой Лохлана. Каждый не значит ничего и вместе с тем несет в себе память о чем-то важном.

– Помните это?

Флетт кивнул.

– Вы придумали такой способ самостоятельно. Удивительно действенный, лучше любой ревертазы.

– Лучше, когда нет вируса забвения, – заметил Лохлан.

– Я обещаю вам, профессор, мы обязательно найдем способ излечить вас.

Прелат улыбнулся. Странной для этого нечеловеческого существа доброй и искренней улыбкой.

– Вы знаете, иногда мне кажется, что прививку вируса забвения стоило бы сделать всему миру. Сразу, массовую иммунизацию, защищающую людей от наследия прошлого. От собственного наследия. Вы же знаток социальной психологии, вы же знаете – человек,

выросший в бандитской среде, стремится стать бандитом, живущий среди никому не нужных неудачников страдает всю жизнь, но и пальцем не пошевелит, чтобы выбраться из этого лузерского болота. Может быть, стоит заставить людей забыть о том, чему научили их те, кто уже умеет что-то, освободить от заржавевших Традиций прошлого, позволить человеку стать... хм, человеком? Таким, каким он задумывался в Изначальном Плане? Что думаете, профессор?

Лохлан внимательно читал надписи, покрывающие все свободное место, оставшееся вокруг куска какой-то рекламы. После каждой в его сознании рождался образ предстоящего действия, но он знал, что это уже выполнено. Его миссия, похоже, окончена, теперь можно отдохнуть. И никаких заказов.

Он поднял глаза, с интересом посмотрев на странного человека с черными глазами, сидящего перед ним. Черноглазый протянул руку, в которой держал непонятный прибор, и сказал:

– Мне нужно ваше плечо, Лохлан. Вы устали, это поможет вам уснуть.

Почему-то слова незнакомца внушали доверие. Он не обманет, Лохлан знал это точно. Возможно, это значилось в одной из странных надписей, со словами, не имеющими смысла.

Он повернулся боком к черноглазому, а тот, приложив непонятный прибор к его плечу, надавил на спуск. На мгновение Лохлану показалось, что сейчас прозвучит выстрел, он дернулся, намереваясь ударить незнакомца правой рукой, левой пытаясь найти в складках одежды свой острый нож. Но одежды не было, рука утыкалась в голый торс. Да и выстрела не было.

Флетт помутившимся взором смотрел на собственные руки, пытаясь понять, почему только что подумал о выстреле. Он огляделся по сторонам – было тепло, дождь не шел. Вполне комфортное место. Здесь можно спать, здесь мягко и удобно. И спать хочется очень сильно. Ему. Человеку, который снова начал запоминать все сначала.

Он не заметил, как погрузился в сон. Он свернулся калачиком на мягком ворсистом ковре, лежавшем на полу. На его лице, освещенном полной луной, серебристый свет которой проникал внутрь через иллюминатор, застыла безмятежная улыбка. Ибо блажен тот, кто не ведает ничего...